

Роман Янушкявичюс
Ольга Янушкявичене

Лауреат V конкурса
«Просвещение через книгу»
в номинации
«ЛУЧШЕЕ УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ»

ОСНОВЫ ПРАВСТВЕННОСТИ

*беседы по этике
для старшеклассников*

«ПРО-ПРЕСС»

РОМАН ЯНУШКЯВИЧЮС, ОЛЬГА ЯНУШКЯВИЧЕНЕ

ОСНОВЫ

НРАВСТВЕННОСТИ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ И СТУДЕНТОВ

Издание 10-е, исправленное

МОСКВА
ПРО-ПРЕСС
2019

УДК 373.167.1:17
ББК87.7я721

По благословению
Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II

Рецензенты: протоиерей Владимир Воробьев — д-р богословия; иерей Борис Левшенко — д-р исторических наук; Т.И. Петракова — д-р педагогических наук; О.В. Долженко — д-р философских наук; Т.А. Шурупова — учитель общеобразовательной школы, отличник просвещения России, победитель конкурса авторских программ; Е.Н. Егорова — преподаватель Православного Свято-Тихоновского Богословского института.

Книга — лауреат Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» в номинации «Лучшее учебное издание». Конкурс был организован Издательским советом РПЦ при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям РФ.

*Рекомендовано к публикации Издательским Советом РПЦ
№ ИС13–319–2486*

О 75 Основы нравственности: Учебное пособие для школьников и студентов. / Авторы-составители: Янушкявичюс Р.В., Янушкявичене О.Л. — 10-е изд. — М.: «ПРО-ПРЕСС», 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-89510-039-4

Яркая, интересная и, несомненно, полезная книга предлагает читателю задуматься над вопросами смысла жизни и нравственного выбора, встать на путь укрепления и развития в себе истинных добродетелей. Книга включает в себя художественные тексты мировой классической литературы, размышления философов, ученых, священнослужителей о жизни и смерти, душе и теле, монашестве и семье, религии и философии, о новизне и традициях в искусстве.

Пособие прошло успешную апробацию в российских школах.

Первое издание книги осуществлено на средства Фонда открытой Литвы.

На обложке книги — святой источник поселка Малинники близ Сергиева Посада, где молился преподобный Сергей Радонежский и где по сей день происходит множество исцелений.

В оформлении книги использованы иллюстрации С. Красаускаса, протоиерея Г. Иванова, фотохудожников Л. Ивановой, Е. Кассина, В. Машатина.

ISBN 978-5-89510-039-4

© Р. Янушкявичюс, О. Янушкявичене, 1997

© Издательство «ПРО-ПРЕСС», 2019

Автобиографическая справка

Роман Янушкявичюс родился в 1953 г. в Вильнюсе. Окончил Вильнюсский университет, стажировался в Москве, в Математическом институте им. В.А. Стеклова, где написал кандидатскую диссертацию по математике. В 1993 году защитил докторскую диссертацию, опубликованную в качестве монографии. Профессор, долгое время работал заведующим кафедрой Вильнюсского педагогического университета. Автор и составитель первых в постсоветской период православных просветительских книг-календарей, изданных Вильнюсским Свято-Духовым монастырем в формате учебника, причем первый из таких книг-календарей в 1991 году был переиздан в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Активный участник процесса возврата национализированных зданий Православной Церкви в Литве. Патриарх Алексей II во время визита в Вильнюс 25–27 июля 1997 года лично вручил Р. Янушкявичюсу орден святого Даниила Московского III степени за усердные труды во благо Православия в Литве в деле возрождения духовности. В апреле 2018 года после молебна в память преставления святителя Тихона был награжден юбилейной медалью Патриарха Кирилла.

Ольга Янушкявичене родилась в 1955 г. в Красноярске. Окончила в 1977 г. Московский физико-технический институт, в 2000 г. — Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Доктор педагогических наук, доктор математических наук, работала профессором Вильнюсского педагогического университета, преподавателем христианской этики и Закона Божьего в светской школе с 1 по 11 класс, девятнадцать лет руководила воскресной школой. Автор программы по Закону Божьему для дошкольников и учебника «Дерево доброе», соавтор программы «Основы православной культуры» для 1–9 классов, учебно-методических комплектов для 1–6 классов по курсу «Основы православной культуры», книг «Духовное воспитание: история и современность», «Возрастная педагогика и психология» и др. Автор монографии «История становления и развития теории духовного воспитания», изданной в Германии в 2011 году. Профессор кафедры общей и социальной педагогики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, организатор летних православных лагерей, преподаватель воскресной школы. Во внимание к усердным трудам во благо Православия награждена Патриархом Алексием II орденом святителя Вениамина Московского III степени, а митрополитом Латвийским Александром — медалью священномученика Иоанна Рижского I степени.

Роман Янушкявичюс, Ольга Янушкявичене

ОСНОВЫ НРАВСТВЕННОСТИ

Учебное пособие для школьников и студентов

ISBN 978-5-89510-039-4

Редактор *В.А. Мухачев*

Компьютерное обеспечение *Н.М. Молчанов, О.В. Лебедева*

Подписано в печать 01.03.2019. Формат 60х90/16.

Объем 32 печ. л.

Тираж 1000 экз.

Издательство «ПРО-ПРЕСС»

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, стр. 1, оф. 302

Тел.: (495) 978-4033

e-mail: pro-press@mail.ru; <http://www.pro-press.ru>

Отпечатано в ООО «Типография «Перфектум».

428000, г. Чебоксары, ул. К.Маркса, 52. Тел.: (8352) 32-05-01, 32-05-02

E-mail: mail@perfectumbooks.ru; www.perfectumbooks.ru

Заказ № К-0110.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Перед Вами новое, 10-е издание учебника Романа Янушкявичюса и Ольги Янушкявичене «Основы нравственности». Предыдущие тиражи разошлись необыкновенно быстро — явление из ряда вон выходящее в наше пресыщенное печатным словом время. С каждым изданием книга обновлялась, в нее вносились дополнения и исправления. Очередное издание — наиболее полное — не просто учебное пособие, а ценный подарок, путеводитель и руководство к действию, ориентир для тех, кто серьезно занят поисками смысла жизни.

Рано или поздно человек вступает на самостоятельный жизненный путь. Как при этом избежать опасностей, как убедиться, правильно ли выбрано направление? Проверить себя можно одним вопросом: «Как ты относишься к людям?» Об этом как раз и идет речь на страницах нашего учебника. Иисус Христос оставил нам евангельскую заповедь, раскрывшую сущность нравственных ценностей: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (Мк 12:31). Но следует помнить, что ценности эти имеют смысл лишь тогда, когда суть нравственной жизни предстает перед Вашим внутренним взором так же четко, как чеканная мысль Эммануила Канта о том, что «есть две основополагающие вещи в мире: звездное небо над головой и нравственный закон внутри нас». Вся история человечества, весь мир прошлого и настоящего отразились в этих словах, как в капле родниковой воды.

Евангелие и величайшие философские умы напоминают нам, что мы просто обречены на то, чтобы сделать свой выбор. Выбор между нравственным и безнравственным, между добром и злом. Выбор этот свободен, но мы не можем его не сделать. Мы не в состоянии балансировать между добром и злом, поскольку третьего не дано.

Простым и ясным языком, понятным взрослому человеку и юноше, авторы смогли изложить саму суть вечных человеческих ценностей. Им удалось не только доходчиво рассказать о самом сложном, не только проникнуть в глубины человеческого сердца, но и пробудить в нем тягу к великому духовному наследию России.

Предлагаемую Вашему вниманию книгу можно безо всякого преувеличения назвать богопросвещенным словом, обращенным, прежде всего, к подрастающему поколению. Но и родители почерпнут в ней для себя много полезного. Этот учебник по праву занимает место в одном ряду с лучшими образцами русской просветительской литературы.

Небывало сложное, трагическое время переживает современная Россия: вымирает население, преступность раковой опухолью покрыла все общество, государство разъедает коррупция, а наркомания, алкоголизм, самоубийства и аборт принносят ущерб, сопоставимый разве что с потерями во время войны. Одновременно, привносимая извне идеология ложных ценностей разрушает духовно-нравственные основы жизни. Уродливое преподносится красивым. Греховное — привлекательным. Распутное — желанным. Нравственность выворачивается наизнанку. Смертельно ядовитая начинка предлагается в привлекательной обертке.

И все же хочется вместе с авторами ободрить соотечественников: мы с Вами очень счастливые люди, потому что живем в России. Бог не бросает нас на произвол судьбы.

Учебник проникнут оптимизмом, взвешенным отношением к людским недостаткам, мудрой простотой. Авторам удалось избежать извечной ошибки зрелых людей винить во всех бедах одну молодежь, показав, что ей стоит только начать думать о Боге, и взаимопонимание поколений будет найдено. При чтении «Основ нравственности» на память приходят мудрые слова старца Паисия Святогорца: молодым может не хватать опыта, но в них нет лжи и лукавства. Испытания, которые нас ожидают, не должны превращать нас в малодушных людей. Отчаяние не должно сковывать наши сердца. Трудности закаляют, а нравственность предохраняет свободного духом человека от сомнительных соблазнов и пагубных пороков. Вступая в самостоятельную жизнь, молодая душа должна наполниться отвагой, надеждой и радостью. Именно такие чувства пробуждаются во время чтения книги, которую Вы держите сегодня в руках. Ее авторы проявили незаурядный вкус и редкое чувство меры, приводя в подкрепление своих мыслей отрывки из лучших произведений русских и зарубежных философов, писателей и поэтов.

Вместо напутствия хотелось бы пожелать Вам, дорогой читатель, не останавливаться после прочтения этих «Основ», хотя от одного знакомства с книгой Вам наверняка станет приятнее и теплее. Попробуйте потихоньку применять прочитанное к своей жизни, сконцентрируйте свой ум и начните жить духовно.

В.М. Царев

ВВЕДЕНИЕ.....	3
---------------	---

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ЖИЗНИ НАШЕЙ? ГЛАВА 1

1. Зачем что-либо делать?	10
2. Зачем я живу?	12
3. Из сокровищницы философской мысли. Этицизм.....	15
4. Что такое мое я?	17
5. Г.Х. Андерсен. Стремление к Свету	19
6. О вере и неверии.....	22
7. Бессознательная и сознательная жизнь	32
8. Голова или пустой котелок?	36
9. Экстремальные ситуации.....	44
10. Бесплодный поиск смысла жизни	46
11. Самоубийство	50
12. Психологический кризис	53
13. С. Лагерлеф. Добро и зло	56

ДВА ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ ГЛАВА 2

1. Начнем с Начала	64
2. Две модели истории Земли	67
3. Материалистический подход.....	73
4. Идеалистический подход.....	76
5. Жизнь, ты так величественна, прекрасна и многообразна!.....	78
6. Пчелиный учитель	84
7. Сила материнской любви (быль).....	87
8. А.П. Чехов. Разве можно на этом свете не быть зубастым?	91
9. Сей от рода Моего!	93
10. Сакральные ценности. Мораль и нравственность	95
11. Три части морали	98
12. Ф.М. Достоевский. Мальчик у Христа на елке	100
13. Наведение порядка внутри себя.....	105
14. Кто я?	107
15. Е. Трубенкой. Спор о жизненном пути.....	109

ВОПЛОЩЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

ГЛАВА 3

1. Н.С. Лесков. Отчего на свете доброе не ладится?114
2. Л. Миллер. Святая мученица Российской
Великая княгиня Елизавета Феодоровна..... 118
3. В. Немирович-Данченко. Пока еще сердце
бьется в груди..... 122
4. А.П. Чехов. Искусство 124
5. Л.Н. Толстой. А для чего жить-то? 129
6. Ф.М. Достоевский. Преображение утром
перед дуэлью..... 138
7. Ф.М. Достоевский. Великий инквизитор..... 150
8. Н.О. Лосский. Свобода воли..... 162
9. Б.П. Вышеславцев. Благодать 167
10. Э. Фромм. Современный человек. Равенство 172
11. Т. Карлейль. Труд 177

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ В РЕЛИГИЯХ

В ФИЛОСОФИЯХ МИРА

ГЛАВА 4

1. Поиски веры. Агностики. Атеисты 182
2. Языческие религиозные системы.
Философия древних греков и римлян 185
3. Религия и ее роль в духовно-нравственной
жизни человечества 188
4. Ветхозаветная религия..... 191
5. Десять заповедей —
основа нравственности человечества 192
6. С. Лагерлеф: Рождество Христово — начало нашей эры.
Видение императора Августа 195
7. Христианство. Православие..... 201
8. Нагорная проповедь 205
9. Христианское понимание смысла жизни..... 208
10. Христианское понимание смысла жизни. Преображение 212
11. Анализ философских теистических воззрений на Бога и человека 216
12. Во что верили древние славяне? 219
13. В чем видел смысл жизни Великий князь Владимир? 221
14. Выбор веры 224
15. Величайшее историческое событие 227
16. Возникновение древнерусской литературы 229
17. Вопрос о смысле жизни в древнерусской живописи 232
18. Современность — это итог прошлой истории. Советское общество .. 235

ДУХОВНАЯ ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА ГЛАВА 5

1. Духовная жажда — исключительная черта человека	240
2. Предназначение человека в понимании античных философов и христианства. Проблема души и тела	243
3. Проблема добра и зла	247
4. Плачьте!	251
5. Что хуже концлагеря?	254
6. «Бери от жизни все!»	259
7. Поколение «Пепси»	262
8. К свету и целостности подлинной человечности (по А. Шмеману)	265
9. Покаяние. Самовоспитание	268
10. Ч. Диккенс. Простишь ли ты меня когда-нибудь?	272
11. Основные страсти человека	277
12. О добродетелях	281
13. Свобода	286
14. Свобода сына — кошмар для отца?	289
15. О природе совести	294
16. Совесть как всеобщий естественный закон	296
17. Психологическая сторона совести	299
18. Совесть как мерило жизненных ценностей в русской литературе ...	301
19. Надежда. Стремление к трансцендентному	303

ПРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЛ ГЛАВА 6

1. И.С. Тургенев. Первая любовь	308
2. Что в Библии говорится о мужчине и женщине?	313
3. Муж — глава жены?	315
4. Закон цельности	317
5. Когда в сердце разгорается любовь	318
6. Жизнь в браке	322
7. Семья как целостная единица. Монашество	326
8. Внебрачная половая жизнь	331
9. Кризис семьи	333
10. Тень добрых связей	336
11. Червь в сердце	337
12. В половых отношениях нет ничего постыдного?	342
13. О целомудрии	345
14. Любовь родителей к детям	348
15. Любовь детей к родителям	350
16. Русская семья	354
17. Жива ли дружба в современном мире?	357

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА ГЛАВА 7

1. Творчество как способ осмысления жизни 362
2. Библия как основа европейского искусства и фундамент нравственности..... 365
3. Театральное искусство древних греков и римлян 371
4. Праздник и оргия 374
5. Одиночество как антипраздник.
Лермонтов — поэт одиночества 378
6. Одиночество и уединение. Необходимость «собирать» себя 381
7. Братство 384
8. Тайна любви Бога. Праздник Победы Любви 386
9. Е. Трубецкой. Умозрение в красках 387
10. Немая проповедь душевной чистоты..... 391
11. Массовая культура 394
12. Вместо жизни — слабый скрип? 399

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ГЛАВА 8

1. Что значит жить?..... 404
2. Не убивай! 407
3. Удивительно умирают русские люди!..... 410
4. Два взгляда на смерть 415
5. Языческие религии о смерти 418
6. Поиски подлинной реальности и путей
возвыситься над жизнью 420
7. Материалистический взгляд на смерть..... 424
8. Христианский взгляд на смерть 431
9. А.П. Чехов. На кладбище 436
10. Жизнь после смерти 438
11. Смерть и надежда..... 442

ЧЕЛОВЕК И РОДНАЯ ЗЕМЛЯ ГЛАВА 9

1. Н.А. Бердяев. Назначение человека..... 448
2. С.Л. Франк. Смысл жизни..... 450
3. Д.С. Лихачев. Родина 455
4. М.М. Дунаев. Православие и русская литература ... 465
5. И.С. Тургенев. Когда ноет в самом нутре..... 472
6. Что случилось с нашей Родиной в 1917 году?..... 480
7. Катакомбные богослужения
в Соловецком лагере..... 490
8. В. Никифоров-Волгин. Добро и зло 495

ПОСЛЕСЛОВИЕ 501

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ 503

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ЖИЗНИ НАШЕЙ?

1

ЗАЧЕМ ЧТО-ЛИБО ДЕЛАТЬ?

Этот вопрос принадлежит великому русскому писателю Льву Николаевичу Толстому (1828–1910). «Вопрос, — пишет Толстой, — состоит в том: «Что выйдет из того, что я делаю нынче, что буду делать завтра — что выйдет из всей моей жизни?»... Иначе выразить вопрос можно так: «Есть ли в моей жизни такой смысл, который не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?»

Великий писатель задал один из самых сложных вопросов, не правда ли? А мы с вами давайте начнем с более простого, казалось бы, вопроса — зачем я хожу в школу?

А правда, зачем? Пять раз в неделю приходится рано вставать, одеваться, завтракать и идти в школу. Так делают все. Но лишь немногие задумываются о том, зачем они это делают.

Если об этом поговорим со школьниками и школьницами, то чаще всего заметим недоумение относительно самой постановки вопроса:

— Как это зачем? Ну, все в школу ходят! И я тоже, как все...

В десятом классе одной из школ был устроен опрос на тему «Зачем я хожу в школу?» Ответы условно можно было разделить на три группы.

В первую группу вошли ответы школьников, которые считали, что школа необходима для того, чтобы общество не остановилось в своем интеллектуальном и духовном развитии, чтобы обрести фундамент, базис для будущей профессии. А кто-то даже вполне серьезно сказал, что он ходит в школу для того, чтобы стать более образованным, чем его взрослые родственники.

Во второй группе — самой многочисленной — преобладало мнение, что посещение школы — это, по сути, лишь исполнение воли родителей, что ходят они туда лишь потому, что все так делают. А одна девушка прямо заявила:

— Школа — это барщина, крепостное право!

Учащиеся третьей группы просто молчали. Видно было, что над этим вопросом они никогда не задумывались и не собираются думать, а саму постановку вопроса считают чудачеством организаторов опроса.

Те, кто ходит в школу лишь потому, что все так делают, обычно и ведут себя в школе «как все». Терпят «скучные и длинные» уроки, не желая узнать что-либо новое, полезное, интересное, а лишь стараются получить оценки не ниже определенного уровня. Фактически они отсиживают учебное время как бы в тюрьме, чтобы жить по-настоящему только тогда, когда их из этого заключения наконец-то выпустят.

Теперь посчитаем, а много ли времени остается на эту «настоящую жизнь». Восемь часов, как минимум, полагается спать. По полчаса на завтрак, обед и ужин. Еще столько же — на переодевание, прическу, чистку зубов и т. п. На работу по дому тоже нужно время — еще час! Дорога в школу и обратно, уроки займут еще примерно семь часов. Наконец, часа три следует выделить на приготовление уроков. И лишь столько же — три часа — остаются свободными! И в эти три часа нужно втиснуть всю «настоящую жизнь»: и встречи с друзьями, и какие-нибудь кружки или занятия спортом, и... Да всего и не перечислить!

Напрашивается естественный вывод: либо родители делают огромную ошибку, засаживая своих отпрысков на такой длинный срок за парты, либо отпрыски чего-то в жизни общества не понимают и, следовательно, неправильно воспринимают школу.

ВОПРОСЫ

1. Постарайтесь подумать и записать, зачем в школу ходите вы.
2. Вспомните, пожалуйста, суть барщины и крепостного права. Почему эта система общественных отношений была малоэффективна и обречена на провал самой историей развития человечества?
3. Можно ли сказать, что учащиеся второй и третьей групп не задумывались о смысле своей жизни? Почему?
4. Что дает вам школа? Расскажите, какой бы вы хотели видеть школу.

2

ЗАЧЕМ Я ЖИВУ?

У авторов настоящей книги когда-то был ученик-десятиклассник. Он был на год старше остальных и казался почти глупцом, поскольку вел себя среди своих одноклассников совершенно неадекватно, например, мог встать посреди урока, куда-то пойти или затеять драку. Понять что-либо из того, о чем говорилось на уроке, он, казалось, был не в состоянии. В одиннадцатый класс он, разумеется, не пошел.

И вот приблизительно через год учительница случайно встретила своего бывшего ученика в автобусе. Он ехал с работы и разговаривал со своими знакомыми. Его было не узнать! Исчезло тупое выражение лица, взгляд стал осмысленным. О своих проблемах на работе он говорил весьма разумно и профессионально. Стало очевидно, что парень

ходил в школу либо без определенной цели, либо у него по каким-нибудь причинам учеба в школе просто не ладилась.

Конечно, этот ученик — довольно редкий случай. Но еще Ф.М. Достоевский в «Записках из Мертвого дома» писал, что одно из самых жестоких наказаний для человека — это повторять без конца одни и те же бессмысленные действия. Вот почему ученик, не видящий смысла в том, для чего он изо дня в день ходит в школу, как бы испытывает там жестокое наказание, а значительная часть молодого и самого активно-го периода жизни становится бесполезной.

Когда мы задаем себе вопрос о смысле жизни, мы хотим получить на него такой ответ, который имел бы безусловное, объективное значение. Вопрос «Зачем я живу?» предполагает цель как что-то, находящееся за пределами индивидуальной жизни человека. Иными словами, речь идет о том, стоит ли жить, и ответ на этот вопрос ищется такой, который был бы значим не только для меня, но и для всех других.

Если мы строим логическую мысль, то она должна утверждаться на чем-то безусловном и всеобщем, что носит название истины или смысла.

Сама сущность слова смысл заключается в том, что он, этот смысл, является общезначимой мыслью.

Однако это слово имеет еще и другое — специфическое — значение положительной и общезначимой ценности, и именно так оно понимается, когда ставится вопрос о смысле жизни. То есть вопрос состоит не в том, может ли жизнь быть выражена в терминах общезначимой жизни, а в том, стоит ли жить и обладает ли жизнь положительной ценностью, причем ценностью всеобщей и безусловной.

Истинность чего-то люди обычно чувствуют сердцем, глубиной своих познаний. Соприкосновение с истиной рождает радость. Об этом даже есть следующая притча.

Украла Ложь у Истины одежду. Конечно, жаль дорогой одежды, но день прошел, прошел другой, а найти одежду не удалось. И вот осталась Истина нагой.

Ложь тайно ликовала. Но ликовала она напрасно! Для всех нагая Истина была, как и прежде, незапятнанно прекрасной. Ей повредить воровка не смогла.

Истину и обнаженную любят люди с чистой совестью, жадно ищут и чтут ее. А Ложь, хотя она в одежде Истины ходит, все равно люди узнают, но иногда, увы, с опозданием.

ПОСЛОВИЦЫ

- Жизнь, как роза, имеет шипы.
- Век протянется, всякому достанется.
- Не вызнав броду, не суйся в воду.
- Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается.
- Век долог, да час дорог.
- Научиться работать надо три года, а научиться лениться — три дня.

ВОПРОСЫ

1. Если мы все равно рано или поздно умрем и этим все кончится, то, может быть, смысл жизни заключается лишь в том, чтобы взять от жизни побольше наслаждений и удовольствий? Свою точку зрения аргументируйте более подробно.
2. Цицерон считал, что некоторые люди не имеют собственного мнения, зато другие обладают несколькими — в зависимости от обстоятельств. Согласны ли вы с Цицероном? Если да, то как вы оцениваете жизненный путь этих людей?
3. Когда-то один дворянин в своем замке протянул проволоку от одной башни замка к другой, чтобы ветер превратил ее в арфу. Нежный ветерок играл вокруг замка, но музыка не рождалась. Однажды ночью разразилась буря. Замок содрогался. Арфа наполнила воздух чудесными звуками. Нужна была буря, чтобы вызвать музыку. Не так ли бывает и в нашей жизни? Вспомните пример того, как безмятежность и благополучие делают нас равнодушными, а буря вызывает музыку наших чувств и благородных стремлений, приближая к Истине.

3

ИЗ СОКРОВИЩНИЦЫ ФИЛОСОФСКОЙ

МЫСЛИ. ЭТИЦИЗМ

В позднем Средневековье, называемом также эпохой Возрождения (XIV–XVI вв.), изменилось понятие о ценности человека. Ценность человеческой личности отныне определялась не божественным происхождением, а силой ее разума. Если церковь учила, что человек в земной жизни должен возлагать надежды на Бога, то человек новой идеологии мог рассчитывать только на себя, свои силы и разум.

А при повсеместном утверждении в Западной Европе идеала практической полезности постепенно утилитарным принципам стали подчинять и мораль, и философию природы, и даже эстетику. Это вызвало протест у И. Канта, который в своей этике настаивал на том, что человек не может рассматриваться в качестве средства для достижения каких бы то ни было целей, а в эстетике отстаивал независимость вкусовых суждений от практических интересов. Критику утилитарной доктрины философ вел прежде всего по линии логических основ целеполагающего мышления — категорий средства и цели. И. Кант считал, что спасти мир как целое может только «бесплезная», рассудочно непостижимая, премирная красота...

У Ф.М. Достоевского, разумеется, нет прямой связи с кантовской философией, однако тема смысла жизни затрагивается Достоевским в знаменитом разговоре Ивана Карамазова с Алешей. «Итак, — говорит Иван, — принимаю Бога, и не только с охотой, но, мало того, принимаю и премудрость Его, и цель Его, нам совершенно уже неизвестные, верую в порядок, в смысл жизни, верую в вечную гармонию...», но «мира-то Божьего не принимаю и не могу согласиться принять». Не принимает Иван Карамазов и идеи «строительной жертвы», созидающей всеобщее счастье и гармонию на крови и страданиях хотя бы одного маленького существа.

Согласно русскому философу нашего века В. Несмелову, каждый человек знает, что он, с одной стороны, свободен — и в этом смысле

богоподобен. С другой стороны, человек одновременно зависим — как существо сотворенное. У Г. Державина сказано предельно точно:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб, я червь — я Бог!
Но будучи я столь чудесен,
Отколе произошел — безвестен,
А сам собой я быть не мог.
Твое создание я, Создатель!

В своих рассуждениях В. Несмелов подвергает критике широко распространенный тезис об отвлеченном благе как идеальной цели общественного и индивидуального бытия. Тезис этот выдвигали все утописты, начиная с Платона, и все они, вплоть до самого последнего времени, готовы были принести на алтарь безликого божества не одну человеческую жертву.

Развитию этической мысли в XX веке посвящена полностью глава 5 книги.

Стремление к добру и справедливости, но без введения понятия о Боге, — постоянно повторяющаяся в истории философии тема. Аристотель, греческие стоики, некоторые китайские и римские философы, российские марксисты и современные гуманисты исповедуют так называемый этицизм (от слова этика). Мы называем этицизм религией, поскольку это учение возникло на основе чувства справедливости, понятий «истинной» совести и добра.

Для последователей этицизма не имеет значения, есть Бог или Его нет. Они уверены, что все будет хорошо. Западные философские течения XX века имеют много примеров такого мышления.

ВОПРОСЫ

1. Поясните, пожалуйста, как вы понимаете слова Г. Державина «Я царь — я раб, я червь — я Бог!»
2. Что представляет собой этицизм?

4

ЧТО ТАКОЕ МОЕ Я?

Вернемся к первому разделу и предположим, что с ответом на вопрос «Зачем я хожу в школу?» мы справились. А именно: мы хотим поступить в такой-то университет, получить знания, нести добро людям и т. д. Мы живем осмысленно, добиваемся цели, накапливаем умение и опыт. Потом мы приобретем профессию, будем иметь семью, детей, друзей, будем работать и отдыхать.

Однако человек мыслящий переживает временами задумчивые, сладкие и в то же время полные ужаса часы, когда ставит перед собой неразрешенный и вечный вопрос: «Кто то существо, которое называет себя я?»

Английский мыслитель и писатель Т. Карлейль, задав этот вопрос, писал, что «мир с его громким шумом, с его делами отступает на задний план, и сквозь бумажные обои и каменные стены, сквозь пустую ткань всевозможных отношений взор проникает в глубокую бездну, и человек остается один во вселенной и молча знакомится с ней, как одно таинственное создание с другим.

«Кто я? что такое мое я?» Голос, движение, явление? Воплощенная, принявшая видимый образ идея вечного мирового духа? Мысль, следовательно, существую. Ах, жалкий мыслитель! С этим ты далеко не уедешь! Правда, я есть, и недавно еще меня не было, но откуда я? каким образом появился? куда иду?

Какая из философских систем представляет собою что-нибудь иное, чем теория сна? Что такое все народные войны, отступление из Москвы, все кровавые, исполненные вражды революции, если не сомнамбулизм* беспокойно спящих людей?»

Отсюда английский мыслитель делает вывод, что этот сон, это хождение во сне мы и называем жизнью.

* Сомнамбулизм — своеобразное расстройство сознания, характеризующееся выполнением во время сна бессознательных действий (например, хождение и др.). (Здесь и далее примечания авторов.)

Я знаю, что я ничего не знаю.

Сократ

Не будет ли в непрерывной смене работы, семейных забот и отдыха какого-то заколдованного круга, какого-то повторения одного и того же? Ведь еще древние люди в виде круга изображали ад! Таков и труд Сизифа, который должен был вкатывать камень на гору. Камень тотчас скатывался вниз. Сизиф вкатывал его снова и снова, и так до бесконечности. Также бесконечно и однообразно мучается Тантал, вращается в огненном колесе царь Иксион.

В своей книге «Смысл жизни» философ князь Евгений Трубецкой пишет:

«Всякому из нас, без сомнения, приходилось наблюдать оголенные леса со съеденною листвою в самый разгар жаркого лета. Это — работа гусеницы-шелкопряда. Весною она вылупливается из яичек, заложенных у корней деревьев, и поднимается вверх — жрать листву. Потом, когда леса оголены, она превращается в куколку, потом вылупливается в белую бабочку. Бабочка эта, порхая над землею, переживает один-единственный радостный миг любви, чтобы затем умереть в жестоких страданиях над рождающимися из нее яйцами, которые прикрываются на зиму, словно шубою, телом бабочки. Потом опять весною из яиц рождаются черви, опять ползают, жрут, окрыляются, любят и умирают. Куколки, бабочки, черви, куколки, бабочки, черви и так далее, до бесконечности...

Вот в наиболее обнаженном и грубом виде — изображение «жизненного круга», — того самого, в котором, в той или другой форме, вращается на земле всякая жизнь. Он весь целиком выражается словами церковной молитвы: «Земля еси и в землю отыде-ши».

Всякий наблюдаемый нами на земле круг жизни с роковой необходимостью замыкается смертью и облекается в форму дурной бесконечности беспрестанно возвращающихся рождений и смертей. Всякая жизнь стремится подняться над землей и неизбежно вновь на нее ниспадает, смешиваясь с прахом; а крылья, на которых она взлетает, оказываются лишь призрачной и исчезающей поэтической прикрасою».

ВОПРОСЫ

1. Согласно Е. Трубецкому, черви лишь ползают, жрут, окрыляются, любят и умирают. Как вы думаете, применима ли подобная картина к нам, людям, или нет?
2. Чем, на ваш взгляд, жизнь человека принципиально отличается от жизни бабочки?

5

Г.Х. АНДЕРСЕН. СТРЕМЛЕНИЕ К СВЕТУ

Легко или трудно жить человеку, когда ему 15–16 лет? Наверное, и то, и другое.

Трудно, потому что часто не понимают родители, нет преданного друга, не найдена еще настоящая любовь.

Легко, потому что так здорово куда-то поехать с приятелями, сходить на дискотеку, «потусоваться» со всеми.

Однако... Всем известна сказка Андерсена «Гадкий утенок». Она наводит на мысль о том, что из общей тусовки птичьего двора вылететь лебедем удастся далеко не всем, а тем, кто с самого начала имел что-то свое, непохожее на других. Можно, конечно, решить, что ходить в курином хороводе и есть самое лучшее в жизни, но если все-таки хочешь стать «лебедем», уникальной, непохожей на других личностью, нужно о многом подумать.

В тесной и угрюмой тюрьме большого венгерского города сидел заключенный. Это злые люди заковали его в цепи — заключенный был невиновен**.

В тюрьме было сыро, темно и холодно. Вместо постели бросили мокрую солому. Ему носили только хлеб и воду. Он сидел там уже долго — бледный, больной, грустный. Солнце редко светило в узкое окошко,

* Название произведения может быть заменено авторской фразой или мыслью, которая выражает суть текста раздела.

** Здесь и далее по всем главам этим шрифтом выделен оригинальный авторский текст, цитируемый составителями. (Примечание редакции.)

свежий воздух не проходил в тюрьму. Печально думал он о своих милых родных, маленьких своих детях. Думал, что, быть может, давно уже все забыли его, считая умершим. Что делается там, на земле, на родине?!

Однажды он подошел к окну. Был чудесный летний день. Солнце уже садилось за лесом, освещая красноватым светом его вершины. Люди шли и ехали по улицам. Тюрьма была высоко, и оттуда люди казались маленькими. Он крикнул им, но никто его не услышал. Лишь в синем небе парили птицы. Перед окном тихо пролетал орел.

— Орел, орел! — закричал ему заключенный. — Сядь ко мне на окошко, расскажи, что делается на земле, пропой мне песню.

— Нет, — ответил орел. — Окно твое очень мало — мне негде сесть. Я не расскажу тебе, что делается на земле, потому что редко спускаюсь туда. Я вью гнездо свое на высочайших скалах и старых дубах, подальше от злых людей, чтобы они не разорили его. Я не спою тебе песни, потому что никогда не пою на земле. Я поднимаюсь высоко-высоко, и мои песни слышит только вечное солнце...

Могучими взмахами широких крыльев орел гордо поднялся к небу и скрылся из глаз.

Заключенный увидел лебедя.

— Лебедь, лебедь! Расскажи, что делается на земле, пропой мне песню.

— Нет, — ответил лебедь. — Я не расскажу тебе, что делается на земле, поскольку я плаваю всегда на воде — чистой, прозрачной воде, между зелеными камышами. Когда вода утром, на заре, покроется розовым блеском, я громко закричу заре: «Здравствуй!» Я не спою тебе песни, я спою ее, лишь когда стану умирать...

И лебедь поплыл по воздуху, блистая белыми крыльями. За окном заключенного зачирикали воробьи.

— Воробышки, воробышки! Сядьте на окошко, расскажите, что делается на земле! Спойте песенку, — попросил узник.

— Чилик, чилик! Нам некогда! Нам еще нужно поклевать зернышек, которые нечаянно рассыпал мельник...

Но вдруг серенькая птичка вспорхнула перед окном и села на железную решетку.

— Здравствуй, соловушка! Спасибо тебе, милая птичка, что навестила меня. Расскажи, что делается на земле, спой мне песенку.

— Я расскажу тебе, что делается на земле, я спою тебе песенку, — сказал соловушка.

И полились такие звуки, что бедный заключенный заплакал от радости, упал на солому — и все плакал, и все слушал.

— Вчера утром, на заре, — пел соловушка, — было так светло и прохладно! Я прилетел к твоему домику, сел на зеленый ореховый куст перед открытым окошком и пел, и пел. В колыбельке был твой малютка. Он раскрыл большие светлые глазки, слушал мои песни и спросил: «Где папа, где папа?» Твои родные плачут, вспоминая о тебе. Они тебя любят, очень любят, очень хотят тебя увидеть. Не унывай! Бог видит, что ты невинен; выпустят тебя, и ты опять выйдешь на волю, на свет, на свежий воздух!

Дети твои будут тебя ласкать и целовать. Будет тихий, летний вечер, длинные тени потянутся от деревьев, на солнце засверкают стекла окошек. Ты будешь на крыльце рассказывать детям, как ты страдал.

Будешь их учить, чтобы они, когда вырастут, не позволяли людям делать злые дела, чтобы они не сердились на злых людей, чтобы они и все люди любили друг друга, как братья. И дети твои послушают тебя. Когда они вырастут, ты увидишь их добрыми, честными, увидишь, как они будут помогать бедным. Ты будешь жить долго, долго! Волосы твои поседеют, но сердце будет радостно биться.

И когда ты умрешь, все будут о тебе плакать да молиться и в светлый, солнечный день понесут тебя на кладбище. На могиле твоей посадят розовый куст, и я буду на рассвете петь над твоей могилкой...

ВОПРОСЫ

1. О каких людях можно сказать, что в своей жизни они «поют» песню орла? Лебедя? Воробья? Соловья?
2. Как вы считаете, чем прекрасно то, что сделал соловей?
3. На кого из персонажей сказки вы хотели бы походить? Почему?
4. Какого персонажа сказки больше всего напоминаете вы сами, если рассматривать ваше отношение к другим людям?
5. Нет ли среди ваших друзей или близких кого-нибудь, кто нуждается в вашей помощи?

6

О ВЕРЕ И НЕВЕРИИ

Серьезный поиск смысла жизни никогда не минует вопроса о вере в Бога. И что интересно, вопрос о вере или неверии вставал перед людьми, традиционно верившими в Бога и посвятившими в дальнейшем свою жизнь служению Церкви. В этом разделе мы приведем страницы из книги митрополита Вениамина (И.А. Федченков, 1880—1961) «О вере, неверии и сомнении». Он писал о тех процессах, которые происходили в русском обществе перед революцией, о тех своих раздумьях и поисках, которые пережил.

Все представлялось важным: политика, материальное устройство, удовлетворение чувственных запросов, ну еще, может быть, науки, искусство... Это все называлось и было действительной жизнью...

А религия? Ну, разве же это «жизнь»? Даже неловко говорить «жизнь»... Ну, в лучшем случае сумма холодных догматов, ярлык верующего... Если и будет нам религия жизнью, то лишь «там», на «небе»... А теперь? — Теперь мы жили и живем всем, только не верою... «Еще нестары: еще не пора и о душе подумать». А жизнь один же раз дается... Пользуйся же жизнью всяк живущий. А другим и она уже прискучила. Духовенство же не могло влить в охлаждающееся тело огня живого; ибо и сами мы прохладно жили, не горели.

И в самом деле: ну зачем для меня нужна Пресвятая Троица? Есть ли у меня к Ней какое-либо живое отношение — или осталась лишь «признающая вера»? Зачем мне нужен Христос, воплотившийся Сын Божий? Есть у меня непосредственная живая связь с Ним?.. Что такое благодать? Знаю ли я ее? Я слышал о ней; я «верю», что она где-то есть; но не для меня... А я? О, я, мы «сами» все «можем», «сами» строим и свою личную жизнь, и общую, человеческую...

Я много раз задумывался именно над вопросом о благодати. Я в школах научен был знать об этом, что-де все доброе дается от благодати, от Святого Духа. Но откровенно здесь сознаюсь, что в глубине

души не только не чувствовал этого, но даже, признаться, и не очень-то соглашался. Наоборот, как и все кругом, думал: человек сам все может.

На такой вере в «человека» построено было даже обучение наше — психологии, нравственному богословию... Все совершается естественными усилиями нашего ума и воли. Не только в психологических учебниках, но и в жизни не было места для вмешательства иной силы, благодатной...

Расстраивается жизнь государства? Ну, что же? Вот соберемся, раскинем умом, изобретем новые политические формы и... поправим. Падает вера? Учебный комитет «предпишет» и укажет — поправится дело. Патриотизм выдыхается? Ну, «как-нибудь» и тут «обойдется».

Нравственность пала? Вот заведем общее образование. «Наука спасет мир», — сказал один ректор университета при открытии его. (А в это время нас, ученых, уже выжимали со всей России большевики... И поделом!)

Так все и катилось вниз... Неуклонно. «Человек! Это звучит гордо», — кто-то говорит у Горького, этого пророка момента. Один архиерей (еще ныне, в 1939-м, живущий в ссылке) говорил мне в Москве, когда мы с ним ехали проповедовать в один из замоскворецких храмов:

— Только теперь я понял, почему мне нужен Христос, Господь лично!

А он был прежде не только законоучителем, но и миссионером... И ему в то время было не менее 52–54 лет.

Нам в 1-м же классе семинарии раздавалось от Синода в дар по экземпляру Славянской Библии — на весь курс учения. Мы равнодушно, вместе с другими учебниками клали ее в парты.

Если Библия была таким же учебником, как и другие (история, алгебра, геометрия, психология и проч.), то и отношение к ней было совершенно подобным — холодным. Раз учебник, то уже неинтересно! Вот если было бы что-то запрещенное, недозволенное — тогда иное дело.

И внутренне Библия нас никогда не захватывала. Не то, что мы не верили в содержание ее. Все принимали, но ко всему относились равнодушно: создание ли мира из ничего; переход через Чермное море, чудо Ионы во чреве кита и пр. — всему веровали. А наука школьная еще и «доказывала» возможность чудес, стараясь свести на самую малость тайну чуда, но зато объяснить по возможности более

естественно, «реально». Ну, кит-де, может быть, и не собственно кит с его малым горлышком, не способным будто проглотить человека*, а китообразная акула, или вообще большая рыба, в просторечье называемая китом, и т. д. Или вода не просто расступилась на две стены: по правую и левую сторону евреев (Исх. 14, 22), как это очевидно сказано в Писании, — а вот ветер согнал ее с залива в море (о ветре тоже упоминается, Исх. 21). Конечно, учителя не отрицали слов Писания, но им все же хотелось «доказать» как-нибудь «естественно», а не сверхестественно. И мы, семинаристы, именно этого, умственного доказательства хотели. А простой веры мы (вероятно, и учителя) боялись, как дела если не невозможного, то малодостоверного...

Так уже поставлена была вся наша школа: схоластически-рационально. Конечно, не всегда этот метод был бесплоден для сердца. Например, припоминаю сейчас чуть ли не единственный случай о космологическом «доказательстве» бытия Божия... Я еще был мальчиком 2-го класса семинарии, со мною шел «воспитанник» 5-го класса по берегу реки Цны, и почему-то мы заговорили о Боге. Он мне рассказал (из курса философии в 4-м классе семинарии) об этом доказательстве: всему есть причина и начало, нужна она и для мира, сам он из ничего не мог явиться, следовательно, нужно было творческое действие иной первопричины, т. е. Бога. Следовательно, Бог есть.

И когда я услышал это, мое верующее сердечко так порадовалось и заиграло, что я чуть не видел уже Его — «Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым»... Очень радовался... Сердце мое всегда искало подкрепления своей вере...

Но, как я уже повторял, много было вреда от этого «умственного» метода. Мы приучились бояться «тайн», унижали простую «деревенскую» веру, считали ее недостойною «образованных» людей «нашего» интеллигентного века. И потому Писание нам было неубедительно: оно не доказывало, а лишь утверждало. Мы же хотели доказательств, «оправдания» его со стороны. Таким образом, получалось полное извращение: Бог через Писание хотел открыть и утвердить истину — о мире, о человеке, истории, спасении, — чтобы люди не мучились не-

* Я читал в газетах, что недавно в Красном море моряк был проглочен китом и оставался еще живым, когда животное поймали.

ведением или не впадали в ложь. А мы Богу (!) не доверяли, а требовали еще подтверждения Ему.. Не нелепо ли? Читал я, как некий англичанин поднес своему королю большое ученое сочинение — в защиту Библии. Король принял, поблагодарил, но разумно заметил: «Я доселе думал, что все прочее нуждается в защите и доказательстве Библиею, а вы защищаете ее саму?» Король был, несомненно, и более верующим, и даже более умным, и, следовательно, более логичным человеком, чем ученый...

Вот то же самое было и с нами — «духовниками» и особенно семинаристами. Только, к несчастью, у нас не было таких королей вокруг и не было еще своего «царя в голове», и опыта. У нас было мало еще подлинной, горячей, глубокой веры в Бога; не хватало еще и глубины ума, чтобы понять действительную важность и чрезвычайное значение для истины Слова Божия.

Незадолго до смерти о. Иоанна Кронштадтского Бог привел мне с другом о. Неофитом посетить святого пастыря. Это была беседа необычная, памятная мне, грешнику. Но я вспомню тут лишь об одном предмете.

— Батюшка! — спросил я, — скажите, пожалуйста, откуда у вас такая пламенная вера?

Чтобы понять мой вопрос, прошу припомнить, что мы, семинаристы, а потом и студенты, были холодными в вере, а потому и в других не могли понять горячности ее. Отрицать ее у о. Иоанна было уже никак невозможно, а я не раз был очевидцем его пламенного служения на литургии и в проповедях... Да это общеизвестный факт. И для меня его вера была как бы загадкой: чего сам не знаешь, все кажется непонятным.

— Откуда вера? — задумчиво и медленно переспросил уже болезненный старец; и некоторое время помолчал. Мы ждали.

— Я жил в Церкви! — вдруг твердо и уверенно ответил батюшка. Я, — «богослов», студент, — увы! — не понял этих слов: «Жил в Церкви». Что это такое? Странное неведение, скажет читатель... Не отрицаю, а сознаюсь. Но то-то и печально, что мы, будущие пастыри, не понимали таких простых вещей, как «Церковь». А о. Иоанну это было очевидно. Я же действительно не понял его ответа. Точно он мне сказал что-либо на чужестранном языке... И я переспросил:

— Что это значит — «жили в Церкви?»

Отец Иоанн даже несколько огорчился:

— Ну, что значит? Я служил вот Божественную Литургию и другие службы, молился вообще в храме. — Потом, еще подумавши, продолжал: — Любил читать в церкви минеи... Не Четгы-Минеи (Жития святых)... Хотя и те прекрасны!.. А минеи богослужебные. Любил читать каноны святым.

Он действительно всегда на утрени выходил на левый клирос и сам читал каноны. И как читал?! С великим дерзновением... Почти как бы требовал их заступления у Бога. Помню, первый раз мне пришлось посетить его в день преподобного Алипия (Столпника). Как о. Иоанн зывал к нему с силою!

— Преподобие отче Алипие! Моли-и Бога о нас! «Моли-и!» Точно он стоял перед ним и горячо просил ходатайства... И вся служба проходила у него с силою...

Не помню уже других подробностей этой важной беседы о Церкви.

— Вот что значит: жить в Церкви, — закончил он. Постепенно и для меня вскрывалась вся важность Церкви.

Я теперь, вспоминая прошлое, первый и даже второй периоды моей веры, должен сознаться, что она держалась не Словом Божиим, и тем более — житиями святых или творениями святых отцов. Можно сказать, что я последних, как и житий, даже и не читал почти ни в духовной школе, ни в семинарии... Странно это? Бесспорно... Но никто не интересовался этими источниками и никто из старших даже никогда не говорил нам о важности их, не затеплил интереса. Я сам был библиотекарем в семинарии, видел эти толстые книги, помню и кожаные переплеты «Добролюбия», но ни разу даже и не раскрыл их. Дух был у нас земной, естественный.

А Писание, как я уже говорил, было лишь учебником и притом холодным. И мы тоже не питались им.

Следовательно, вера моя, как и у других товарищей, жила не Словом Божиим, житиями, а чем-то другим. Чем же? Я уже сказал: родительской и общей традицией, да еще сердцем собственным.

Но это далеко не все. Ведь традиции и сердце у всех были, но не все оставались верующими. Этому много причин. И одна из важнейших —

Церковь. Кто жил в Церкви, тот хранил и веру, а кто уходил из Церкви практически, у того нередко и вера слабела.

Тот же о. Иоанн Кронштадтский в своем дневнике «Моя жизнь во Христе» говорил (пишу по памяти): «Я еще дивлюсь: как это наши интеллигентные люди, ушедшие люди, ушедшие от жизни Церкви, все же хранят остатки веры?»

И наоборот, мне пришлось слышать от одной христианки уже за границей такие разумные слова: «Я уверена: если кто посещает постоянно церковь, тот не может быть неверующим».

Здесь — великая правда. Немного раскрою ее по опыту, почти всем нам известному.

Может быть, иной подумает, что на нас действовали проповеди? Люди так высоко ценят свое слово теперь...

Нет! Я до самой академии не помню ни одного случая, чтобы вообще проповеди произвели на меня сильное впечатление. Да их в духовном училище и семинарии почти и не произносили. Во время причащения священнослужителей в алтаре певчие пели что-нибудь «концертное». Что же? Может быть, чтение отрывков из Апостола и Евангелия? Тоже нет. Апостола мы почти никогда не понимали. Да! И расценивали его с точки зрения громогласия и красоты голоса. А Евангелие мы знали на память, и никогда чтение его не захватывало нашего сердца... Проходило мимо... Что же, неужели вот те каноны, какие любил читать из мины батюшка о. Иоанн? Еще менее. Почти никогда мы не внимали им. А если слушали, то больше красивое пение ирмосов, особенно, если было «трио» из чудных теноров и баса.

Тогда что же осталось от «Церкви»? Самое главное: вот это простое стояние в храме, конечно, участие в произносимых молитвах (у каждого в разной степени), и — слушание Слова Божия... Вот эта «служба», особенно литургия, сама по себе, то есть без особенного участия ума, хранила и воспитывала нашу веру. Вот это самое простое: я был в церкви, я ходил к обедне, я отстоял службу — какими-то дивными путями держали в нас веру... Какими? Мы никогда и не задумывались над этим... Задумывались ли вы? А между тем именно это самое «хождение» крепче всего питало нас...

Я не говорю уже о необыкновенных моментах исповеди и Святого Причащения: тогда мы, конечно, поднимались на более напряженную

высоту. Но ведь эти моменты были так редки... Раза два в году... Следовательно, не на них могла держаться вера наша, полученная от отцов. А именно на тех постоянно повторяющихся «праздниках»: воскресеньях, двенадцатых днях, на четырех постах, на памяти святых...

Ведь если теперь оглядываешься, то видишь, что вся жизнь была переплетена с Церковью: пришло Введение, слышишь уже ирмосы на Рождество: «Христос рождается, славите!» Пришли святки, тут уж целый венок праздников: Рождество Христово, Обрезание и Новый год, Крещение, Василий Великий, Иоанн Креститель. Накануне Рождества — сочельник, не есть до звезды; накануне Крещения — не пить до святой воды... Прошли святки, святые дни, скоро масленица и пост: заунывный благовест, темные облачения, говение (и рыбы не полагалось есть, кроме как на Благовещение и Вход в Иерусалим), исповедь искренняя, святое Причастие... И это на полтора месяца. А там поражающие дни страстные: чтение 12 Евангелий, Плащаница, Погребение Христа... И полуночная Светлая Заутреня... Пасха! Воскресение Христово... Боже, какая радость! Целую неделю трезвон непрерывный.

Скоро и Юрьев день: скотину выгоняют, молебен служат; отошавших за зиму коров святой водой кропят, и они идут на луг щипать тошую еще травку. Вознесение... Троица с зеленью и цветами... Иван-купала... Петры и Павлы... Опять пост... Казанская... У нас в округе ярмарка годичная. А тут уже близехонько и первый Спас с маком; и второй Спас — Преображение с яблоками (прежде у нас строго хранилось: грех есть до освящения)... Третий пост — Успенский. Третий Спас — нерукотворный образ... Усекновение главы Предтечи. Рождество Богородицы... «Вздвиженье», как говорили в селе, Креста Господня. Осенняя Казанская. И опять — Введение... Опять пост. И опять кружатся праздники целый год. А сколько святых особых в году! Вешний и зимний Никола, Евдокеи мученицы... Стояние Марии Египетской... Спиридон поворот (Солнцеворот), Михаил Архангел, Иван Богослов, Герасим Иорданский со львом (грачи прилетели), Алексей Божий человек (жаворонков пекли!), Козьмо-Демьян (не раз в год), Марины Красной (опасаться пожара), Илья-пророк (уж и вовсе работать нельзя — накажет...), Флор и Лавр, св. Пантелимон (целители...). И это целый год... А каждое воскресенье, — в сущности, воспоминание Пасхи.

Ну кто же из русских не знал всего этого? Самый неграмотный мужичок жил в этом круге идей и быта. Говорилась ли проповедь в храме, понимал ли он Апостола (Евангелие-то всякий понимал); вникал ли он, «что там» на клиросе читает «дьячок», — все это не так важно еще. Но вот что он помнит: завтра воскресенье или особые праздники — в церковь нужно сходить, «постоять»... А если и дома останется, он все равно знает, что ныне «праздничек»... и колокол слышал. А может, хоть один кто из семьи сходит и «благодати принесет»... А в большие праздники: на Рождество, на Крещение, на Пасху да на «престольный» батюшка с иконами в каждый дом пойдет, молебен пропоет, святой водой окропит, крест поцеловать даст, с праздничком поздравит. А у нас на селе еще Покров чтили. Свадьбы в этот день по всем селам, кругом венчали... Убрались крестьяне с полевыми работами, засеяли новые «озими», продали лишнее на базаре... И детей женить можно... После венчания в храме три дня пировали... А тут еще у каждого что-либо особое: у кого ребенок родился — крестины, кумовьев искать, имя называть; у другого умер кто — общее сочувствие и участие в похоронах; заболел иной — за батюшкой ехать, «сообщить» нужно, а то и пособоровать потом...

Так вот вся жизнь и вращалась весь год вокруг храмов Божиих. Недаром же они и ставились на лучшее место, и строились выше, и украшались колоколами, куполами, иконами, свечечками да лампадочками...

Вон она, «жизнь в церкви»... И если даже посмотреть на нее только с точки зрения хотя бы непрерывного воспитания людей в течение целого года, то как не удивиться поразительной мудрости тех, кто все это придумал и в быт провел! Это даже не человеческое изобретение, заранее рассчитанное и специально придуманное кем-то... Нет, это — мудрое установление Святого Духа, «Царя Небесного, Утешителя, Духа истины»...

Ни родители, ни школа, ни проповеди, даже не Божественные книги учили собственно нас, а вот именно Церковь Божия — Мать наша — всем своим премудрым строем и бытом... Сюда входило незаметно и учение: всякий знал основы веры, и воспитание нравственности: всякий знал, что хорошо или худо. И как еще знали! Достоевский удивляется, как глубоко в русском сознании было понятие греха и свя-

тости! Помню, и англичане, приезжавшие в Россию, в Московской Троицкой Лавре спрашивали у профессоров академии, откуда русские, большей частью безграмотные, знают православие? И получили ответ: «Из Церкви...» Это верно!

Совершенно верно говорится, что Церковь — Мать, воспитательница не только духовно-благодатно, через таинства, но даже и душевно (психологически) через весь свой богослужебно-просветительный строй.

И понятно, что уходящие из Церкви постепенно теряют почти все: и веру, и дух...

...Возьму в пример Л. Толстого. Не раз мне приходилось слышать о нем такое суждение: он велик и гениален как писатель, но совсем не глубок как мыслитель. И это совершенно верно. Как философ он не поднялся выше посредственного уровня среднего русского интеллигента. Его отношение к миру сверхъестественному, в частности, ко всему чудесному в евангельской истории до такой степени шаблонно и поверхностно, что ничем не отличается от воззрений какого-нибудь нигилиста-преподавателя. Он не преодолел рационализма своей эпохи, он разум ставил выше веры, подчинился его суду. Вопросы, совершенно ему не подлежащие...

А между тем он оказал немалое отрицательное влияние на современное общество, содействуя разрушению веры мнимыми «разумными» возражениями. Правда, он не стал чистым безбожником, как это делали еще более легкомысленные интеллигенты. Он выработал себе свое весьма путаное религиозное воззрение — без личного Бога; а какого же? Это чрезвычайно неясно. Он все же признавал величие Христа, но лишь как моралиста, а не Сына Божия. Он отрицал и даже поносил Церковь (всякую), а дважды стремился в Оптинский монастырь к «старцам». И в последние дни жизни кружился около этих монастырских стен, был у своей родной сестры, монахини Шамординской женской обители, Марии Николаевны... И скончался в недоумениях и муках. «А мужики-то, мужики-то как умирают...» — кричал он, вспоминая мирную кончину православных крестьян... «И все?! И конец?! И больше ничего?» — спрашивал он самого себя при других.

Да, Толстой кончил свою жизнь банкротом. И совсем неверно опираются на него другие. Один из приятелей его как-то спросил Чехова: «Что вы думаете о вере?» Чехов на это со скептицизмом ответил: «Э-э! Если уж сам Толстой сломал шею, то где уж решать что-нибудь нам, маленьким людям?»

И действительно, он не решал ничего до конца. Но к его чести нужно сказать, что и он не сделался безбожником, скорее, в его произведениях можно найти уважение к людям верующим и даже симпатию.

Но таков уж был этот заряженный век, что интеллигентному, так называемому образованному, умному человеку нашего времени верить не полагалось: вера была — по общему ходячему мнению — несовместима с разумом. Если же и пробивались иногда в эту интеллигентскую тьму иные идеи, шедшие из философских кругов, что вера не враг разуму, а, наоборот, что и умному человеку совершенно открыта дорога для веры, самой чистой, а не урезанной, то такие идеи не находили себе широкого признания, а казались какими-то темными призраками «средневековья», суеверного прошлого, неизжитыми предрассудками недоумков, чуть ли не признаком политического изуверства...

Небольшие глотки науки удаляют от Бога, а большие приближают к Нему.

Ф. Бэкон

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, изменилось ли отношение к вере в Бога, если сравнить его с периодом конца XIX и начала XX веков?
2. Нужно ли, по вашему мнению, обосновывать истины веры логическими доказательствами?
3. Можно ли провести какие-то аналогии между чувствами «веры» и «любви»?

7

БЕССОЗНАТЕЛЬНАЯ И СОЗНАТЕЛЬНАЯ

ЖИЗНЬ*

Жизнь человека может быть двоякого рода — бессознательная и сознательная. Под первую подразумевается жизнь, которая управляется причинами; под вторую — жизнь, которая управляется целью.

Жизнь, управляемую причинами, можно справедливо называть бессознательной, потому что, хотя сознание и участвует в деятельности человека, не оно определяет, куда эта деятельность может быть направлена.

* При написании этого раздела использовалось учебное пособие А.Ф. Малышевского «Мир человека».

Жизнь, управляемую целью, следует назвать сознательной, потому что сознание в данном случае является началом господствующим, определяющим. Ему принадлежит выбор, к чему должна направиться сложная цепь человеческих поступков.

Однако часто человек поступает необдуманно, а иногда он сам не может понять, почему он так поступил. Бессознательные действия предполагают, что человек поступает по внутреннему побуждению, но без всякого анализа ситуации, без выяснения возможных последствий. Слова, которые он использует для характеристики этого состояния, разные — необдуманно, неосознанно, спонтанно, интуитивно. Все эти слова выступают в таком случае как синонимы слова «бессознательное», хотя полной синонимичности здесь, разумеется, нет.

Изучение феномена бессознательного уходит в глубокую древность, его признавали в своей практике врачеватели самых ранних цивилизаций. Для Платона признание существования бессознательного послужило основой создания теории познания, построенной на воспроизведении того, что есть в недрах психики человека.

Во второй половине XIX века широко развернулись поиски терапевтического использования гипноза. Особую известность приобрели два центра во Франции — один в Париже под руководством известного психиатра Жане, другой в Нанси под руководством Бернгейма. Эти центры соперничали между собой, и каждый стремился изумить посетителей необычным экспериментом.

Однажды доктор Бернгейм внушил испытуемому, что после того, как тот будет выведен из гипнотического транса, он должен взять зонтик одного из гостей, открыть его и пройти дважды вперед и назад по веранде. Когда человек проснулся, он взял зонтик, как ему внушили, и хотя он его не открыл, но вышел из комнаты, дважды прошелся вперед и назад по веранде, после чего вернулся в комнату. Когда его попросили объяснить свое странное поведение, он ответил, что дышал воздухом. Он настаивал, что имеет привычку иногда так прогуливаться. Когда же его спросили, почему у него чужой зонтик, он был крайне изумлен и поспешно возвратил предмет на вешалку.

Факты послегипнотического внушения были давно известны специалистам, но молодому венскому врачу Зигмунду Фрейду (1856—1939),

который наблюдал это явление во время своего визита в Нанси в 1899 году, оно послужило основой для открытия, совершившего переворот в науке. Фрейда поразил именно тот факт, что человек что-то делал по причине, самому ему неизвестной, но впоследствии придумывал правдоподобные объяснения своим поступкам. Человек с зонтиком пытался объяснить свое странное поведение вполне рациональными соображениями и говорил вполне искренне. Не так ли и другие люди находят причины для объяснения своих действий? Хотя давно было замечено, что объяснения, которые дают люди своим поступкам, не всегда заслуживают доверия. Фрейд сделал это наблюдение краеугольным камнем теории человеческого поведения.

Согласно Фрейду, травматические события и связанные с ними бурные переживания не исчезают окончательно из психики, а вытесняются в сферу бессознательного, откуда активно воздействуют на психику, проявляясь в замаскированной (зашифрованной) форме, в частности, в виде невротических симптомов (например, в навязчивом мытье рук, в необоснованных страхах и т. п.). Невротические симптомы в данном случае понимаются как компромиссные явления, возникающие в результате столкновения вытесняемых в бессознательную сферу бурных переживаний и влечений с требованиями нашей совести, совпадающими с общепринятыми моральными нормами. Подобные же компромиссы, считает Фрейд, выражаются в сновидениях и ошибочных действиях (обмолвках, описках и т. п.) людей.

Лечение (устранение) невротических симптомов, согласно психоанализу, должно осуществляться путем вынесения на свет и суд самого больного вытесненного из его сознания материала, травмирующего его психику. Больной сам (правда, с ненавязчивой помощью врача-психоаналитика) должен расшифровать, понять сокровенный смысл того, что с ним происходит. Для помощи больному в достижении им понимания причин болезни Фрейд применял специально разработанную им технику свободных ассоциаций. Уложив пациента в удобной для него позе телесного расслабления и усевшись так, чтобы пациент его не видел (устраняется дополнительное обстоятельство, стесняющее больного, — вид врача, особенно его глаза), врач-психоаналитик просит пациента свободно высказывать все, что ему приходит в голову...

Высказывания пациента, манера, в которой он высказывается, задержки в потоке ассоциаций и т. п. — материал, на основе которого психоаналитик стремится, во-первых, сам уяснить причины недомоганий пациента, а во-вторых, ненавязчиво помочь пациенту в расшифровке смысла происходящего с ним. Конечная цель психоаналитической терапии — установление господства сознания над сферой психического неосознаваемого.

Известный русский философ XX века С. Франк писал, что жизнь не может быть самоцелью уже хотя бы потому, что страдания и тягости преобладают в ней над радостями и наслаждениями. И несмотря на всю силу животного инстинкта самосохранения, мы часто недоумеваем, для чего мы должны тянуть эту тяжелую лямку. Жизнь — это не неподвижное пребывание в себе, а делание чего-то или стремление к чему-то. Миг, в который мы ничего не делаем и ни к чему не стремимся, мы испытываем как мучительно тоскливое состояние пустоты и неопределенности. Мы не можем жить лишь для жизни; мы всегда живем для чего-то (и) для кого-то.

Кто-то из писателей заметил аналогию между жизненным путем и дорогой, которую выбирает путешественник. Пускаетесь в путь с определенными планами, с определенной целью, уверенный в себе и подобный туристу, купившему железнодорожный билет. А потом вдруг оказывается, что вы очутились совершенно в другом месте, далеком от цели.

Почему так происходит? Да потому, что одни довольно резко меняют маршрут, повстречав на своем пути богатство, другие, — обнаружив талант или (и) славу, третьи не выдерживают груза жизненных невзгод. Оказывается, что богатый слишком привязан к своим владениям, к своим деньгам; интеллигентный человек порой слишком привязан к идеям, стремлению достичь их.

Философ В. Розанов считает, что человек всегда следует по пути к своему счастью, но это остается незаметным для него, когда он охвачен какой-либо идеей — правовой, политической, религиозной или какой-нибудь другой.

Однако ради истины или веры человек готов идти даже на костер, если к этой истине и вере он в самом деле так привязан, что для него легче не жить, нежели жить без них.

Тема стремления человека к своему счастью и поиску истины продолжается в следующем разделе «Голова или пустой котелок?» В этом рассказе можно найти хорошие примеры понятий бессознательной и сознательной жизни, а также наглядные иллюстрации к тезису С. Франка о том, что «жизнь не есть неподвижное пребывание в себе».

ВОПРОСЫ

1. Что называется бессознательной жизнью и что — жизнью сознательной? Почему?
2. Согласны ли вы с мнением С. Франка, что миг, в который мы ничего не делаем и ни к чему не стремимся, переживается как мучительно тоскливое состояние пустоты и неопределенности? Пожалуйста, подробно аргументируйте свое мнение.

8

ГОЛОВА ИЛИ ПУСТОЙ КОТЕЛОК?

Нередко по радио и телевидению можно услышать, что советский период — это период вульгарного материализма, в котором позволялись лишь высказывания и публикации, умещавшиеся в рамки коммунистической идеологии. Однако здравомыслящие люди, конечно, были, есть и будут всегда. Именно в советский период возник так называемый Самиздат. Нашлись люди, которые неофициально, без разрешения цензуры, издавали произведения инакомыслящих авторов. Одному из таких произведений Самиздата — рассказу из книги «Отец Арсений» — и посвящен данный раздел.

В сорок первом году, как война грянула, я сразу же добровольцем пошел. Сильный, здоровый — назначили меня в разведку. Цельный год воевал, и все благополучно, ни ранения, ни царапины серьезной. Тогда думал — везло.

Убило командира у нас снарядом, назначили нового лейтенанта. Увидели мы в нем эдакого интеллигента, чистоплюя, или, как тогда говорили, «из чистеньких». Невысокий, худощавый, шупленький, разговор ведет культурно, без ругательств. Задание дает, словно чертеж выписывает, точно, ясно, требовательно. Нам-то, обстрелянным солдатам, показался он хлипким, несерьезным. Сидя-то в блиндаже, каждый распоряжаться может, а как в разведке себя покажет? Но удивил нас в первый же выход в разведку. Про хорошего солдата говорят — не воевал, а работал. Лейтенант наш именно работал, как артист. Бесстрашен, осторожен, аккуратен. Ходит, как кошка, ползает по земле, словно змея. Солдат бережет, сам за других не прячется, а старается, где надо, первым идти.

Недели через три пошли мы в дальнюю разведку по немецким тылам. Трудный, опасный поход. Обыкновенно уйдут группой человек шестьдесят, данные по радиции сообщают, но в большинстве случаев назад не возвращались — гибли.

Вышло нас с лейтенантом восемь человек, прошли линию фронта — двоих потеряли. Оторвались от немцев, зашли в тыл к ним, благо местность лесистая, и стали вести разведку. Ходили шесть дней, каждый день сведения по радиции передавали, но потеряли в стычках с немцами еще троих. Осталось нас трое: лейтенант Александр Андреевич Каменев, сержант Серегин и я. Получили приказ идти к своим.

Легко сказать — идти! Немцы нас ищут, ловят. Они ведь тоже не промах. Пробрались к переднему краю, дождались ночи, залегли, изучаем обстановку. Где перейти? Выползли на нейтральную полосу, тут-то нас немцы и обнаружили. Залегли мы в воронку. Начали немцы артиллерийский обстрел полосы, повесили над головами осветительные ракеты и поливают пулеметным огнем. Тут-то меня и контузило. Серегин из воронки незаметно ухитрился уползти к нашим, а я с лейтенантом остался. Я почти все время терял сознание, лейтенанта легко ранили в ногу. Пришел я на мгновение в себя и подумал — уползет он, как Серегин. Понимаю, что и выхода у него другого нет. Расстелил он плащ-палатку, меня на нее затолкал — неудобно все делать, воронка неглубокая...

...Ребята потом рассказывали, что никто понять не мог, как меня, такого здорового, шупленький лейтенант доволок. Разговору об этом в части было много...

Отлежался я — и опять в разведку. Смотрю на лейтенанта влюбленными глазами. Стал благодарить его, а он мне с улыбкой отвечает: «Видишь, Платон, Бог-то нам помог!» Мне его ответ шуткой показался. Стояли мы тогда в обороне, силы накапливали всем фронтом. Послали нас опять по тылам. Для меня тот поход оказался исключительным, так как это стало в какой-то степени началом моей новой жизни. Это была та ступень, с высоты которой я должен был осмыслить, что живу не так, как надо. Забрались мы в этом разведпоиске километров за тридцать от фронта. Добрались до какого-то села. Подошли, на окраине церковь стоит, почти у самого леса. Четверо солдат пошли на разведку к селу, а я с лейтенантом — к церкви.

Тихо, тихо кругом, луна неярко светила, и крест с куполом от этого сверкали серебристо-синеватым светом, и мне думалось, что нет и не должно быть сейчас никакой войны, где люди режут, бьют и убивают друг друга. Но автомат висел на шее, сбоку на ремне — армейский кинжал, сзади — автоматные диски, а со всех сторон окружала притаившаяся смерть. Лейтенант пошел к церкви, прячась за деревьями, а я стал обходить погост, но не дошел и вернулся назад. Смотрю, стоит лейтенант у дерева, смотрит на церковь и крестится. Голова поднята, крестится медленно, истово и что-то полупшепотом произносит. Удивился я этому страшно. Лейтенант — образованный, бесстрашный, хороший солдат, и вдруг такая темнота, несознательность. Хрустнул я веткой, подошел и сказал шепотом: «Товарищ лейтенант, а вы, оказывается, в богов верите!» Испуганно повернулся он ко мне, но потом овладел собой и ответил: «Не в богов верю, а в Бога». И легла после этого случая между лейтенантом и мною какая-то настороженность и недоверие.

Долго рассказывать, но вернулись, как уже говорил, без потерь, а испытали много. Все считали, что нам везет, а теперь я думаю, что было Божие произволение.

Вернулись, а меня одна мысль все время мучает, не дает покоя. Не может настоящий советский человек верить в Бога, тем более образованный, потому что должен он был прочесть труды Емельяна Ярославского, Скворцова-Степанова, где с предельной ясностью доказано, что Бога нет, а если кто и верит, то придерживается буржуазных воззрений и тогда является врагом.

Думаю, шкура овечья в волчьем обличье на лейтенанте надета. При-творяется. Храбрый, это верно, меня спас, поиски были удачные. Камуфляж, маскировка, все это для какого-то большого дела задумано. Враг-то расчетливый, хитрый. Не могу успокоиться. Пошел в особый отдел...

...Начальник особого отдела у нас был майор, латыш, сумрачный и всегда внешне усталый. Майор посмотрел на меня и сказал: «Слушай, Скорино! Я о делах разведки много знаю, о тебе с лейтенантом тоже, но скажи мне, что у тебя: голова или пустой котелок? — и постучал пальцем по лбу. — Дурак ты! Ну что, верующий, крестился на церковь, разве в этом дело? Ты его дела видел, с ним работал? Тебя спас, сведения для командования принес, а им цены нет!»...

Через неделю опять послали нас по тылам немцев. Лейтенант меня с собой взял. Два дня ходили, больше ночью. Засекали объекты обороны, расположение частей. Наткнулись на большое танковое соединение, пытались силы определить, но в конце концов сами с трудом спаслись. Долго уходили, петляли всячески, но ушли. Разыскали в лесу овражек, там листья сухие скопились, забрались в них, лежим. Устали, решили по очереди спать, но ни тому ни другому не спится. Эх, думаю, была не была, скажу лейтенанту, что был в особом отделе и о нем говорил, и как я сам к вере отношусь. Рассказал. Молчит лейтенант, будто заснул. Потом вдруг спросил: «А ты знаешь, что такое вера?» И, не дожидаясь моего ответа, начал говорить.

Рассказывает, и стало передо мной открываться что-то новое. Вначале показалось увлекательной, доброй и ласковой сказкой — это о жизни Иисуса Христа говорил, а потом, когда перешел к самому смыслу христианства, потрясло меня. Рассказал о совершенстве человека, добре, зле, стремлении человека к совершению добра. Объяснил, что такое молитва. Сказал о неверии и антирелигиозной пропаганде. И увидел я религию, веру совершенно не такой, как представлял раньше, не увидел обмана, темноты, лживости. Часа три проговорили мы, пока рассвет не обозначился.

Я только спросил его: «А вот про попов говорят, что жулики они и проходимцы, как же это с верой совместить?» Ответил лейтенант: «Многое, что про священников говорят, ложь, но было много и из них

плохих. Ко всякому хорошему делу всегда могут из корысти пристать нечестивые и плохие люди». — «Вы не из поповских детей, товарищ лейтенант?» — «Нет, не из поповских, отец врач, мать учительница, оба верующие, и я только верой живу и держусь, а что ты в особый отдел пошел и обо мне говорил, так это не без воли Божией. Сам услышал, что майор про людей говорил. Там тоже люди есть, и неплохие».

Крепко в душу запал мне этот разговор...

...Отгремела война, демобилизовался я из-под Берлина и приехал в свой Ленинград — и прямо, можно сказать с ходу, в семинарию.

Пришел, документы взяли, посмотрели и вернули. Я туда, я сюда — почему-то не принимают... Наконец отдал, и вдруг вызывают в военкомат, да и в другие учреждения вызывали. Стыдят, смеются, уговаривают: «Слушай, Скорино, ты с ума сошел! Кавалер полного набора орденов Славы, других куча, звание старший лейтенант, а ты — в попы! Армию порочишь!»

Поступил все-таки. Нелегко учение мне давалось, знаний мало, образование — только семилетка, да и то давно окончил. Очень трудно было, да иногда и нарочно кто-то мешал.

Кончил семинарию, захотел в монахи, но тут меня в семинарии на смех подняли: «Куда ты такой здоровый и во многом еще неопытный и — в монахи! Женись, священником будешь!» Откровенно говоря, правы мои наставники оказались — не годился я, конечно, для монашеской жизни, да и где я мог к ней готовиться?

Жениться надо, а я, учась в семинарии, никуда не ходил и ни одну девушку не знаю. Назначение мне дают под Иркутск, а я еще не иерей. Надо невесту искать. Раньше, до войны, много знакомых было в городе, а за эти годы растерял и в семинарии женщинами не интересовался, о женитьбе не думал.

Где невесту искать? Пошел в храм и стал молиться, у Господа просить. Долго молился, вышел на улицу, смотрю, на одной ноге кто-то ковыляет, обгоняю — бывший капитан из нашего полка.

Я к капитану бросился. Обрадовался, меня к себе пригласил. Разговорились про дела минувших дней, про сегодняшние житейские. Капитан балагур, весельчак, человек добрый, гостеприимный. Рассказываю, что семинарию кончил, должен быть священником, что жениться

надо. Вижу, из всего моего разговора понял капитан, что мне жениться надо, а остальное за шутку принял. «Есть невеста! — кричит, — Нинка, сестра моя двоюродная!»

Познакомился я с ней дня через два, понравилась, и, кажется, я ей. Решил жениться, сделал через некоторое время предложение, о себе рассказал.

Вначале, что я в священники готовлюсь, тоже не поверила, потом задумалась и дала согласие, только сказала: «Платон, а я-то неверующая». Ну, думаю, неверующая, а каким я раньше был?..

...Стал я священником и уехал под Иркутск. Село большое, церковь закрыта из-за смерти священника. Запущена, частично разрушена. Кое-как навел порядок, две старушки помогли. Начал служить, а народу только три человека. Страшно стало! Где же прихожане? Но решил служить ежедневно. Неделю, месяц, три служу, никто не идет. Впал в отчаяние. Поехал к владыке в город, рассказываю, что служу, а храм пустой. Что делать? Владыка выслушал и благословил служить, сказав: «Господь милостив, все в свое время будет».

Зашел я, уйдя от владыки, в городскую церковь, дождался конца службы и подошел к старику-священнику, рассказал ему свои горести. Позвал он меня к себе домой, обласкал и сказал: «Господь призвал вас на путь иерейства, Он не оставит вас. Все хорошо будет — прихожане придут и жена приедет. Молитесь больше». Подружился я с о. Петром, часто приезжал к нему. Многим он меня поддерживал. Духовной жизни был человек.

Прошло полгода, а прихожан только восемь человек. Я все служу. Материально было трудно, буквально жить не на что. В свободное время стал подрабатывать, то крышу покрою, то сруб поправлю, то где-нибудь слесарной работой займусь. Во время работы с хозяевами поговоришь, им, конечно, интересно с попом разговор затеять. О вере, бывало, начинали спрашивать, я, конечно, рассказывал, стали прислушиваться, в церковь заходить. Сперва просто посмотреть, а потом и молиться.

Работу, конечно, делал честно, аккуратно, не хвалюсь — бывало, сделаешь, сам удивляешься. Завод ленинградский меня к этому приучил. Заказчиков — хоть отбавляй!

И к концу года в храм стало приходиться уже человек восемьдесят-девяносто, в основном пожилые, а на втором году и молодежь пошла.

Первое время в селе отнеслись ко мне плохо, идешь по улице — мальчишки кричат: «Идет поп бритый лоб!» Часто просто бранными словами ругали. Молодежь задирали, смеялась. Придут в церковь, хохочут, мешают службе. Я вежливо их прошу не мешать, уйдут, ругаясь. Решили, что я безответный.

Через год моей жизни в селе избил меня очень сильно ребята. Шел я вечером, вот и напали. Они бьют, а я только прошу — не надо, а им смех попа бить. Очень трудно было. Без Нины беспрерывно скучал, но наконец жена приехала. Рад был очень, а она сперва приуныла, не представляла своей жизни в деревне со священником.

У Нины диплом инженера, устроилась мастером на большой молочный завод в нашем селе. Взяли охотно, хотя и придирались потом, что жена попа...

...Однажды шли мы с женой вечером, напали на нас четверо подвыпивших ребят, меня трое бить начали, а четвертый пристал к Нине. Я прошу их остановиться, а Нина кричит: «Спасите!» Ребята бьют меня, а там жену на землю валят. Двое каких-то ребят в сторонке стоят. Эх, думаю, отец Платон, ты же разведчиком был, в специальной школе учился разным приемам, да и силушкой тебя Бог не обидел. Развернулся вовсю. Простите за слова фронтовые, не священнику их говорить, но «дал им прикурить». Кого через голову, кого в солнечное сплетение, а третьего ребром ладони по шее, потом бросился к тому, который на Нину напал. Разъярился до предела, избил четвертого парня и в кусты кинул. Нина стоит, понять ничего не может. Двое ребят, что в стороне стояли, бросились было своим помогать, но, когда я одному наподдал, убежали. Собрал я побитых ребят да здорово им еще дал. Главное, все неожиданно для них случилось, не ждали отпора, думали, тюфяк, поп безответный. Собрал и решил проучить. Стыдно теперь вспомнить, но заставил их метров пятьдесят ползти на карачках.

После этого случая относиться ко мне в селе стали лучше, а ребята, которых я побил, как-то подошли ко мне и сказали: «Мы, товарищи

Платон, не знали, что вы спортсмен, а думали, что только некультурный поп». Одного парня я года через два венчал, а другого крестил. Понимаю, осудите вы меня за эту драку, не иерею это делать, но выхода не было. Если бы один шел, а то с женой. Потом ездил, владыке рассказывал, он очень смеялся и сказал: «В данном случае правильно поступил, а вообще-то силушку не применяй. Господь простит!»

Несколько лет в селе прожили. В 1955 году отмечали девятого мая десятилетие Победы над Германией. Председатель колхоза и председатель сельсовета были старые солдаты. Объявили: будет торжественное собрание в клубе, приглашаются все бывшие фронтовики, и обязательно с орденами. Стали фронтовики выступать с воспоминаниями, я подумал-подумал и тоже выступил. Конечно, понимал, что все это может кончиться для меня большими неприятностями у уполномоченного по делам Церкви и у епархиального начальства, но хотелось мне народу показать, что верующие и священники не темные и глупые люди, а действительно верят в Бога, идут к Нему, преодолевая все, и не преследуют каких-то корыстных целей...

Двенадцать лет прожил я в этом селе. Последние годы храм всегда был полон народу, относились ко мне хорошо, и власти особенно не притесняли.

ВОПРОСЫ

1. Найдите то место в рассказе, где Платон говорит: «Это стало в какой-то степени началом моей новой жизни. Это была та ступень, с высоты которой я должен был осмыслить, что живу не так, как надо». Почему Платон решил, что он живет не так, как надо?
2. Обратили ли вы внимание, что вопрос «что у тебя — голова или пустой котелок?» задал особист? Как вы считаете, можно ли утверждать, что в тот период жизни у Платона вместо головы был пустой котелок?
3. Почему, по-вашему, в первое время в селе под Иркутском к Платону относились плохо и даже избили?

4. Правильно ли поступил иерей Платон, дав подвыпившим ребятам «прикурить»? Как этот поступок оценил владыка? Как его оцениваете вы? Аргументируйте свою точку зрения подробно.

9

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ

Катится, как бы покачиваясь на ухабах, наша повседневная жизнь. Мы что-то в ней находим, на что-то можем опереться. Но вот, обычно всегда неожиданно, приходит беда. Тяжелая болезнь, приковавшая тебя к кровати, или смерть человека, которого ты очень любишь, с которым связана вся твоя жизнь.

Прохлада градусника под руку легла,
Весь мир расплылся в белизне больничной,
К чему стремилась и чего ждала, —
Все стало выеденной скорлупой яичной.

Тогда как бы уходит все, что казалось тебе важным, то, к чему ты стремился. В таких случаях очень часто кажется призрачным смысл, ради которого ты жил, и происходит переоценка ценностей. Это так называемые экстремальные (крайние) ситуации.

Экстремальные ситуации переживаются глубинной сущностью человека. Причем такие ситуации — необязательно внешняя беда. Может оказаться (как, например, в случае с Л. Н. Толстым), что не удался жизненный поиск. Как бы то ни было, страдания человека вызывают в нем что-то новое, более глубокое, чем раньше, рождают новые ответы на вопросы о мире и о себе.

В обыденной жизни, как правило, экстремальные ситуации бывают довольно редко. А вот, скажем, на фронте экстремальная ситуация — почти норма. Поэтому не случайно люди, пережившие войну, порой становятся совсем иными. Кстати, об этом мы уже читали в разделе «Голова или пустой котелок?» Сейчас рассмотрим другой пример.

Год 1942-й. Фронт, окопы. Парень лет 18—25 с автоматом в руках. Он впервые смотрит смерти прямо в глаза.

В нем так много сил, он так много еще мог бы сделать! Он знает, что в тылу его ждет любимая, он жаждет любить и быть любимым.

Но вокруг лишь смерть! Погибают те, с кем он был рядом, делил трудную фронтовую жизнь. Возможно, скоро придет его черед...

В такой ситуации, конечно, не может не произойти в его душе переоценка ценностей. Вот какое письмо было найдено в шинели погибшего русского солдата (и после Второй мировой войны опубликовано в одном из зарубежных изданий):

Послушай, Бог... Еще ни разу в жизни
с Тобой не говорил я, но сегодня
мне хочется приветствовать Тебя.
Ты знаешь, с детских лет мне говорили,
что нет Тебя. И я, дурак, поверил.
Твоих я никогда не созерцал творений.
И вот сегодня ночью я смотрел
из кратера, что выбила граната,
на небо звездное, что было надо мной.
Я понял вдруг, любясь мирозданьем,
каким жестоким может быть обман.
Не знаю, Боже, дашь ли Ты мне руку,
но я Тебе скажу, и Ты меня поймешь:
не странно ль, что среди ужасающего зла
мне вдруг открылся свет и я узнал Тебя?
А кроме этого, мне нечего сказать,
вот только, что я рад, что я Тебя узнал.
На полночь мы назначены в атаку,
но мне не страшно: Ты на нас глядишь...
Сигнал. Ну что ж? Я должен отправляться.
Мне было хорошо с Тобой. Еще хочу сказать,
что, как Ты знаешь, битва будет злая
и, может, ночью же к Тебе я постучусь.
И вот, хоть до сих пор Тебе я не был другом,
позволишь ли Ты мне войти, когда приду?
Но, кажется, я плачу. Боже мой, Ты видишь,
со мной случилось то, что нынче я прозрел.
Прощай, мой Бог, иду! И вряд ли уж вернусь.
Как странно, но теперь я смерти не боюсь!

ВОПРОСЫ

1. Существуют ли для вас ценности, утратив которые, вы потеряли бы смысл жизни?
2. Какие чувства вызвало у вас стихотворение солдата? Объясните подробно.
3. Как вы думаете, почему солдат написал, что теперь он не боится смерти?

10

БЕСПЛОДНЫЙ ПОИСК СМЫСЛА ЖИЗНИ

Наверное, каждый человек в какой-то период своего существования ищет смысл жизни. Даже у того, кто всю свою жизнь стремился лишь к материальным благам, к богатству, в определенный момент возникает вопрос: «А зачем, собственно, все это богатство нужно?»

Для одних вопрос о смысле жизни как легкое облачко на ясном небе — появилось и исчезло. И снова человек трудится, добывается чего-то. Для других этот вопрос — самое основное, без чего жить нельзя. Почему же часто случается, что обрести ответ не удается, и люди переживают состояние кризиса, душевного надлома?

Лев Толстой, например, ощутил, что утратил смысл жизни, когда был уже писателем с мировым именем. Что же вызвало кризис, который чуть не привел его к самоубийству?

Сам Толстой позднее писал, что кризис возник из-за того, что он, писатель, был далек от труда, направленного на воспроизведение жизни, труда, которым живет народ. Вопрос о смысле жизни показался ему неразрешимым, так как рассматривался в отрыве от самой жизни. Участие в ней, в процессе «добывания» как раз и полно внутреннего смысла, считал великий писатель, оно-то и позволяет ощущать удовлетворенность жизнью и ее осмысленность.

Толстой также полагал, что совместное участие в трудовой деятельности приводит к осознанию чувства необходимости присутствия другого человека и любви к нему. Свои выводы Толстой сделал, наблюдая жизнь русских крестьян и сравнивая ее с жизнью интеллигенции, которая была охвачена веяниями новых нигилистических идей.

Напомним, что слово нигилизм произошло от латинского nihil — ничто. Нигилизм — это отрицание общепринятых ценностей: идеалов, моральных норм, культуры, форм общественной жизни. В России этот термин получил распространение после появления в 1862 году романа И.С. Тургенева «Отцы и дети».

Возвращаясь к выводам Л.Н. Толстого, следует отметить, что из поля зрения великого писателя выпал тот факт, что русское крестьянство того времени как раз имело высший идеал, выразившийся в вере в Бога.

Существование каких-то идеалов, которые были бы для человека выше и ценнее, чем его собственные нужды, — это необходимое условие, во-первых, для нравственной жизни человека и, во-вторых, для постижения его существования.

Должен быть в душе каждого человека такой фонарик, который осветил бы жизненную суету и сделал бы жизнь осмысленной.

В одном из своих интервью в 1996 году известный русский поэт Евгений Евтушенко сказал: «Если мы сняли со знамени серп и молот, то что теперь туда водрузить? Золотого тельца? Мы с вами заложники отсутствия цели. А раньше мы были заложниками фальшивой цели».

Заложник отсутствия цели, конечно, может легко превратиться в нигилиста. И это явление уже наблюдается сегодня. Оглянитесь вокруг — элементы нигилизма рядом с нами: в школе, доме, в котором мы живем, в городском автобусе. Рассмотрим элементарный пример. Молодой человек демонстративно бросает на лестничной площадке или в лифте кожуру от банана, бумажку от жевательной резинки, от конфеты. Он как бы хозяин положения, ему на все и на всех наплевать. А ведь в лифте, вполне возможно, поедет его отец или учитель, да и лифты-то теперь убирают сами жильцы. Наш «герой», конечно, знает, что такое хорошо, а что такое плохо. Но общепринятые моральные нормы и правила общественной жизни он просто отрицает своими недостойными поступками.

В переполненном городском транспорте ситуация усложняется. Увы, типичной становится следующая картина: молодые люди громко смеются, звучно жуют жвачку и нецензурно бранятся. Они вовсе не задумываются над тем, какую великую силу имеет слово.

Удар бича оставляет рубцы, а удар языка сокрушает кости.

Нормальный человек находится в постоянном жизненном поиске. В народе говорят, что только круглый глупец полностью собой доволен. И это понятно — ведь если человек собой доволен, значит, он считает, что ему не надо больше ни к чему стремиться, что он уже многого достиг. Следовательно, его развитие остановилось.

Неудачив жизненном поиске часто приводит к ощущению бессмысленности жизни, к чувству безнадежности. А это, в свою очередь, нередко — к плохим последствиям. Ведь жизнь, в которой нет смысла, и существование, когда человек ни к чему не стремится, мучительны для него.

Будучи не в состоянии преодолеть в себе постоянную тоску, сомнения и страдания, человек начинает искать какие-то средства, чтобы

заглушить то, что его терзает. Для одних это — алкоголь, для других — наркотики.

В состоянии опьянения человек пребывает в грезах. Грезы заменяют ему реальность, ставшую для него слишком тяжелой. Он не может найти себе места в ней, не может постичь ее смысл.

Чем это чревато — известно многим. В таком случае человеческая личность, несущая в себе неповторимую индивидуальность и вмещающая множество нераскрытых возможностей, не реализует своих способностей и в конце концов деградирует.

Энергия и здоровье человека намного дороже самого большого состояния любого миллионера. Но, увы, нередко сами юноши и девушки этого не понимают. Возможно, поймут это только тогда, когда станут стариками.

Как, к примеру, можно объяснить, что в наше время так много курящих школьников и школьниц? Разве кто-нибудь из нас видел садовника, сознательно губящего саженец? Деревце, у которого содрана часть коры, конечно, вырастет, но задумаемся о том, какие плоды оно принесет!

Наконец, будучи в состоянии апатии и безнадежности, некоторые находят и другой, еще более противоестественный способ «решения» проблемы. Это — самоубийство в прямом смысле этого страшного слова.

ВОПРОСЫ

1. Что, по-вашему, подразумевается под бесплодным поиском смысла жизни?
2. Согласны ли вы с тем, что только глупец полностью собой доволен? Почему самодовольство не только делает бесплодным поиск смысла жизни, но часто и вообще уничтожает сам этот поиск?
3. Чем богаты молодые люди? Согласны ли вы обменять свое здоровье на миллион долларов? Если нет, то почему?

4. Бывает ли у вас когда-нибудь так: если на душе тяжело, вы успокаиваетесь, занявшись обычными делами? Если «да», то, как вы думаете, почему так происходит?

11

САМОУБИЙСТВО

Иногда, наблюдая, как трава прорывает панцирь асфальта и пробивается к солнцу, невольно удивляешься силе жизни, которая таится в ней. Это стремление жить, жить в любой ситуации, присуще всему живому.

Живым существам несвойственно прекращать свою жизнь самопроизвольно. И лишь вершина всех земных созданий — человек — иногда совершает убийство самого себя. Почему и как это происходит? Почему всеобщий закон выживания всего живого вдруг перестает действовать, когда речь заходит о человеке? Попробуем проанализировать это явление более подробно.

Человек единственный из всех живых существ для продолжения жизни нуждается не только в удовлетворении своих потребностей: в пище, тепле, сне и размножении. Человеку, как существу не только телесному, но и духовному, необходимы осмысленность жизни и существование идеалов, к которым он стремится или будет стремиться.

И если случается крушение этих идеалов, если вдруг пропадает смысл, ради которого человек живет, то наступает духовный кризис. Когда человек не находит в себе сил выйти из этого кризиса или перетерпеть его, развязка бывает страшной — жизнь, лишённая духовного смысла, может вызвать у человека желание прекратить свое физическое существование.

Ученые установили, что 17—19 лет — это возраст, когда происходит переосмысление прежних идеалов и приобретение новых, то есть наступает период, когда происходит переоценка ценностей. Вот почему на этот возраст приходится довольно большой процент попыток самоубийства.

Самоубийство — результат психологического кризиса, — как правило, не является следствием желания умереть. Просто иногда человеку кажется, что ему не преодолеть тяжесть навалившихся на него проблем и трудностей.

Такой человек желает лишь избавиться от безысходности, при этом ошибочно предполагая, что единственный путь — самоубийство. В действительности самоубийца хочет не умереть, а лишь прекратить свои страдания.

Не следует забывать и влияние физических факторов на человека. Например, различные катаклизмы, происходящие на Солнце, сотрясают атмосферное электромагнитное поле Земли, служат причиной магнитных бурь.

Согласно исследованиям, проведенным учеными Г. и Б. Дюлл, количество самоубийств увеличивается при резком возрастании активности Солнца. Изучение 24 739 случаев самоубийств показало, что их количество возрастает на 8 процентов в дни интенсивной солнечной активности. Ученые усматривают в этом доказательство изменений в нервной системе человека, вызванных соответствующими изменениями в атмосфере.

Доктор И. Эрмени из Будапешта пишет: «Мы рассмотрели случаи самоубийств и попыток к самоубийству, зарегистрированных в 1994 году службой «Скорой помощи» Будапешта. Математический анализ позволил заметить воздействие на самоубийц сильных хромосферных взрывов, при этом вероятность того, что полученный результат — дело случая, равна менее чем одному проценту».

В различных религиозно-общественных системах к самоубийству относились по-разному. Например, самоубийство самурая в определенных ситуациях считалось необходимым условием сохранения чести.

Христианская культура относится к самоубийству отрицательно. Христиане считают, что человек не создавал себя сам, он создан Богом. И убийство самого себя не менее тяжкий грех, чем убийство другого. Но убивший себя предстанет перед Судией, даже не имея возможности искупить свой грех!

Конечно, христианам также знакомо чувство уныния, неудовлетворенности, кажущейся безысходности, отрицания и сомнения. Ну и что? С этими настроениями надо бороться! Вот как об этом написал великий русский поэт Н.А. Некрасов:

Храм Божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!..
Сюда народ, Тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И скинет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...
Я внял, я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтоб защитил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, Бог скорбящих,
Бог поколений предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

А как к проблеме самоубийства относятся современные ученые, их называют суицидологи (от лат. *suicidium* — самоубийство)? Об этом следующий раздел, подготовленный при участии доктора психологии, суицидолога Д. Гайлене.

ВОПРОСЫ

1. Как оценивается самоубийство в христианской культурной традиции?
2. Можно ли утверждать, что человек, покончивший жизнь самоубийством, не очень любил своих близких?

12

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС

Самоубийство — результат психологического кризиса. Что же это такое — психологический кризис?

Исследования ученых показали, что человек, находящийся в психологическом кризисе, обычно переживает четыре фазы: 1) шок, 2) реакция, 3) восстановление, 4) новая ориентация. Рассмотрим более подробно каждую из фаз психологического кризиса.

1) **Шок.** Реальность как бы отдаляется, земля уходит из-под ног. Внешне человек как будто спокоен, но внутри — хаос чувств, хотя, как ни странно, через некоторое время все это он просто забывает. Человек в шоковом состоянии становится либо слишком активным, порою способным на бессмысленные действия, либо же, наоборот, — крайне пассивным, у него нет контакта с окружающим нас миром.

Как помочь? Главное — быть рядом, проявить заботу, попытаться откровенно побеседовать, даже обнять, а еще лучше — постараться, чтобы человек заснул. Ни в коем случае нельзя начинать «умных» речей, критиковать, спорить.

Желая помочь человеку во время кризиса, не следует морализировать, учить его, как надо жить. Нужно помочь ему самому снова обрести и проявить себя.

2) **Реакция.** Поскольку от реальности, как ни вертись, не убежать, человек к ней постепенно приспосабливается, адаптируется. Бывает, что эта фаза кризиса происходит очень болезненно. Тогда появляется желание «подправить» положение алкоголем или даже наркотиками.

Как помочь? Предоставить возможность выговориться, пусть и в резкой форме, как бы «разгрузиться». Главное, чтобы человек не накапливал отрицательных эмоций.

3) **Восстановление.** Душевная травма постепенно заживает, появляются планы на будущее, интерес к жизни. Однако чувство облегчения приходит не сразу, а нервное потрясение в течение первых недель может опять повториться.

Как помочь? Терпеливо ждать, не торопить, проявлять заботу, выражать понимание и сочувствие.

4) **Новая ориентация.** К человеку возвращается чувство собственного достоинства, он восстанавливает старые и налаживает новые связи, приобретает жизненный опыт.

Как помочь? Не проявлять чрезмерное опекуновство и мелочную заботу, воспринимать человека уже в новом качестве.

Если твой друг или знакомый говорит о самоубийстве, то это не следует воспринимать как шутку. Это может быть вполне серьезно! Здесь, кстати, уместно напомнить народную мудрость, что с огнем не шутят, поскольку может возникнуть пожар.

Люди, намеревающиеся совершить самоубийство, довольно часто это намерение и осуществляют. Согласно статистике, 80 процентов самоубийц перед смертью явно выказывали свои намерения.

Вот почему не следует хранить в тайне склонность друга или подруги к самоубийству — это лишь его (ее) временный психологический кризис. Внимательно выслушай друга, подругу и прямо спроси, собирается ли он (она) совершить такой крайний поступок. Не откладывая в долгий ящик, помоги им словом и делом. Если надо, обратись за помощью к родителям, родственникам, друзьям и (или) к школьному психологу.

Нам вспоминается случай, описанный доктором Генри Линком в его книге «Вторичное открытие человека». Доктор Линк — вице-президент Психологической корпорации, он помогает множеству людей, страдающих от беспокойства и депрессии. В главе «О преодолении страхов и беспокойства» он рассказывает о пациенте, который хотел покончить жизнь самоубийством. Доктор Линк знал, что спорить с больным бесполезно, от этого его состояние только ухудшится. И он сказал своему пациенту: «Если вы все равно намерены покончить жизнь самоубийством, вы могли бы по крайней мере вести себя героически. Бегайте вокруг квартала до тех пор, пока не упадете замертво». Пациент предпринял несколько попыток, и с каждым разом его психическое состояние улучшалось. Спустя некоторое время было достигнуто то, чего добивался доктор Линк. Больной настолько физически устал (и расслабился), что спал как убитый. В дальнейшем он вступил в атлетический клуб и стал участвовать в спортивных соревнованиях. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что ему захотелось жить вечно!

ПОСЛОВИЦЫ

- Не в силе Бог, а в правде.
- Что людям радеешь, то и сам добудешь.
- Море житейское подводных камней преисполнено.
- Куда сердце летит, туда око бежит.
- Всякая слава человеческая яко цвет цветет.

Итак, как бы ни была порой трудна жизнь, по своей сути она прекрасна! Именно поэтому последний раздел этой главы посвящен добру и злу, которые сопровождают нас в школе и вне ее, сегодня и завтра, везде и всегда!

ВОПРОСЫ

1. Перечислите основные фазы психологического кризиса. Охарактеризуйте каждую из них.
2. Что надо делать, чтобы помочь другу или подруге в период кризиса?

13

С. ЛАГЕРЛЕФ. ДОБРО И ЗЛО

Однажды бедное семейство — муж, жена и их маленький сын — ходили по большому храму в Иерусалиме. Сын был необыкновенно красивый ребенок. Волосы его лежали ровными кудрями, а глаза сияли, как звезды.

Последний раз сын был в храме в раннем детстве, когда еще не мог понимать того, что видел, и теперь родители показывали ему все достопримечательности храма. Тут были длинные ряды колонн, вызолоченный алтарь, святые мужи, сидевшие и поучавшие своих учеников, первосвященник в нагруднике из драгоценных камней, занавес из Вавилона, затканый золотыми розами, большие медные двери, такие тяжелые, что тридцать человек с трудом поворачивали их на крюках. Семейству пришлось проходить под древним сводом, оставшимся с того времени, когда на этом месте в первый раз строился храм. Здесь, прислоненная к стене, стояла старинная медная труба огромной длины и тяжести, величиной почти с колонну. Изогнутая и заржавевшая, она стояла, сплошь покрытая снаружи и внутри пылью да паутиной и обвитая едва заметной спиралью старинных букв. Наверное, тысяча лет прошло с тех пор, когда кто-нибудь пытался извлечь из нее звук.

Увидев огромную трубу, мальчик остановился в изумлении.

— Что это такое? — спросил он.

— Это большая труба, которая называется Гласом Князя Мира, — ответила мать. — Ею Моисей созывал детей Израилевых, когда они были рассеяны по пустыне. С тех времен никто не мог извлечь из нее ни одного звука. Но тот, кому удастся сделать это, соберет все земные народы под своим господством.

Она улыбнулась тому, что считала древней легендой, но мальчик стоял у большой трубы до тех пор, пока мать не окликнула его. Труба эта была первой вещью из всего виденного в храме, что ему понравилось. Он охотно остался бы подольше, чтобы рассмотреть ее получше.

Они прошли дальше и вышли на большой и широкий внутренний двор храма. Здесь, в самой горе, находилась пропасть, глубокая и широкая, она была такой с незапамятных времен. Эту расщелину царь Соломон не захотел засыпать, когда строил храм. Он не перекинул через нее мост, не поставил перила вокруг крутого обрыва. Вместо этого он положил над пропастью стальное лезвие в несколько локтей длиной, остро отточенным краем кверху. И после долгих лет и нескончаемых перестроек лезвие по-прежнему лежало над пропастью. Но теперь оно почти истлело от ржавчины, было неплотно укреплено на концах, дрожало и звенело, когда кто-нибудь тяжелой поступью проходил по двору храма.

Когда мать повела мальчика в обход кругом провала, он спросил ее:

— Что это за мост?

— Он положен здесь царем Соломоном, — ответила мать, — и мы называем его Райским Мостом. Если перейдешь через пропасть по этому дрожащему мосту, лезвие которого тоньше солнечного луча, можешь быть уверен, что попадешь в рай.

Они шли, не задерживаясь, пока не достигли огромного входного портика с пятью рядами двойных колонн. Здесь, в углу, стояли две колонны из черного мрамора, поднимавшиеся с одного пьедестала так близко одна к другой, что между ними едва можно было просунуть соломинку. Они были высоки и величественны, с богато изукрашенными капителями, вокруг которых шел ряд диковинных звериных голов. Но на этих прекрасных колоннах ни вершка не было без отметок и трещин — они были испорчены больше всего в храме. Даже пол вокруг был истерт и выдолблен следами бесчисленных ног.

Снова мальчик остановил мать и спросил:

— Что это за столбы?

— Это столбы, которые отец наш Авраам привез с собой в Палестину из далекой Халдеи и которые он назвал Вратами Справедливости. Тот, кто пройдет сквозь них, праведен пред Богом и никогда не совершил греха.

Мальчик, широко раскрыв глаза, смотрел на колонны.

— Уж не собираешься ли ты попробовать пройти между ними? — сказала мать и засмеялась. — Видишь, как истерт вокруг пол теми, кто пробовал протиснуться сквозь узкую щель, но, можешь мне поверить, никому это не удалось. Пойдем скорее, я слышу грохот медных дверей; это тридцать служителей храма подпирают их плечами, чтобы привести в движение.

Мальчик всю ночь пролежал без сна в палатке и видел перед собой Врата Справедливости, Райский Мост и Глас Князя Мира. Об этих поразительных вещах ему раньше никогда не приходилось слышать. И он никак не мог изгнать их из своих мыслей.

И утром следующего дня было то же самое. Он не мог думать ни о чем другом. Ему вдруг пришло в голову, что следует пойти в храм и взглянуть на них еще раз...

...Случилось так, что в великолепном портике собрались судьи верховного совета, чтобы помочь людям разобраться в их тяжбах. Весь портик был полон людей, судившихся из-за порчи порубежных камней, из-за овец, похищенных из стад и помеченных фальшивыми метками, и жаловавшихся на должников, не желавших платить своих долгов.

В числе других пришел богатый человек, одетый в волочащиеся пурпурные одежды, и подал жалобу на бедную вдову, которая якобы была ему должна несколько сребреников. Бедная вдова горько рыдала и говорила, что богатый поступает с ней несправедливо: она уже раз заплатила ему свой долг, и он теперь хочет заставить ее заплатить вторично, но она не может этого сделать. Она так бедна, что если судьи присудят ее к уплате, то ей придется отдать богатому своих дочерей в рабыни.

Сидевший на главном судейском месте обратился к богатому человеку и сказал ему:

— Можешь ли ты принести клятву в том, что эта бедная женщина еще не заплатила долга?

Тогда богатый ответил:

— Господин, я богатый человек. Стал бы я утруждать себя, выжимая деньги из этой бедной вдовы, если бы не имел на то права? Клянусь

тебе, как верно, что никому не пройти сквозь Врата Справедливости, так верно, что эта женщина должна мне сумму, которую я требую.

Услыхав эту клятву, судьи поверили его словам и присудили, что бедная вдова должна отдать ему своих дочерей в рабыни.

Мальчик сидел рядом и слышал все это. Он думал про себя: «Как хорошо было бы, если бы кто-нибудь смог пройти сквозь Врата Справедливости! Богатый, несомненно, говорит неправду.

Ужасно жаль бедную вдову, которая должна отдать своих дочерей в рабыни».

Он вскочил на пьедестал, с которого поднимались обе колонны, и посмотрел в цель. «Ах, если б это было возможно!» — подумал он.

Он был так огорчен за бедную вдову! Он совсем не думал о том, что тот, кто пройдет сквозь эти врата, праведен и безгрешен. Он хотел пройти сквозь них только ради бедной вдовы.

Он приложил плечо к углублению между колоннами, как бы желая раздвинуть их.

В эту минуту все люди, стоявшие в портике, оглянулись на Врата Справедливости, ибо свод загремел, старые колонны загудели и раздались в стороны, оставив настолько большой промежуток, что тонкое тело мальчика могло пройти между ними.

Тогда произошло великое волнение и смущение. В первую минуту никто не знал, что сказать. Народ стоял и смотрел на маленького мальчика, совершившего столь великое чудо. Первым опомнился старший из судей. Он велел схватить богатого человека и привести его пред судилищем. Судьи присудили ему отдать все его состояние бедной вдове за то, что он принес ложную клятву в храме Божиим...

...На дворе, где была глубокая пропасть, был воздвигнут большой жертвенник. Вокруг него ходили священнослужители в белых облачениях, поддерживавшие огонь и принимавшие жертвоприношения.

На дворе стояло также много жертвователей и большая толпа, смотревшая на богослужение.

И вот пришел старый бедный человек и принес ягненка, очень маленького, худого и вдобавок с большой раной, потому что его искусила собака.

Человек подошел с этим ягненком к священнослужителям и попросил их принять его в жертву, но те отказали ему. Они сказали, что не могут предложить такого жалкого дара Господу. Старик просил, чтобы они из милосердия приняли его ягненка, потому что сын его лежит при смерти, а у него нет ничего другого принести в жертву Богу ради его выздоровления.

— Вы должны позволить мне принести эту жертву, — говорил он, — потому что иначе молитва моя не дойдет до лица Божия, и сын мой умрет.

— Не думай, что мне не жаль тебя, — сказал священник, — но законом запрещено принимать в жертву нездоровых животных. Так же невозможно исполнить твою просьбу, как пройти по Райскому Мосту.

Мальчик сидел невдалеке и все слышал. Он тотчас же подумал, как жаль, что никто не может пройти по мосту. Бедняк мог бы сохранить своего сына, если бы ягненка принесли в жертву.

Старик, удрученный, пошел со двора храма, а мальчик поднялся, подошел к дрожащему мосту и поставил на него ногу.

Он не думал, что пройдя по мосту, попадет в рай. Мысли его были заняты бедняком, которому он желал помочь.

Но он отнял ногу, подумав: «Это невозможно! Мост слишком стар и заржавлен, он не выдержит даже меня».

Но снова мысль его обратилась к бедняку, сын которого лежит при смерти. И он снова поставил ногу на лезвие.

И вдруг он заметил, что оно перестало дрожать и становится под его ногой прочным и широким. А сделав еще шаг, он почувствовал, что окружающий воздух поддерживает его, так что он не может упасть. Воздух нес его, как будто он был птицей и имел крылья.

Раздался нежный звук, когда мальчик ступил на лезвие, и один из стоявших на дворе обернулся, услышав этот звук. Он вскрикнул, тогда обернулись и все другие. И увидели мальчика, шедшего по стальному лезвию.

Тогда между собравшимися произошло смятение и великое изумление. Первыми опомнились священники. Они тотчас послали за бедняком и, когда он вернулся, сказали ему:

— Бог сотворил чудо, чтобы показать нам, что Он хочет принять твой дар. Давай сюда твоего ягненка, мы принесем его в жертву!

Сделав это, они стали искать мальчика, прошедшего над пропастью, но нигде не могли найти его...

...Мальчик не знал, что уже прошли утро и полдень, но подумал: «Теперь мне надо спешить домой, чтобы родителям не пришлось волноваться. Я только на минутку сбегаю взглянуть на Глас Князя Мира».

И он пробрался сквозь толпу и поспешил в полутемную галерею, где, прислоненная к стене, стояла медная труба.

Увидев ее и вспомнив, что тот, кто сможет извлечь из нее звук, соберет все земные народы под своим господством, он решил, что никогда не видел ничего столь замечательного, сел возле трубы и стал смотреть на нее.

Он думал, как чудесно было бы иметь в своей власти все народы и как хотелось бы ему поиграть на старой трубе. Но он понимал, что это невозможно, поэтому даже и не решался попробовать.

А в этом прохладном портике сидел святой муж и поучал своих учеников. Он обратился к одному из юношей, сидевших у его ног, и сказал ему, что он обманщик. Дух сообщил ему, говорил святой, что этот юноша чужестранец, а не израильтянин. И вот святой спрашивал его, зачем он прокрался в среду его учеников под ложным именем.

Тогда чужестранный юноша поднялся и сказал, что он прошел пустыни и переехал великие моря, чтобы услышать настоящую мудрость и учение единого Бога.

— Душа моя изнемогла от тоски, — сказал он святому. — Но я знал, что ты не стал бы учить меня, если бы я сказал тебе, что я не израильтянин. Я солгал тебе, чтобы утолить мою тоску. И я прошу: позволь мне остаться около тебя!

Но святой встал и воздел руки к небу:

— Ты не останешься возле меня, это так же невозможно, как невозможно поднять медную трубу, называемую Гласом Князя Мира, и затрубить в нее. Тебе не позволено даже входить в эту часть храма, потому что ты язычник. Уходи, не то остальные ученики бросятся на тебя и растерзают в клочья, потому что твое присутствие оскверняет храм.

Но юноша, стоя неподвижно, сказал:

— Я не пойду туда, где душа моя не находит пищи. Лучше я умру здесь, у твоих ног!

Едва он проговорил это, как ученики святого вскочили, чтобы прогнать его. И когда он стал сопротивляться, они сбили его с ног и хотели убить.

Мальчик сидел совсем близко, так что слышал и видел все это, и подумал: «Это большая жестокость. Ах, если б я мог протрубить в медную трубу, я помог бы ему!»

Он встал и положил руку на трубу. Он желал поднять ее к своим губам не потому, что тот, кто совершит это, делается великим властелином, а потому, что надеялся помочь юноше, чья жизнь была в опасности.

И он схватился своими маленькими руками за медную трубу и попытался поднять ее.

И вдруг он почувствовал, что огромная труба сама поднимается к его губам. И едва ондохнул в нее, как сильный, громкий звук раздался из трубы и прозвучал по всей окрестности великого храма.

Все обернулись и увидели: какой-то мальчик стоит, держа трубу перед губами, и извлекает из нее звуки, от которых дрожат своды и колонны.

Тотчас же опустились руки, поднятые на юношу-чужестранца, и святой учитель сказал ему:

— Приди и сядь у моих ног, как ты сидел раньше! Бог творит чудо, показывая Свое желание, чтобы ты был посвящен в Его учение!

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, почему мальчику удалось пройти сквозь Врата Справедливости?
2. Какой вывод сделали священники, когда мальчик прошел над пропастью? Согласны ли вы с ними? Почему?
3. Перескажите своими словами сцену у медной трубы, называемой Гласом Князя Мира. В чем видел смысл своей жизни юноша-язычник?

ДВА ПОДХОДА К ОСМЫСЛЕНИЮ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

2

НАЧНЕМ С НАЧАЛА

Прежде чем рассуждать о смысле нашей жизни, следует рассмотреть мир вокруг нас и ответить на вопросы, как он произошел, что он значит, наконец, какое место занимает в нем человек.

Утверждая, что существование природы подчиняется определенным законам, мы, конечно, лишь подразумеваем, что природа ведет или проявляет себя соответствующим образом. Так называемые законы, отмечает английский религиозный мыслитель К.С. Льюис, не могут быть законами в полном смысле этого слова, то есть чем-то, стоящим над явлениями природы, которые мы наблюдаем.

Но когда речь идет о человеке, дело обстоит иначе. Закон человеческой природы — или закон добра и зла — должен быть чем-то, что стоит над реальностью человеческого поведения. И в этом случае, помимо фактов, мы имеем дело еще с чем-то — с Законом, которого мы не изобретали, но которому, мы знаем, должны следовать.

А теперь подумаем, какова природа этого Закона, которого мы не изобретали, и какова природа самих нравственных законов? Было бы естественно предполагать, что она находится в тесной связи с устройством всей Вселенной. Поняв, как произошел человек и сама Вселенная, мы легче поймем, как появились нравственные законы нашего бытия.

Вопрос о происхождении человека и всей Вселенной имеет долгую историю. Можно смело утверждать, что с того момента, когда люди научились мыслить, они стали задумываться о том, что представляет из себя Вселенная и каково ее происхождение. В самых общих чертах по поводу этого вопроса существуют две точки зрения — материалистическая и идеалистическая. По мнению материалистов, весь мир возник «сам по себе», идеалисты же считают, что мир создала некая Творческая Сила.

Многое узнал человек о мире. Однако этого очень мало в сравнении с тем, что еще нам неизвестно. Но и для того, чтобы усвоить известное,

людям приходится учиться много лет. И все-таки один человек уже не может охватить всех знаний человечества.

Мы любим наших писателей, художников, ученых, гордимся достижениями человеческого разума. Но разве не большего восхищения и удивления заслуживает то, что мы видим во всей природе? Великий русский ученый М.В. Ломоносов писал:

Скажите ж. коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Неведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик Творец!

Однако по разным причинам не все люди согласны с этим положением М.В. Ломоносова, точнее, с последней — четвертой строкой. Неверие в существование Творца многих наших современников обусловлено тем, что за долгие годы существования советской власти народу постоянно внушалась мысль, согласно которой «в Творца верят только темные, необразованные люди, не знакомые с данными науки». При этом сознательно умалчивалось, что констатация «мир возник сам по себе» — всего лишь недоказанная гипотеза.

Более того, существует целый ряд научных фактов, свидетельствующих о недоказуемости материалистической теории возникновения мира, но и существование Творца также не доказано наукой. Правда, многие известные ученые считают, что и само такое «доказательство» вовсе не является объектом исследования науки, что существование Творца — вопрос веры.

Вера в главенствующую силу разума, в прогресс, вера во все, что может быть обобщено под термином просвещенчества, очень сильно захватила научную мысль в XVIII и XIX веках и остается в ней в достаточном объеме до сих пор. Уже в конце XVIII века просвещенчество подверглось сильному воздействию сначала со стороны романтического, а затем и религиозного течений, но и сегодня оно остается довольно-таки жизнеспособным направлением, где религии противопоставляется не ее отрицание, не чистый атеизм, а вера в то, что можно и без Бога устроить жизнь. Чистый атеизм легко соединяется с равнодушием и потому особой творческой активной силы не имеет, но атеизм, оплодотворенный гуманизмом, стремится вытеснить христианство и иногда в этом торжествует.

Религия и наука не противоречат и не могут противоречить друг другу по той простой причине, что они говорят о совершенно разных вещах. Противоречие же возможно только там, где два объекта высказывают об одном и том же предмете противоположные суждения.

Для большей точности, с некоторым сознательным упрощением можно сказать: **наука изучает мир, религия познает Бога**. Поэтому первая так же мало противоречит утверждениям второй, как, например, астрономические истины о строении Солнечной системы могут противоречить, скажем, экономическому учению о законах денежного обращения.

Но позвольте, возразят нам, ведь религия своим учением о Боге вместе с тем меняет представления верующего о мире, жизни, человеке, то есть о вещах, которые изучает наука. Поэтому предложенное объяснение искусственно и совсем не устраняет трудностей в решении данной проблемы.

Возражение это имеет смысл, но оно не опровергает нашего утверждения, а только заставляет нас несколько усложнить его. Точнее, надо сказать так: наука изучает мир и явления, в нем происходящие, без отношения их к чему-либо иному; религия же, познавая Бога, познает вместе с тем мир и жизнь в их отношении к Богу.

Допустим, что в вагоне поезда ты обращаешься к своему соседу: «Будьте добры, сидите спокойно на месте и не двигайтесь беспрерывно». Сосед обиженно отвечает: «Я сию совершенно спокойно на своем месте», на что ты в свою очередь возражаешь: «Как вы можете утверждать, что остаетесь на одном месте, когда на самом деле с большой скоростью едете вместе с вагоном?» Вполне возможно, ты услышишь либо недолжный ответ, либо сосед с упреком скажет тебе, что ты издеваешься над ним.

Но кто же, собственно, прав? Остается ли в самом деле твой сосед на одном месте или он движется? Конечно, оба правы, так как в отношении тебя и вагона сосед не двигается с места, а в отношении земли и предметов вне вагона он движется. Вот доказательства правоты двух противоположных утверждений об одном предмете (о перемещении в пространстве или покое данного тела), которые, однако, несколько не противоречат одно другому.

Мир меня удивляет, и я не могу себе представить, что эти часы существуют без часовщика.

Ф. Вольтер

Чем больше наука делает открытий в физическом мире, тем более мы приходим к выводам, которые неуклонно направляют нас к вере.

А. Эйнштейн

ВОПРОСЫ

1. В разделе «Начнем с Начала» утверждается, что религия и наука не противоречат и не могут противоречить друг другу. А как вы считаете?
2. «Учитесь жить! — наставляла глиняная копилка своих соседей по квартире. — Вот я, например, занимаю видное положение, ничего не делаю, а деньги так и сыплются». Однажды, когда копилка была уже полна, в нее попытались засунуть еще одну монету. Монета не лезла, и копилка волновалась, что эти деньги достанутся не ей. Но хозяин рассудил иначе. Он взял молоток и... В один миг копилка лишилась и денег, и видного положения. От нее остались только черепки. Как вы думаете, в чем смысл этой притчи?

ДВЕ МОДЕЛИ ИСТОРИИ ЗЕМЛИ

2

Возможны только две принципиально различные модели (гипотезы) истории Земли, хотя каждая из них имеет варианты. Следующее сравнение этих двух моделей принадлежит современному американскому ученому Г. Моррису.

Согласно **эволюционной** модели, наша Вселенная достигла современного сложного и высокоорганизованного состояния в процессе естественного развития. Предполагается, что законы природы и естественные процессы имеют всеобщий и постоянный характер.

Креационная (иногда ее называют моделью сотворения) модель выделяет особый, начальный период творения, в течение которого важнейшие системы природы были созданы в завершенном, действующем с самого начала виде.

Естественные процессы в настоящее время ничего подобного не создают. Следовательно, процессы творения должны были быть сверхъестественными, нуждающимися для их осуществления во всемогущем, трансцендентном Создателе. Когда Создатель (кто бы Он ни был) завершил акт творения, процессы созидания были окончены и заменены процессами сохранения, чтобы поддерживать Вселенную и обеспечить ее возможностью выполнить некое предназначение.

Согласно эволюционной модели, ныне существующий мир был сначала беспорядочным и лишь постепенно, с течением времени, становился все более организованным и сложным.

Для того чтобы привести Вселенную в современное сложное состояние посредством ныне существующих природных процессов, необходимо было поистине продолжительное время. Последние научные данные называют цифры до 30 миллиардов лет, причем 5 миллиардов из них развивалась сама Земля.

Креационная модель, наоборот, представляет мир созданным в уже совершенном виде к концу периода творения. Хотя с тех пор Вселенная и поддерживается продолжающимися процессами сохранения, понятно, что «степень порядка» в ней может изменяться. А если так, то улучшаться порядок не может — ведь он был совершенен с самого начала. Значит, ему остается только ухудшаться.

Эволюционная модель допускает как улучшение, так и ухудшение порядка во Вселенной в ходе естественных процессов.

Креационная модель предполагает в основном ухудшение порядка (в целом во Вселенной) в развитии естественных процессов, так как вызывать улучшение порядка способны только сверхъестественные процессы. При этом, однако, ничего не утверждается относительно скорости ухудшения порядка. Такое ухудшение может быть почти рав-

ным нулю в спокойное время и быть очень резким в период больших катастроф.

Многих ученых удивило утверждение креационистов, что их теория лучше эволюционной объясняет картину мира. В любом случае и эволюционистам, и креационистам следует осознать, что и та, и другая модель являются всего лишь гипотезами.

В предисловии к изданию 1971 года книги Ч. Дарвина «Происхождение видов...» Л.Г. Мэттьюз признает:

«Факт эволюции является стержнем биологии, и в связи с этим биология находится в шекотливом положении как наука, основанная на недоказанной теории. Что же это тогда — наука или вера? Вера в теорию эволюции, таким образом, совершенно аналогична вере в процесс творения Создателя. Сторонники как той, так и другой теории считают истинной только свою, однако истинность ни одной из них до сих пор не доказана».

К интересным и оригинальным выводам пришел современный русский математик и философ В.Н. Тростников:

«Главной опорой эволюционистов служила, конечно, теория естественного отбора, то есть дарвинизм. Но на фоне сегодняшних данных биологической науки он выглядит несостоятельным».

Всякая теория имеет две опоры: логика и факты. Логическая схема дарвинизма проста. В живой природе имеется изменчивость — признаки детей несколько отличаются от признаков родителей, и особи, которые вследствие этого оказываются наиболее конкурентоспособными, побеждают в жизненной борьбе своих собратьев и передают полезные признаки потомству. Так приспособленность постепенно накапливается и за миллионы лет достигает высочайшей степени. По словам самого Дарвина, эту мысль подсказало ему наблюдение за деятельностью селекционеров, выводящих породы домашнего скота. Ясность рассуждения подкупает, а аналогия делает его правдоподобным. Но если вдуматься, оказывается, что рассуждение безграмотно, а аналогия неправомочна.

Чарлз Дарвин (1809–1882)

Прежде всего совершенно игнорируется тот факт, что всякое животное не только имеет индивидуальные, но и видовые признаки, а они состоят не из параметров, а из совокупности жестко взаимосвязанных между собой конструктивных принципов, образующих идею вида. У разных видов эти идеи отличаются не в меньшей степени, чем идея черно-белого телевизора отличается от идеи телевизора цветного. Если по черно-белому телевизору стукнуть кулаком, он может работать лучше, но сколько по нему ни бей, улучшение не достигнет такой степени, чтобы он превратился в цветной.

Так же и с отбором случайных мутаций. Признаки, на которые воздействует отбор, есть отдельные параметры, не более того. Собаковод топил щенков с короткими ушами и оставляет длинноухих и в конце концов получает спаниеля. Но спаниель при всем внешнем своеобразии остается типичной собакой — с собачьими повадками, собачьим обменом веществ, с собачьими болезнями. И можно ли поверить, что если достаточно долго топить одних щенков и сохранять жизнь другим, то когда-нибудь мы получим кошку? А то и ящерицу? А ведь эти допущения есть то самое, на чем зиждется весь дарвинизм.

Безграмотность состоит здесь в том, что животное мыслится как сумма параметров, тогда как на самом деле оно представляет собой систему, состоящую из многих уровней. И если на низших уровнях действительно имеется изменчивость, которая может привести к образованию разных пород одного и того же вида, то на более высоких уровнях изменчивость просто недопустима.

Факты полностью подтверждают этот теоретический аргумент. Эксперименты показали, что никаким образом нельзя создать новый вид. В некоторых лабораториях селекция бактерий ведется непрерывно с конца прошлого века, причем для усиления изменчивости применяется излучение, однако за этот период, который по числу сменившихся поколений равносителен десяткам миллионов лет для высших форм, так и не возникло нового вида!

А недавно концепции непрерывной эволюции был нанесен еще один удар. Наш кинолог* А.Т. Войлочников догадался сделать то, чего прежде никто не делал: получив помет от волка и собаки, он начал скрещивать

* Кинолог — специалист по кинологии. Кинология (от греч. *kyon* (*kynos*) — собака) — наука о собаках, их породах и уходе за ними.

гибриды между собой. И что же? В последующих поколениях стали рождаться либо чистые собаки, либо чистые волки! Насильственно перемешанные гены, как только их предоставляли самим себе, тут же разошлись по «разрешенным» наборам. Кстати, из этого следует, что собака не произошла от волка, и к загадке происхождения человека добавилась теперь загадка происхождения его четвероногого друга.

В заключение следует заметить, что эволюционная модель не противоречит Библии.

Нас не должен удивлять тот факт, что в Библии не говорится об эволюции. В Библии описываются этапы творения, которые, фактически, совпадают с данными, предложенными эволюционной теорией. Только если в теории эволюции переход от низших форм к высшим осуществляется «сам по себе» без воздействия творческого Начала, то согласно Библии создание более совершенных форм осуществляется творческим Словом Божиим.

Второе начало термодинамики утверждает, что в системе, предоставленной самой себе, мера беспорядка возрастает, поэтому теория о самопроизвольном возникновении более совершенных форм жизни ему явно противоречит.

Отличительной чертой Библии является изложение в ней вопросов чистой веры в Бога, а не той или иной научной концепции. Вопросам веры основное внимание уделяли и отцы Церкви.

Кстати, научный труд Чарлза Дарвина — «Происхождение видов путем естественного отбора» — увидел свет довольно поздно, лишь в 1859 году. Поэтому говорить об оценке эволюционной модели отцами Церкви в период деятельности Вселенских Соборов (IV—VIII вв.) не приходится. Как бы там ни было, нам необходимо запомнить главное — веру и науку нельзя противопоставлять друг другу.

Хорошей иллюстрацией к этому тезису могла бы послужить сцена, описанная в Библии, в Книге Иисуса Навина. По представлениям, бытовавшим в той далекой эпохе, не Земля вращалась вокруг Солнца, а наоборот. В своей молитве к Господу Иисус Навин так и говорит: «Стой, солнце, над Гаваоном!» (Иис. Нав., 10, 12). Не «Земля, стой!», а, обратим внимание, «Солнце, стой!».

Конечно, последовавшие уже в нашей эпохе открытия о том, что Земля — круглая, нисколько не повредили Библии. Наоборот, они толь-

ко лишний раз убедили человечество, что Господь творит не по человеческому, а по Своему разумению. Это подтверждают следующие строки из той же Книги Иисуса Навина: «И не было такого дня ни прежде, ни после того, в который Господь так слушал бы гласа человеческого».

ВОПРОСЫ

1. Как вы считаете, каким образом проблема возникновения мира связана с проблемой смысла жизни человека?
2. Объясните, пожалуйста, каким образом, с вашей точки зрения, возник миф о мнимом противоречии между наукой и религией.
3. Прочтите следующее ниже стихотворение и выскажите свое мнение относительно его содержания:

МАРТЫШЕК ТРОЕ ЗА ОБЕДОМ

— Послушайте, друзья, — одна из них сказала,

— Какую новость я сегодня услышала!

Вы знаете, что говорят сейчас?

Что будто род людской произошел от нас!

Из нашей благородной расы

Развились будто бы людские массы.

Да разве мы такие, как они?

Так, как они, проводим свои дни?

Как, милые, нам тут не возмутиться,

Где, кто из нас бы вздумал разводиться?

Детей своих покинуть кто бы мог?

Иль выбросить их мог бы за порог?

Иль на чужом оставить попечение,

С рук на руки передавать все время,

Чтоб матерей своих они совсем не знали,

Любви и ласки их не испытали?

Не видела я также никогда,

Чтобы заборами мы пальмы окружали,

Чтобы орехи лучше пропадали,

Чем дать другим попробовать на вкус.
Еще есть вещь одна: какая обезьяна
Пойдет в кабак напиться допьяна,
За удовольствие и развлечение то считать.
Придя домой, жену избить, детей пугать?
Какого, я б хотела знать, они происхожденья?
Но только не от нас они, в том нет сомненья!

3

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Люди, которые разделяют материалистическую точку зрения, считают, что материя и пространство просто существуют, они существовали всегда, и никто не знает почему. Следующая схема рассуждений принадлежит английскому писателю и философу К.С. Льюису.

Материалисты полагают, что материя, которая ведет себя определенным, раз и навсегда установленным образом, случайно ухитрилась произвести и такие создания, как мы с вами, — способные думать. Благодаря какому-то счастливому случайному событию, вероятность которого ничтожно мала, что-то ударило по нашему Солнцу, и от него отделились планеты. В силу другого такого же случайного события, вероятность которого не больше, чем вероятность предыдущего, на одной из этих планет возникли химические элементы, необходимые для жизни, плюс необходимая температура, и, таким образом, часть материи на этой планете ожила, а затем, пройдя через длинную серию случайностей, живые существа развились в такие высокоорганизованные, как мы с вами.

Каждому известно, что базис науки составляет эксперимент. Наука изучает свойства и состав предметов, материалов, элементов и т. п. Любое научное сообщение, каким бы сложным оно ни казалось, сводится в конечном счете к следующему: «Я направил телескоп на такую-то часть неба в 2.20 ночи 15 января такого-то года и увидел то-то». Или:

«Я положил некоторое количество этого вещества в сосуд, нагрел до такой-то температуры, получилось то-то и то-то».

Однако вопрос, почему все эти объекты, которые изучает наука, существуют вообще, находится ли за этими объектами нечто совершенно от них отличное — вовсе не вопрос науки. Если за пределами всей видимой нами действительности «нечто» существует, то оно либо останется неизвестным для людей, либо даст им знать о себе каким-то особым способом. Утверждения же о том, что это «нечто» существует или, наоборот, — не существует, в компетенцию науки не входят. И настоящие ученые подобных заявлений обычно не делают. Чаще с ними выступают журналисты и авторы популярных романов, нахватавшиеся непроверенных научных данных.

В конечном счете здравый смысл говорит нам: предположим, наука когда-нибудь станет настолько совершенной, что постигнет каждую частицу Вселенной; не ясно ли, что на вопросы — «Почему существует Вселенная?», «Почему она ведет себя так, а не иначе?» и «Есть ли какой-нибудь смысл в ее существовании?» — сегодня, как и тогда, ответа не будет.

Материалистический подход к изучению развития Вселенной и составляющая его ядро эволюционная модель Ч. Дарвина повлияли и на развитие философской мысли. Некоторые ученые использовали концепцию эволюции для разработки теорий об обществе. На основе теории Ч. Дарвина о происхождении и развитии жизни, основанной на идее естественного отбора, возник ряд новых философий.

Например, в философии Карла Маркса, немецкого философа и социолога XIX века, борьба за выживание между организмами сравнивается с борьбой за власть между классами общества. Маркс был настолько захвачен тем, как Дарвину удалось объяснить непричастность Бога к происхождению жизни, что посвятил Дарвину свою книгу «Капитал».

Карл Маркс и другие философы его времени считали, что высшим существом является человек, а не Бог. Эта точка зрения предполагает, что люди сами сделали себя такими, какими они являются, в результате своих собственных усилий, разума и творческих способностей.

Так называемый гуманистический взгляд отвергает библейскую посылку о том, что человек — это падшее, грешное создание, которое следует спасти, и считает, что человек следует эволюционным путем к более высокой ступени сознания. Таким образом, эволюция представляет собой основную идею гуманистического взгляда, согласно которой человек с течением времени становится все более и более богоподобным существом.

В этих трех разделах настоящей главы мы кратко ознакомились с борьбой двух идей. Любопытно отметить, что картина этой борьбы была предсказана апостолом Павлом почти две тысячи лет тому назад:

«Все, что известно о Боге, стало доступно людям, ибо Бог сделал это доступным им. От сотворения мира незримая извечная сила и божественность Бога ясно проявляется, ибо все это видно в каждом творении Его. И потому нет оправдания людям, ибо хотя и знали они Бога, но не почитали Его, как должно. Вместо этого предавались они суетным размышлениям, и глупые сердца их почернели от греха. Называя себя мудрыми, обезумели... Они заменили истину Божию ложью и поклонялись и служили твари вместо Творца, Который благоденствует вовеки».

ВОПРОСЫ

1. Как вы считаете, вероятность какого события больше: «Жизнь на Земле и сам человек появились путем развития материи случайно, непреднамеренно» или же «Любая обезьяна, долго стучащая по клавишам пишущей машинки, может напечатать роман в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин»?
2. Может ли наука изучать то, что находится вне материального мира? Почему?

4

ИДЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Как уже говорилось, согласно идеалистической точке зрения, источник происхождения видимой Вселенной следует искать в каком-то Разуме (скорее, чем в чем-либо). Этот Разум обладает сознанием, имеет свои цели и отдает предпочтение одним вещам перед другими. С идеалистической точки зрения именно этот Разум и создал Вселенную, частично ради каких-то целей, о которых мы не знаем, а частично и для того, чтобы произвести существа, подобные себе самому, то есть наделенные, подобно Ему, разумом.

Не подумайте, пожалуйста, что идеалистическая точка зрения бытовала давным-давно, а материалистическая точка зрения постепенно вытесняла ее. В обозримом прошлом всюду, где когда-либо жили мыслящие люди, существовали они обе. И повторим еще одну вещь. Мы не можем установить, какая из этих двух теорий правильна с научной точки зрения.

Во Вселенной есть лишь одно существо, о котором мы знаем больше, чем могли бы узнать о нем только благодаря наблюдениям извне. Это существо — человек. Мы не просто наблюдаем людей, мы сами — люди. В данном случае мы располагаем так называемой внутренней информацией. И благодаря этому нам известно, что люди чувствуют себя подвластными какому-то моральному Закону, которого они не устанавливали, но о котором не могут забыть — как бы они ни старались — и которому, они знают, следует подчиняться.

Обратите внимание вот на что: всякий, кто стал бы изучать нас со стороны (как мы, например, изучаем электричество или червей), не зная нашего языка и, следовательно, не имея возможности получить от нас внутреннюю информацию, на основе простых наблюдений за нашим поведением никогда бы не пришел к выводу, что у нас есть нравственный Закон. Да и как мог бы он прийти к нему? Ведь такие наблюдения показывали бы ему только то, что мы делаем, а нравственный Закон говорит о том, что мы должны делать.

Только одно-единственное явление, помимо наблюдаемых фактов, наводит на мысль о существовании «чего-то», и это явление — мы сами. Лишь в нашем собственном случае мы видим: это «что-то» существует.

Теперь нам остается запомнить основное заключение, к которому мы пришли:

Люди чувствуют себя подвластными моральному Закону, которого они не устанавливали, но которого они не могут избежать, как бы они ни старались, и которому, они знают, следует подчиняться.

Поскольку центром христианского вероучения является Бог, то нетрудно понять, что точка зрения Церкви на источник происхождения видимой Вселенной является идеалистической. Тогда интересным и уместным является следующий вопрос — как же Церковь относится к теории эволюции? Протоиерей Николай Соколов в своем курсе лекций для студентов Московского Свято-Тихоновского богословского института говорит следующее:

«Была ли вообще на земле эволюция? Что подразумевать под эволюцией? Прекратился ли эволюционный процесс созданием и творением человека?»

Я, как священник, признаю, что идея создания Богом мира — наше кредо, наше убеждение. Господь творит мир; Его Слово творит мир. А то, как творится мир, — это дело науки. То же показывает и бытописатель: от простейшего к сложному». Использовал ли Бог для сотворения более совершенных форм низшие формы животных в Библии не написано. О сотворении человека прп. Иоанн Дамаскин писал: «Тело и душа сотворены в одно время».

А далекий от домыслов, рассуждений и фантазий на эту тему великий святой Серафим Саровский так говорит в беседе с Мотовиловым: «До того как Бог вдунул в Адама душу, тот был подобен животному». У Святителя Феофана Затворника мы находим слова: «Было животное в образе человека с душою животного. Потом Бог вдунул в него Свой Дух, и из животного стал человек».

Это утверждают люди, которые не участвовали в спорах об эволюционном процессе. Для религиозного сознания это несущественный момент. Если кто-то говорит, что для него важно, что в определенное время появляется новая жизнь на Земле, никак не связанная с предыдущей жизнью, то он не может этого доказать и никто не может этого опровергнуть.

Если была какая-то жизнь, она могла породить себе подобную жизнь. Жизнь порождает жизнь. Трехжды в Библии на еврейском языке при описании сотворения мира употребляется слово «бара» как указание на начало жизни, в том числе и как начало особой жизни человека. Все остальное может произвести вода, земля. Это говорит о том, что Господь Своим Промыслом вложил в товарное бытие возможность видоизменения, совершенствования. Называйте это эволюцией или по-другому — как хотите. Для религиозного сознания это непринципиально. Если мы верим, что все создано по Промыслу Божьему, то сам процесс создания пусть интересует ученых или богословов, которые специально занимаются той или иной теорией. Очень важно, чтобы это не было причиной разделения».

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается сущность идеалистического подхода к развитию Вселенной?
2. Как вы думаете, может ли наука ответить на вопрос, зачем мы живем?

5

ЖИЗНЬ, ТЫ ТАК ВЕЛИЧЕСТВЕННА,

ПРЕКРАСНА И МНОГООБРАЗНА*

Да, действительно, нас очень много. Наше чирикание диссонирующе громкое. Утверждают, что мы поедаем ваш хлеб. Даже наша скромная

* Этот раздел подготовлен по работе немецких ученых Вернера Гитта и Карла-Хайнца Ванхайдна «Если бы животные могли говорить...».

одежда не располагает нас к вам. Но вы не пожалеете, если уделите мне, дерзкому воробью, хоть немного внимания. Не пожалеете.

Вы думаете, что не найдете во мне ничего особенного? Но послушайте, ведь вас так же много, как и нас. Не считаете ли вы, что мы не представляем интереса только потому, что нас много? Тогда и вы вполне обычны! О, простите за дерзость.

В сущности, я благонравный полевой воробей. Мне не хотелось бы, чтобы меня перепутали с моим кузенком, нагловатым, толстым городским воробьем. Вы можете узнать меня по серой грудке и черному пятну на щеке, и по этим приметам вы можете нас легко отличить. Мы держимся немного подалеже от ваших домов, как об этом уже говорит наше имя.

Создан для полета

Мой Творец с самого начала сконструировал меня в виде «самолета», поэтому даже самая маленькая часть моего тела приспособлена для полета. У меня не укладывается в голове, как только у людей хватает смелости утверждать, что мы произошли от пресмыкающихся. Только представьте себе: к нашим близким родственникам относятся крокодилов! Меня убеждают в том, что первый воробей жил уже 50 миллионов лет назад. Мне всегда кажется, что неправдоподобность этих утверждений с годами затушевывается. Но отложим теорию в сторону и обратимся к фактам. Тогда вы сможете рассудить сами.

Мое тело построено из легчайших материалов. Почти все кости внутри полые. Благодаря этому они могут поглощать воздух, являются очень легкими и в то же время прочными. У одного моего дальнего родственника, альбатроса, скелет весит всего 120–150 грамм, несмотря на то что длина его тела более одного метра, а размах крыльев достигает трех метров. Вес его перьев превышает вес костей.

Если бы наши кости были заполнены костным мозгом, как у пресмыкающихся, мы не смогли бы летать. Кроме того, кости нашего таза, в отличие от костей ящеров, сращены с позвоночником. Лишь благодаря этому наш скелет обладает той твердостью и гибкостью, которые так необходимы для полета.

Примечательная дыра

Маленькое отверстие в суставной чашечке плечевой кости заслуживает, как мне кажется, особого внимания. Это вовсе не дефект, наоборот, через это отверстие проходит сухожилие, связывающее маленькую грудную мышцу с верхней частью плечевого сустава. Благодаря этому я могу поднимать крыло и вообще летать. Если я действительно произошел от пресмыкающихся, то у меня возникает вопрос: кто просверлил это отверстие в суставной чашке, а затем протянул через нее сухожилие? Такие отверстия вы напрасно будете искать у крокодила!

Сердце, крепись!

Чик-чирик! Помогите, ястреб-перепелятник! Чик-чирик! Где бы мне спрятаться? Помогите... Ах, опять все обошлось благополучно! А ведь было очень опасно! Теперь он улетел. А знаете ли вы, что ястреб — наш самый лютый враг? Своими длинными лапами он может схватить нас даже в густом кустарнике, если мы не будем осторожны. Вообще, у нас очень много врагов: вороны, сороки, кошки, люди. Даже ночью нас не оставляют в покое. Совы нападают на нас даже на дереве, где мы спим. Однажды ночью на нас напал отвратительный лесной сыч. Он вытащил из дупла мою супругу и безжалостно уничтожил ее. Как это было ужасно!

Знаете ли вы, что Создатель наделил меня удивительно крепким сердцем? Ведь оно одно из самых работоспособных! Сейчас, когда я с вами разговариваю, оно делает 460 ударов в минуту. Немного раньше, когда я скрывался от ястреба, частота моего пульса достигла 760 ударов в минуту! Таким он и должен быть, чтобы я мог летать.

Великолепный инструмент

А теперь рассмотрите-ка меня получше: видите мой клюв? С виду — обыкновенная вещь, не правда ли? Но этот чудо-инструмент моего Создателя необыкновенно легок и в то же время отвечает самым высоким требованиям. Подсчитано, что рог на моем клюве имеет разрывную длину около 31 км. Это означает, что если изготовить из этого материала провод и где-нибудь укрепить его, то он оборвется на месте укрепления под собственным весом лишь при длине в 31 км. Материал, используемый людьми в самолетостроении, имеет разрывную длину всего лишь около 18 км.

Взгляд в полевой бинокль

Знаете ли вы, что мой череп весит меньше, чем оба моих глазных яблока?! Но из этого вам не следует делать злорадных умозаключений о моем воробьином уме. Мои глаза намного лучше ваших. У нас, птиц, на единицу поверхности приходится в семь-восемь раз больше зрительных клеток, чем у вас. Благодаря этому в нашем мозгу картина предстает с гораздо большей резкостью. Если вы, например, захотите увидеть предмет точно так же, как его воспринимает канюк, вам придется воспользоваться биноклем. Допускаю, что мои глаза не такие зоркие, как у канюка, но сравнение с вами я всегда выдержу. Один из биологов пишет, что наши глаза являются удивительным по своей функции и работоспособности устройством. Оно относится к самым совершенным оптическим органам в мире позвоночных. Так оно и должно быть, ибо при большой скорости полета от нас не должна ускользнуть ни малейшая деталь.

В придачу к острым глазам Бог дал нам еще и очень подвижную шею, так что нашим инструментом-клювом мы можем без труда дотянуться до любой части тела. Вам кажется это случайностью? Тогда попробуйте-ка достать носом спину. Нет, не вздумайте это сейчас продемонстрировать. Если вам это все же удастся, вы услышите, как при этом хрустят ваши кости.

Пищеварение тоже должно функционировать

Что вы сказали? Что Бог создал меня никчемным обжорой? О, с таким оскорблением мы не смиримся — мой Творец и я. Знаете ли вы вообще, что я ем? Ну конечно, я так и думал. Кто меньше всего знает, тот больше всех кричит! Простите — я опять надерзил, но и вы только что были не очень вежливы!

В Китае моих родственников однажды чуть не уничтожили, потому что некоторые умные люди решили, что мы, полевые воробьи, поедаем у них слишком много проса и риса. Но когда они нашего брата почти уничтожили, то вдруг увидели, что насекомые-вредители настолько размножились, что потери урожая стали намного больше прежнего. Ведь мы в основном питаемся маленькими насекомыми, которых вы считаете вредителями, а мы — деликатесом: майскими жуками, летающими муравьями, тлями, личинками и т. д.

Если уж разговор зашел о еде, то знаете ли вы вообще, как функционирует наше пищеварение? В конце концов, говорить об этом вполне

естественно! Как вы уже знаете, у меня все устроено так, чтобы я мог летать. Так как моя пища богата белками, я обхожусь исключительно коротким кишечником. Однако мне необходимы сильные пищеварительные соки. Мой Творец не хотел обременять меня ненужными экскрементами, поэтому я как можно скорее избавляюсь от них, нередко — на лету, при этом я не раз «украшал» ими вашу одежду. Прошу прощения!

Создавая меня, мой Творец сделал, впрочем, еще кое-что оригинальное. Он сотворил меня... без мочевого пузыря. Благодаря этому Он смог придать моему телу удлиненную форму и, таким образом, уменьшить мой вес. 80 процентов моей мочи кристаллизуется в виде белой пасты в конечном отделе кишечника. Насколько продумано! Кроме этого, жидкость, необходимая для процесса выделения, почти полностью возвращается в организм, так что мне редко приходится «заправляться».

Катапульта и карманный нож

У вас есть еще немного терпения? Тогда обратите внимание на мои ноги! С виду ничего особенного, и все-таки в них скрыта довольно сложная конструкция. Правда, то, что вы видите, в действительности только стопы и пальцы. Все остальное — большеберцовая кость, колено и бедро — скрыты внутри моего тела. И если у вас создается впечатление, что я стою прямо, то в действительности я сижу на корточках. Для вас это положение, наверное, неудобно, а для меня — очень удобно. Когда я внезапно вытягиваю свои колени, мышцы забрасывают меня вверх, словно катапульта, и я начинаю тотчас же пользоваться своими крыльями. Во время полета я втягиваю свои «шасси» под перья и выпускаю их снова только при посадке. Вы, возможно, уже удивлялись тому, что я могу часами просиживать на одной ветке и даже спать при этом. Творец сделал это возможным, вмонтировав в меня особый механизм, который автоматически заставляет пальцы охватывать ветку и держаться за нее. Целый узел сухожилий связывает пальцы с мышцами бедра. Стоит мне сесть на ветку, как сухожилия непроизвольно напрягаются под моим весом и стягивают пальцы. К тому же, на определенном месте сухожилия расположено несколько бугорков. Когда я сажусь, они крепко впиваются в зубчики, которые находятся — опять-таки не случайно — именно в этом месте. Таким образом, сухожилия без особых усилий остаются в состоянии напряжения, и я не падаю с дерева.

У длинноногих, таких как аист и цапля, которым приходится долго стоять, все сконструировано немного иначе. Они получили специальный коленный сустав, защелкивающийся подобно карманному ножу. Поэтому они могут часами простаивать на ногах.

Почему мы откладываем яйца

Что вы, собственно, думаете о том, почему мы, птицы, не вынашиваем своих птенцов как млекопитающие? Вам трудно ответить? Тогда представьте себе, как беременная птица-самка смогла бы летать с большим животом? А чем бы я все это время питался, если бы мог только ползать? Этот вопрос наш Создатель решил универсально, в результате чего мне почти ничто не мешает в полете. Я кладу одно яйцо за другим, в среднем с интервалами не более чем в 24 часа. Таким образом, я могу разом высидывать все яйца, так как места высидывания находятся недалеко друг от друга. Благодаря этому мы, птицы, можем подарить жизнь нескольким птенцам одновременно.

Искусство высидывания

Вы представляете себе это довольно скучным занятием. Может быть, вы думаете, что мы просто садимся на яйца и ждем, пока из них вылупятся птенцы? А знаете ли вы, какие они чувствительные, наши подрастающие в яйцах птенцы? Здесь должна быть определенная температура, соответствующая влажности и беспрепятственный газообмен. В противном случае наши птенцы погибнут прежде, чем вылупятся.

Однако у нашего Творца была гениальная идея, и осуществил Он ее следующим образом: еще до того, как я начинаю класть яйца, у меня на брюшке, в двух-трех местах, выпадают перышки. Зато на том месте кожа становится намного толще, чем раньше, число кровяных сосудов увеличивается в семь раз, и они становятся примерно в пять раз толще. Одновременно в клетках этого «места высидывания» собирается большое количество жидкости. К чему все это? Как только я прикасаюсь «местом высидывания» к яйцу, температура сигнализируется в промежуточный мозг, откуда она либо регулируется непосредственно, либо мне становится ясно, когда и на какое время мне необходимо прекратить высидывание, чтобы обеспечить доступ воздуха, и когда мне нужно перевернуть яйца.

Как эти сведения поступают в промежуточный мозг, и как я с помощью «места высиживания» затем передаю информацию моим птенцам, вашим ученым еще совершенно неясно. Несмотря на это, многие, не долго думая, утверждают, что эта способность развилась постепенно. Мне бы хотелось спросить таких людей, как же тогда высиживали своих птенцов мои предки, если они не замечали момента перегрева или переохлаждения их яиц?

Ах, сколько можно было бы еще рассказать вам о моей удивительной дыхательной системе, о чуде полета, о великолепном устройстве моих перьев, о моих навигационных инструментах...

А теперь мне бы очень хотелось знать: вы все еще верите в то, что я произошел от какого-то ползающего животного? Нет, моего Творца зовут не «случай» и не «длительный период»!

Подумайте, и вы сами во всем прекрасно разберетесь!

ВОПРОСЫ

Сторонниками какой модели истории Земли — креационной или эволюционной — являются ученые, записавшие этот «рассказ» полевого воробья? Вспомните, в чем состоит суть каждой модели истории Земли.

6

ПЧЕЛИНЫЙ УЧИТЕЛЬ

В первые годы советской власти устраивались диспуты на религиозные темы. Об одном таком диспуте рассказывается в книге С. Лаврова «Яко с нами Бог». Небольшой отрывок из этой книги мы приведем.

— **З**начит, и пчелиный учитель, и конструктор птицы — природа? Так я понял? — переспросил Лукич. — А кто же еще? Только природа и никто иной, — сказал Матю-

хин. — Она есть великий учитель и конструктор. Она производит, она делает отбор, она создала птицу. Все она делает.

— Смотри-ка, — снова удивился Демьян Лукич. — Тогда ответь мне: что такое природа?

— Природа — это все, что нас окружает, — принялся объяснять Матюхин. — Все, что мы видим, и все, что существует. Небо и звезды, моря и земля, и растения, и весь животный мир — все это природа.

— Стало быть, — начал рассуждать Демьян Лукич, — природа состоит из одушевленных существ и неодушевленной материи. Так ведь? Теперь давай возьмем одушевленных: человека, животных, птиц — и в уме уберем их из природы и спросим: «земля, воздух, вода и прочее будет ли одушевленно, если все живое убрали?» Нам скажут: «Нет, это неодушевленная материя». Она разум имеет?

— Нет, неодушевленная материя не мыслит.

— Из этого мы видим, что есть природа одушевленная и неодушевленная, мыслящая и не мыслящая, — заключил Демьян Лукич.

— Ладно, мы отделили одушевленную природу от неодушевленной, а теперь поразмыслим: кто же из нее создал птицу? Человек? Нет. Животные? Нет. Сама себя птица создать не может... Или земля создала? Или вода, воздух? А может, они все вместе сели за стол и общими силами все продумали? Опять же нет! А почему? Да потому, что если уж разумный человек не может создать живое существо, то, что говорить о неодушевленной природе! Неодушевленная природа не создает никогда одушевленное существо, как яблоня не уродит вместо яблока морского ежа. Из мертвой материи, не имеющей разума, разве может сам собой получиться разумно устроенный мир и разумный человек? Или по-другому сказать: мертвая женщина, имеющая во чреве плод, может родить живого ребенка? Как ты думаешь?

— Конечно, нет!

— Вот и разъясни, — попросил Лукич, — кто же из природы, одушевленной или неодушевленной, создал птицу и научил пчелок такой великой мудрости? Известно, ведь, что сто дураков не сумеют одного человека сделать умным, а умный один может сто просветить

и научить. Какое же такое существо создало птицу и научило пчелок уму-разуму?

— Да ведь я уже разъяснял, что пчелы делают все не по разуму, а по инстинкту, — с оттенком раздражения ответил Матюхин. — У них нет сознания и воли.

— Это еще дивнее, — заметил Демьян Лукич. — Легко научить человека, у которого есть разум и язык, а вот попробуй корову или лошадь научить читать и писать! Это было бы чудом! А еще большее чудо — научить малюсеньких пчелок делать дивные дела, на какие не способны самые ученые люди. Скажи, наконец, кто это чудо совершил? Кто?!

Молчание. И в зале было тихо. Спор всех захватил.

— В далекие времена, читал я, — продолжал Демьян Лукич, — многие языческие народы — египтяне, финикийцы, греки — представляли себе происхождение мира так: раньше был вечный хаос, первобытный океан, и из этого темного бессмысленного скопления стихий возник наш разумно устроенный мир. Это древнее языческое учение воскресили современные атеисты. Они тоже объявили, что вселенная возникла из бессмысленной, неразумной материи, и науку они используют в своих интересах: что им подходит — признают, а что не подходит — отбрасывают...

Альтшулер поморщился:

— Я запрещаю обсуждение посторонних вопросов!

— Тут надо серьезно подумать и рассудить, — не обращая внимания на окрик, говорил Демьян Лукич, — проверить, правильно ли это учение? А для примера возьмем книгу «Война и мир» Льва Толстого. Прочитаем ее, разрежем на отдельные буквы и всю эту огромнейшую кучу букв рассыпем по земле. Получится из этого книга «Война и мир»? Нет, получится хаос. А чтобы из этого хаоса снова создать книгу, что надо?

— Ясно, что, — усмехнулся Альтшулер. — Голова нужна.

— Э, милый, голова и у обезьяны есть, а она тебе даже из готовых слов книгу не составит. К голове-то что надо? Разум. Чей? Писателя Толстого? Правильно я говорю?

Матюхин нехотя кивнул.

— А чтобы из первобытного океана, из хаоса получился наш разумный, прекрасный мир — для этого что надо? — не отставал Лукич.

- Разум нужен, — ответил Матюхин.
- Чей, человеческий?
- Нет...
- Чей же?
- Надо полагать... высший разум.
- Да! И ЭТОТ ВЫСШИЙ РАЗУМ ЕСТЬ БОГ!

Последние слова Демьян Лукич произнес громко и радостно. Матюхина бросило в пот и он жадно пил воду. Альтшулер опять пришел ему на помощь: объявил перерыв.

ВОПРОСЫ

1. Согласны ли вы с Демьяном Лукичем?
2. Как вы думаете, почему в советское время так много людей перестали верить в Бога?

СИЛА МАТЕРИНСКОЙ ЛЮБВИ (БЫЛЬ)

7

Уже древним грекам (как, впрочем, и другим народам) было известно существование совокупности явлений и действий, особым образом связывающих человека с миром иным, духовным. Сверх обычных способов познания истины, например, опыта — всегда допускалась возможность мистического общения. Словом иррациональный (от лат. *irrationalis*) обозначалось и обозначается то, что невыразимо в логических понятиях и суждениях, что недоступно пониманию чистого разума.

Понятия мистического и иррационального хорошо иллюстрирует следующая быль о силе материнской любви, о силе молитвы.

— **М**ного, много есть необъяснимого на свете. Бывают чудеса и в наш неверующий век, — произнес наш хозяин, отставной моряк, прохаживаясь взад и вперед по столовой. В подтверждение слов своих он рассказал нам следующий случай из своей жизни.

— Я был мичманом, молодым, веселым юношей. Плавание наше в тот раз было трудное и опасное. Океан угрюмо шумел. Я отлично помню тот вечер. Наш командир был добрый человек, но на деле суровый и взыскательный. Мы страшно боялись его... Все кругом было спокойно. В окна каюты долетали сердитые брызги океана.

Вдруг мы услышали поспешные, твердые шаги капитана и заключили по его походке, что он чем-то раздражен.

— Господа, — сказал он, остановившись в дверях каюты, — кто позволил себе сейчас пробраться в мою каюту? Отвечайте!

Мы молчали, изумленные, недоуменно переглядываясь.

— Кто же? Кто был сейчас там? — гневно повторил он и, прочтя полное недоумение на наших лицах, быстро повернулся и ушел наверх. Там грозно зазвучал его голос. Не успели мы опомниться, как нам было приказано явиться наверх. Наверху выстроилась вся команда, все наши люди.

— Кто был у меня в каюте? Кто позволил себе эту дерзкую шутку? Кто? — яростно закричал капитан.

Общее молчание и изумление было ему ответом. Тогда, немного успокоившись, капитан нам рассказал, что он, лишь только прилег в своей каюте, услышал в полузабытьи чьи-то слова: «Держи на юго-запад ради спасения человеческой жизни. Скорость хода должна быть не менее 300 метров в минуту. Торопись, пока не поздно». Мы слушали рассказ капитана и удивлялись. Решено было идти в указанную сторону.

Рано утром все, по обыкновению, были на ногах и толпились на палубе.

Рулевой молча указал капитану на видневшийся вдали черный предмет. Капитан подозвал боцмана и что-то сказал ему. Когда капитан повернулся к нам, лицо его было бледнее обыкновенного...

Через полчаса мы невооруженным глазом увидели, что черный предмет был чем-то вроде плота, а на нем — две лежащие человеческие фигуры. Это были матрос и ребенок. Волны заливали плот, еще бы немного — и было бы поздно.

Капитан, как самая нежная мать, хлопотал около ребенка. Только через два часа матрос пришел в себя и заплакал от радости. Ребенок, укутанный и согретый, крепко спал.

— Господи, благодарю Тебя! — воскликнул матрос, простой парень. — Видно, матушкина молитва до Бога дошла...

Мы обступили матроса, и он рассказал нам печальную повесть корабля, разбившегося о подводные камни и затонувшего. Народу было много, но иные успели спастись в лодке, остальные утонули. Он каким-то чудом уцелел на оставшейся части корабля. И чужой ребенок, ухватившись за него в минуту опасности, спасся вместе с ним.

— Матушка, видно, молится за меня, — говорил матрос, благоговейно крестясь и смотря на небо, — ее молитва спасла меня. Видно, горячо молилась она за меня. Вот в кармане и письмо ее ношу при себе...

И он вынул письмо, написанное слабой рукой малограмотной женщины. Мы перечитали его все, слова помню, как сейчас: «Спасибо, сынок, за твою память да ласку, что не забываешь ты старуху. Бог не оставит тебя! Я день и ночь молюсь за тебя, сынок, и будь здоров и не забывай твою старую мать. Сердце мое всегда с тобой, чую им все твои горести и беды и молюсь за тебя. Да благословит тебя Господь и да спасет и сохранит тебя мне».

Матрос, видимо, глубоко любил свою мать и постоянно вспоминал о ней.

Спасенный ребенок полюбился капитану, и он решил оставить его у себя.

Дивны пути Провидения! Велика сила материнской молитвы! Много есть на свете таинственного и непонятого слабому человеческому уму.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, почему в то знаменательное утро лицо капитана было бледнее обыкновенного? Предвещало ли это изменение жизненного пути капитана? Аргументируйте свою точку зрения.
2. Почему, по мнению матроса, он был спасен? Как вы считаете, это — просто случайность или материальное воплощение идеального?

3. Согласны ли вы с последними словами притчи: «Много есть на свете таинственного и непонятого слабому человеческому уму»? Не хочется ли вам убрать прилагательное «слабому»? Если хочется, то самокритично подумайте, нет ли в этом желании примеси чрезмерной человеческой гордости?
4. В следующем разделе помещен рассказ А.П. Чехова «Размазня», сюжет которого, хотя и далек от темы материального воплощения идеального (см. вопрос 2), непосредственно подводит к понятиям морали и нравственности. Пожалуйста, внимательно прочтите этот рассказ, который кажется простым лишь при поверхностном чтении.

8

А.П. ЧЕХОВ. РАЗВЕ МОЖНО

НА ЭТОМ СВЕТЕ НЕ БЫТЬ ЗУБАСТЫМ?

На днях я пригласил к себе в кабинет гувернантку моих детей, Юлию Васильевну. Нужно было посчитаться. — Садитесь, Юлия Васильевна! — сказал я ей. — Давайте посчитаемся. Вам, наверное, нужны деньги, а вы такая церемонная, что сами не спросите... Ну-с... Договорились мы с вами по тридцати рублей в месяц...

— По сорока...

— Нет, по тридцати... У меня записано... Я всегда платил гувернанткам по тридцати. Ну-с, прожили вы два месяца...

— Два месяца и пять дней...

— Ровно два месяца... У меня так записано. Следует вам, значит, шестьдесят рублей... Вычтешь девять воскресений... вы ведь не занимались с Колей по воскресеньям, а гуляли только... да три праздника...

Юлия Васильевна вспыхнула и затеребила оборочку, но... ни слова!..

— Три праздника... Долой, следовательно, двенадцать рублей... Четыре дня Коля был болен и не было занятий... Вы занимались с одной только Варей... Три дня у вас болели зубы, и моя жена позволила вам не заниматься после обеда... Двенадцать и семь — девятнадцать. Вычесть... останется... гм.. сорок один рубль... Верно?

Левый глаз Юлии Васильевны покраснел и наполнился влагой. Подбородок ее задрожал. Она нервно закашляла, засморкалась, но — ни слова!..

— Под Новый год вы разбили чайную чашку с блюдечком. Долой два рубля... Чашка стоит дороже, она фамильная, но... Бог с вами! Где наша не пропадала? Потом-с, по вашему недосмотру Коля полез на дерево и порвал себе сюртучок... Долой десять... Горничная тоже по вашему недосмотру украла у Вари ботинки. Вы должны за всем смотреть. Вы жалованье получаете. Итак, значит, долой еще пять... Десятого января вы взяли у меня десять рублей...

— Я не брала, — шепнула Юлия Васильевна.

— Но у меня записано!

— Ну, пусть... хорошо.

— Из сорока одного вычесть двадцать семь — останется четырнадцать...

Оба глаза наполнились слезами... На длинном хорошеньком носике выступил пот. Бедная девочка!

— Я раз только брала, — сказала она дрожащим голосом. — Я у вашей супруги взяла три рубля... Больше не брала...

— Да? Ишь ведь, а у меня и не записано! Долой из четырнадцати три, останется одиннадцать... Вот вам ваши деньги, милейшая! Три... три, три... один и один... Получайте-с!

И я подал ей одиннадцать рублей... Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман.

— Мерсі, — прошептала она.

Я вскочил и заходил по комнате. Меня охватила злость.

— За что мерсі? — спросил я.

— За деньги...

— Но ведь я же вас обобрал, черт возьми, ограбил! Ведь я украл у вас! За что же мерсі?

— В других местах мне и вовсе не давали...
— Не давали? И не мудрено! Я пошутил над вами, жестокий урок дал вам... Я отдам вам все ваши восемьдесят! Вон они в конверте для вас приготовлены! Но разве можно быть такой кислятиной? Отчего вы не протестуете? Разве можно на этом свете не быть зубастым? Разве можно быть такой размазней?

Она кисло улыбнулась, и я прочел на ее лице: «Можно!» Я попросил у нее прощение за жестокий урок и отдал ей, к великому ее удивлению, все восемьдесят. Она робко замерсикала и вышла... Я поглядел ей вслед и подумал: легко на этом свете быть сильным!

ВОПРОСЫ

1. Можно ли утверждать, что шутка хозяина была удачной? Почему?
2. Как вы считаете, «можно ли на этом свете не быть зубастым»?
3. Согласны ли вы с заключением писателя, что «легко на этом свете быть сильным»? Аргументируйте свою позицию.

СЕЙ ОТ РОДА МОЕГО!

9

Когда Серафиму Саровскому исполнилось 39 лет, он оставил монастырь и поселился в деревянной келлии, которая находилась в густом лесу на берегу реки Саровки, в пяти верстах от монастыря.

Здесь он начал вести особую пустынножизнь. Пост его доходил до невероятной строгости. Пищей его стала лесная трава, которая в изобилии росла около его келлии. Жил и молился преподобный по чину древних пустынножителей. Иногда кто-либо из братии встречал его на пути, в белом простом балахоне, с медным крестом — благословением матери — на груди, с сумкой за плечами, наполненной камнями и песком, а поверх них лежало святое Евангелие. Когда

преподобного Серафима спрашивали, зачем он носит на спине такую тяжесть, он отвечал кротко: «Томлю томящего меня». И те, кто разумели в духовной жизни, догадывались, какая борьба смертной человеческой плоти и бессмертного духа совершается в жизни этого подвижника.

Враг рода человеческого, диавол, желая отвратить преподобного Серафима от подвига, сделал своим орудием злых людей. Однажды преподобный Серафим рубил в лесу дрова. Вдруг перед ним очутилось трое неизвестных. Они набросились на монаха, требуя от него денег.

«К тебе многие приходят и наверняка приносят и золото, и серебро!» — «Я ни от кого ничего не беру», — отвечал им преподобный Серафим. Но они кинулись на него, желая либо получить мнимые сокровища, либо убить подвижника. Преподобный Серафим был очень крепок и силен, к тому же в руках у него был топор, однако, будучи монахом, он не мог никому ответить ударом на удар. Предав себя в руки Божии, он сказал: «Делайте, что вам нужно». Один разбойник ударил его по голове обухом топора, изо рта и ушей преподобного хлынула кровь, и он упал замертво. Разбойники долго избивали его, наконец, устав, бросили его возле келлии и устремились в жилище пустытника искать деньги. Но обнаружили там лишь икону да несколько книг. Тогда они поняли, что убили праведника; на них напал страх, и они опрометью кинулись прочь от нищенской келлии и от лежащего на земле бездыханного монаха.

Но преподобный Серафим остался жив. Придя в чувство, он, преодолевая страшную боль, возблагодарил Господа за безвинное страдание, подобное страданиям Самого Христа, и помолился о прощении злодеев. А когда наступило утро, он с огромным трудом, весь в крови, истерзанный, побрел в обитель.

Братия пришла в ужас от его состояния. Вызванные из города врачи нашли, что голова у него проломлена, ребра перебиты, на теле страшные ушибы и смертельные раны; все были уверены, что смерть неизбежна. Пока врачи совещались, преподобный уснул. И вот пред ним предстала Матерь Божия с апостолами Петром и Иоанном.

— Что вы трудитесь? — сказала, обернувшись к врачам, Пресвятая Богородица. — Сей от рода Моего!

Проснувшись, преподобный Серафим почувствовал возвращение сил. В тот же день он начал вставать, но все же пять месяцев ему пришлось провести в монастыре. А окрепнув, он снова вернулся в свой лесной затвор. Дьявол был посрамлен: ему не удалось заставить подвижника оставить свой монашеский подвиг. Но после избиения спина преподобного навсегда осталась согнутой.

Надо сказать, что разбойников удалось поймать. По закону их ждало суровое наказание, но преподобный вступился за своих обидчиков. Он даже сказал, что, если их не простят, он навсегда уйдет из этих мест. Злодеев отпустили, но их настигла кара Божия. Пожар уничтожил их дома со всем имуществом. Только тогда они раскаялись и пришли к преподобному Серафиму, прося прощения и молитв.

ВОПРОСЫ

1. Почему преподобный Серафим не стал сопротивляться разбойникам?
2. Нет ли какой-то несправедливости в том, что «нужно подставлять другую щеку»?

САКРАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ

МОРАЛЬ И НРАВСТВЕННОСТЬ

10

Мудрость, справедливость, мужество, самообладание — эти понятия в древнегреческой культуре обозначают добрый нрав. В христианстве идеальное включено в понятия веры в Бога, надежды, любви.

Идеальную цель и добро обычно обозначают понятием ценность и выражают таким образом известное совершенство, идеал, должное,

а также то, к чему следует стремиться, чтобы поддержать развитие и способствовать совершенствованию жизни.

Ценность является тем, чего еще, возможно, и нет, но что должно быть и к чему стоит идти.

Есть ли смысл говорить об общности духовных ценностей сегодня, если в обществе господствует плюрализм ценностей? Способен ли человек жить идеально и совершенно? Стоит ли стремиться к тому, что недостижимо?

Конечно, стоит! Хотя, бесспорно, это очень трудно! Впрочем, не менее трудно, чем найти ответ на вечный вопрос каждого человека: «Быть или не быть?» С момента раскрытия предательского убийства отца Гамлет должен был решить для себя: быть или не быть человеком, посвятить свою жизнь бездумной, безропотной дреме, предаться наслаждениям и удобствам придворной жизни или воззвать к истине и понять, что степень падения окружающих тормозит развитие жизни и вызывает протест?

Быть означает волю к более наполненной жизни и преодоление удовлетворенности настоящим. Быть означает жить духовно, жить в соответствии с идеалом, с тем, чего еще нет, но что должно быть, чтобы мир стремился к более совершенному состоянию.

С понятием духовных ценностей тесно связано понятие сакральных ценностей. Сакральный (от лат. *sacralis*) — это священный, относящийся к религиозному ритуалу, обряду. Уже в мифах сакральное отделено от обыденного. Оно сохраняется и оберегается в обрядах, чтобы у человека было нечто более высокое, чем его непрехотливая повседневность. И Фауст признает:

...Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела.

Понятие этики (от греч. *ethos* — нрав, характер, привычка, обычай) используют в основном для обозначения учения о морали и нравственности. Это слово введено древними греками, и уже в IV веке до н.э. Аристотель написал «Никомахову этику».

Этика включает в себя знания и рефлексию* о морали и нравственности, но поскольку обе они являются составной частью культуры жизни, то этику иногда называют и учением о жизни.

Понятие мораль (от лат. *moralis* — нравственный) очень близко к понятию этики и часто используется как его синоним. Мораль — это идеальная программа, которая ориентирована на разумное и доброе.

Если под моралью понимать только сознание, то обособление от деятельности принизило бы смысл морали. Сознание формируется, чтобы объективироваться, то есть стать человеческими деяниями и отношениями. Поэтому термин мораль часто является синонимом слова нравственность. Однако некоторые авторы подчеркивают, что понятие морали касается объективной, общественной стороны явления, а нравственность — это субъективная, индивидуальная сторона того же явления.

Образно говоря, моральные нормы — это инструкции, обеспечивающие правильную работу «человеческой машины».

На одном из уроков ученик, которого спросили, как он представляет себе Бога, ответил, что, насколько он понимает, Бог — это такая личность, Которая постоянно следит, не живет ли кто в свое удовольствие, и когда Он замечает такое, то вмешивается, чтобы это прекратить. К сожалению, именно в таком смысле многие люди понимают «мораль»: то, что мешает нам получать удовольствие и что ограничивает нашу свободу.

Мы сравнили моральные нормы с инструкциями, обеспечивающими правильную работу «человеческой машины». В этом случае каждое из правил морали нацелено на то, чтобы предотвратить поломку, перенапряжение или трение. Вот почему на первый взгляд кажется, будто они постоянно вмешиваются в нашу жизнь и препятствуют проявлению наших природных склонностей. Когда вы учитесь работать на какой-нибудь машине, инструктор то и дело поправляет вас: «Нет, не так, никогда не делайте этого». Это потому, что в обращении с машиной у вас постоянно возникает искушение попробовать сделать то, что вам представляется естественным и удачным, но в результате этого машина ломается.

* Рефлексия — размышление, содержание сомнения; склонность к анализу своих переживаний.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, имеет ли человек право распоряжаться своей жизнью без оглядки на других?
2. Объясните, пожалуйста, понятия этики, морали и нравственности.
3. Что является ценным в жизни для вас?
4. Как вы думаете, может ли человек быть счастливым, если все его интересы связаны лишь с материальной сферой жизни? Почему?

11

ТРИ ЧАСТИ МОРАЛИ

Следуя К.С. Льюису, сделаем еще один шаг вперед. «Человеческая машина» может выходить из строя двумя путями. Один — это когда человеческие индивиды сталкиваются и причиняют друг другу вред обманом или грубостью. Второй — когда что-то ломается внутри индивида, то есть когда его способности, желания и т. п. противоречат друг другу либо приходят в столкновение между собой.

Проще будет понять эту идею, если вы представите нас в виде кораблей, плывущих в определенном порядке. Плавание будет успешным только в том случае, если, во-первых, корабли не сталкиваются друг с другом и не преграждают пути один другому и, во-вторых, если каждый корабль годен к плаванию и двигатель у каждого в полном порядке. Необходимо, чтобы исполнялись оба эти условия. Ведь, если корабли будут постоянно сталкиваться, они скоро станут непригодными к плаванию. С другой стороны, если штурвалы не в порядке, корабли не смогут избежать столкновений. Или, если хотите, представьте себе человечество в виде оркестра, исполняющего какую-то мелодию. Чтобы игра получилась слаженной, необходимы два условия: каждый инструмент должен быть настроен и каждый должен вступать в положенный момент, чтобы не нарушать общей гармонии.

Но мы с вами не учли одного. Мы еще не спросили, куда собирается наша флотилия или какую музыку хочет сыграть наш оркестр. Инструменты могут быть хорошо настроенными, и каждый из них может вступать в нужный момент, но и в этом случае вступление не будет успешным, если музыкантам заказана танцевальная музыка, а они исполняют похоронный марш. И как бы хорошо ни проходило плавание, оно обернется неудачей, если корабли приплывут в Калькутту, в то время как порт их назначения — Калининград.

Соблюдение моральных норм связано, таким образом, со следующими тремя вещами. Первое — с честными намерениями и гармоническими отношениями между людьми. Второе — с тем, что можно было бы назвать наведением порядка внутри самого человека. И наконец, третье — с определением общей цели человеческой жизни; с тем, для чего человек создан; с тем, по какому курсу должна следовать флотилия; какую мелодию избирает для исполнения дирижер оркестра.

Философ Е. Трубецкой, размышляя о цели жизни, о том, для чего человек создан, писал:

«Вся жизнь наша есть стремление к цели. От начала и до конца она представляется в виде иерархии целей, из которых одни подчинены другим в качестве средств. Есть цели, желательные не сами по себе, а ради чего-нибудь другого: например, нужно работать, чтобы есть и пить. Но есть и такая цель, которая желательна сама по себе. У каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет. **Всякий сознательно или бессознательно предполагает такую цель или ценность, ради которой, безусловно, стоит жить.** Эта цель или жизненный смысл есть предположение неустранимое, необходимо связанное с жизнью, как таковой; и вот почему никакие неудачи не могут остановить человечество в искании этого смысла».

ВОПРОСЫ

1. Е. Трубецкой пишет, что «у каждого из нас есть что-то бесконечно дорогое, ради чего он живет». Расскажите, пожалуйста, о том бесконечно дорогом, ради чего вы живете.

2. Как вы понимаете часто в жизни употребляемое выражение «мораль сей басни такова»? Как вы понимаете выражение «аморальный поступок»?
3. Приведите примеры таких поступков в классе, общественном транспорте, на улице.

12

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ.

МАЛЬЧИК У ХРИСТА НА ЕЛКЕ

I

Дети странный народ, они снятся и мерещатся. Перед елкой и в самую елку перед Рождеством я все встречал на улице, на известном углу, одного мальчишку, никак не более как лет семи. В страшный мороз он был одет почти по-летнему, но шея у него была обвязана каким-то старьем, — значит его все же кто-то снаряжал, посылая. Он ходил «с ручкой»; это технический термин, значит — просить милостыню. Термин выдумали сами эти мальчишки. Таких, как он, множество, они вертятся на вашей дороге и завывают что-то заученное; но этот не завывал и говорил как-то невинно и непривычно и доверчиво смотрел мне в глаза, — стало быть, лишь начинал профессию. На расспросы мои он сообщил, что у него сестра, сидит без работы, больная; может, и правда, но только я узнал потом, что этих мальчишек тьма-тьмушая: их высылают «с ручкой» хотя бы в самый страшный мороз, и если ничего не наберут, то наверно их ждут побои. Набрав копеек, мальчик возвращается с красными, окоченевшими руками в какой-нибудь подвал, где пьянствует какая-нибудь шайка халатников, из тех самых, которые, «забастовав на фабрике под воскресенье в субботу, возвращаются вновь на работу не ранее как в среду вечером». Там, в подвалах, пьянствуют с ними их голодные и битые жены, тут же пишат

голодные грудные их дети. Водка, и грязь, и разврат, а главное, водка. С набранными копейками мальчишку тотчас же посылают в кабак, и он приносит еще вина. В забаву и ему иногда нальют в рот косушку и хохочут, когда он, с пресекшимся дыханием, упадет чуть не без памяти на пол.

...И в рот мне водку скверную
Безжалостно вливал...

Когда он подрастет, его поскорее сбывают куда-нибудь на фабрику, но все, что он заработает, он опять обязан приносить к халатникам, а те опять пропивают. Но уж и до фабрики эти дети становятся совершенными преступниками. Они бродяжат по городу и знают такие места в разных подвалах, в которые можно пролезть и где можно переночевать незаметно. Один из них ночевал несколько ночей сряду у одного дворника в какой-то корзине, и тот его так и не замечал. Само собою, становятся воришками. Воровство обращается в страсть даже у восьмилетних детей, иногда даже без всякого сознания о преступности действия. Под конец переносят все — голод, холод, побои, — только за одно, за свободу, и убегают от своих халатников бродяжить уже от себя. Это дикое существо не понимает иногда ничего, ни где он живет, ни какой он нации, есть ли Бог, есть ли государь; даже такие передают об них вещи, что невероятно слышать, и, однако же, все факты.

Но я романист, и, кажется, одну «историю» сам сочинил. Почему я пишу: «кажется», ведь я сам знаю наверно, что сочинил, но мне все мерещится, что это где-то и когда-то случилось, именно это случилось как раз накануне Рождества, в каком-то огромном городе и в ужасный мороз.

Мерещится мне, был в подвале мальчик, но еще очень маленький, лет шести или даже менее. Этот мальчик проснулся утром в сыром и холодном подвале. Одет он был в какой-то халатик и дрожал. Дыхание его вылетало белым паром, и он, сидя в углу на сундуке, от скуки нарочно пускал этот пар изо рта и забавлялся, смотря, как он вылетает. Но ему очень хотелось кушать.

Он несколько раз с утра подходил к нарам, где на тонкой, как блин, подстилке и на каком-то узле под головой вместо подушки лежала

больная мать его. Как она здесь очутилась? Должно быть, приехала с своим мальчиком из чужого города и вдруг захворала. Хозяйку углов заявили еще два дня тому в полицию; жильцы разбрелись, дело праздничное, а оставшийся один халатник уже целые сутки лежал мертво пьяный, не дождавшись и праздника. В другом углу комнаты стонала от ревматизма какая-то восьмидесятилетняя старушонка, жившая когда-то и где-то в няньках, а теперь помиравшая одиноко, охая, брюзжа и ворча на мальчика, так что он уже стал бояться подходить к ее углу близко. Напиться-то он где-то достал в сенях, но корочки нигде не нашел и раз в десятый уже подходил разбудить свою маму. Жутко стало ему, наконец, в темноте: давно уже начался вечер, а огня не зажигали. Ошупав лицо мамы, он подивился, что она совсем не двигается и стала такая же холодная, как стена. «Очень уж здесь холодно», — подумал он, постоял немного, бессознательно забыв свою руку на плече покойницы, потом дохнул на свои пальчики, чтоб отогреть их, и вдруг, нашарив на нарах свой картузишко, потихоньку, ошупью, пошел из подвала. Он еще бы и раньше пошел, да все боялся вверху, на лестнице, большой собаки, которая выла весь день у соседских дверей. Но собаки уже не было, и он вдруг вышел на улицу.

Господи, какой город! Никогда еще он не видал ничего такого. Там, откуда он приехал, по ночам такой черный мрак, один фонарь на всю улицу. Деревянные низенькие домишки запираются ставнями; на улице, чуть смеркнется — никого, все затворяются по домам, и только завывают целые стаи собак, сотни и тысячи их, воют и лают всю ночь. Но там было зато так тепло и ему давали кушать, а здесь — господи, кабы покушать! И какой здесь стук и гром, какой свет и люди, лошади и кареты, и мороз, мороз! Мерзлый пар валит от загнанных лошадей, из жарко дышащих морд их; сквозь рыхлый снег звенят об камни подковы, и все так толкаются, и, господи, так хочется поесть, хоть бы кусочек какой-нибудь, и так больно стало вдруг пальчикам. Мимо прошел блюститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика.

Вот и опять улица, — ох какая широкая! Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут, а свету-то, свету-то! А это что? Ух, какое большое стекло, а за стеклом комната, а в комнате дерево до

потолка; это елка, а на елке сколько огней, сколько золотых бумажек и яблоков, а кругом тут же куколки, маленькие лошадки; а по комнате бегают дети, нарядные, чистенькие, смеются и играют, и едят, и пьют что-то. Вот эта девочка начала с мальчиком танцевать, какая хорошенькая девочка! Вот и музыка, сквозь стекло слышно. Глядит мальчик, дивится, уж и смеется, а у него болят уже пальчики и на ножках, а на руках стали совсем красные, уж не сгибаются и больно пошевелить. И вдруг вспомнил мальчик про то, что у него так болят пальчики, заплакал и побежал дальше, и вот опять видит он сквозь другое стекло комнату, опять там деревья, но на столах пироги, всякие — миндальные, красные, желтые, и сидят там четыре богатые барыни, а кто придет, они тому дают пироги, а отворяется дверь по минутно, входит к ним с улицы много господ. Подкрался мальчик, отворил вдруг дверь и вошел. Ух, как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в руку копеечку, а сама отворила ему дверь на улицу. Как он испугался! А копеечка тут же выкатилась и зазвенела по ступенькам: не мог он согнуть свои красные пальчики и придержать ее. Выбежал мальчик и пошел поскорей-поскорей, а куда, сам не знает. Хочется ему опять заплакать, да уж боится, и бежит, бежит и на ручки дует. И тоска берет его, потому что стало ему вдруг так одиноко и жутко, и вдруг, господи! Да что ж это опять такое? Стоят люди толпой и дивятся: на окне за стеклом три куклы, маленькие, разодетые в красные и зеленые платьица и совсем-совсем как живые! Какой-то старичок сидит и будто бы играет на большой скрипке, два других стоят тут же и играют на маленьких скрипочках, и в такт качают головками, и друг на друга смотрят, и губы у них шевелятся, говорят, совсем говорят, — только вот из-за стекла не слышно. И подумал сперва мальчик, что они живые, а как догадался совсем, что это куколки, — вдруг рассмеялся. Никогда он не видал таких куколок и не знал, что такие есть! И плакать-то ему хочется, но так смешно-смешно на куколок. Вдруг ему почудилось, что сзади его кто-то схватил за халатик: большой злой мальчик стоял подле и вдруг треснул его по голове, сорвал картуз, а сам снизу поддал ему ножкой. Покатился мальчик наземь, тут закричали, обомлел он,

вскочил и бежать-бежать, и вдруг забежал сам не знает куда, в подворотню, на чужой двор, — и присел за дровами: «тут не сыщут, да и темно».

Присел он и скорчился, а сам отдышаться не может от страха и вдруг, совсем вдруг, стало так ему хорошо: ручки и ножки вдруг перестали болеть и стало так тепло, так тепло, как на печке; вот он весь вздрогнул: ах, да ведь он было заснул! Как хорошо тут заснуть: «посижу здесь и пойду опять посмотреть на куколок, — подумал мальчик и усмехнулся, вспомнив про них, — совсем как живые!..» И вдруг ему послышалось, что над ним запела его мама песенку. «Мама, я сплю, ах, как тут спать хорошо!»

— Пойдем ко мне на елку, мальчик, — прошептал над ним вдруг тихий голос.

Он подумал было, что это все его мама, но нет, не она; кто же это его позвал, он не видит, но кто-то нагнулся над ним и обнял его в темноте, а он протянул ему руку и... и вдруг, — о, какой свет! О, какая елка! Да и не елка это, он и не видал еще таких деревьев! Где это он теперь: все блестит, все сияет и кругом все куколки, — но нет, это все мальчики и девочки, только такие светлые, все они кружатся около него, летают, все они целуют его, берут его, несут с собою, да и сам он летит, и видит он: смотрит его мама и смеется на него радостно.

— Мама! Мама! Ах, как хорошо тут, мама! — кричит ей мальчик, и опять целуется с детьми, и хочется ему рассказать им поскорее про тех куколок за стеклом. — Кто вы, мальчики? Кто вы, девочки? — спрашивает он, смеясь и любя их.

— Это «Христова елка», — отвечают они ему. — У Христа всегда в этот день елка для маленьких деточек, у которых там нет своей елки... — и узнал он, что мальчики эти и девочки все были все такие же, как он, дети, но одни замерзли еще в своих корзинах, в которых их подкинули на лестницы к дверям петербургских чиновников, другие задохлись у чухонки, от воспитательного дома на прокормлении, третьи умерли у иссохшей груди своих матерей, во время самарского голода, четвертые задохлись в вагонах третьего класса от смраду, и все-то они теперь здесь, все они теперь как ангелы, все у Христа, и Он сам

посреди их, и простирает к ним руки, и благословляет их и их грешных матерей... А матери этих детей все стоят тут же, в сторонке, и плачут; каждая узнает своего мальчика или девочку, а они подлетают к ним и целуют их, утирают им слезы своими ручками и упрашивают их не плакать, потому что им здесь так хорошо...

А внизу наутро дворники нашли маленький трупик забежавшего и замерзшего за дровами мальчика; разыскали и его маму... Та умерла еще прежде его; оба свиделись у Господа Бога в небе.

И зачем же я сочинил такую историю, так не идущую в обыкновенный разумный дневник, да еще писателя? А еще обещал рассказы преимущественно о событиях действительных! Но вот в том-то и дело, мне все кажется и мерещится, что все это могло случиться действительно, — то есть то, что происходило в подвале и за дровами, а там об елке у Христа — уж и не знаю, как вам сказать, могло ли оно случиться, или нет? На то я и романист, чтоб выдумывать.

ВОПРОСЫ

1. Как Ф.М. Достоевский описывает жизнь детей «халатников»?
2. Соответствует ли поведение встреченных мальчиком жителей Петербурга моральным нормам? Как бы вы поступили на их месте?

НАВЕДЕНИЕ ПОРЯДКА ВНУТРИ СЕБЯ

13

Какой смысл записывать на бумаге правила общественного поведения, если мы знаем, что жадность, трусость, дурной характер и самомнение помешают нам эти правила выполнить?

Все эти размышления о морали останутся просто «солнечным зайчиком», пока мы не поймем: **ничто, кроме мужества и бескорыстия каж-**

дого человека, не заставит какую бы то ни было общественную систему работать как надо.

Конечно, можно избавить граждан от тех или иных нарушителей общественного порядка, скажем от взяточников и хулиганов; но пока остаются потенциальные взяточники и хулиганы, сохраняется и угроза, что они протопчут себе новые дорожки, чтобы продолжить старые дела. Нельзя сделать человека хорошим лишь с помощью закона. Можно сколь угодно увеличивать число полицейских, улучшать их оснащение, расширять сеть тюрем, то есть репрессивный аппарат, но общество от этого лучше не станет. Вот почему наведение порядка внутри себя должно стать обычной нормой для каждого члена общества.

И раз уж речь пошла о хороших людях, уместно вспомнить стихотворение Н. Некрасова:

Каждый год, как наступит весна,
И зальются поляны водою, —
Вся деревня идет на погост,
На могилу — под липой густою.
С уваженьем колени народ
Перед этой могилой склоняет;
Шлют молитву простые сердца
За того, кто в земле почивает.
В ней схоронен простой мужичок,
Целый век боронивший, пахавший,
Но высокой души человек,
Ни корысти, ни злобы не знавший.
Был он другом всех бедных людей,
И, за каждого сердцем страдая,
Целый век прожил он для других,
Для других сам себя забывая.
Разлилася широко река,
Все, что ветхо, водой подмывая...
Он погиб в золотую весну,
Погибавших малюток спасая.
С той поры, каждый год по весне,
Как зальются поляны водою,
Вся деревня идет на погост,
На могилу — под липой густою.

Благородный поступок, точнее, подвиг, всколыхнул все общество, то есть деревню. И это общество не забыло своего героя: стихотворение так и называется — «Добрая память».

Итак, нравственное общество состоит из нравственных людей. Можно в школе каждый день долбить, что такое хорошо и что такое плохо, но без нравственного преобразования самого человека, без наведения настоящего порядка внутри себя нравственного общества не построить.

Поведение человека и, следовательно, его пути наведения порядка внутри себя зависят и от столь отдаленных, казалось бы, «материй», как представление человека о Вселенной. Материал, рассматриваемый в следующем разделе, может оказаться очень полезным для аргументации этого тезиса.

ВОПРОСЫ

1. Почему нельзя сделать человека добрым и справедливым лишь с помощью закона?
2. Опишите нравственный портрет героя стихотворения Н. Некрасова, используя характеристики самого поэта.

Представим себе человека, который утверждает, что поступок, не причиняющий вреда другому, не может считаться плохим. Вернемся к примеру с кораблями, приведенному в одиннадцатом разделе. Такой человек прекрасно понимает, что нельзя повредить ни один корабль. Но он искренне полагает: что бы он ни делал со своим кораблем — это касается лишь его самого. Возникает естественный вопрос — является ли этот корабль его собственностью? Разве не важно, господин ли я своего собственного разума и тела или только личность, ответственная перед настоящим Хозяином? В самом деле, если меня создал кто-то другой для целей, мне неизвестных, то я несу перед ним ответственность, которой бы не имел, если бы принадлежал только себе.

Христианство утверждает, что каждый человек будет жить вечно, и это — либо истина, либо заблуждение. Из этого вытекает, что если мне суждено прожить каких-нибудь семьдесят лет, то о множестве вещей мне вряд ли надо беспокоиться; но о них стоило бы беспокоиться — и очень серьезно, — если бы мне предстояло жить вечно. Возможно, мой дурной характер становится все хуже или присущая мне зависть постоянно прогрессирует, но это происходит настолько постепенно, что изменения в худшую сторону, накопившиеся во мне за семьдесят лет, практически незаметны. Однако за миллион лет мои недостатки могли бы развиться во что-то ужасное. И если христианство не ошибается, «ад» — абсолютно верный термин, передающий то состояние, в какое приведут меня за миллионы лет зависть и дурной характер.

Интересно, что по Библии продолжительность земной жизни человека уменьшалась в зависимости от нарастания греха. Первоначально безгрешный Адам был бессмертным. Согрешив, Адам стал смертным и прожил 930 лет. Его ближайшие потомки жили примерно столько же. Постепенно с увеличением греха продолжительность жизни уменьшалась. В Книге Бытия (6, 1–3) говорится: «Когда люди начали умножаться на земле и родились у них дочери, тогда сыны Божии увидели дочерей человеческих, что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь Бог: не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет». Т. е. возрастание греха повлекло за собой уменьшение продолжительности жизни до 120 лет.

Далее, проблема смертности человека или его бессмертия обуславливает, в конечном счете, правоту тоталитаризма или демократии. В самом деле, если человек живет только семьдесят лет, тогда государство, нация или цивилизация, которые могут просуществовать тысячу лет, безусловно, представляют большую ценность. Но если право христианство, то индивидуум не только важнее, а несравненно важнее, потому что он вечен, и жизнь государства или цивилизации — лишь миг по сравнению с его жизнью.

Таким образом, если мы намерены задуматься о смысле жизни, то нам придется думать о всех трех составляющих: об отношении человека к человеку, о внутреннем состоянии человека и об отношениях между человеком и Богом.

Подведем итог:

Смысл жизни каждый человек определяет свободно, исходя из своего понятия об отношении человека к человеку, из своего внутреннего состояния и представления об отношении между человеком и Богом.

Если в сознании человека происходит изменение хотя бы в одной из трех перечисленных составляющих, то меняется и понятие смысла жизни у данного человека.

ВОПРОСЫ

1. Почему в духовном плане бессмертие отдельных личностей стало бы катастрофой для человечества в целом?
2. Прокомментируйте утверждения, взятые в рамку.

15

Е. ТРУБЕЦКОЙ. СПОР

О ЖИЗНЕННОМ ПУТИ

Круг во всех религиях есть символ бесконечности; но именно в качестве такого он служит и для изображения смысла, и для изображения бессмыслицы. Есть круг бесконечной полноты. Это и есть то самое, о чем мы вздыхаем, к чему стремится всякая жизнь; но есть и бесконечный круг всеобщей суеты — жизнь, никогда не достигающая полноты, вечно уничтожающаяся, вечно начинающаяся сызнова. Это и есть тот порочный круг, который нас возмущает и который лежит в основе всех наглядных изображений бессмыслицы в религиях и философиях.

Этот круг бесконечной смерти возмущает нас именно как пародия на круг бесконечной жизни — цель всякого жизненного стремления. Этот образ вечной пустоты существования возмущает нас по контрасту с интуицией полноты жизни, к которой мы стремимся. И в этой полноте жизни, торжествующей над всякими задержками, препятствиями, — над самой смертью, — и заключается тот «смысл» жизни, отсутствие коего нас возмущает.

Есть яркое олицетворение этой внутренней борьбы, которая происходит в человеке, — борьба между смыслом и бессмыслицей. Это — сон, один из самых радостных человеческих снов и вместе — один из самых распространенных, — сон, необыкновенно часто повторяющийся. Его, кажется, все, или почти все, видели, и притом по многу раз.

Вам кажется во сне, что вы летаете. Кругом люди бегают, ходят, борются с земною тяжестью. Но для видящего этот сон всякая тяжесть отпала, всякая высота доступна. Все существо его преисполнено радостным чувством какой-то необычайной легкости подъема. Самая замечательная черта этих снов — это то чувство неотразимой реальности, которым они сопровождаются. Вы спите и в то же время сомневаетесь — не сон ли это?

Но видение не проходит, а продолжается. Вы испытываете вашу силу в самых невероятных подъемах и взлетах. Вы ощущаете ее в неподвижном парении на головокружительной высоте и в этих испытаниях находите неопровержимые доказательства реальности вашего полета.

Но вдруг пробуждение разрушает эту радость; оно ставит вас лицом к лицу с иною, тоже неотразимой реальностью, с реальностью непреодолимой тяжести в ваших членах и плоскости, к которой вы прикованы. Вы не в силах не только взлететь, но даже и подняться с постели, да и не хочется подниматься! Когда вы встанете, вас ждет все

Е. Н. Трубецкой (1863–1920)

тот же отвратительный, будничныи кошмар, от которого вы жаждете избавления.

Этот сон скрывает в себе глубочайшую жизненную проблему. Вот перед нами две действительности — действительность сна и действительность пробуждения. Обе требуют от нас признания своей реальности, навязываются нам с силой непосредственной очевидности. Тяжесть моих членов после пробуждения говорит мне, что подлинная реальность есть именно эта кошмарная действительность с ее суетою и бессмысленным кружением. А сон говорит мне другое, прямо противоположное. Реален только тот крылатый гений, которого ты в себе ощущаешь, реален этот могучий подъем и полет, действительно только это парение над бессмыслицею. Не это видение есть сон, а тот кошмар всеобщей бессмыслицы и тяжести, который предстанет пред тобой через полчаса в твоём мнимом пробуждении.

Как же нам решить этот спор? Чем более мы вникаем в поставленный вопрос, тем больше мы убеждаемся, что нет решительно никаких философских оснований предпочесть свидетельство так называемой действительности свидетельству вешего сна.

К тому же и наяву свидетельство нашего сна находит в себе многочисленные подтверждения. Ведь этот сон только облакает в фантастическую форму то самое ощущение нашей духовной свободы, которое радует нас и в минуты нашего полного духовного пробуждения. Само страдание человека о бессмыслице доказывает невозможность для него целиком в ней погрязнуть. Есть в нем сила, которая ей не покоряется, от нее отталкивается и от нее отлетает. Когда совершается этот полет, мы чувствуем крылья у себя за спиной; мы познаем их прежде всего в могущественном подъеме нашего ясного сознания, в головокружительной высоте парения нашей мысли.

Где-то под нами проносится бурный поток бессмысленной жизни, где-то внизу вращаются бесчисленные колеса житейского круга, а в это время мысль уносится в сверхвременное царство истины и смысла, чтобы оттуда с высоты, в форме вечности созерцать временное. Достигнув предельной высоты подъема над суетой, мысль наша не только чувствует свою от нее свободу, но и как бы некоторую власть над этой тучей, изменчивой действительностью.

В человеке есть тот крылатый гений, о котором свидетельствует сон. Есть и какая-то внемирная высота над человеком, куда уносят его эти крылья.

Во сне и наяву мы воспринимаем две не только различные, но и две противоположные, несовместимые, спорящие между собой реальности. Которая из них истинная? Где подлинное бытие? Чему верить — повседневным, очевидным доказательствам силы духа или тем, тоже очевидным доказательствам его бессилия? И наконец, если в человеке спорят два плана бытия, то которому из двух он должен принадлежать? В котором из двух — цель и смысл его жизни?

ВОПРОСЫ

1. Объясните своими словами, как вы понимаете утверждение, что «само страдание человека о бессмыслице доказывает невозможность для него целиком в ней погрузиться».
2. Е. Трубецкой считает, что есть какая-то внемирная высота над человеком, куда уносят крылья сна. А какова ваша точка зрения?
3. Что означает круг как символ в религиях мира? Объясните, пожалуйста, как вы понимаете круг бесконечной полноты и бесконечный круг всеобщей суеты.

ВОПЛОЩЕНИЕ ДОБРА И ЗЛА В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ

3

1

Н.С. ЛЕСКОВ. ОТЧЕГО НА СВЕТЕ

ДОБРОЕ НЕ ЛАДИТСЯ?*

Жил-был в некотором царстве премудрый король Доброхот. Звали его так за то, что он всем людям добра хотел. Жить он любил по-старинному, заботился о том, чтобы всем людям в его королевстве было хорошо, но только ничего у него не выходило. Только начнет Доброхот с одного конца дело налаживать, как оно у него с другого конца расстраивается. Старался он и так и сяк, и все-таки ничего не выходило. И потерял, наконец, Доброхот всякую надежду, и стало ему грустно и невесело на свете жить.

Заметила это жена короля, королева прекрасная Милолика, и посоветовала она мужу созвать всех бояр и с ними посоветоваться. Послушался Доброхот своей жены, созвал всех знатных бояр и спрашивает:

— Все ли у нас в королевстве идет как следует, всем ли людям хорошо живется?

А бояре ему в ответ:

— Не тревожь себя пустым делом. Посмотри вокруг — ведь повсюду так, не у нас одних все хорошее не ладится, не выходит.

Но королю их ответ не понравился, и велел он боярам подумать покрепче.

Думали, думали бояре, а все согласиться не могут. Одни говорят, что надо на свет старину поднять и начать жить по-старинному. Другие, что станет лучше жить только в будущем, что народ потерпеть может, а надо так устроить, чтобы наше имя на веки веков было прославлено. А король говорит:

— Я Богу ответ давать буду не за то время, когда меня не было, и не за то, что после меня будет. А я хочу знать, как я сам теперь должен землей своей править, чтобы людям хорошо жилось, и почему это у меня не ладится.

* Краткое и адаптированное изложение сказки Н.С. Лескова «Час воли Божьей».

Тогда пришла к королю его старая нянюшка и говорит ему:

— Что ты, мое дитяtko, все вздыхаешь и охаешь? Ты вели привести к себе старцев Божьих, пустынников. Вот ты их спроси — им уже на этом свете ничего не нужно, они тебе правду скажут.

Королю это слово понравилось, и послал он пятьдесят послов во все стороны и велел, чтобы нашли они старцев, самых праведных, самых мудрых, которые в пустыне спасаются. Узнали королевские послы, что живут в их стране трое святых старцев. Один, тот, что постарше всех, на дубу живет, и дуб уже высоко в поднебесье вырос, и старца и солнцем жжет, и ветры бьют, и зовут его Дубовик. Другой старичок живет в открытой степи, закопал себя там по пояс в землю, и зовут его Полевик. А третий, самый младший, живет в невылазном болоте и терпит там, как его мухи и комары жалят, и зовут его Воловик. Приказал король, чтобы привели к нему трех старцев, чтобы просили их вежливо, чтобы несли их в плетушках-корзинах остороженько, чтобы они от старости не рассыпались, чтобы в корзины и сена, и пуха подложили.

Принесли посланцы плетушки со старцами и поставили их перед королем Доброхотом. Спрашивает их король:

— Скажите мне, старцы святые, что мне делать, чтобы у меня дело ладилось? Спрашивал я своих бояр, да они мне ничего толкового сказать не могут.

А старцы молчат, ничего не говорят. Рассердился король, хочет им казнь пригрозить. Подошла к нему его старая нянюшка и говорит:

— Чего ты сердишься? Ведь старцы столько лет молчали! Видишь сам, какие они старики слабые. Ты их не пугай, дай им обойтись и пошли к ним твоего шута горохового, плясуна Разлюляя. Он их разговорит. Может, они ему и скажут, что нужно.

И послал король к старцам шута своего, плясуна Разлюляя, и разговаривал шут старцев и упросил их ради жалости ответить на вопросы, что король их спрашивал.

Согласились старички. Подошел король к первой плетушке и спросил:

— Отчего на свете доброе не ладится?

— Оттого, что люди не знают, какой час важнее всех. Наклонился король к Полевику, а тот шепчет:

— Оттого, что не знают, какой человек нужнее всех. Наклонился король к Воловику, а тот сказал:

— Оттого, что не знают, какое дело дороже всех. Приказал король старцев спать уложить и решил, что утром их подробнее расспросит. Да только как пришли утром в избу — плетушки пустые стоят. Ушли старцы ночью, и никто не знает, куда.

Рассердился король, хотел своих бояр во все концы королевства послать, найти старичков и привести их к себе. Тут пришла к нему опять нянюшка его старая и говорит:

— Приснился мне сегодня вещий сон. И было мне слышно такое слово: «Отгадать ответы может девица чистая, которая всех равно жалеет, а сама о себе не думает». Ты, дитяtko мое, старичков оставь, и посылай искать эту девицу.

Опять послушался свою нянюшку король, и решил он послать Разлюля искать девицу жалостливую. Обещал он Разлюлю сто рублей, если он девицу приведет, а не найдет — так будет ему сто плетей.

Нечего делать, пришлось Разлюлю идти искать девицу-разгадчицу. Шел он все дальше и дальше и зашел в самый темный лес, да и заснул там на поляночке. Проснулся, видит — луна светит, а рядом с ним стоит старичок и стих поет Спасов.

Увидел старичок, что Разлюляй проснулся, и говорит:

— Здравствуй, Какой-то Какойтович. Как тебя зовут?

Назвался Разлюляй.

— Хорошо, — говорит старичок. — Разлюляй имя веселое. Что же ты здесь ищешь?

Рассказал ему Разлюляй, что послал его король искать девицу, которая всех жалеет и о себе не думает, а старичок ответил:

— Кажется мне, что я тебе в этом деле помочь могу. Есть у меня дома внучка, девочка, тут со мной в лесу выросла, да такая сердобольная, что не обидит и букашку. Вот она сейчас журавля нашла больного, с ногой сломанной, так она с ним и возится.

Разлюляй стал деда спрашивать, не боится ли внучка его одна в лесу жить. А дед говорит:

— Один Господь Батюшка ее бережет. А ей что за страх, когда она про себя совсем не думает.

Обрадовался Разлюляй и побежал, куда ему дед указывал. Видит — лужайка, на лужайке стоит хромой журавль, одна нога в лубке увязана.

У дерева шалаш из веток, а у шалаша на пенечке сидит молодая девушка, шерсть прядет, лицо ее добротой светится, а у ног заяц лежит и лапками, как кот, умывается.

Понял Разлюляй, что это та самая девица, которую он искал, и говорит ей прямо, без всяких лишних слов:

— Захотел наш король сделать, чтобы всем хорошо было жить, да не выходит у него, и сказали ему мудрые старцы, что ничего не выйдет, пока он не найдет ответ на три вопроса.

— Что ж, это дело Божье! — говорит девица. — Спрашивай меня про эту премудрость по порядку, а я тебе и ответ дам, который у меня в душе ясен будет.

Разлюляй говорит:

— Скажи, девица, какой час важнее всех?

— Теперешний, — говорит девица, — потому что всякий человек только одним теперешним часом может распорядиться.

— А какой человек нужнее всех?

— Тот, с которым сейчас дело имеешь, потому что от того, как ты ответишь, он или рад, или печален будет.

— А какое дело дороже всех?

— То добро, которое ты в сей час этому человеку сделать можешь.

И побежал Разлюляй с этими тремя ответами обратно к королю. Как услышали его ответы бояре да воеводы, стали они над ним смеяться, но король Доброхот за него заступился и сто рублей награды ему выдал.

И захотел король Доброхот по этим советам царствовать, да потом подумал: как же это будет, если я буду по этим советам царствовать, а соседи мои так не сделают? И велел он эти советы переписать золотыми буквами, завернуть рукопись в бархатный платок, положить в золотой сундучок и спрятать сундучок за семью замками. Так там до сих пор сундучок и лежит, а дела в королевстве идут по-старому.

ВОПРОСЫ

1. Что ответили бояре на вопрос короля «Отчего на свете доброе не ладится?»

2. Прокомментируйте аргументацию бояр:
 - а) повсюду так, не у нас одних;
 - б) надо начать жить по-старинному;
 - в) станет лучше жить только в будущем, поэтому народ должен потерпеть.
3. Что ответил боярам Доброхот? Можно ли назвать его ответ мудрым?
4. Как вы думаете, почему старцы сбежали от короля?
5. «Что за страх, когда про себя не думаешь?» — сказал дед про свою внучку-девицу. Верно ли это в наши дни? Почему?
6. Почему бояре смеялись над тремя ответами, которые принес Разлюляй? Как вы думаете, почему король награду Разлюляю выдал, а советы все же спрятал?
7. Не вызывает ли у вас чувство протеста финал сказки? Почему? Не кажется ли вам, что такой финал возможен и в вашей собственной жизни — спрятанный сундук мечтаний и стремлений, с одной стороны, и дела, которые идут по старинке, с другой?

2

СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА

Хитров рынок был расположен в низине речки Яузы. Это была громадная площадь, опоясанная каменными, старой постройки двухэтажными и трехэтажными зданиями, где обитало несколько тысяч человек. Эти здания были известны по имени их владельцев — Румянцева, Ярошенко и др. и служили ночлежными домами.

«Комнаты» этих каменных бараков были перегородены нарами по нескольку рядов в ширину и в высоту. Эти логовища отделялись одно

от другого повешенными ветхими рогожами. Пространство здесь измерялось аршинами.

Площадь перед бараками была перерезана узкими грязными переулками, в промежутках которых стояли ветхие лачуги. Здесь располагались трактиры, лавки и базар, где бедняки продавали скупщикам все, что было возможно, вплоть до своей одежды, которую тут же снимали и переодевались в лохмотья.

В лавках и трактирах можно было купить кипяток, борщ, тушеную капусту с сомнительной колбасой и разные пироги, даже с мясом, кто мог себе это позволить. Вдоволь можно было купить и дешевой водки-самогона, которую пили все, вплоть до женщин.

Весь этот поселок тонул в грязи, и невозможно было здесь почувствовать и дуновения свежего ветерка — до того была загрязнена кругом атмосфера. Из-за низкого расположения местности и близости реки здесь всегда стоял туман от сырых испарений, насыщенных запахами базара и нечистот. В Хитровке отсутствовали даже самые примитивные гигиенические устройства, и все эти «ароматы» не очищались здесь свежим притоком воздуха, а постоянно стояли над этим местом.

Население Хитровки состояло из нищих, бродяг, карманных воров и взломщиков, скупщиков краденого, беглых арестантов и уголовных преступников, скрывающихся от полиции. Полицейские протоколы фиксировали, что большинство беглых каторжан из Сибири удавалось вылавливать именно здесь, в Хитровке, но делать это было нелегко.

Дети здесь рождались на улице, и немногие из них выживали, но об этом мало кто заботился. Если ребенок выживал, то его ожидало ужасное детство и будущее. Обычно голодные, плачущие младенцы служили для выпрашивания милостыни. Мальчики-подростки учились воровать и становились в большинстве случаев преступниками. Девочек же ожидала еще худшая участь. Их заставляли почти с детского возраста идти на улицу и продавать себя.

В. Гиляровский в своей книге пишет: «...Ужасные иногда были ночи на этой площади, где сливались пьяные песни, визг избиваемых «марух» да крики «караул». Но никто не рисковал пойти на помощь: раздетого и разутого голым пустят, да еще избыют за то, чтобы не лез куда не следует».

Полиция не в состоянии была справиться с положением в Хитровке. Набеги полицейских патрулей редко бывали удачными, так как Хитровка имела свою хорошую систему укрывательства. Е.М. Алме-

динген пишет, что не исключена была возможность того, что некоторые инспектора полиции находились в связи с главарями колонии Хитровки и заранее давали им знать о планах полиции.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна сознавала, что она не была в состоянии сама преобразить Хитров рынок, и поэтому она старалась спасти главным образом несчастных детей Хитровки. Ее ноги, ходившие раньше по мягким коврам дворцов и изящно танцевавшие мазурку и полонез, теперь в грубых ботинках месили грязь переулков Хитрова рынка. Ужасные запахи нечистот с примесью винного перегара, грязные лохмотья, жаргонный язык, потерявшие человеческий образ лица — не пугали и не отталкивали ее. Она видела в каждом таком несчастном образ Божий, Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено».

Елизавета Феодоровна неумоимо ходила из одного притона в другой, собирая сирот и уговаривая родителей передать ей для воспитания своих детей. Жаргон жителей Хитровки она едва понимала, но знание человеческих душ и умелый подход ее к таким людям делали то, что ее слова доходили до их сознания и сердец, и они, нередко расчувствовавшись до слез, вверяли ей своих детей.

Мальчики устраивались в общежития, где они, имея хорошее питание и воспитание, быстро укреплялись физически и духовно, а некоторые, продолжая жить с родителями, принимались под постоянное наблюдение и перевоспитание. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных юношей-посыльных Москвы. Девочек устраивали в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем и духовным ростом.

Все население Хитрова рынка знало и уважало Великую княгиню. Как писала Е.М. Алмединген, не было ни одного случая, чтобы кто-либо из жителей Хитровки оскорбил или унизил Великую княгиню. Ее там обожали и называли или «сестрой Елизаветой», или «Матушкой».

Покойная игуменья Гефсиманской обители, матушка Варвара, лично знавшая Елизавету Феодоровну, передала о ней следующий случай, который произошел на Хитровом рынке.

Однажды Великая княгиня в сопровождении казначея Марфо-Мариинской обители В. Гордеевой вошла в один из притонов Хитровки. Ее глазам представилась следующая картина: несколько грязных

бродяг сидело за столом с бутылкой водки и играло в карты. Среди них, подперев голову руками и устремив куда-то в пространство свой взгляд, сидел мужчина. Елизавета Феодоровна обратилась к нему со словами: «Добрый человек...» В ответ ей сразу же раздалось: «Какой он добрый, это последний вор и негодяй...» Но Великая княгиня, не обратив внимания на такую аттестацию, сказала ему, что ее мешок, где находятся деньги и вещи для раздачи бедным, очень тяжел и она просит помочь ей донести его до Марфо-Мариинской обители.

Бродяга сразу же поднялся и сказал, что немедленно исполнит ее просьбу. Причем, разговаривая с Великой княгиней, он обращался к ней очень почтительно, называя ее «Ваше Высочество». Со всех сторон раздались сразу же сильные протесты. Все стали говорить Великой княгине, что он по дороге продаст содержимое мешка, а деньги пропьет. Но она была непреклонна. Она передала ему свою ношу и не спеша направилась в свою обитель. Когда она пришла туда, ей сказали, что какой-то незнакомец принес ее мешок. Елизавета Феодоровна забеспокоилась, напоили ли его сестры чаем и дали ли поесть? Узнав, что нет, она распорядилась сразу же это сделать.

Накормленный сестрами бродяга обратился к Великой княгине с просьбой проверить содержимое мешка, и когда там оказалось все в порядке, он стал проситься взять его на работу в Марфо-Мариинскую обитель. Елизавета Феодоровна исполнила его просьбу и назначила его помощником садовника.

С тех пор он совершенно переменялся: перестал пить и воровать, хорошо выполнял свою работу и стал усердно посещать храм Божий.

Этот случай был рассказан г-жой Гордеевой матушке Варваре, тогда еще Валентине Цветковой.

Подобных примеров спасения заблудших душ человеческих было много в жизни Елизаветы Феодоровны, многие были обязаны ей своим спасением.

ВОПРОСЫ

1. Что так повлияло на бывшего вора, что он совершенно поменял свою жизнь?
2. Всегда ли доверие так действует на людей?

3

В. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО.

ПОКА ЕЩЕ СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ В ГРУДИ

Сестра Раевская проснулась под мокрым шатром. Холодный ветер носился по влажной, утонувшей под туманами, болгарской долине, кружился вокруг шатра, врвался под его трепетавшие полотнища, обдавал сыростью и стужей. В шатре, на соломе, спали сестры милосердия; слышалось тяжелое дыхание, бред и стон во сне.

Сестра Раевская проснулась на рассвете. Еще недавно это была русоволосая девушка со свежим личиком. Куда делись эти ее волосы? Отчего так поблекло и так осунулось ее личико? Это не она, совсем не она! На днях с ней встретился ее петербургский знакомый и не узнал.

— Что с вами? — спросил он.

— Два тифа выдержала, и работа у нас, знаете, какая...

— Ольга Петровна, уезжайте скорее! Вы сделали слишком много, будет с вас, — спасайтесь теперь сами.

— Меня посылают в Россию. Говорят, еще два месяца, и я умру здесь.

— Как легко вы говорите это?!

— Притерпелась...

Да, притерпелась, — и она, и все ее подруги. Подвиг их незаметен, только солдат унесет воспоминание о нем в свою глухую деревушку, — солдат, которого они отвоевали у смерти.

День зарождался в тумане холодный и тусклый. Вдали разгоралась перестрелка. Мимо шатра проходили на боевые позиции солдаты.

— Сестра Раевская! Вы назначены в Россию, — говорит молодой врач, приветливо улыбаясь. — Потрудились — будет! Завтра надо выезжать. Только послушайте меня, уезжайте куда-нибудь подальше на юг. Вам надо серьезно заняться собой. Вы женщина богатая, все можете для себя сделать.

* Этот рассказ Василия Немировича-Данченко (1849–1936) публикуется по сборнику «Искра Божья».

Раевская стала укладываться. Сестры прощаются с ней. Теплые, сухие комнаты, свежие постели, горячая пища греются им, как невеста какое счастье... Раевская поедет к сестре в Италию. Та уже давно зовет ее к себе, на благодатный юг, на берег теплого моря. У них и солнце греет, и небо безоблачно, — как хорошо там!

— Сестра, Степанов умирает! Уже бред начался! Раевская бросилась из палатки к умирающему.

В стороне — шалаш из хвороста. Сюда сносили всех, кого отмечала гангрена своей страшной печатью, отсюда один только выход — в могилу. Сестра Раевская пошла сюда, — она не боялась заразы и не раз просиживала над умирающим дни и ночи.

— Ну что, Степанов? — спросила Раевская, входя в шалаш.

Метавшийся в бреду раненый дико взглянул на нее. Она положила ему на голову свою худую, бледную руку. Понемногу бред больного стал стихать. На лице мелькнул луч сознания.

— Сестра... голубушка... родимая... все бросили, ты одна со мной. Спаси тебя Бог!

— Ну, полно, полно! Кто же тебя бросил? Видят, что тебе лучше, пошли к другим, что потяжелее. А я зашла сюда отдохнуть, поболтать с тобой. Тебя назначили домой, дома выздоровеешь.

— Дома-то? — и будто солнце бросило свой прощальный свет на потемневшее уже лицо умирающего. — Дома-то, слава Тебе, Господи! У нас семья хорошая, большая; живем, сестра, зажиточно — одних только коров три держим, четыре лошади. Вот у нас как! Мать ты наша, чистая голубка!

И он уже не отрывал от нее своего просиявшего взгляда. Усталая рука сестры оставалась на его горячем лбу. Она не переставала улыбаться умирающему и долго, долго говорила ему о его родной стороне, о далекой семье, которая его ждет не дождется.

Слушая сладкие речи, Степанов отходил счастливый, улыбающийся...

Сестра закрыла умирающему глаза, перекрестила его...

«Все бросили, ты одна со мною», — припомнились Раевской слова Степанова. Так неужели же она бросит теперь их и уйдет? Неужели же то горячее солнце, то синее небо, те счастливые люди заставят ее за-

быть этот мир скорби и мук, где она была ангелом-хранителем?.. Нет, здесь ее место, пока еще сердце бьется в груди.

— Нет, я не брошу вас, никуда не уйду! — вся в слезах повторяла она.

И она отказалась от всего, она не ушла. Но не ушла она и от смерти, давно сторожившей ее.

ВОПРОСЫ

1. В чем видела смысл своей жизни Ольга Раевская?
2. Как вы считаете, правильно ли поступила сестра Раевская, отказавшись уехать в Россию или Италию? Как бы вы поступили на ее месте?

4

А.П. ЧЕХОВ. ХУДОЖЕСТВО*

В праздник Крещения в прежние времена из церквей крестным ходом шли на ближайшую реку или озеро и совершали там обряд водосвятия в память того, что вся природа была освящена, когда Христос крестился в реке Иордан.

Хмурое зимнее утро. На гладкой и блестящей поверхности речки Быстрянки, кое-где посыпанной снегом, стоят два мужика: кустый Сережка и церковный сторож Матвей. Сережка, малый лет тридцати, коротконогий, оборванный, весь облезлый, сердито глядит на лед. Из его поношенного полушубка, словно на линяющем псе, отвисают клочья шерсти. В руках он держит циркуль, сделанный из двух длинных спиц. Матвей, благообразный старик, в новом тулупе и валенках, глядит кроткими голубыми глазами наверх, где на высоком отлогом берегу живописно ютится село. В руках у него тяжелый лом.

* Сокращенное изложение рассказа А.П. Чехова «Художество».

— Что ж, это мы до вечера так будем стоять, сложа руки? — прерывает молчание Сережка, вскидывая свои сердитые глаза на Матвея. — Ты стоять сюда пришел, старый шут, или работать?

— Так ты тово... показывай... — бормочет Матвей, кротко мигая глазами...

— Показывай... Все я: я и показывай, я и делай. У самих ума нет! Мерять циркулем, вот нужно что! Не вымерявши, нельзя лед ломать. Меряй! Бери циркуль!

Матвей берет из рук Сережки циркуль и неумело, топчась на одном месте и тыча во все стороны локтями, начинает выводить на льду окружность. Сережка презрительно шурит глаза и, видимо, наслаждается его застенчивостью и невежеством.

— Э-э-э! — сердится он. — И того уж не можешь! Сказано, мужик глупый, деревенщина! Тебе гусей пасти, а не Иордань делать! Дай сюда циркуль! Дай сюда, тебе говорю!

Сережка рвет из рук вспотевшего Матвея циркуль и в одно мгновение, молодежато повернувшись на одном каблуке, чертит на льду окружность. Границы для будущей Иордани уже готовы; теперь остается только колоть лед...

Но прежде чем приступить к работе, Сережка долго еще ломается, капризничает, попрекает:

— Я не обязан на вас работать! Ты при церкви служишь, ты и делай!

Он, видимо, наслаждается своим обособленным положением, в какое поставила его теперь судьба, давшая ему редкий талант — удивлять раз в год весь мир своим искусством. Бедному, кроткому Матвею приходится выслушивать от него много ядовитых, презрительных слов. Принимается Сережка за дело с досадой, с сердцем. Ему лень. Не успел он начертить окружность, как его уже тянет наверх в село пить чай, шататься, пустословить.

— Я сейчас приду... — говорит он, закуривая. — А ты тут пока, чем так стоять и считать ворон, принес бы на чем сесть, да подмети.

Матвей остается один. Воздух сер и неласков, но тих. Из-за разбросанных по берегу изб приветливо выглядывает белая церковь. Около ее золотых крестов, не переставая, кружатся галки. В сторону от села, где берег обрывается и становится крутым, над самой кручей стоит спутанная лошадь неподвижно, как каменная, — должно быть, спит или задумалась.

Матвей стоит тоже неподвижно, как статуя, и терпеливо ждет. Задумчиво-сонный вид реки, кружение галок и лошадь нагоняют на него дремоту. Проходит час, другой, а Сережки все нет. Давно уже река подметена и принесен ящик, чтоб сидеть, а пьянчуга не показывается. Матвей ждет и только позевывает. Чувство скуки ему незнакомо. Прикажут ему стоять на реке день, месяц, год, и он будет стоять.

Наконец Сережка показывается из-за изб. Он идет вразвалку, еле ступая. Идти далеко, лень, и он спускается не по дороге, а выбирает короткий путь, сверху вниз по прямой линии, и при этом вязнет в снегу, цепляется за кусты, ползет на спине — и все это медленно, с остановками.

— Ты что же это? — набрасывается он на Матвея. — Что без дела стоишь? Когда же колоть лед?

Матвей крестится, берет в обе руки лом и начинает колоть лед, строго придерживаясь начерченной окружности. Сережка садится на ящик и следит за тяжелыми, неуклюжими движениями своего помощника.

— Легче у краев! Легче! — командует он. — Не умеешь, так не берись, а коли взялся, так делай. Ты!

Наверху собирается толпа. Сережка, при виде зрителей, еще больше волнуется.

— Возьму и не стану делать... — говорит он, закуривая вонючую папиросу и сплевывая. — Погляжу, как вы без меня тут. В прошлом годе в Костюкове Степка Гульков взялся по-моему Иордань строить. И что ж? Смех один вышел. Костюковские к нам же и пришли — видимо-невидимо! Изо всех деревень народу навалило.

— Потому окроме нас нигде настоящей Иордани...

— Работай, некогда разговаривать... Да, дед... Во всей губернии другой такой Иордани не найдешь. Солдаты сказывают, поди-ка поищи, в городах даже хуже. Легче, легче!

Матвей кряхтит и отдувается. Работа не легкая. Лед крепок и глубокий; нужно его скалывать и тотчас же уносить куски далеко в сторону, чтобы не загромождать площади.

Но как ни тяжела работа, как ни бестолкова команда Сережки, к трем часам дня на Быстрянке уже темнеет большой водяной круг.

— В прошлом годе лучше было... — сердится Сережка. — И этого даже ты не мог сделать! Э, голова! Держат же таких дураков при храме Божиим! Ступай, доску принеси колышки делать! Неси круг, ворона! Да того... хлеба захвати где-нибудь... огурцов, что ли.

Матвей уходит и, немного погодя, приносит на плечах громадный деревянный круг, покрашенный еще в прежние годы, с разноцветными узорами. В центре круга красный крест, по краям дырочки для кольш-ков. Сережка берет этот круг и закрывает им прорубь.

— Как раз... годится... Подновим только краску и за первый сорт... Ну, что ж стоишь? Делай аналой!* Или того... ступай бревна принеси, крест делать...

Матвей, с самого утра ничего не евший и не пивший, опять плетется на гору. Как ни ленив Сережка, но кольш-ки он делает сам, собственноручно. Он знает, что эти кольш-ки обладают чудодейственной силой: кому достанется кольшек после водосвятия, тот весь год будет счастлив. Такая ли работа неблагодарна?

Но самая настоящая работа начинается со следующего дня. Тут Сережка являет себя перед невежественным Матвеем во всем величии своего таланта. Его болтовне, попрекам, капризам и прихотям нет конца. Сколачивает Матвей из двух больших бревен высокий крест, он недоволен и велит переделывать. Стоит Матвей, Сережка сердится, отчего он не идет; он идет, Сережка кричит ему, чтобы он не шел, а работал. Не удовлетворяют его ни инструменты, ни погода, ни собственный талант; ничто не нравится.

Матвей выпиливает большой кусок льда для аналая.

— Зачем же ты уголок отшиб? — кричит Сережка и злобно таращит на него глаза. — Зачем же ты, я тебя спрашиваю, уголок отшиб?

— Прости, Христа ради.

— Делай сызнова!

Матвей пилит снова... и нет конца его мукам! Около проруби, покрытой изукрашенным кругом, должен стоять аналой; на аналое нужно выточить крест и раскрытое Евангелие. Но это не все. За аналогом будет стоять высокий крест, видимый всей толпе и играющий на солнце, как осыпанный алмазами и рубинами. На кресте голубь, выточенный из льда. Путь от церкви к Иордани будет посыпан елками и можжевельником. Такова задача.

Прежде всего Сережка принимается за аналой. Работает он терпугом, долотом и шилом. Крест на аналое, Евангелие и епитрахиль, спу-

* Аналой — употребляемый в богослужении высокий четырехугольный столик с покатым верхом.

скающаяся с аналоя, удаются ему вполне. Затем приступает к голубю. Пока он старается выточить на лице голубя кротость и смиренномудрие, Матвей, поворачиваясь как медведь, обделывает крест, сколоченный из бревен. Он берет крест и окунает его в прорубь. Дождавшись, когда вода замерзнет на кресте, он окунает его в другой раз, и так до тех пор, пока бревна не покроются густым слоем льда... Работа не легкая, требующая и избытка сил, и терпения.

Но вот тонкая работа кончена. Сережка бегаёт по селу, как угорелый. Он спотыкается, бранится, клянётся, что сейчас пойдёт на реку и сломает всю работу. Это он ищет подходящих красок.

Карманы у него полны охры, синьки, сурика, медянки; не заплатив ни копейки, он опрометью выбегает из одной лавки и бежит в другую. Из лавки рукой подать в кабак. Тут выпьет, махнет рукой и, не заплатив, летит дальше. В одной избе берет он свекловичных бураков, в другой луковичной шелухи, из которой делает он желтую краску. Он бранится, толкается, грозит и... хоть бы одна живая душа огрызнулась! Все улыбаются ему, сочувствуют, величают Сергеем Никитичем, все чувствуют, что художество есть не его личное, а общее, народное дело. Один творит, остальные ему помогают. Сережка сам по себе ничтожество, лентяй, пьянчуга и мот, но когда он с суриком или циркулем в руках, то он уже нечто высшее, Божий слуга.

Настает крещенское утро. Церковная ограда и оба берега на далеком пространстве кишат народом. Все, что составляет Иордань, старательно скрыто под новыми рогожами. Сережка смиренно ходит около рогож и старается побороть волнение. Он видит тысячи народа: тут много и из чужих приходов; все эти люди в мороз, по снегу прошли немало верст пешком только затем, чтобы увидеть его знаменитую Иордань. Матвей, который кончил свое чернорабочее, медвежье дело, уже опять в церкви; его не видно, не слышно; про него уже забыли... Погода прекрасная... На небе ни облачка. Солнце светит ослепительно.

Наверху раздаётся благовест... Тысячи голов обнажаются, движутся тысячи рук, — тысячи крестных знамений!

И Сережка не знает, куда деваться от нетерпения. Но вот, наконец, звонят к «Достоиню»; затем полчаса спустя, на колокольне и в толпе заметно какое-то волнение. Из церкви одну за другою выносят хоругви, раздаётся бойкий, спешащий трезвон. Сережка дрожащей рукой сдергивает рогожи... и народ видит нечто необычайное. Аналой, деревян-

ный круг, колышки и крест на льду переливают тысячами красок. Крест и голубь выпускают из себя такие лучи, что смотреть больно... Боже милостивый, как хорошо! В толпе пробегает гул удивления и восторга; трезвон делается еще громче, день еще яснее. Хоругви колышатся и двигаются над толпой, точно по волнам. Крестный ход, сияя ризами икон и духовенства, медленно сходит вниз по дороге и направляется к Иордани. Машут колокольне руками, чтобы там перестали звонить, и водосвятие начинается. Служат долго, медленно, видимо стараясь продлить торжество и радость общей народной молитвы. Тишина.

Но вот погружают крест, и воздух оглашается необыкновенным гулом. Пальба из ружей, трезвон, громкие выражения восторга, крики и давка в погоне за колышками. Сережка прислушивается к этому гулу, видит тысячи устремленных на него глаз, и душа лентяя наполняется чувством славы и торжества.

ВОПРОСЫ

А.П. Чехов пишет: «Все улыбаются ему, сочувствуют, величают Сергеем Никитичем, все чувствуют, что искусство есть не его личное, а общее, народное дело. Один творит, остальные ему помогают. Сережка сам по себе ничтожество, лентяй, пьянчуга и мот, но когда он с суриком или циркулем в руках, то он уже нечто высшее. Божий слуга». Как вы думаете, является ли талант человека его собственным достоянием или нет? Почему?

5

Л.Н. ТОЛСТОЙ. А ДЛЯ ЧЕГО ЖИТЬ-ТО?*

Жил в городе сапожник Мартын Авдеич. Жил он в подвале, в маленькой комнатке об одном окне. Окно было на улицу. В окно видно было, как проходили люди; хоть видны были

* Сокращенное изложение рассказа Л.Н. Толстого «Где любовь, там Бог».

только ноги, но Мартын Авдеич по сапогам узнавал людей. Мартын Авдеич жил давно на одном месте, и знакомства много было. Редкая пара сапог в околотке не побывала и раз, и два у него в руках. И часто в окно он видал свою работу. Работы было много, потому что работал Авдеич прочно, товар ставил хороший, лишнего не брал и слово держал. Если может к сроку сделать — возьмется, а нет — так обманывать не станет, вперед говорит. И знали все Авдеича, и у него не переводилась работа.

Авдеич и всегда был человек хороший, но под старость стал он больше о душе своей думать и больше к Богу приближаться. Еще когда Мартын у хозяина жил, померла у него жена. И остался после жены один мальчик трех годов.

Отошел Авдеич от хозяина и стал с сынишкой на квартире жить. Да не дал Бог Авдеичу в детях счастья. Только подрос мальчик, стал отцу помогать, только бы на него нарадоваться, напала на Капитошку болезнь, слег мальчик, погорел недельку и помер. Схоронил Мартын сына и отчаялся. Так отчаялся, что стал на Бога роптать. Скука такая нашла на Мартына, что не раз просил у Бога смерти и укорял Бога за то, что Он не его, старика, прибрал, а любимого единственного сына. Перестал Авдеич и в церковь ходить.

И вот зашел раз к Авдеичу земляк-старичок — уж восьмой год странствовал. Разговорился с ним Авдеич и стал ему на свое горе жаловаться:

— И жить, — говорит, — Божий человек, больше неохота. Только бы помереть. Об одном Бога прошу. Безднадежный я остался теперь человек.

И сказал ему старичок:

— Нехорошо ты говоришь, Мартын, нам нельзя Божьи дела судить. Не нашим умом, а Божьим судом. Твоему сыну судил Бог помереть, а тебе — жить. Значит, так лучше. А что отчаиваешься, так это от того, что ты для своей радости жить хочешь.

— А для чего же жить-то? — спросил Мартын. И старичок сказал:

— Для Бога, Мартын, жить надо. Он тебе жизнь дает, для него и жить надо.

Помолчал Мартын и говорит:

— А как же для Бога жить-то? И сказал старичок:

— А жить как для Бога, то нам Христос показал. Ты грамоте знаешь? Купи Евангелие и читай, там узнаешь, как для Бога жить. Там все показано.

И запали эти слова в сердце Авдеичу, и пошел он в тот же день, купил себе Новый Завет крупной печати и стал читать.

Хотел Авдеич читать только по праздникам, да как начал читать, так ему на душе хорошо стало, что стал каждый день читать. Другой раз так зачитается, что в лампе весь керосин выгорит, и все от книги оторваться не может. И стал так читать Авдеич каждый вечер. И чем больше читал, тем яснее понимал, чего от него Бог хочет и как надо для Бога жить; и все легче и легче ему становилось на сердце. Бывало, прежде спать ложиться, охает он и крехчет и все про Капитошку вспоминает, а теперь только приговаривает: «Слава Тебе, слава Тебе, Господи! Твоя воля!»

И с той поры переменилась вся жизнь Авдеича.

Случилось раз, поздно зачитался Мартын. Читал он Евангелие от Луки. Прочел он главу шестую, хотел ложиться, да жаль было оторваться от книги. И стал читать еще седьмую главу и дошел до того места, где богатый фарисей позвал Господа к себе в гости; и прочел о том, как женщина-грешница помазала Ему ноги и омывала их слезами и как Он оправдал ее.

И опять снял очки Авдеич, положил книгу и опять задумался.

«Такой же, видно, как я, фарисей-то был... Тоже, я чай, только о себе помнил. Как бы чайку напитокся, да в тепле, да в холе, а нет того, чтобы о госте подумать. О себе помнил, а о госте и заботушки нет. А гость-то кто? Сам Господь. Кабы ко мне пришел, разве я так бы сделал?»

И облокотился на обе руки Авдеич и не видал, как задремал.

— Мартын! — вдруг как задышало что-то у него над ухом. Встрепенулся Мартын спросонок:

— Кто тут?

Повернулся он, взглянул на дверь — никого. Прикорнул он опять. Вдруг явственно слышит:

— Мартын, а Мартын! Смотри завтра на улицу, — приду! Очнулся Мартын, поднялся со стула, стал протирать глаза. И не знает сам — во сне или наяву слышал он слова эти. Завернул он лампу и лег спать.

На утро до света поднялся Авдеич, помолился Богу, истопил печку, поставил щи, кашу, развел самовар, надел фартук и сел к окну работать. Сидит Авдеич, работает, а сам все про вчерашнее думает. И думает надвое: то думает — померещилось, а то думает, что и вправду слышал он голос. «Что ж, — думает, — бывало и это».

Сидит Мартын у окна и не столько работает, сколько в окно смотрит, и как пройдет кто в незнакомых сапогах, изогнется, выглядывает из окна, чтобы не одни ноги, а лицо увидеть. Прошел дворник в новых валенках, прошел водовоз, потом поровнялся с окном старый солдат в обшитых старых валенках с лопатой в руках. По валенкам узнал его Авдеич. Старика звали Степанычем, и жил он у соседнего купца из милости. Положена ему была должность дворнику помогать. Стал против Авдеича окна Степаныч очищать снег. Посмотрел на него Авдеич и опять взялся за работу.

«Вишь, одурел, видно, я со старости, — сам над собой посмеялся Авдеич. — Степаныч снег чистит, а я думаю, Христос ко мне идет. Совсем одурел, старый хрыч». Однако стежков десяток сделал Авдеич, опять тянет его в окно посмотреть. Посмотрел опять в окно, видит — Степаныч прислонил лопату к стене и сам не то греется, не то отдыхает.

«Человек старый, видно, и снег-то сгребать силы нет, — подумал Авдеич. — Напоить его разве чайком?» Воткнул Авдеич шило, встал, поставил на стол самовар, залил чай и постучал пальцем в стекло. Степаныч обернулся и подошел к окну. Авдеич поманил его и пошел отворить дверь.

— Войди, погрейся, что ль, — сказал он. — Озяб, чай?

— Спаси Христос, и то — кости ломают, — сказал Степаныч. Вошел Степаныч, отряхнулся от снега, стал ноги вытирать, чтобы не наследить по полу, а сам шатается.

— Не трудись вытирать. Я подотру, наше дело такое. Проходи, садись! — сказал Авдеич. — Вот чайку выпей.

И Авдеич налил два стакана и подвинул один гостю, а сам вылил свой на блюдечко и стал дуть.

Выпил Степаныч свой стакан, перевернул дном кверху, на него положил огрызок и стал благодарить. А самому, видно, еще хочется.

— Кушай еще, — сказал Авдеич и налил еще стакан и себе, и гостю. Пьет Авдеич свой чай, а сам нет-нет на улицу поглядывает.

— Али ждешь кого? — спросил гость.

— Жду кого? И сказать совестно, кого жду. Жду, не жду, а запало мне в сердце слово одно. Виденье или так, сам не знаю. Видишь ли, братец ты мой, читал я вчера Евангелие про Христа Батюшку, как Он страдал, как по земле ходил. Слыхал ты, я чай?

— Слышал, слышал, — отвечал Степаныч, — да мы люди темные, грамоте не знаем.

— Ну вот, читал я про самое то, как Он по земле ходил. Читал я, знаешь, как Он к фарисею пришел, а тот Ему встречи не сделал. Ну так вот, читал, братец ты мой, я вчера про это самое и подумал: как Христа Батюшку честь-честью не принял! Доведись, к примеру, мне или кому, думаю, и не знал бы, как принял. А он и приему не сделал! Вот подумал я так-то и задремал. Задремал я, братец ты мой, слышу, по имени кличет; поднялся я — голос, ровно шепчет кто-то: жди, говорит, завтра приду. Да до двух раз. Ну вот, веришь ли, запало мне это в голову, сам себя браню и все жду Его Батюшку.

Степаныч покачал головой и ничего не сказал, а допил стакан и положил его боком, но Авдеич опять поднял стакан и налил еще.

— Кушай на здоровье! Ведь тоже, думаю, когда Он, Батюшка, по земле ходил, не брезговал никем, а с простым народом больше водился. Все по простым ходил, учеников-то набирал все больше из нашего брата, таких же, как мы, грешные, из рабочих. Кто, говорит, возвышается, тот унижится, а кто унижается, тот возвысится. Вы меня, говорит, Господом называете, а Я, говорит, вам ноги умою. Кто хочет, говорит, быть первым, тот будет всем слуга. Потому что, говорит, блаженны нищие, смиренные, кроткие, милостивые.

Забыл свой чай Степаныч. Человек он был старый и мягко-слезный; сидит, слушает, а по лицу слезы катятся.

— Ну, кушай еще, — сказал Авдеич. Но Степаныч перекрестился, поблагодарил, отодвинул стакан и встал.

— Спасибо тебе, — говорит, — Мартын Авдеич, угостил ты меня, душу и тело насытил.

— Милости просим, заходи другой раз, рад гостю, — сказал Авдеич.

Степаныч ушел, а Мартын опять сел к окну за работу. Строчит, а сам все поглядывает в окно.

Прошли мимо два солдата, прошел потом в чищенных калошах хозяин из соседнего дома; прошел булочник с корзиной. Все мимо прошли, и вот поровнялась с окном женщина в шерстяных чулках и деревенских башмаках. Прошла она мимо окна и остановилась у простенка. Заглянул на нее из-под окна Авдеич, видит — женщина чужая,

одета плохо и с ребенком. стала у стены к ветру спиной и укутывает ребенка, а укутывать не во что. Одежда на женщине летняя, да и плохая. А из-за рамы слышит Авдеич, ребенок кричит, а она его уговаривает, никак уговорить не может. Встал Авдеич, вышел в дверь, на лестницу и крикнул:

— Умница! а умница! Женщина услышала и обернулась.

— Что же так на холоду с ребенком стоишь? Заходи в горницу, в тепле-то лучше завернешь его. Сюда вот!

Удивилась женщина. Видит, — старик старый в фартуке, очки на носу, зовет к себе. Пошла за ним.

Спустилась под лестницу, вошли в горницу, провел старик женщину к кровати.

— Сюда, — говорит, — садись, умница, к печке ближе — погреешься и покормишь младенца-то.

— Молока-то в грудях нет, сама с утра не ела, — сказала женщина, а все-таки взяла к груди ребенка.

Покачал головой Авдеич, пошел к столу, достал хлеба, чашку, открыл в печи заслонку, налил в чашку шей.

— Садись, — говорит, — покушай, умница, а с младенцем я посижу, ведь у меня свои дети были, — умею с ними нянчиться.

Перекрестилась женщина, села к столу и стала есть, а Авдеич присел на кровать к ребенку. Чмокал, чмокал ему Авдеич губами, да плохо чмокается — зубов нету. Все кричит ребеночек. И придумал Авдеич его пальцем пугать: замахнется-замахнется на него пальцем прямо ко рту и прочь отнимает. В рот не дает, потому палец черный. И засмотрелся ребеночек на палец и затих, а потом и смеяться стал. И обрадовался и Авдеич. А женщина ест, а сама рассказывает, кто она и куда ходила.

— Я, — говорит, — солдатка, мужа восьмой месяц угнали далеко и слуха нет. Жила в кухарках, родила. С ребенком не стали держать. Вот третий месяц бьюсь без места. Проела все с себя. Ходила вот к купчихе, там обещали взять. Я думала сразу, а она велела на той неделе приходиться. А живет далеко. Изморилась и его, сердечного, замучила. Спасибо, хозяйка жалеет нас, ради Христа на квартире держит. А то бы и не знала, как прожить.

Вздыхнул Авдеич и говорит:

— А одежи-то теплой али нет?

— Вчера платок последний за двугривенный заложила.

Подошла женщина к кровати и взяла ребенка, а Авдеич встал, пошел к стенке, порылся, принес старую поддевку.

— На, — говорит, — хоть и плохая штука, а все пригодится завернуть.

Посмотрела женщина на поддевку, посмотрела на старика, взяла поддевку и заплакала. Отвернулся и Авдеич; полез под кровать, выдвинул сундучок, покопался в нем и сел опять против женщины.

И сказала женщина:

— Спаси тебя Христос, дедушка. Послал, видно, Он меня под твое окно. Заморозила бы я детище. Вышла я, тепло было, а теперь вот как холодно стало. И наставил же Он, Батюшка, тебя в окно поглядеть и меня пожалеть.

Усмехнулся Авдеич и говорит:

— И то Он наставил. В окно-то я, умница, неспроста гляжу.

И рассказал Мартын и солдатке свой сон, и как он голос слышал, что обещался нынешний день Господь прийти к нему.

— Все может быть, — сказала женщина, встала, накинула поддевку, завернула в нее детище и стала кланяться и опять благодарить Авдеича.

— Прими ради Христа, — сказал Авдеич и подал ей двугривенный — платок выкупить. Перекрестилась женщина, перекрестился Авдеич и проводил женщину.

Ушла женщина; поел Авдеич шей и сел опять работать. Сам работает, а окно помнит — как потемнеет в окне, сейчас взглядывает, кто прошел. Проходили и знакомые, проходили и чужие, и не было никого особенного.

И вот, видит Авдеич, против самого его окна остановилась старуха-торговка. Несет лукошко с яблоками. Немного уже осталось, видно, все распродала, а через плечо держит мешок щепок. Набрала, должно быть, где на постройке, к дому идет. Да, видно, оттянул ей плечо мешок, захотела на другое плечо переложить, спустила она мешок на панель, поставила лукошко с яблоками на столбике и стала щепки в мешке утрясать. И пока утрясала она мешок, откуда ни возьмись, вывернулся мальчишка в картузе рваном, схватил из лукошка яблоко и хотел проскользнуть, да заметила старуха, повернулась и цапала ма-

лого за рукав. Забился мальчишка, хотел вырваться, да старуха ухватила его обеими руками, сбила картуз и поймала за волосы. Кричит мальчишка, ругается старуха. Не успел Авдеич шила воткнуть, бросил на пол, выскочил в дверь, даже на лестнице споткнулся и очки уронил. Выбежал Авдеич на улицу; старуха малого треплет за вихры и ругает, к городовому вести хочет; малый отбивается и отпирается:

— Я, — говорит, — не брал, за что бьешь,пусти!

Стал их Авдеич разнимать, взял мальчика за руку и говорит:

— Пустиго, бабушка, прости его Христа ради!

— Я его так прошу, что он не забудет! В полицию шельмеца сведу!

Стал Авдеич упрашивать старуху:

— Пустиго, — говорит, — бабушка, он впредь не будет. Пустиго ради Христа!

Пустила его старуха, хотел мальчик бежать, но Авдеич придержал его.

— Проси, — говорит, — у бабушки прощенья! И впредь не делай; я видел, как ты взял.

Заплакал мальчик, стал просить прощения.

— Ну вот так. А теперь яблоко на, вот тебе. — И Авдеич взял из лукошка и дал мальчику. — Заплачу, бабушка, — сказал он старухе.

— Набалуешь ты их так, сорванцов, — сказала старуха. — Его так наградить надо, чтоб он неделю этого не забыл.

— Эх, бабушка, бабушка, — сказал Авдеич. — По-нашему-то так, а по-Божьему не так. Коли его за яблоко высечь надо, так с нами-то за наши грехи что сделать надо?

Замолчала старуха.

И рассказал Авдеич старухе притчу о том, как хозяин простил должнику весь большой долг, а должник пошел и стал душить своего должника. Выслушала старуха, и мальчик стоял, слушал.

— Бог велел прощать, — сказал Авдеич, — а то и нам не простится. Всем прощать, а несмышленому подавно.

Покачала головой старуха, вздохнула.

— Так-то так, — сказала старуха, — да уж очень набаловались они.

— Так нам, старикам, и учить их, — сказал Авдеич.

— Так и я говорю, — сказала старуха. — У меня самой их семеро было, одна дочь осталась. — И стала старуха рассказывать, где и как

она живет у дочери и сколько у ней внучат. — Вот, — говорит, — сила моя уж какая, а тружусь. Ребят-внучат жалко, да и хороши внучата-то: никто меня так не встретит, как они. Аксютка — так та ни к кому и не подойдет от меня. «Бабушка, милая бабушка, сердечная!» И совсем размякла старуха.

— Известно, дело ребячье. Бог с ним, — сказала старуха на мальчика.

Только хотела старуха поднимать мешок на плечи, подскочил мальчик и говорит:

— Дай я снесу, бабушка, мне по дороге.

Старуха покачала головой и взвалила мешок на мальчика.

И пошли они рядом по улице. И забыла старуха спросить у Авдеича деньги за яблоко. Авдеич стоял и все смотрел на них и слушал, как они шли и что-то говорили.

Проводил их Авдеич и вернулся к себе, нашел очки на лестнице, и не разбились, поднял шило и сел опять за работу. Проработал немного, да уж стал ниткой не попадать, и видит, фонарщик прошел фонари зажигать. «Видно, надо огонь засвечать», — подумал он; заправил лампочку, повесил и опять принялся работать. Докончил один сапог совсем; повертел, посмотрел — хорошо! Сложил инструмент, смел обрезки, убрал нитки и шило, взял лампу, поставил ее на стол и достал с полки Евангелие.

Хотел он раскрыть книгу на том месте, где он вчера обрезком сафьяна заложил, да раскрылось в другом месте. И как раскрыл Авдеич Евангелие, так вспомнился ему вчерашний сон. И только он вспомнил, как вдруг послышалось ему, как будто кто-то шевелится, ногами переступает сзади его. Оглянулся Авдеич и видит: стоят точно люди в темном углу — стоят люди, а не может разобрать, кто такие. И шепчет ему на ухо голос:

— Мартын! А Мартын! Или ты не узнал Меня?

— Кого? — проговорил Авдеич.

— Меня, — сказал голос. — Ведь это Я.

И выступил из темного угла Степаныч, улыбнулся и как облачко разошелся, и не стало его...

— И это Я, — сказал голос.

И выступила из темного угла женщина с ребеночком, и улыбнулась женщина, и засмеялся ребеночек, и тоже пропали.

— И это Я, — сказал голос.

И выступила старуха и мальчик с яблоком, и оба улыбнулись, и тоже пропали.

И радостно стало на душе Авдеича, перекрестился он, надел очки и стал читать Евангелие, там, где открылось. И наверху страницы он прочел:

«И взалкал Я, и вы дали Мне есть, жаждал, и вы напоили Меня, был странником, и вы приняли Меня...»

И внизу страницы прочел еще:

«Так как вы сделали это одному из сих братии Моих, меньших, то сделали Мне» (Евангелие от Матфея, 25-я глава).

И понял Авдеич, что не обманул его сон, что, точно, приходил к нему в этот день Спаситель его и что, точно, он принял Его.

ВОПРОСЫ

1. Обратили ли вы внимание на то обстоятельство, что ответ на вопрос «А для чего же жить-то?» Авдеич искал в Новом Завете? И чем больше читал, тем яснее понимал, как надо жить. Не пробовали ли вы читать Новый Завет, когда перед вами встают какие-нибудь жизненно важные вопросы?
2. Расскажите, как вы поняли сон Авдеича. Осуществился ли он? Почему?

6

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ УТРОМ ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ*

Младший брат Карамазовых, Алеша, живет в монастыре, послушником при любимом им старце Зосиме. «Старцы» — это святые и мудрые монахи — духовники, к которым приходит много людей, и бед-

* Четыре отрывка из романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».

ных и богатых, и простых и образованных. И все получали от них совет и помощь. Перед смертью старец Зосима рассказывает о своем детстве и молодости. Отца своего он не помнил и был еще маленьким, когда умер его старший брат, Маркел.

Остались мы тогда одни с матушкой. Посоветовали ей скоро добрые знакомые, что вот, дескать, остался всего один у вас сынок, и не бедные вы, капитал имеете, так по примеру прочих, почему бы сына вашего не отправить вам в Петербург, а оставшись здесь, знатной, может быть, участи его лишите. И надоумили матушку меня в Петербург в кадетский корпус свезти, чтобы в императорскую гвардию потом поступить. Матушка долго колебалась: как это с последним сыном расстаться, но, однако, решилась, хотя и не без многих слез, думая счастию моему способствовать.

Свезла она меня в Петербург да и определила, а с тех пор я ее и не видал вовсе; ибо через три года сама скончалась, все три года по нас обоих грустила и трепетала. Из дома родительского вынес я лишь драгоценные воспоминания, ибо нет драгоценнее воспоминаний у человека, как от первого детства его в доме родительском, и это почти всегда так, если даже в семействе хоть только чуть-чуть любовь да союз. Да и от самого дурного семейства могут сохраниться воспоминания драгоценные, если только сама душа твоя способна искать драгоценное.

К воспоминаниям же домашним причитаю и воспоминания о Священной истории, которую в доме родительском, хотя и ребенком, я очень любопытствовал знать. Была у меня тогда книга, Священная история, с прекрасными картинками, под названием «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета», и по ней я и читать учился. И теперь она у меня здесь на полке лежит, как драгоценную память сохраняю. Но и до того еще как читать научился, помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение духовное, еще восьми лет от роду.

Повела матушка меня одного (не помню, где был тогда брат) во храм Господень, в Страстную неделю, в понедельник, к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам и тихо восходил вверх, а сверху в куполе, в узенькое окошечко, так и льются на нас в церковь Божьи лучи, и, восходя к ним волнами, как бы таял в них фимиам. Смотрел я умиленно, и в первый

раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова Божия осмысленно. Вышел на середину храма отрок с большою книгой, такую большою, что, показалось мне тогда, с трудом даже и нес ее, и возложил на аналой, отверз и начал читать, и вдруг я тогда в первый раз нечто понял, в первый раз в жизни понял, что во храме Божиим читают.

Был муж в земле Уц, правдивый и благочестивый, и было у него столько-то богатства, столько-то верблюдов, столько-то овец и ослов, и дети его веселились, и любил он их очень, и молил за них Бога: может, согрешили они, веселясь. И вот восходит к Богу дьявол и говорит Господу, что прошел по всей земле и под землею. «А видел ли раба Моего Иова?» — спрашивает его Бог. И похвалился Бог дьяволу, указав на великого святого раба Своего. И усмехнулся дьявол на слова Божии: «Предай его мне и увидишь, что возропщет раб Твой и проклянет Твое имя». И предал Бог Своего праведника, столь Им любимого, дьяволу, и поразил дьявол детей его, и скот его, и разметал богатство его, все вдруг, как Божиим громом, и разодрал Иов одежды свои, и бросился на землю, и возопил: «Наг вышел из чрева матери, наг и возвращусь в землю, Бог дал, Бог и взял. Буди Имя Господне благословенно отныне и до века!»

Отцы и учителя, пошлите теперешние слезы мои — ибо все младенчество мое как бы вновь восстает предо мною, и дышу теперь, как дышал тогда детскою восьмилетнею грудкой моею, и чувствую, как тогда, удивление, и смятение, и радость.

И верблюды-то так тогда мое воображение заняли, и сатана, который так с Богом говорит, и Бог, отдавший раба Своего на погибель, и раб Его, восклицающий: «Буди Имя Твое благословенно, несмотря на то, что казнишь меня», — а затем тихое и сладостное пение во храме: «Да исправится молитва моя», и снова фимиам от кадила священника и коленопреклоненная молитва!

С тех пор — даже вчера еще взял ее — и не могу читать эту пресвятую повесть без слез. А и сколько тут великого, тайного, невообразимого! Слышал я потом слова насмешников и хулителей, слова гордые: как это мог Господь отдать любимого из святых Своих на потеху дьяволу, отнять от него детей, поразить его самого болезнью и язвами так, что черепком считал с себя гнои своих ран, и для чего: чтобы только похвалиться перед сатаной: «Вот что, дескать, может вытерпеть святой Мой ради Меня!»

Но в том и великое, что тут тайна, — что мимоидущий лик земной и вечная истина соприкоснулись тут вместе. Пред правдой земною совершается действие вечной правды. Тут Творец, как и в первые дни творения, завершая каждый день похвалою: «Хорошо то, что Я сотворил», — смотрит на Иова и вновь хвалится созданием Своим. А Иов, хваля Господа, служит не только Ему, но послужит и всему созданию Его в роды и роды и во веки веков, ибо к тому и предназначен был. Господи, что это за книга и какие уроки!

Что за книга это Священное Писание, какое чудо и какая сила, данные с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков. И сколько тайн разрешенных и откровенных: восстанавливает Бог снова Иова, дает ему вновь богатство, проходят опять многие годы, и вот у него уже новые дети, другие, и любит он их, — Господи! «Да как мог бы он, казалось, возлюбить этих новых, когда тех прежних нет, когда тех лишился? Вспоминая тех, разве можно быть счастливым в полноте, как прежде, с новыми, как бы новые ни были ему милы?»

Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость; вместо юной кипучей крови наступает кроткая ясная старость: благословляю восход солнца ежедневный, и сердце мое по-прежнему поет ему, но уже более люблю закат его, длинные косые лучи его, а с ними тихие, кроткие, умиленные воспоминания, милые образы из всей долгой и благословенной жизни — а надо всем-то правда Божия, умиляющая, примиряющая, всепрощающая!

В Петербурге, в кадетском корпусе, пробыл я долго, почти восемь лет, и с новым воспитанием многое заглушил из впечатлений детских, хотя и не забыл ничего. Взамен того принял столько новых привычек и даже мнений, что преобразился в существо почти дикое, жестокое и нелепое. Лоск учтивости и светского обращения вместе с французским языком приобрел, а служивших нам в корпусе солдат считали мы все как за совершенных скотов, и я тоже. Я-то, может быть, больше всех, ибо из всех товарищей был на все восприимчивее.

Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь нашу, о настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы

ее тотчас же сам первый. Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились. Не скажу, чтобы были скверные; все эти молодые люди были хорошие, да вели-то себя скверно, а пуще всех я. Главное то, что у меня объявился свой капитал, а потому и пустился я жить в свое удовольствие, со всем юным стремлением, без удержу, поплыл на всех парусах. Но вот что дивно: читал я тогда и книги и даже с большим удовольствием; Библию же одну никогда почти в то время не развертывал, но никогда и не расставался с нею, а возил ее повсюду с собой: воистину берег эту книгу, сам того не ведая, «на день и час, на месяц и год».

Прослужив этак года четыре, очутился я наконец в городе К., где стоял тогда наш полк. Общество городское было разнообразное, многолюдное и веселое, гостеприимное и богатое, принимали же меня везде хорошо, ибо был я от роду нрава веселого, да к тому же и слыл не за бедного, что в свете значит немало. Вот и случилось одно обстоятельство, послужившее началом всему.

Привязался я к одной молодой и прекрасной девице, умной и достойной, характера светлого, благородного, дочери почтенных родителей. Люди были немалые, имели богатство, влияние и силу, меня принимали ласково и радушно. И вот покажись мне, что девица расположена ко мне сердечно, — разгорелось мое сердце при таковой мечте. Потом уж сам постиг и вполне догадался, что, может быть, вовсе я ее и не любил с такою силой, а только читил ее ум и характер возвышенный, чего не могло не быть.

Себялюбие, однако же, помешало мне сделать предложение руки в то время: тяжело и страшно показалось расстаться с соблазнами развратной, холостой и вольной жизни в таких юных летах, имея вдобавок и деньги. Намеки, однако ж, я сделал. Во всяком случае, отложил на малое время всякий решительный шаг.

А тут вдруг случилась командировка в другой уезд на два месяца. Возвращаясь я через два месяца и вдруг узнаю, что девица уже замужем, за богатым пригородным помещиком, человеком хоть и старше меня годами, но еще молодым, имевшим связи в столице и в лучшем обществе, чего я не имел, человеком весьма любезным и сверх того образованным, а уж образования-то я не имел вовсе. Так я был поражен этим неожиданным случаем, что даже ум во мне помутился. Главное

же в том заключалось, что, как узнал я тогда же, был этот молодой помещик женихом ее уже давно и что сам же я встречал его множество раз в ихнем доме, но не примечал ничего, ослепленный своими достоинствами. Но вот это-то по преимуществу меня и обидело: как же это, все почти знали, а я один ничего не знал?

И почувствовал я вдруг злобу нестерпимую. С краской в лице начал вспоминать, как много раз почти высказывал ей любовь мою, а так как она меня не останавливала и не предупредила, то, стало быть, вывел я, надо мною смеялась. Потом, конечно, сообразил и припомнил, что несколько она не смеялась, сама же, напротив, разговоры такие шутиливо прерывала и зачинала на место их другие, — но тогда сообразить этого я не смог и запылал отомщением.

Вспоминаю с удивлением, что отомщение сие и гнев мой были мне самому до крайности тяжелы и противны, потому что, имея характер легкий, не мог подолгу ни на кого сердиться, а потому как бы сам искусственно разжигал себя и стал наконец безобразен и нелеп. Выждал я время и раз в большом обществе удалось мне вдруг «соперника» моего оскорбить будто бы из-за самой посторонней причины, подсмеяться над одним мнением его об одном важном тогда событии — в двадцать шестом году дело было — и подсмеяться, говорили люди, удалось остроумно и ловко.

Затем вынудил у него объяснение и уже до того обошелся при объяснении грубо, что вызов мой он принял, несмотря на огромную разницу между нами, ибо был я и моложе его, незначителен и чина мало-го. Потом уж я твердо узнал, что принял он вызов мой как бы тоже из ревнивого ко мне чувства: ревновал он меня и прежде, немножко, к жене своей, еще тогда невесте; теперь же подумал, что если та узнает, что он оскорбление от меня перенес, а вызвать на поединок не решился, то чтобы не стала она невольно презирать его и не поколебалась любовь ее.

Секунданта я достал скоро, товарища, нашего же полка поручика. Тогда хоть и преследовались поединки жестоко, но была на них как бы даже мода между военными — до того дикие нарастают и укрепляются иногда предрассудки. Был в исходе июнь, и вот встреча наша назавтра, за городом, в семь часов утра — и воистину случилось тут со мной нечто как бы роковое.

С вечера возвратившись домой, свирепый и безобразный, рассердился я на моего денщика Афанасия и ударил его изо всей силы два раза по лицу, так что окровавил ему лицо. Служил он у меня еще недавно, и случалось и прежде, что ударял его, но никогда с такою зверскою жестокостью. И верите ли, милые, сорок лет тому минуло времени, а припоминаю и теперь о том со стыдом и мукой.

Лег я спать, заснул часа три, встаю, уже начинается день.

Я вдруг поднялся, спать более не захотел, подошел к окну, отворил — отпиралось у меня в сад, — вижу, восходит солнышко, тепло, прекрасно, зазвенели птички. Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то...

И вдруг сейчас же и догадался, в чем было дело: в том, что я с вечера избил Афанасия! Все мне вдруг снова представилось, точно вновь повторилось: стоит он предо мною, а я бью его с размаху прямо в лицо, а он держит руки по швам, голову прямо, глаза выпучил как во фронте, вздрагивает с каждым ударом и даже руки поднять, чтобы заслониться, не смеет — и это человек до того доведен, и это человек бьет человека! Экое преступление!

Словно игла острая прошла мне всю душу наскозь. Стою я как ошалелый, а солнышко-то светит, листочки-то радуются, сверкают, а птички-то, птички-то Бога хвалят... Закрыл я обеими ладонями лицо, повалился на постель и заплакал навзрыд. И вспомнил я тут моего брата Маркела и слова его пред смертью слугам: «Милые мои, дорогие, за что вы мне служите, за что меня любите, да и стою ли я, чтобы служить-то мне?»

«Да, стою ли», — вскочило мне вдруг в голову. В самом деле, чем я так стою, чтобы другой человек, такой же, как я, образ и подобие Божие, мне служил? Так и вонзился мне в ум в первый раз в жизни тогда этот вопрос. «Матушка, кровинушка ты моя, воистину всякий пред всеми за всех виноват, не знают только этого люди, а если б узнали — сейчас был бы рай!»

«Господи, да неужто же и это неправда, — плачу я и думаю, — воистину я за всех, может быть, всех виновнее, да и хуже всех на свете людей!»

И представилась мне вдруг вся правда, во всем просвещении своем: что я иду делать? Иду убивать человека доброго, умного, благородного, ни в чем предо мной не повинного, а супругу его тем навеки счастья лишу, измучаю и убью. Лежал я так на постели ничком, лицом в подушку и не заметил вовсе, как и время прошло. Вдруг входит мой товарищ, поручик, за мной, с пистолетами: «А, — говорит, — вот это хорошо, что ты уже встал, пора, идем».

Заметался я тут, совсем потерялся, вышли мы, однако же, садиться в коляску: «Погоди здесь время, — говорю ему, — я в один миг сбегая, кошелек забыл». И вбежал один в квартиру обратно, прямо в каморку к Афанасию: «Афанасий, — говорю, — я вчера тебя ударил два раза по лицу, прости ты меня».

Он так и вздрогнул, точно испугался, глядит — и вижу я, что этого мало, мало, да вдруг, так, как был, в эполетах-то, бух ему в ноги лбом до земли: «Прости меня!» — говорю. Тут уж он и совсем обомлел: «Ваше благородие, батюшка барин, да как вы... да стою ли я...» — и заплакал вдруг сам, точно как давеча я, ладонями обеими закрыл лицо, повернулся к окну и весь от слез так и затрясся, я же выбежал к товарищу, влетел в коляску, «вези» кричу.

«Видал, — кричу ему, — победителя — вот он пред тобою!» Восторг во мне такой, смеюсь, всю дорогу говорю, говорю, не помню уж, что и говорил. Смотрит он на меня: «Ну, брат, молодец же ты, вижу, что поддержишь мундир».

Так приехали мы на место, а они уже там, нас ожидают. Расставили нас, в двенадцати шагах друг от друга, ему первый выстрел — стою я пред ним веселый, прямо лицом к лицу, глазом не смигну, любя на него гляжу, знаю, что сделаю. Выстрелил он, капельку лишь оцарапало мне щеку да за ухо задело.

«Слава Богу, — кричу, — не убили человека!» — да свой-то пистолет схватил, оборотился назад, да швырком, вверх, в лес и пустил: «Туда, — кричу, — тебе и дорога!» Оборотился к противнику: «Милостивый государь, — говорю, — простите меня, глупого молодого человека, что по вине своей вас разобидел, а теперь стрелять в себя заставил. Сам я хуже вас в десять крат, а пожалуй, еще и того больше. Передайте это той особе, которую чтите больше всех на свете».

Только что я это проговорил, так все трое они закричали: «Поми-луйте, — говорит мой противник, рассердился даже, — если вы не хо-тели драться, к чему же беспокоили?» — «Вчера, — говорю ему, — еще глуп был, а сегодня поумнел», — весело так ему отвечаю. «Верю про вчерашнее, — говорит, — но про сегодняшнее трудно заключить по вашему мнению». — «Браво, — кричу ему, в ладоши захопал, — я с вами и в этом согласен, заслужил!» — «Будете ли, милостивый госу-дарь, стрелять или нет?» — «Не буду, — говорю, — а вы, если хотите, стреляйте еще раз, только лучше бы вам не стрелять».

Кричат и секунденты, особенно мой: «Как это страмить полк, на ба-рьере стоя, прощения просить, если бы только я это знал!» Стал я тут пред ними пред всеми и уже не смеюсь: «Господа мои, — говорю, — неужели так теперь для нашего времени удивительно встретить человека, который бы сам покаялся в своей глупости и повинился, в чем сам виноват, пуб-лично?» — «Да не на барьере же», — кричит мой секундент опять. «То-то вот и есть, — отвечаю им, — это-то вот и удивительно, потому следо-вало бы мне повиниться, только что прибыли сюда, еще прежде ихнего выстрела, и не вводить их в великий и смертный грех, но до того безобраз-но, — говорю, — мы сами себя в свете устроили, что поступить так было почти и не возможно, ибо только после того, как я выдержал их выстрел в двенадцати шагах, слова мои могут что-нибудь теперь для них значить, а если бы до выстрела, как прибыли сюда, то сказали бы просто: трус, пи-стоleta испугался и нечего его слушать. Господа, — воскликнул я вдруг от всего сердца, — посмотрите кругом на дары Божии: небо ясное, воздух чистый, травка нежная, птички, природа прекрасная и безгрешная, а мы, только мы одни безбожные и глупые и не понимаем, что жизнь есть рай, ибо стоит только нам захотеть понять, и тотчас же он настанет во всей красоте своей, обнимемся мы и заплачем...»

Хотел я и еще продолжать, да не смог, дух даже у меня захватило, сла-достно, юно так, а в сердце такое счастье, какого и не ощущал никогда во всю жизнь. «Благодаразумно все это и благочестиво, — говорит мне про-тивник, — и во всяком случае человек вы оригинальный». — «Смей-тесь, — смеюсь я ему, — а потом сами похвалите». — «Да я готов и теперь, — говорит, — похвалить, извольте, я протяну вам руку, пото-му, кажется, вы действительно искренний человек». — «Нет, — го-

ворю. — сейчас не надо, а потом, когда я лучше сделаюсь и уважение ваше заслужу, тогда протяните — хорошо сделаете».

Ворогались мы домой, секундант мой всю-то дорогу бранится, а я-то его целую. Тотчас все товарищи прослышали, собрались меня судить в тот же день: «Мундир, дескать, замарал, пусть в отставку подает». Явились и защитники: «Выстрел все же, — говорят, — он выдержал». — «Да, но побоялся других выстрелов и попросил на барьере прощения». — «А кабы побоялся выстрелов, — возражают защитники, — так из своего бы пистолета сначала выстрелил, прежде чем прощения просить, а он в лес его еще заряженный бросил, нет, тут что-то другое вышло, оригинальное».

Слушаю я, весело мне на них глядя. «Любезнейшие мои, — говорю я, — друзья и товарищи, не беспокойтесь, чтоб я в отставку подал, потому что это я уже и сделал, я уже подал, сегодня же в канцелярии, утром, и когда получу отставку, тогда тотчас же в монастырь пойду, для того и в отставку подаю». Как только я это сказал, расхохотались все до единого: «Да ты б с самого начала уведомил, ну теперь все и объясняется, монаха судить нельзя», — смеются, не унимаются, да и не насмешливо вовсе, а ласково так смеются, весело, полюбили меня вдруг все, даже самые ярые обвинители, и потом весь-то этот месяц, пока отставка не вышла, точно на руках меня носят: «Ах ты, монах», — говорят.

И всякий-то мне ласково слово скажет, отговаривать начали, жалеть даже: «Что ты над собой делаешь?» — «Нет, — говорят, — он у нас храбрый, он выстрел выдержал и из своего пистолета выстрелить мог, а это ему сон накануне приснился, чтоб он в монахи пошел, вот он отчего».

Точно то же почти произошло и в городском обществе. Прежде особенно-то и не примечали меня, а только принимали с радушием, а теперь вдруг все наперерыв узнали и стали звать к себе: сами смеются надо мной, а меня же любят.

Замечу тут, что хотя о поединке нашем все вслух тогда говорили, но начальство это дело закрыло, ибо противник мой был генералу нашему близким родственником, а так как дело обошлось без крови, а как бы в шутку, да и я, наконец, в отставку подал, то и повернули действительно в шутку. И стал я тогда вслух и безбоязненно говорить, несмотря на их смех, потому что все же был смех не злобный, а добрый.

Происходили же все эти разговоры больше по вечерам в дамском обществе, женщины больше тогда полюбили меня слушать и мужчин заставляли. «Да как же это можно, чтоб я за всех виноват был, — смеется мне всякий в глаза, — ну разве я могу быть за вас, например, виноват?» — «Да где, — отвечаю им, — вам это и познать, когда весь мир давно уже на другую дорогу вышел и когда сущую ложь за правду считаем да и от других такой же лжи требуем. Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что же, стал для всех вас точно юродивый: хоть и полюбили меня, а все же надо мной, — говорю, — смеетесь». — «Да как вас такого не любить?» — смеется мне вслух хозяйка, а собрание у ней было многолюдное.

Вдруг, смотрю, подымается из среды дам та самая молодая особа, из-за которой я тогда на поединок вызвал и которую столь недавно еще в невесты себе прочил, а я и не заметил, как она теперь на вечер приехала. Поднялась, подошла ко мне, протянула руку: «Позвольте мне, — говорит, — изъяснить вам, что я первая не смеюсь над вами, а, напротив, со слезами благодарю вас и уважение мое к вам заявляю за тогдашний поступок ваш».

Подошел тут и муж ее, а затем вдруг и все ко мне потянулись, чуть меня не целуют. Радостно мне так стало!..

Поступил я в монастырь и уже несколько лет пробыл там. Странствуя, встретил я однажды в губернском городе К. бывшего моего денщика Афанасия, а с тех пор как я расстался с ним, прошло уже восемь лет. Нечаянно увидел меня на базаре, узнал, подбежал ко мне, и, Боже, сколь обрадовался, так и кинулся ко мне: «Батюшка, барин, вы ли это? Да неужели вас вижу?» Повел меня к себе. Был уже он в отставке, женился, двух детей младенцев уже прижил. Проживал с супругой своею мелким торгом на рынке. Комната у него бедная, но чистенькая, радостная. Усадил меня, самовар поставил, за женой послал, точно я праздник какой ему сделал, у него появившись. Подвел ко мне деток: «Благословите, батюшка». — «Мне ли благословлять, — отвечаю ему, — инок я простой и смиренный, Бога о них помолю, а о тебе, Афанасий Павлович, и всегда, на всяк день, с того самого дня Бога молю, ибо с тебя, — говорю, — все вышло».

И объяснил ему я это, как умел. Так что же человек: смотрит на меня и все не может представить, что я, прежний барин его, офицер, пред ним теперь в таком виде и в такой одежде, заплакал даже. «Чего же ты плачешь, — говорю ему, — милый ты человек, лучше повеселись за меня душой, милый, ибо радостен и светел путь мой». Многого не говорил, а все охал и качал на меня головой умиленно. «Где же ваше, — спрашивает, — богатство?» Отвечаю ему: «В монастырь отдал, а живем мы в общежитии». После чаю стал я прощаться с ними, и вдруг вынес он мне полтину жертву на монастырь, а другую полтину, смотрю, сует мне в руку, торопится: «Это уж вам, — говорит, — странному, путешествующему, пригодится вам, может, батюшка». Принял я его полтину, поклонился ему и супруге его и ушел обрадованный, и думаю дорогой: «Вот мы теперь оба, — и он у себя, и я идущий, — охаем, должно быть, да усмехаемся радостно, в веселии сердца нашего, покивая головой и вспоминая, как Бог привел встретиться».

И больше я уж с тех пор никогда не видел его. Был я ему господин, а он мне слуга, а теперь, как облобызались мы с ним любовно и в духовном умилении, меж нами великое человеческое единение произошло. Думал я о сем много, а теперь мыслю так: неужели так недоступно уму, что сие великое и простодушное единение могло бы в свой срок и повсеместно произойти меж наших русских людей? Верую, что произойдет, и сроки близки.

ВОПРОСЫ

1. Расскажите историю о праведном человеке в земле Уц из первого отрывка романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы».
2. Поясните, как вы поняли следующие строки великого писателя из второго отрывка: «О настоящей же чести почти никто из нас и не знал, что она такое есть, а узнал бы, так осмел бы ее тотчас же самый первый».
3. Почему рассказчик отказался от дуэли?
4. Как вы думаете, в чем заключался смысл жизни старца Зосимы?

7

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ.

ВЕЛИКИЙ ИНКВИЗИТОР*

Действие у меня в Испании, в Севилье, в самое страшное время инквизиции, когда во славу БОЖИЮ в стране ежедневно горели костры и

В великолепных автодафе
Сжигали злых еретиков.

О, это, конечно, было не то сошествие, в котором явится Он, по обещанию Своему, в конце времен во всей славе небесной и которое будет внезапно, «как молния, блистающая от востока до запада». Нет, Он возжелал хоть на мгновение посетить детей Своих именно там, где как раз затрещали костры еретиков. По безмерному милосердию Своему Он проходит еще раз между людей в том самом образе человеческого, в котором ходил три года между людьми пятнадцать веков назад. Он снисходит на «стогны жаркие» южного города, как раз в котором всего лишь накануне в «великолепном автодафе», в присутствии короля, двора, рыцарей, кардиналов и прелестнейших придворных дам, при многочисленном населении всей Севильи, была сожжена кардиналом великим инквизитором разом чуть не целая сотня еретиков. Он появился тихо, незаметно, и вот все — странно это — узнают Его. Народ непобедимой силой стремится к Нему, окружает Его, нарастает кругом Его, следует за Ним. Он молча проходит среди их с тихой улыбкой бесконечного сострадания. Солнце любви горит в Его сердце, лучи Света, Просвещения и Силы текут из очей Его и, изливаясь на людей, сотрясают их сердца ответною любовью. Он простирает к ним руки, благословляет их, и от прикосновения к Нему, даже лишь к одеждам его, исходит целующая сила. Вот из толпы восклицает старик, слепой с детских лет: «Господи, исцели меня, да

* В настоящем разделе приводится отрывок из романа «Братья Карамазовы», который представляет собой историю, сочиненную Иваном Карамазовым.

и я Тебя узрю», и вот как бы чешуя сходит с глаз его, и слепой Его видит. Народ плачет и целует землю, по которой идет Он. Дети бросают пред Ним цветы, поют и вопиют ему: «Осанна!» «Это Он, это Сам Он, — повторяют все, — это должен быть Он, это никто как Он». Он останавливается на паперти Севильского собора в ту самую минуту, когда во храм вносят с плачем детский открытый белый гробик: в нем семилетняя девочка, единственная дочь одного знатного гражданина. Мертвый ребенок лежит весь в цветах. «Он воскресит твое дитя», — кричат из толпы плачущей матери. Вышедший навстречу гроба соборный патер смотрит в недоумении и хмурит брови. Но вот раздастся вопль матери умершего ребенка. Она повергается к ногам Его: «Если это Ты, то воскреси дитя мое!» — восклицает она, простирая к Нему руки. Процессия останавливается, гробик опускают на папёрть к ногам Его. Он глядит с состраданием, и уста Его тихо и еще раз произносят: «Талифа куми» — «и восста девица». Девочка подымается в гробе, садится и смотрит, улыбаясь, удивленными раскрытыми глазками кругом. В руках ее букет роз, с которым она лежала в гробу. В народе смятение, крики, рыдания, и вот, в эту самую минуту, вдруг проходит мимо собора по площади сам кардинал великий инквизитор. Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится, как огненная искорка, блеск. О, он не в великолепных кардинальских одеждах своих, в каких красовался вчера пред народом, когда сжигали врагов римской веры, — нет, в эту минуту он лишь в старой, грубой монашеской своей рясе. За ним в известном расстоянии следуют мрачные помощники и рабы его и «священная» стража. Он останавливается пред толпой и наблюдает издали. Он все видел, он видел, как поставили гроб у ног Его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурит седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять Его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается пред стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на Него руки и уводят Его. Толпа моментально, вся как один человек, склоняется головами до земли пред старцем инквизитором, тот мол-

ча благословляет народ и проходит мимо. Стража приводит Пленника в тесную и мрачную сводчатую тюрьму в древнем здании святого судилища и запирает в нее. Проходит день, настает темная, горячая и «бездыханная» севильская ночь. Воздух «лавром и лимоном пахнет». Среди глубокого мрака вдруг открывается железная дверь тюрьмы, и сам старик великий инквизитор со светильником в руке медленно входит в тюрьму. Он один, дверь за ним тотчас же запирается. Он останавливается при входе и долго, минуту или две, всматривается в лицо Его. Наконец тихо подходит, ставит светильник на стол и говорит Ему: «Это Ты? Ты? — Но, не получая ответа, быстро прибавляет: — Не отвечай, молчи. Да и что бы Ты мог сказать? Я слишком знаю, что Ты скажешь. Да Ты и права не имеешь ничего прибавлять к тому, что уже сказано Тобой прежде. Зачем же Ты пришел нам мешать? Ибо Ты пришел нам мешать, и Сам это знаешь. Но знаешь ли, что будет завтра? Я не знаю, кто Ты, и знать не хочу: Ты ли это или только подобие Его, но завтра же я осужу и сожгу Тебя на костре, как злейшего из еретиков, и тот самый народ, который сегодня целовал Твои ноги, завтра же по одному моему мановению бросится подгрести к Твоему костру угли, знаешь Ты это? Да, Ты, может быть, это знаешь», — прибавил он в проникновенном раздумье, ни на мгновение не отрываясь взглядом от своего Пленника.

«Имеешь ли Ты право возвестить нам хоть одну из тайн того мира, из которого Ты пришел? Нет, не имеешь, чтобы не прибавлять к тому, что уже было прежде сказано, и чтобы не отнять у людей свободы, за которую Ты так стоял, когда был на земле. Все, что Ты вновь возвестишь, посягнет на свободу веры людей, ибо явится как чудо, а свобода их веры Тебе была дороже всего еще тогда, полторы тысячи лет назад. Не Ты ли так часто тогда говорил: «Хочу сделать вас свободными». Но вот Ты теперь увидел этих «свободных» людей, — прибавляет вдруг старик со вдумчивою усмешкой. — Да, это дело нам дорого стоило, — продолжает он, строго смотря на Него, — но мы dokonчили наконец это дело во имя Твое. Пятнадцать веков мучились мы с этою свободой, но теперь это кончено, и кончено крепко. Ты не веришь, что кончено крепко? Ты смотришь на меня кротко и не удостоиваешь меня даже негодования? Но знай, что теперь и именно ныне эти люди уверены бо-

лее чем когда-нибудь, что свободны вполне, а между тем сами же они принесли нам свободу свою и покорно положили ее к ногам нашим. Но это сделали мы, а того ль Ты желал, такой ли свободы?

Ибо теперь только (то есть он, конечно, говорит про инквизицию) стало возможным помыслить в первый раз о счастье людей. Ты отверг единственный путь, которым можно было устроить людей счастливыми, но, к счастью, уходя, Ты передал дело нам. Ты обещал, Ты утвердил Своим словом, Ты дал нам право связывать и развязывать и уж, конечно, не можешь и думать отнять у нас это право теперь. Зачем же Ты пришел нам мешать?

— Страшный и умный дух, дух самоуничтожения и небытия, — продолжает старик, — великий дух говорил с Тобой в пустыне, и нам передано в книгах, что он будто бы «искушал» Тебя. Так ли это? И можно ли было сказать хоть что-нибудь истиннее того, что он возвестил Тебе в трех вопросах, и что Ты отверг, и что в книгах названо «искушениями»? А между тем, если было когда-нибудь на земле совершено настоящее громовое чудо, то это в тот день, в день этих трех искушений. Именно в появлении этих трех вопросов и заключалось чудо. Если бы возможно было помыслить, лишь для пробы и для примера, что три эти вопроса страшного духа бесследно утрачены в книгах и что их надо восстановить, вновь придумать и сочинить, чтоб внести опять в книги, и для этого собрать всех мудрецов земных — правителей, первосвященников, ученых, философов, поэтов — и задать им задачу: придумайте, сочините три вопроса, но такие, которые мало того, что соответствовали бы размеру события, но и выражали бы сверх того, в трех словах, в трех только фразах человеческих, всю будущую историю мира и человечества, — то думаешь ли Ты, что вся премудрость земли, вместе соединившаяся, могла бы придумать хоть что-нибудь подобное по силе и по глубине тем трем вопросам, которые действительно были предложены Тебе тогда могучим и умным духом в пустыне?

Реши же Сам, кто был прав: Ты или тот, который тогда вопрошал Тебя? Вспомни первый вопрос; хоть и не буквально, но смысл его тот: «Ты хочешь идти в мир и идешь с голыми руками, с каким-то обетом свободы, которого они, в простоте своей и в прирожденном бесчинстве своем, не могут и осмыслить, которого боятся они и страшат-

ся, — ибо ничего и никогда не было для человека и для человеческого общества невыносимее свободы! А видишь ли сии камни в этой нагой раскаленной пустыне? Обрати их в хлебы, и за Тобой побежит человечество как стадо, благодарное и послушное, хотя и вечно трепещущее, что Ты отымешь руку Свою и прекратятся им хлебы Твои». Но Ты не захотел лишить человека свободы и отверг предложение, ибо какая же свобода, рассудил Ты, если послушание куплено хлебами? Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на Тебя дух земли, и сразится с Тобою, и победит Тебя, и все пойдут за ним, восклицая: «Кто подобен зверю сему, он дал нам огонь с небеси!» Знаешь ли Ты, что пройдут века и человечество провозгласит устами своей премудрости и науки, что преступления нет, а стало быть, нет и греха, а есть лишь только голодные. «Накорми, тогда и спрашивай с них добродетели!» — вот что напишут на знамени, которое воздвигнут против Тебя и которым разрушится храм Твой. На месте храма Твоего воздвигнется новое здание, воздвигнется вновь страшная Вавилонская башня, и хотя и эта не достроится, как и прежняя, но все же Ты бы мог избежать этой новой башни и на тысячу лет сократить страдания людей, ибо к нам же ведь придут они, промучившись тысячу лет со своей башней! Они отыщут нас тогда опять под землей, в катакомбах, скрывающихся (ибо мы будем вновь гонимы и мучимы), найдут нас и возопиют к нам: «Накормите нас, ибо те, которые обещали нам огонь с небеси, его не дали». И тогда уже мы и достроим их башню, ибо достроит тот, кто накормит, а накормим лишь мы, во имя Твое, и солжем, что во имя Твое. О, никогда, никогда без нас они не накормят себя! Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого вместе немислимы, ибо никогда, никогда не сумеют они разделить между собою! Убедятся тоже, что не могут быть никогда и свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени с земным? И если за Тобою

во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станется с миллионами и с десятками тысяч миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного? Иль Тебе дороги лишь десятки тысяч великих и сильных, а остальные миллионы, многочисленные, как песок морской, слабых, но любящих Тебя, должны лишь послужить материалом для великих и сильных? Нет, нам дороги и слабые. Они порочны и бунтовщики, но под коней они-то станут и послушными. Они будут дивиться на нас и будут считать нас за богов за то, что мы, став во главе их, согласились выносить свободу и над ними господствовать — так ужасно им станет под коней быть свободными! Но мы скажем, что послушны Тебе и господствуем во имя Твое. Мы их обманем опять, ибо Тебя мы уж не пустим к себе. В обмане этом и будет заключаться наше страдание, ибо мы должны будем лгать. Вот что значил этот первый вопрос в пустыне, и вот что Ты отверг во имя свободы, которую поставил выше всего. А между тем в вопросе этом заключалась великая тайна мира сего. Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековечную тоску человеческую как единоличного существа, так и целого человечества вместе — это: «пред кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, пред кем преклониться. Но ищет человек преклониться пред тем, что уже бесспорно, столь бесспорно, чтобы все люди разом согласились на всеобщее пред ним преклонение. Ибо забота этих жалких созданий не в том только состоит, чтобы сыскать то, пред чем мне или другому преклониться, но чтобы сыскать такое, чтоб и все уверовали в него и преклонились пред ним, и чтобы непременно все вместе. Из-за всеобщего преклонения они истребляли друг друга мечом. Они создавали богов и зывали друг к другу: «Бросьте ваших богов и придите поклониться нашим, не то смерть вам и богам вашим!» И так будет до скончания мира, даже и тогда, когда исчезнут в мире и боги: все равно падут пред идолами. Говорю Тебе, что нет у человека заботы мучительнее, как найти того, кому бы передать поскорее тот дар свободы, с которым это несчастное существо рождается. Но овладевает свободой людей лишь тот, кто успокоит их совесть. С хлебом Тебе давалось бесспорное знамя: дашь хлеб, и человек преклонится, ибо ничего нет бесспорнее хлеба, но если

в то же время кто-нибудь овладеет его совестью помимо Тебя — о, тогда он даже бросит хлеб Твой и пойдет за тем, который обольстит его совесть. В этом Ты был прав. Ибо тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлебы. Это так, но что же вышло: вместо того чтоб овладеть свободой людей, Ты увеличил им ее еще больше! Нет ничего обольстительнее для человека, как свобода его совести, но нет ничего и мучительнее. И вот вместо твердых основ для успокоения совести человеческой раз навсегда — Ты взял все, что есть необычайного, гадательного и неопределенного, взял все, что было не по силам людей, а потому поступил как бы и не любя их вовсе, — и это Кто же: Тот, который пришел отдать за них жизнь свою! Вместо того чтоб овладеть людскою свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека во веки. Ты возжелал свободной любви человека, чтобы свободно пошел он за Тобою, прельщенный и плененный Тобою. Вместо твердого древнего закона — свободным сердцем должен был человек решать впредь сам, что добро и что зло, имея лишь в руководстве Твой образ пред собою, — но неужели Ты не подумал, что он отвергнет же наконец и оспорит даже и Твой образ и Твою правду, если его угнетут таким страшным бременем, как свобода выбора? Они воскликнут наконец, что правда не в Тебе, ибо невозможно было оставить их в смятении и мучении более, чем сделал Ты, оставив им столько забот и неразрешимых задач. Таким образом, сам Ты и положил основание к разрушению Своего же Царства и не вини никого в этом более. А между тем то ли предлагалось Тебе? Есть три силы, единственные три силы на земле, могущие навеки победить и пленить совесть этих слабосильных бунтовщиков, для их счастья, — эти силы: чудо, тайна и авторитет. Ты отверг и то, и другое, и третье и сам подал пример тому. Когда страшный и премудрый дух поставил Тебя на вершине храма и сказал Тебе: «Если хочешь узнать, Сын ли Ты Божий, то верзись вниз, ибо сказано про Того, что ангелы подхватят и понесут Его, и не упадет и не расшибется, и узнаешь тогда, Сын ли Ты Божий, и докажешь тогда, какова вера Твоя в отца Твоего», но Ты, выслушав, отверг предложение и не под-

дался, и не бросился вниз. О, конечно, Ты поступил тут гордо и великолепно, как Бог, но люди-то, но слабое бунтующее племя это — они-то боги ли? И неужели Ты в самом деле мог допустить хоть минуту, что и людям будет под силу подобное искушение? Так ли создана природа человеческая, чтоб отвергнуть чудо и в такие страшные моменты жизни, моменты самых страшных основных и мучительных душевных вопросов своих оставаться лишь со свободным решением сердца? О, Ты знал, что подвиг Твой сохранится в книгах, достигнет глубины времен и последних пределов земли, и понадеялся, что, следуя Тебе, и человек останется с Богом, не нуждаясь в чуде. Но Ты не знал, что чуть лишь человек отвергнет чудо, то тотчас отвергнет и Бога, ибо человек ищет не столько Бога, сколько чудес. И так как человек оставаться без чуда не в силах, то насоздаст себе новых чудес, уже собственных, и поклонится уже знахарскому чуду, бабьему колдовству, хотя бы он сто раз был бунтовщиком, еретиком и безбожником. Ты не сошел со креста, когда кричали Тебе, издеваясь и дразня Тебя: «Сойди со креста и уверуем, что это Ты». Ты не сошел потому, что опять-таки не захотел поработить человека чудом и жаждал свободной веры, а не чудесной. Жаждал свободной любви, а не рабских восторгов невольника пред могуществом, раз навсегда его ужаснувшим. Но и тут Ты судил о людях слишком высоко, ибо, конечно, они невольники, хотя и созданы бунтовщиками. Клянусь, человек слабее и ниже создан, чем Ты о нем думал! Может ли, может ли он исполнить то, что и Ты? Столь уважая его, Ты поступил, как бы перестав ему сострадать, потому что слишком много от него и потребовал, — это Кто же, Тот, который возлюбил его более самого Себя! Уважая его менее, менее бы от него и потребовал, а это было бы ближе к любви, ибо легче была бы ноша его. Он слаб и подл. Великий пророк Твой в видении и в иносказании говорит, что видел всех участников первого воскресения и что было их из каждого колена по двенадцати тысяч. Но если было их столько, то были и они как бы не люди, а боги. Они вытерпели крест Твой, они вытерпели десятки лет голодной и нагой пустыни, питаясь акридами и кореньями, — и уж, конечно, Ты можешь с гордостью указать на этих детей свободы, свободной любви, свободной и великолепной жертвы их во Имя Твое. Но вспомни, что их было всего только несколько тысяч, да и то богов,

а остальные? И чем виноваты остальные слабые люди, что не могли вытерпеть того, что могучие? Чем виновата слабая душа, что не в силах вместить столь страшных даров? Да неужто же и впрямь приходил Ты лишь к избранным и для избранных? Но если так, то тут тайна и нам не понять ее. А если тайна, то и мы вправе были проповедовать тайну и учить их, что не свободное решение сердец их важно и не любовь, а тайна, которой они повиноваться должны слепо, даже мимо их совести. Так мы и сделали. Мы исправили подвиг Твой и основали его на чуде, тайне и авторитете. И люди обрадовались, что их вновь повели как стадо и что с сердец их снят наконец столь страшный дар, принесший им столько муки. Правы мы были, уча и делая так, скажи? Неужели мы не любили человечества, столь смиренно сознав его бессилие, с любовью облегчив его ношу и разрешив слабосильной природе его хотя бы и грех, но с нашего позволения? К чему же теперь пришел нам мешать? И что Ты молча и проникновенно глядишь на меня кроткими глазами Своими? Рассердись, я не хочу любви Твоей, потому что сам не люблю Тебя. И что мне скрывать от Тебя? Или я не знаю, с Кем говорю? То, что имею сказать Тебе, все Тебе уже известно, я читаю это в глазах Твоих. И я ли скрою от Тебя тайну нашу? Может быть, Ты именно хочешь услышать ее из уст моих, слушай же: мы не с Тобой, а с ним, вот наша тайна! Мы давно уже не с Тобою, а с ним, уже восемь веков. Ровно восемь веков назад как мы взяли от него то, что Ты с негодованием отверг, тот последний дар, который он предлагал Тебе, показав Тебе все царства земные: мы взяли от него Рим и меч кесаря и объявили лишь себя царями земными, царями едиными, хотя и донныне не успели еще привести наше дело к полному окончанию. А между тем Ты бы мог еще и тогда взять меч кесаря. Зачем Ты отверг этот последний дар? Приняв этот третий совет могучего духа, Ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей. Всегда человечество в целом своем стремилось устроиться непременно всемирно. Много было великих народов с великою историей, но чем выше были эти народы, тем были и несчастнее, ибо сильнее других сознавали потреб-

ность всемирности соединения людей. Великие завоеватели, Тимур и Чингис-ханы, пролетели как вихрь по земле, стремясь завоевать вселенную, но и те, хотя и бессознательно, выразили ту же самую великую потребность человечества ко всемирному и всеобщему единению. Приняв мир и порфиру кесаря, основал бы всемирное царство и дал всемирный покой. Ибо кому же владеть людьми как не тем, которые владеют их совестью и в чьих руках хлебы их. Мы и взяли меч кесаря, а взяв его, конечно, отвергли Тебя и пошли за ним. О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав возводить свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией. Но тогда-то и приползет к нам зверь, и будет лизать ноги наши, и обрызжет их кровавыми слезами из глаз своих. И мы сядем на зверя и воздвигнем чашу, и на ней будет написано: «Тайна!» Но тогда лишь и тогда настанет для людей царство покоя и счастья. Ты гордишься своими избранниками, но у Тебя лишь избранники, а мы успокоим всех. Да и так ли еще: сколь многие из этих избранников, из могучих, которые могли бы стать избранниками, устали наконец, ожидая Тебя, и понесли и еще понесут силы духа своего и жар сердца своего на иную ниву и кончат тем, что на Тебя же и воздвигнут свободное знамя свое. Но Ты сам воздвиг это знамя. У нас же все будут счастливы и не будут более ни бунтовать, ни истреблять друг друга, как в свободе Твоей, повсеместно. О, мы убедим их, что они тогда только и станут свободными, когда откажутся от свободы своей для нас и нам покорятся. Получая от нас хлебы, конечно, они ясно будут видеть, что мы их же хлебы, их же руками добытые, берем у них, чтобы им же раздать, безо всякого чуда, увидят, что не обратили мы камней в хлебы, но воистину более, чем самому хлебу, рады они будут тому, что получают его из рук наших! Ибо слишком будут помнить, что прежде, без нас, самые хлебы, добытые ими, обращались в руках их лишь в камни, а когда они воротились к нам, то самые камни обратились в руках их в хлебы. Слишком, слишком оценят они, что значит раз навсегда подчиниться! Тогда мы дадим им тихое, смиренное счастье, счастье слабосильных существ, какими они и созданы. О, мы убедим их наконец не гордиться, ибо Ты вознес их и тем научил гордиться; докажем им, что они слабосильны, что они только жалкие дети, но что детское счастье слаше всякого. Они станут

робки и станут смотреть на нас и прижиматься к нам в страхе, как птенцы к наседке. Они будут дивиться и ужасаться на нас и гордиться тем, что мы так могучи и так умны, что могли усмирить такое буйное тысячемиллионное стадо. Они будут расслабленно трепетать гнева нашего, умы их оробеют, глаза их станут слезоточивы, как у детей и женщин, но столь же легко будут переходить они по нашему мановению к веселью и к смеху, светлой радости и счастливой детской песенке. Да, мы заставим их работать, но в свободные от труда часы мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, с невинными плясками. О, мы разрешим им и грех, они слабы и бессильны, и они будут любить нас как дети за то, что мы им позволим грешить. Мы скажем им, что всякий грех будет искуплен, если сделан будет с нашего позволения; позволяем же им грешить потому, что их любим, наказание же за эти грехи, так и быть, возьмем на себя. И возьмем на себя, а нас они будут обожать как благодетелей, понесших на себе их грехи пред Богом. И не будет у них никаких от нас тайн. Мы будем позволять или запрещать им жить с их женами и любовницами, иметь или не иметь детей — все судя по их послушанию — и они будут нам покоряться с весельем и радостью. Самые мучительные тайны их совести — все, все понесут они нам, и мы все разрешим, и они поверят решению нашему с радостью, потому что оно избавит их от великой заботы и страшных теперешних мук решения личного и свободного. И все будут счастливы, все миллионы существ, кроме сотни тысяч управляющих ими. Ибо лишь мы, мы, хранящие тайну, только мы будем несчастны. Будет тысячи миллионов счастливых младенцев и сто тысяч страдальцев, взявших на себя проклятие познания добра и зла. Тихо умрут они, тихо угаснут во имя Твое и за гробом обряжут лишь смерть. Но мы сохраним секрет и для их же счастья будем манить их наградой небесною и вечною. Ибо если б и было что на том свете, то уж, конечно, не для таких, как они. Говорят и пророчествуют, что Ты придешь и вновь победишь, придешь со Своими избранниками, со Своими гордыми и могучими, но мы скажем, что они спасли лишь самих себя, а мы спасли всех. Говорят, что опозорена будет блудница, сидящая на звере и держащая в руках своих тайну, что взбунтуются вновь малосильные, что разорвут порфиру ее и обнажат ее «гадкое» тело. Но я тогда встану и

укажу Тебе на тысячи миллионов счастливых младенцев, не знавших греха. И мы, взявшие грехи их для счастья их на себя, мы станем пред Тобой и скажем: «Суди нас, если можешь и смеешь». Знай, что я не боюсь Тебя. Знай, что и я был в пустыне, что и я питался акридами и кореньями, что и я благословлял свободу, которую Ты благословил для людей, и я готовился стать в число избранников Твоих, в число могучих и сильных с жаждой «восполнить число». Но я очнулся и не захотел служить безумию. Я воротился и примкнул к сонму тех, которые исправили полвиг Твой. Я ушел от гордых и воротился к смиренным для счастья этих смиренных. То, что я говорю Тебе, сбудется, и царство наше созиждется. Повторяю Тебе, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру Твоему, на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был, кто всех более заслужил наш костер, то это Ты. Завтра сожгу Тебя».

Когда инквизитор умолк, то некоторое время ждет, что Пленник его ему ответит. Ему тяжело Его молчание. Он видел, как узник все время слушал его проникновенно и тихо, смотря ему прямо в глаза и, видимо, не желая ничего возражать. Старику хотелось бы, чтобы тот сказал ему что-нибудь, хотя бы и горькое, страшное. Но Он вдруг молча приближается к старику и тихо целует его в его бескровные девяностолетние уста. Вот и весь ответ. Старик вздрагивает. Что-то шевельнулось в концах губ его; он идет к двери, открывает ее и говорит Ему: «Ступай и не приходи более... не приходи вовсе... никогда, никогда!» И выпускает Его на «темные стогна града». Пленник уходит. Поцелуй горит на сердце старика, но он остается в прежней идее.

ВОПРОСЫ

1. Что имел в виду Достоевский, когда писал о строительстве новой Вавилонской башни?
2. Можно ли сказать, что вы тоже ищете «пред кем преклониться?»

8

Н.О. ЛОССКИЙ. СВОБОДА ВОЛИ

Николай Онуфриевич Лосский — выдающийся представитель русской философии XX века, создавший оригинальную философскую систему, отличающуюся глубиной и последовательностью мысли. В середине августа 1922 года он был арестован, а в ноябре — вместе с другими видными представителями культуры и общественной мысли — советскими властями выслан за пределы страны.

Н.О. Лосский считал, что замыслы построения общества без нравственного обоснования, опирающиеся только на науку или какую-либо рациональную социальную конструкцию, неизбежно ведут к подавлению свободы, произволу и деспотизму в таких масштабах, каких не знало традиционное общество. С этих позиций он жестко оценивал строй, существовавший на его родине, однако верил, что духовные силы народа в конце концов разрушат тиски тоталитарного режима.

Познакомимся с некоторыми мыслями Н.О. Лосского из его книги «Свобода воли».

Проблема свободы воли обсуждается в европейской философии приблизительно со времени Аристотеля. Ей посвящена грандиозная литература, может быть, более обширная, чем по какому бы то ни было другому философскому вопросу. И неудивительно: судьба высших ценностей и святынь тесно связана с таким началом, как свобода. Так, есть философы, страстно борющиеся против учения о свободе воли, потому что, по их мнению, свобода несовместима с условиями возможности науки. Наоборот, другие философы с не меньшим пылом отстаивают свободу воли, так как полагают, что без свободы были бы невозможны нравственность, право, религиозная идея греха, объяснение зла и т. п.

Непосредственное свидетельство сознания, по мнению большинства людей, говорит в пользу свободы воли. Однако ссылка на непосредственное переживание свободы, не сопутствуемая выработкой точных философских понятий и защитой учения о свободе против возражений и недоразумений, имеет наивный характер и не считает-

ся убедительным доводом в споре о свободе. Артур Шопенгауэр в своем замечательном, блестящем и содержательном трактате «Свобода воли» приводит в виде примера следующие соображения «человека, стоящего на улице и говорящего себе»:

«Теперь 6 часов вечера, дневная работа кончена. Я могу идти гулять, а могу пойти и в клуб; я могу также взойти на башню посмотреть закат солнца, могу пойти в театр или навестить любого из своих знакомых; могу даже пойти куда глаза глядят и никогда не вернуться. Все это предоставлено единственно мне, я имею на это полную свободу; однако же, я теперь ничего этого не сделаю, а пойду точно так же добровольно домой, к своей жене».

Это совершенно похоже на то, как если бы сказала вода: «Я могу вздыматься высокими, высокими волнами (да, но в море и во время бури!), могу стремительно течь (да, именно в русле реки!), могу низвергаться с пеной и шумом (да, именно в водопаде!), могу свободною струей подыматься в воздухе (да, но в фонтане!), я могу, наконец, выкипеть и испариться (да, при 100 °С); однако теперь я ничего этого не делаю, а остаюсь, добровольно, спокойною и ясной, в зеркальном пруде».

Своим примером и аналогией Шопенгауэр хочет показать, что всякое проявление человека подчинено закону причинности и потому не может быть свободным. Соображения Шопенгауэра представляются ясными и убедительными, пока речь идет о той сфере событий, в которой господствует механическая причинность толчка и давления. Но в психической сфере, скажет иной защитник свободы воли, нет механической причинности; здесь мы имеем дело с мотивами, представлением возможных целей, обсуждением, выбором, решением; здесь нет необходимой предопределенности событий, здесь возможна свобода.

Нетрудно, однако, показать, что и в психической сфере связь ее элементов может быть рассматриваема как необходимая система причин

Н.О. Лосский (1870–1965)

и действий. Карл Иоэль, написавший в защиту свободы воли превосходную книгу «Свободная воля», начинает ее беседою между просветителем и наивным человеком, который в доказательство своей свободы говорит: «Я хочу теперь пойти домой, потом сделаю один визит, затем пойду в винный погребок...»

«Довольно, довольно. Но скажи мне, почему ты уже хочешь идти домой?»

«Мы обедаем в это время, и жена моя любит точность».

«Ты у нее под башмаком, и называешь себя свободным? Ну, а кого же ты хочешь посетить после обеда?»

«Сегодня день рождения моего начальника, и я должен поздравить его».

«Ты должен? И это ты называешь свободою? Ты подневольный человек, карьерист и низкопоклонник».

«Зато уже в винный погребок я пойду, как свободный человек, по собственной воле».

«Ты ходишь туда особенно охотно?»

«Да, я пью там свою милую вечернюю кружку пива. Такая уж у меня привычка, и в это время у меня появляется такая увлекательная жажда».

«Значит, ты раб своей привычки и своих страстей. И ты говоришь о свободе!»

«Но мне нет необходимости выходить, и я останусь дома, чтобы доказать себе свою свободу».

«В таком случае ты останешься не по своей инициативе, не благодаря воле, а потому что мои возражения раздражают тебя и твое упорство подталкивает тебя как ребенка».

Просветитель показывает наивному, что суетность тянет его направо, изнеженность налево, чувственность вперед, скупость назад, высокомерие вверх, леность вниз. В случае столкновения мотивов выбор всегда совершается в сторону сильнейшего мотива, так что человеческое я, производящее выбор, в действительности есть лишь председатель собрания, подсчитывающий голоса и таким образом устанавливающий, каково решение.

Итак, препятствием для признания свободы воли является закон причинности, имеющий силу не только для механических процессов,

но и для душевной жизни: всякое хотение имеет причину, благодаря которой оно возникает так же необходимо, как и всякое другое событие в мире.

Артур Шопенгауэр следующим образом понимает возникновение событий в природе. Чтобы произошло изменение какой-либо вещи А, необходимы два фактора — внешний и внутренний. Внешний фактор — действие какой-либо вещи В на вещь А; внутренний фактор — сила, присущая самой вещи А и появляющаяся под влиянием В. Давление на пружину извне и внутренняя сила упругости самой пружины — вот два фактора, определяющие действие пружины. Действие света, тепла и т. п. на растение и собственная жизненная сила растения обуславливают развитие плодов его и т. п.

Точно так же и поступки человека всегда предполагают два фактора: например, приближение врага пробуждает к действию силу человека, именно волю, известную нам непосредственно изнутри, путем самосознания. Внешний фактор, влияющий на волю, называется мотивом. Один и тот же мотив может привести к различным, даже противоположным действиям, в зависимости от того, каковы индивидуально определенные свойства воли человека, на которого мотив действует. Так, при виде врага трусливый солдат обращается в бегство, а храбрый совершает геройский подвиг.

Индивидуально определенные свойства воли человека (трусость, скупость, завистливость, храбрость, щедрость и т. п.) «составляют то, что называется характером человека, и именно эмпирическим характером, так как он делается известен не а priori*, а только по опыту».

Всякий человеческий поступок есть результат сочетания мотива и эмпирического характера данного человека.

Глубоко проникает к основам свободы воли то стеснение свободы выбора, которое обусловлено столкновением несовместимых стремлений. Если хочешь избавиться от тяжких мук пытки в руках палача, выдай своих товарищей; подвергни строгой и справедливой критике неудачный проект, выработанный твоим начальником, но тогда уже не надейся на осуществление честолюбивых желаний скорого повы-

* Априори (лат. а priori) — независимо от опыта, до опыта; заранее.

шения на службе; женись на этой милой девушке, но тогда откажись от некоторых привычек холостой жизни и т. д., и т. д. Стеснение свободы здесь заключается в том, что исполнение одного хотения требует отречения от другого хотения.

Не следует думать, будто это стеснение свободы встречается в исключительных случаях. У нас, в царстве душевно-материального бытия, где нет гармонического отношения к мировому целому, всякое хотение неизбежно сталкивается непосредственно или косвенно с каким-нибудь другим хотением. И даже тогда когда мы обнаруживаем проблески духовности, ставя абсолютные цели добра, красоты или обретения истины, осуществление этих целей предполагает отказ от каких-либо дорогих нам проявлений душевности. Поэтому процесс разворачивания наших чувств и хотений в целом всегда двусторонен — влечение и опасение, радость и печаль, восторг и хотя бы смутный аккомпанемент разочарования неизменно сопутствуют друг другу, и на земле не дано нам насладиться целостным положительным бытием, столь полным, что стоило бы удержать его в вечном настоящем.

ВОПРОСЫ

1. Согласно А. Шопенгауэру, поступки человека всегда предполагают два фактора. Назовите эти факторы и на конкретном примере проиллюстрируйте их взаимосвязь.
2. Как вы понимаете свободу воли? Означает ли она, что если вдруг вам захотелось кого-то стукнуть потому, что этот кто-то вам не понравился, то вы свободны поступить так, как вам хочется?
3. Как вы думаете, можно ли разрешить проблему совмещения свободной воли разных людей?

Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВ. БЛАГОДАТЬ

9

Борис Петрович Вышеславцев — русский философ, богатство и тонкость мысли которого современники относили к его «бесспорным достоинствам». Также как и Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, Б.П. Вышеславцев в 1922 году вместе с большой группой ученых был выслан из страны.

«Основные проблемы мировой философии являются, конечно, проблемами и русской философии. В этом смысле не существует никакой специально русской философии, — писал Б.П. Вышеславцев. — Но существует русский подход к мировым философским проблемам, русский способ их переживания и обсуждения».

Предлагаем вам обсудить некоторые мысли из его книги «Этика преображенного эроса».

Всякая великая религия содержит в себе и открывает некоторую систему ценностей; иначе говоря, устанавливает некоторое этическое учение. И совершенно неверно, будто все религии открывают одни и те же ценности и совпадают в своих этических учениях.

Христос открывает миру и возвещает совершенно новую систему ценностей, выраженную в едином символе «Царствия Божия». В этом Его «Откровение», Его «добрая весть» и Его «Новый Завет». «Евангелие Царствия Божия» — вот первое и простейшее определение проповеди Иисуса Христа: «приблизилось Царствие Божие». Оно, это Царствие Божие, или Царство Небесное, есть абсолютно ценное и абсолютно желанное, то, во что мы верим и на что надеемся:

Б.П. Вышеславцев
(1877–1954)

«Да придет Царствие Твое»*. Притчи изображают «Царствие» как высшую ценность, ради которой стоит отдать все остальное, как драгоценную жемчужину, как сокровище, зарытое в поле. Оно есть предел человеческих исканий.

Новая система ценностей — Новый Завет — со всею силою противопоставляется старому. Вся Нагорная проповедь построена на этой противоположности, постоянно повторяемой: «вы слышали, что сказано древним... а Я говорю вам»**... Праведности книжников и фарисеев противопоставляется другая, более высокая праведность, без которой нельзя войти в Царство Небесное. Старая система ценностей в этом противопоставлении чаще всего объемлется понятием закона (Тора***).

«Закон и пророки до Иоанна — отныне Царствие Божие возvesчается». Или, как говорит апостол Павел, «старое прошло, теперь все новое». Действительно, праведность «книжников и фарисеев», т. е. еврейских ученых и учителей жизни, именно и состояла в строжайшем и точнейшем исполнении буквы закона. Закон есть высшая ценность ветхозаветной религиозной этики, а может быть, и всей дохристианской этики вообще.

То, что противопоставляется закону, не есть «иго», «бремя», приказ, устрашение, — а есть, напротив, облегчение, освобождение, приглашение на пир, радость и блаженство. Царство Божие есть блаженство, как это возvesчается в «заповедях блаженства»****, оно есть радость, даруемая человеку, спасение, высшая красота и «очарование», благодать.

Совершенно неправильно было бы думать, что противоположность закона и благодати установлена только апостолом Павлом и что хри-

* Слова из молитвы Господней: «Отче наш, сущий на небесах! да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный подавай нам на каждый день; и прости нам грехи наши, ибо и мы прощаем всякому должнику нашему; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого» (Лука, 11:11–4).

** Нагорной проповеди посвящен раздел 8 главы 4.

*** Иудейское название Пятикнижия Моисея (то есть первых пяти книг Ветхого Завета: Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие).

**** «Заповеди блаженства» изложены в Нагорной проповеди (см. гл. 4, раздел 8): «Блаженны нищие духом... плачущие... кроткие... алчущие и жаждающие правды... милостивые... чистые сердцем... миротворцы... изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное».

стианство Павла есть какое-то особое христианство. Апостол Павел есть первый христианский философ, всего более давший для христианского гнозиса, для постижения Откровения, но он всецело верен этому Откровению. Противопоставление закона и благодати, закона и любви, закона и Царства Божия проходит чрез все Евангелия и точно формулируется, как основной принцип христианства, в прологе Евангелия от Иоанна: «Закон дан чрез Моисея; благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоанн, 1:17).

Человек, как острил Владимир Соловьев, не есть ангелочек, состоящий только из крылышек и головы, и в этом его великое преимущество. Св. Григорий Палама* развивает ту же мысль со всею серьезностью: человек сотворен по образу Божию в большей степени, нежели бестелесные ангелы. Почему это так? А потому, что он создан, чтобы властвовать (ангелы же, «вестники», созданы, чтобы повиноваться). «В нашей душе есть властвующая и управляющая часть и другая — подчиненная и повинующаяся, как-то: желание, стремление, ощущение и все другое, стоящее ниже ума, что Бог подчинил уму; и когда мы руководимся влечением к греху, мы не только восстаем против Бога-пантократора («Вседержителя»), но и против по природе нам самим присущего автократора («самообладания»). В силу этого начала власти в нас Бог дал нам господство над всею землею. Ангелы же не имеют тела, соединенного с духом и подчиненного духу, потому они и не властвуют, а лишь исполняют волю Бога».

Именно эта способность в природе человека, то, что он включает в себя низшие ступени бытия, делает его свободой творческой свободой. Вот как это выражает Палама:

«Мы одни из всех тварей, кроме умной и логической сущности, имеем еще и чувственную. Чувственное же, соединенное с Логосом**, создает многообразие наук и искусств и постижений; создает еще умение возделывать (культивировать) поля, строить дома и вообще создавать из несуществующего (хотя и не из полного ничто — ибо это может только Бог). И все это дано только людям. И хотя ничто из того, что

* Григорий Палама (1296—1359) — византийский богослов.

** Логос (греч. *logos*) — слово, понятие, здесь — Разум.

создано Богом, не погибает и не возникает само собою, однако, сопоставляемое одно с другим, через нас оно получает другую форму. И невидимое слово ума не только подчиняет себе движение воздуха и становится ощущением слуха, но может даже быть написанным и может быть увиденным в теле и через тело; все это Бог дал только людям, для веры осуществляя телесное пришествие и появление высшего Логоса. Ничего подобного и никогда не бывает у ангелов».

Мы привели это замечательное место, ибо здесь дана целая православная философия культуры, философия творчества. И она базируется на идее богоподобия: если Бог есть Творец, то и человек есть творец, «поэт» культуры. Но человек творит не абсолютно, не изначально, не из ничего, он лишь «формирует» из низших элементов, возводя к высшему и воплощая то, что ему «дано свыше». Если Бог воплощается, то и человек воплощается, ибо каждое сказанное слово (логос) есть воплощение смысла, и вся культура, с ее техникой, с ее науками и искусствами, есть воплощенный дух, воплощенная мудрость человека, существующая «по образу и подобию» божественного Логоса.

Итак, спросим себя еще раз: что же именно в человеке достойно называться образом и подобием Божиим, «иконой» Божества? В чем лежит его человеческое достоинство? Ответ будет такой: духовная личность обладает этим достоинством, это она «драгоценна перед Богом», как Его образ и подобие. Все великие Отцы Церкви приходят к этому результату, но не все с одинаковой глубиной раскрывают аксиологическое богатство (ценности), заложенное в личности, в самости.

Сказать, что богоподобная личность человека есть просто душа, как это говорит Тертуллиан*, значит почти ничего не сказать; сказать, что эта личность есть «разумное животное», как говорит вслед за Аристотелем Фома Аквинат**, значит говорить общие места (в которых, впрочем, кратко намечена иерархическая структура человека). Сказать, что богоподобная личность есть ум, свобода, творчество, власть над низшими силами природы, — значит схватить нечто существенное в личности, но отнюдь не исчерпать ее богатства, не постигнуть ее тайну.

* Тертуллиан (ок. 160 — после 220) — христианский богослов и писатель.

** Фома Аквинский (1225 или 1226—1274) — средневековый философ и теолог.

В смысле этого последнего постижения Григорий Нисский*, пожалуй, возвышается над всеми. Образ Божий в личности получает у него широчайшее, прямо всеобъемлющее значение. Так, прежде всего личность способна любить, и в этом ее богоподобие, ибо Бог есть любовь и человек есть любовь.

Где нет любви, там искажены все черты образа Божия. Далее, личность стремится к бессмертию, и в этом есть богоподобие, ибо бессмертие человека связано с вечностью Божией. Но всего этого мало: «образом Божиим в человеке должно быть признано все, что отображает божественные совершенства, то есть вся совокупность благ, вложенная в человеческое естество».

Сродство с Богом состоит в том, что человек «украшен и жизнью, и логосом, и мудростью, и всеми прекрасными и божественными ценностями». И все это богатство личности, говорит Григорий Нисский, Книга Бытия выражает в одном многообъемлющем слове: сотворен по образу Божию.

Вот почему богоподобие всеобъемлюще и не заключается в какой-либо одной черте.

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается принципиальное различие новой системы ценностей, определяемой Новым Заветом, по сравнению со старой?
2. Согласно утверждению св. Григория Паламы, человек сотворен по образу Божию в большей степени, нежели бестелесные ангелы. Почему?
3. Что, согласно Б.П. Вышеславцеву, в человеке достойно называться образом и подобием Божиим?
4. В чем, по вашему мнению, заключается человеческое достоинство?

* Григорий Нисский (ок. 335 — ок. 394) — богослов, крупнейший христианский философ Византии.

10

Э. ФРОММ

СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК. РАВЕНСТВО

Основные труды крупнейшего философа и гуманиста XX века, психоаналитика Эриха Фромма (1900—1980) переведены на русский язык. Их первые публикации на русском языке вызвали огромный интерес, а книга «Душа человека» разошлась в считанные дни.

Любовь, страх, вера, властолюбие, фанатизм... Не они ли правят миром? Не через них ли проступает человеческое бытие? Проницательнейшие мудрецы, писатели разных времен стремились взглянуть в человека, охваченного сильнейшим чувством, войти в мир тончайших душевных переживаний, распознать в них тайны жизни.

Э. Фромм пытается переориентировать человека на постижение собственной индивидуальности, отличимости от других, на максимы, которые могут быть удостоверены только своеобычностью разума, воли и переживания индивида. Речь идет о том, чтобы выявить здоровые, истинные потребности человека, которые в реальности нередко замещаются ложными, искусственными вожделениями.

Э. Фромм пытается переориентировать человека на постижение собственной индивидуальности, отличимости от других, на максимы, которые могут быть удостоверены только своеобычностью разума, воли и переживания индивида. Речь идет о том, чтобы выявить здоровые, истинные потребности человека, которые в реальности нередко замещаются ложными, искусственными вожделениями.

Человеческое бытие Э. Фромм понимает как становление человека, как совершенствование его духа.

Ниже приводятся отрывки из книг Э. Фромма «Психоанализ и этика» и «Душа человека».

Когда средневековый мир был разрушен, казалось, что исполнение самых сокровенных желаний и чаяний западного человека не за горами. Он освободился от авторитета тоталитар-

Э. Фромм (1900—1980)

ной церкви, от груза традиционного мышления, от географических ограничений нашей тогда еще лишь наполовину открытой планеты. Он создал новую науку, которая со временем высвободила дотоле неизвестные производительные силы и полностью преобразила материальный мир. Он построил политическую систему, которая, казалось, гарантировала свободное и продуктивное развитие личности, он сократил продолжительность рабочего дня настолько, что получил возможность наслаждаться долгими часами досуга, о которых не смели и мечтать его предки.

И что же мы видим сегодня?

Над человечеством нависла угроза разрушительной войны, и робкие попытки правительств не в силах уничтожить эту опасность. Но даже если у политических деятелей хватает здравомыслия не разжигать войну, современное положение человека весьма далеко от исполнения надежд VI, VII и VIII веков.

Характер человека сформировался под влиянием мира, который он построил собственными руками. В XVIII и XIX веках общественный характер среднего класса обнаружил сильные эксплуататорские и накопительские черты. Этот характер определялся стремлением эксплуатировать других и сохранить собственный капитал, чтобы и дальше получать с него прибыль.

В XX веке характер человека стал отличаться значительной пассивностью и ориентацией на ценности рынка. Современный человек, безусловно, пассивен большую часть своего досуга.

Он — вечный потребитель. Он «поглощает» напитки, пищу, лекции, зрелища, книги, кинофильмы. Все потребляется, проглатывается. Мир предстает как огромный предмет его вожделений: большая бутылка, большое яблоко, большая грудь. Человек превращается в сосунка, вечно ожидающего и вечно разочарованного.

Когда современный человек не является потребителем, он выступает в качестве торговца. Средоточием нашей экономической системы является рынок, определяющий ценность всех благ и долю каждого в общественном продукте. Экономическая деятельность человека не строится на мошенничестве и обмане, не подчиняется ни силе, ни традиции, как было в предыдущие периоды истории. Человек свободен

производить и продавать. Рыночный день является судным днем его успеха. На рынке предлагаются и продаются не только предметы потребления, труд превратился в товар и продается на рынке труда на тех же условиях свободной конкуренции.

Но рыночная система вышла за пределы экономической сферы предметов потребления и труда. Сам человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который следует выгодно вложить. Если он в этом преуспел, то жизнь его имеет смысл, а если нет — он неудачник. Его ценность определяется спросом, а не его человеческими достоинствами: добротой, умом, артистическими способностями. Поэтому его самооценка зависит от внешних факторов, от суждения других. Поэтому он сам зависит от других и чувствует себя в безопасности лишь будучи таким, как все, держась поблизости от стада.

Однако характер современного человека определяется не только рынком. Другим тесно связанным с рынком фактором является способ производства. Предприятия укрупняются, число рабочих и служащих на этих предприятиях постоянно растет, капитал отделяется от управления, и промышленными гигантами начинают руководить профессиональные бюрократы, обеспокоенные не столько погоней за личной наживой, сколько бесперебойным функционированием и дальнейшей экспансией своего предприятия.

Какой тип человека в таком случае нужен нашему обществу для спокойного функционирования? Ему нужны люди, которые легко взаимодействуют в больших группах, хотят все больше потреблять, чьи вкусы подчиняются единому стандарту, подвержены чужому влиянию и предсказуемы. Ему нужны люди, которые чувствуют себя свободными и независимыми от властей, принципов или вероисповедания, однако хотят, чтобы ими руководили, хотят делать то, что от них ожидают, функционировать внутри социального механизма без трения.

Они хотят, чтобы ими руководили без применения силы, вели без лидера, с единственной целью быть в движении, действовать, идти вперед. Современному индустриальному обществу удалось произвести этот тип. Это автомат, отчужденный человек.

Он отчужден в том смысле, что его действия и его собственные силы отделены от него. Они стоят над ним и против него, не он управляет

ими, а они им. Его жизненные силы превратились в вещи и институты, а эти вещи и институты стали идолами. Они воспринимаются не как результат его собственных усилий, а как нечто от него не зависящее, чему он поклоняется и подчиняется.

Отчужденный человек склоняется перед произведением собственных рук. Его идолы представляют его собственную жизнь в отчужденной форме. Человек не распоряжается своими силами и богатством, он чувствует себя обнищавшей «вещью», зависящей от других, внешних вещей, на которые проецируется его жизненная субстанция.

Но на самом деле люди гораздо сильнее хотят подчиняться, нежели их к этому вынуждают, — по крайней мере, в западных демократиях. Большинство людей даже не осознает этой потребности подчиняться. Они свято уверены в том, что следуют своим собственным вкусам и склонностям, что они индивидуалисты, что они пришли к своим мнениям в результате собственных размышлений, а то, что их мнения совпадают с мнением большинства, — чистая случайность. Общее единодушие служит доказательством правильности «их» взглядов. А если все же существует потребность в некоторой степени ощутить себя индивидуальностью, она удовлетворяется различием в мелочах: надпись на сумке или на свитере, именная табличка банковского кассира, принадлежность к демократической, а не к республиканской партии, к обществу «Лосей», а не «Шрайнеров»* — вот в чем выражаются индивидуальные различия. Рекламная формула, гласящая: «Не такое, как у других», — сама по себе свидетельствует о жгучей потребности отличаться, тогда как на самом деле нет никаких отличий.

Эта возрастающая тенденция к устранению различий тесно связана с концепцией равенства в том виде, в каком она развилась в передовых индустриальных странах. В религиозном контексте равенство означает, что все мы — дети Бога, что у всех нас одна и та же божественно-человеческая сущность, что все мы — одно. Это означает также, что сами различия между индивидами заслуживают уважения, что если верно, что все мы одно, то верно также и то, что каждый из нас — единственная сущность и сам по себе — вселенная.

* «Лоси» — американская благотворительная организация; «Шрайнеры» — американская масонская организация.

В современном капиталистическом обществе смысл понятия «равенство» претерпел изменения. Под «равенством» понимается равенство автоматов, равенство людей, потерявших свою индивидуальность. Равенство теперь означает скорее «единообразие», нежели «единство». Это — единообразие людей, которые выполняют одинаковую работу, одинаково развлекаются, читают одни и те же газеты, одинаково чувствуют и одинаково думают. С этой точки зрения к таким нашим достижениям, как, скажем, равенство женщин, превозносимое как признак прогресса, следует отнести с известным скептицизмом.

Нечего и говорить, что я не против равенства женщин; но положительные стороны этого стремления к равенству не должны вводить нас в заблуждение. Это часть общей тенденции к устранению различий. Равенство покупается именно этой ценой: женщины равны с мужчинами, поскольку они больше не отличаются от них. Положение, выдвинутое философией Просвещения: «Душа не имеет пола», получило применение повсюду. Противоположность полов исчезает, а вместе с ней и эротическая любовь, основанная на этой противоположности. Мужчина и женщина стали одинаковыми, вместо того чтобы стать равными как противоположные полюсы.

Современное общество проповедует этот идеал равенства без индивидуальности, потому что нуждается в человеческих «атомах», неотличимых друг от друга, чтобы заставить их функционировать всех в совокупности как единый механизм, без сбоев и без трения; чтобы все подчинялись одним и тем же приказанием, но при этом каждый был уверен, что руководствуется своими собственными желаниями. Как современное массовое производство требует стандартизации товаров, так и общественное развитие требует стандартизации человека, и эта стандартизация называется «равенством».

Человек становится «отсиживателем с девяти до пяти», частью рабочей силы или частью бюрократической силы клерков и менеджеров. Ему не нужно проявлять инициативу, его задачи предопределены организацией работы; даже между теми, кто находится на верхней и нижней ступеньках служебной лестницы, существует лишь незначительная разница. Все они выполняют задания, предопределенные структурой организации в целом, с заранее определенной скоростью и заранее определенным способом. Как же человеку, попавшему в эти

сети повседневной рутины, не забыть, что он — человек, неповторимая индивидуальность, тот, кому дарована только эта, единственная возможность жить, жить со своими надеждами и разочарованиями, со своими печальями и страхами, со своей страстной потребностью в любви и ужасом перед пустотой и отчужденностью?

ВОПРОСЫ

1. Пожалуйста, попытайтесь ответить на вопрос Э. Фромма, заданный в конце раздела.
2. Не боитесь ли и вы после завершения образования стать «отсиджвателем с девяти до пяти» или вообще остаться не у дел, то есть стать дармоедом? Как, по вашему мнению, этого можно избежать?
3. Какие отличительные черты характера современного человека назвали бы вы?
4. Как вы понимаете равенство современных людей? Равенство мужчины и женщины в семье? Наблюдается ли равенство в домашнем труде ваших родителей или знакомых?

Выдающийся английский мыслитель и историк Томас Карлейль жил в XIX веке. Он родился в семье деревенского каменщика, посещал сельскую школу, а в 1809 году отправился пешком в Эдинбург и поступил в университет. В 1865 году Карлейль был назначен ректором эдинбургского университета. Его этическая мысль звучит так живо и современно, как будто написана только что, то есть в начале XXI века.

Некоторые современные критики сравнивают Т. Карлейля с гранитным олицетворяющим упрек монументом, с презрением и гневом указующим пальцем на современное общество, спутавшее душевное здоровье с материальным благополучием.

Есть что-то облагораживающее и даже священное в труде. Как бы ни был человек погружен в мрак ночи, как бы мало ни думал он о своем высоком призвании, на него все еще следует возлагать надежды, покуда он действительно серьезно трудится; лишь в праздности — вечное отчаяние. Труд, как бы он ни был низок или корыстен, всегда тесно связан с природой. Уже одно желание трудиться ведет все ближе и ближе к истине, к тем законам и предписаниям природы, которые суть истина.

Т. Карлейль (1795–1881)

«Познать самого себя!» — твое бедное я долгие годы промучило тебя, но ты, по-моему, никогда не сумеешь «познать» его. Не считай же своей задачей познание самого себя, потому что ты представляешь собою существо, которого тебе никогда не познать. Познай же, над чем ты можешь трудиться, и работай, как Геркулес! Ничего лучшего не может быть для тебя.

Говорят: «Значение труда не поддается учету». Человек совершенствуется при помощи труда! Пространства, заросшие сорной травой, расчищаются, на их месте появляются чудные нивы, воздвигаются дивные города, и сам человек перестает быть пашней, заросшей плеведами, или бесплодной, чахлой пустыней. Вспомните, что даже самый низменный труд в известной степени приводит душу в состояние истинной гармонии.

Сомнения, страсти, заботы, раскаяние, разочарование, даже уныние — все эти исчадия ада мучительно осаждают душу бедного поденщика точно так же, как и всякого другого человека. Но стоит лишь человеку свободно и бодро приняться за труд, как все они умолкают и, ворча, прячутся по своим конурам. Человек становится воистину человеком. Священный жар труда похож на очистительный огонь, истребляющий любой яд, сквозь самый густой дым дающий светлое, чистое пламя!

Видели ли вы когда-нибудь, как вертится гончарный станок? Бесформенные комья глины одним только быстрым вращеньем превращаются в красивые, круглые сосуды. Представьте же себе самого

прилежного в мире горшечника, но без станка, поставленного в необходимость изготовлять посуду или, вернее, безобразный брак, формуя глину руками и затем обжигая ее!

Таким горшечником явилась бы судьба по отношению к душе человека, если бы та захотела отдыхать, расположиться поудобнее, не работать и не кружиться. Из ленивого, неподвижного человека самая благосклонная судьба, подобно самому старательному горшечнику без станка, не создаст ничего, кроме брака. Сколько бы судьба ни потратила на него дорогих красок и позолоты, он навеки останется лишь браком. Из него никогда не получится сосуд, а выйдет только неустойчивый, безобразный, кривой, косоугольный, бесформенный брак; раскрашенный и позолоченный сосуд бесчестья! Пусть подумают об этом ленивые.

Надо жить, а не прозябать!

В каждой истинной работе, хотя бы то было просто рукоделие, есть что-то божественное. Труд обширный, как земля, упирается вершиною в небо. Труд в поте лица, в котором принимают участие и мозг, и сердце, труд, породивший вычисления Кеплера, рассуждения Ньютона, все знания, все героические поэмы, все совершенные на деле подвиги, все страдания мучеников, до «кровавого пота смертных мук», признанных всеми божественными, о братья! если это — не молитва, тогда молитву надо пожалеть, потому что это — самое высокое, что до сих пор известно нам под Божьим небом.

Что касается вознаграждения за труд, то можно было многое сказать по этому поводу, и многое еще скажут, многое еще напишут об этом...

Мне хочется сделать только одно замечание по отношению к решению этого затруднительного вопроса о вознаграждении: награда за всякое благородное дело дается на небе либо нигде. Ни в каком банке на свете тебе, героическая душа, не учтут твоего векселя.

Но нужна ли тебе, собственно говоря, награда? Разве ты стремился к тому, чтоб за свой героизм набить себе брюхо лакомыми кусками,

вести пышную, комфортабельную жизнь и получить в сем мире или в ином то, что люди называют «счастьем»? Я за тебя отвечаю с уверенностью: нет. Вся духовная тайна новой эпохи в том и заключается, что ты со спокойной головой от всего сердца можешь за себя решительно ответить: нет!

Брат мой, мужественный человек должен подарить свою жизнь. Подари ее, советую тебе; или ты ждешь случая приличным образом ее продать? Какая же цена, примерно, удовлетворила бы тебя? Все творения в Божьем мире, все пространство во вселенной, вся вечность времен и все, что в них есть, — вот что ты бы потребовал, и на меньшее ты бы не согласился, в этом ты должен сознаться, если хочешь быть правдивым. Твоя жизнь — все для тебя, и взамен ее ты пожелал бы себе все.

Никогда ты жизнь свою или хоть часть своей жизни не продашь за надлежащую цену. Подари же ее по-царски; пусть ценой ее будет ничто. Тогда окажется, что ты в известном смысле получил за нее все! Человек с героической душой (а разве не всякий человек — дремлющий герой?) должен так поступить в любое время и при всяких обстоятельствах.

...В сущности говоря, мы совершенно согласны со старинными монахами: молиться значит трудиться. Во многих отношениях истинный труд на деле оказывается настоящей молитвой!

ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте следующие слова Т. Карлейля: «Глупые люди полагают, что раз наказание за злое дело не последовало тотчас же, то здесь на свете нет справедливости, а если есть, то лишь случайная. Наказание за злое дело задерживается иногда на несколько дней, иногда на несколько столетий, но оно так же верно, как жизнь, так же неминуемо, как смерть!»
2. Согласны ли вы с утверждением, что мужественный человек должен подарить свою жизнь? Подарить кому? А быть может, ее и впрямь лучше приличным образом продать?

ПОНЯТИЕ СМЫСЛА ЖИЗНИ В РЕЛИГИЯХ И ФИЛОСОФИЯХ МИРА

4

ПОИСКИ ВЕРЫ. АГНОСТИКИ. АТЕИСТЫ

Каждый человек, даже если он считает себя неверующим, в глубине души своей тянется к чему-то возвышенному, прекрасному, чему-то такому, что стоит над всем миром, что достойно преклонения.

Во всякой душе заложено это стремление. В древности люди преклонялись перед силами природы. Солнце восходило, освещая землю, и люди падали перед ним на колени. «Вот наш бог!» — говорили они. Другие, страшась грома и молнии, трепетали и также говорили: «Вот наш бог!»

А потом бывали у человечества и другие боги. Люди стремились к удовольствиям и наслаждениям, ко всему тому, что развлекает, и говорили: «Вот наш бог!» Они изготавливали статуи богов и богинь, давали им различные имена и носили эти статуи на праздничных шествиях, предаваясь необузданному веселью.

Но проходили дни праздников, и человек опять оставался один на один со своими горестями и мучительными вопросами о смысле жизни, о страдании, о добре и зле. Боги вина и веселья не могли ответить на них. Людям стало казаться, что жизнью правит неумолимая судьба и, что бы человек ни делал, он не в силах изменить предназначенного ему пути.

Следует сразу сказать, что «доказать» существование Бога, как мы доказываем теорему в курсе геометрии, убедить, опираясь на логику, нельзя так же, как нельзя «доказать» кому-либо, что он должен дружить именно с этим из своих знакомых или любить именно эту девушку. Такие человеческие чувства, как дружба и любовь, возникают не в результате логических рассуждений, а по влечению сердца.

Кто-то хорошо сказал: «Если вы можете объяснить, почему любите, значит, вы не любите». Вера так же, как чувство любви и дружеской привязанности, выходит за пределы действия логики. Вера, конечно, не отменяет разума и не противоречит ему. Просто область веры иная, чем та, в которой действуют разум и логика.

Она включает в себя разум, чувства, волю и пронизывает всю человеческую сущность.

Когда рядом верные друзья, то человек чувствует себя увереннее, счастливее. Тем более счастлив тот, кто почувствовал близость Бога в своей жизни, Его поддержку и защиту. Такой человек никогда не бывает одинок. Земля для него не песчинка мироздания, на которой он появился непонятно зачем и почему, а дом, жилище, устроенные ему Богом. И жизнь его, протекающая в этом доме, не что-то случайное и, может быть, не очень нужное, а некий путь, для которого он пришел на землю.

Такую веру можно сравнить с отношениями в дружной семье, где все строится на доверии. Человеку радостно сознавать, что его любят. Вспомним драматический эпизод из жизни Николая Ростова, героя романа «Война и мир». Николай проигрывает в карты крупную сумму денег. Он идет к отцу с просьбой о деньгах. В душе своей он считает себя негодяем, подлецом, на коленях со слезами готов просить прощения, и вдруг тут же, самым небрежным тоном, которого не мог простить себе всю последующую жизнь, он сообщает отцу о своем проигрыше как о каком-то пустяке, хотя знает, что денежные дела семьи очень плохи. Но Николай уверен в любви своих родных: они поймут его, простят ему легкомыслие. И эта уверенность не позволяет Николаю впасть в отчаяние, а позже любовь отца, никогда его ничем не прекнувшего, поможет ему искренне раскаяться.

Напротив, большинство персонажей «Мертвых душ» Н.В. Гоголя — Собакевич, Коробочка, Плюшкин, Ноздрев — только и ждут, что их обманут, проведут, а сами ищут для себя только выгоды. В кругу таких людей нет дружбы, любви, человеческой привязанности. Самим названием произведения автор как бы подчеркивает, что такой образ жизни уничтожает человека, превращает его в жалкую карикатуру.

Доверие к людям придает человеку силы для жизни. Но насколько больше дает ему сил и возвышает его достоинство и вера в то, что он не случайное сочетание молекул, которое сегодня есть, а завтра может рассыпаться вместе со своими исканиями и убеждениями, а любимое творение Бога, в котором, кроме биологической природы, обитает как бы частичка Самого Творца, Его образ и подобие.

Для некоторых людей ответ на вопрос о Боге совсем не труден. Одни из них, **атеисты**, просто отрицают существование Бога. Они либо считают, что в мире существует только то, что можно увидеть и потрогать, либо полагают, что в мире так много зла, несправедливости, что просто невозможно допустить существование разумного начала.

Другие же — их называют **агностиками** (от греч. *agnostos* — непознаваемый) — утверждают, что мы вообще не можем знать и с уверенностью сказать, существует Бог или нет; однако они живут и действуют так, как если бы Бога не было. Мы назвали бы их практическими атеистами. Такими же практическими атеистами можно назвать людей, которые говорят, что верят в Бога, но эта вера никак не влияет на их жизнь.

Эти люди, даже крестившись в зрелом возрасте, продолжают жить, как неверующие. Такие вещи, как, скажем, частые выпивки, обман, нарушение супружеской верности, разводы и т.п., не представляются им предосудительными. В своей жизни они руководствуются не религиозной моралью, а просто поступают так, «как все». К этой группе людей следует причислить и так называемых формально верующих. Для них вера — не путь к изменению своего образа жизни, к ее переосмыслению, а всего лишь религиозный обряд и традиция.

Можно ли согласиться с утверждением атеистов, что вся сложнейшая психическая жизнь человека есть результат биохимических реакций, происходящих в его организме? Можно ли согласиться с тем, что никакой человеческой сущности, отличной от тела, то есть того, что называют душой, не существует? С древнейших времен самым существенным элементом различных религиозных верований было глубокое убеждение в том, что душа не умирает со смертью тела, а переходит в иной мир, который разные народы представляли себе по-разному.

Вызывание душ предков, общение с ними входило в религиозные обряды многих форм язычества. Было ли все это грубым суеверием или за этим, пусть примитивным, религиозным опытом стояла некая таинственная реальность?

До недавнего времени этот вопрос выходил за пределы практических знаний. Что мы можем знать о том, что будет после смерти? Ведь «оттуда» никто не возвращался! Однако современная медицина нередко позволяет врачам вернуть к жизни больных, находящихся в состоянии клинической смерти. Многие из тех, кому была возвраще-

на жизнь, несомненно умерли бы гораздо раньше. Такое оживление называется реанимацией. Как правило, реанимация возможна, если с момента клинической смерти прошло не более нескольких минут. Состояние это нередко сопровождается совершенно удивительными переживаниями. Многие реанимированные люди рассказывают, что с наступлением их физической смерти духовная жизнь продолжалась.

ВОПРОСЫ

1. Кто такие агностики? Есть ли агностики в вашем классе?
2. Почему нельзя ни доказать, ни опровергнуть существование Бога?
3. В изложенном выше материале говорилось и о таких людях, которые, даже крестившись в зрелом возрасте, продолжают жить так, как люди неверующие. Как вы считаете, стоило ли им креститься?
4. О чем свидетельствует реанимационная практика во второй половине XX века?

ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ СИСТЕМЫ.

ФИЛОСОФИЯ ДРЕВНИХ

ГРЕКОВ И РИМЛЯН

2

Многие ученые и исследователи считают, что в последние годы до Рождества Христова истинного богопознания не было ни у одного народа, кроме еврейского.

Согласно христианскому учению, понятия о едином истинном Боге и об отношении людей к Нему в течение многих веков, прошедших от падения прародителей, затмились окончательно. Люди все больше по-

гружались в жизнь окружающей их природы и совсем потеряли представление о высшем духовном мире. Появились так называемые языческие религиозные системы. В них обоготворялась либо вся природа, либо ее часть — отдельные явления и таинственные силы.

В греко-римском мире господствующая языческая религия допускала обоготворение людей. (Это красочно описано в рассказе Сельмы Лагерлеф, который приводится в разделе 6 этой главы.) Эта религия пошатнулась, когда просвещение в греческом обществе развилось настолько, что образованные люди не могли мириться с верой в обоготворенных вождей народа и назвали это продуктом человеческой фантазии.

В результате развития просвещения в древнегреческом обществе появились **философские системы**, поставившие своей задачей постижение и объяснение бытия мира и вещей. Философия подвергла языческую религию критике и отвергла ее. Взгляды философов распространились в народе, вследствие чего недоверие к языческим богам стало массовым явлением.

Отрицание религии началось в Греции еще за три века до Рождества Христова и ко времени появления христианства было почти всеобщим. Религия перестала быть общенародной. Люди уже не верили своим богам, хотя по привычке и исполняли религиозные обряды. Сыграла свою роль в этом и привязанность к блестящим религиозным церемониям, удовлетворявшим эстетические чувства и понятным каждому.

Подобное случилось и с религией римлян. Народная римская религия держалась до тех пор, пока завоевания Рима не вышли за пределы Италии, особенно пока не возникли столкновения Рима с Грецией. Греки, завоеванные римлянами, подчинили их своему культурному и нравственному влиянию. Они познакомили римлян со своим образованием, философией и передали им свои взгляды на религию.

Высшие классы римского общества прежде других усвоили греческое образование, поэтому среди них в первую очередь и появилось неверие в отечественных богов. Постепенно им последовал и народ. Сценические представления, в которых высмеивались боги, подрывали и без того пошатнувшиеся религиозные убеждения. Если и остава-

лось в народе что-то религиозное, то только привязанность к обрядам и церемониям. Даже жрецы были заражены общим неверием.

Римские правители, заботясь о всемирном господстве, собрали в римском пантеоне изображения всех богов завоеванных народов. Это окончательно заставило римский народ относиться равнодушно к собственной религии; установилось убеждение, что можно принадлежать к какой угодно религии.

Философия, развенчавшая народные языческие религии, вместо них не могла дать ничего положительного. Одни философы — **эпикурейцы** — полагали, что вся человеческая мудрость заключается в наслаждении жизнью. Другие — **стоики**, — проповедуя строгость жизни и равнодушие к ее случайностям, предлагали искать успокоения в неизбежности всего совершающегося, в глубине познания человека; о божественном, о чем-то высшем в этой жизни, не было и речи. Платонизм, выработавший понятие о Высочайшем, Божественном Мироправителе, проповедовал зависимость человека от Него, а общение с Ним признавал единственным источником освящения; но на этом данное учение и остановилось, не разъясняя, каким образом людям искать общения с Высочайшим. Плотин обогатил учение Платона взглядами Аристотеля, стоиков, скептиков, эпикурейцев и пифагорейцев, причем так, что получилась не некая эклектичная смесь, а цельная философская система, получившая название неоплатонизма.

Однако, все эти философские течения не могли заменить человеку религии. Люди, сознавая внутреннюю пустоту, переходили от одной философской системы к другой, но нигде не находили удовлетворения своим религиозным поискам. Разумеется, большинство народа философии не знало. При отсутствии определенной веры люди бросились в противоположную крайность — к суевериям.

Вот почему в греко-римском мире особенно распространились восточные культы со своими гаданиями, волшебствами, гороскопами и т. д. Знакомая и в наши дни картина, не правда ли?

Деспотизм императоров, наплыв в Рим богатств со всего мира, роскошь и проповедующая наслаждение философия — все это содействовало упадку прежней строгости нравов.

Таким образом, попытка греческой философии освободить человека от внутренней пустоты посредством разума не достигла цели, философия сложила оружие перед языческой религией своего времени.

Победа над языческим миром принадлежала христианству, заключавшему в себе внутреннее основание для очищения и преобразования жизни человека. Эта тема более подробно рассмотрена в других разделах настоящей главы.

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается суть учения языческих религиозных систем?
2. Расскажите о религии и философии у древних греков.
3. В чем видели смысл жизни эпикурейцы? Стоики?
4. Как вы считаете, почему восточные культы со многими своими ритуалами, гороскопами и т. д. возродились и в наше время?
5. Почему к началу нашей эры в греко-римском мире наблюдалось резкое падение нравственности?

3

РЕЛИГИЯ И ЕЕ РОЛЬ В ДУХОВНО-

НАВРСТВЕННОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Философы и богословы определяли религию различно, подчеркивая ту или другую особенность отношений человека к высшему существу или высшим силам, которому или которым он поклоняется.

Одни предполагали сущность религии в субъективной вере, другие — в объективном откровении. Одни определяли религию как индивидуальное отношение человеческой души к божественному, другие сводили ее к

тому собирательному творчеству и той социальной организации, которыми создаются культ, догмы, религиозная община и иерархия.

В сфере психологии религия понималась различно. Преимущественное значение придавалось либо интеллектуальному элементу, то есть она определялась как своего рода понимание или представление Сущего (Георг Гегель), либо элементу эмоциональному — чувству (например, «чувство зависимости» у Фридриха Шлейермахера), либо, наконец, элементу человеческой воли в ее отношении к высшей нравственной воле (Иммануил Кант).

Все эти перечисленные особенности, несомненно, присущи религии, однако не исчерпывают ее, будучи взяты в отдельности. Можно даже утверждать, что принципиально невозможно определить понятие «религия» в логических категориях.

Современный энциклопедический словарь справедливо отмечает, что религия (от лат. religio — набожность, святыня, предмет культа) — это мировоззрение и мироощущение, а также *соответствующее поведение* и специфические действия (культ), основанные на вере в существование Бога или богов, в существование священного, то есть той или иной разновидности сверхъестественного.

Мы выделили курсивом слова соответствующее поведение, поскольку религия — это не только мировоззрение, но и образ жизни. Вряд ли можно назвать религиозными тех людей, которые лишь изредка приходят в храм и живут так, как будто Бога нет или Он слишком далек и абстрактен. Нередко можно наблюдать и обратное — часто посещающий храм человек не осмысливает, зачем он это делает, и результат бывает плачевный — свой образ жизни изменить не удастся, иногда даже появляется озлобленность и раздраженность.

Вера без дел мертва

Однако вернемся к толкованию понятия религии. Вера раскрывается человеком в его деятельности, и, следовательно, религия не может замыкаться сферой личности. Как ни велико значение личности в религиозной истории, само величие и могущество лица доказывается

здесь прежде всего тем, что его вера становится религией, то есть организующей и организованной верой человеческого общества. В этом заключается значение реформаторов, пророков, вероучителей.

В области духовно-нравственной жизни человечества яснее, чем где-либо, наблюдается сочетание социальной эволюции и личного творчества, которое обуславливается средой, но вместе с тем воздействует на нее и обуславливает ее прогресс.

Религия есть поклонение высшим силам. Но откуда человек получает понятие об этих высших силах? Человеческая немощь и нужда, сознание своей конечности, своей зависимости еще не объясняют, почему человек поклоняется тем или другим определенным высшим существам.

С точки зрения любой религии источником определенных верований является откровение высших сил. Понятие же о чистом бесплотном духе, точно так же как и понятие о бездушной материальной вещи, есть лишь результат абстракции.

Каково бы ни было личное отношение к отдельным формам откровения или к откровению вообще, нельзя не признать его несомненную реальность в качестве психического факта, реальность Бога или богов для верующего сознания.

ВОПРОСЫ

1. Прокомментируйте толкование понятия религии философами Г. Гегелем, Ф. Шлейермахером и И. Кантом.
2. Рене Декарт (1596–1650) — французский философ и математик — пытался доказать существование Бога как источника объективной значимости человеческого мышления («...мыслю, следовательно, существую»). Он был сторонником теории дуализма души и тела (дуализм — философское учение, исходящее из признания равноправными двух начал — духа и материи, идеального и материального). Согласны ли вы с Р. Декартом?

4

ВЕТХОЗАВЕТНАЯ РЕЛИГИЯ

Сущность Ветхозаветной религии заключалась в глубокой вере, что существует единый истинный Бог, Создатель и Властелин всего мира. Он трансцендентен и вечен. Он все видит и все знает. **В течение многих веков, при всех политических переворотах Богооткровенная религия иудеями сохранялась неизменно.**

Во время своего пребывания в Египте евреи, пользуясь сначала милостями правительства, начали быстро размножаться, так что из них образовался целый народ. Пока в Египте властвовали так называемые цари-пастухи, гиксосы, родственные евреям по своему племенному происхождению и положению в стране, последним жилось привольно. Но когда гиксосы были изгнаны из Египта и власть снова перешла к местным фараонам, положение евреев резко изменилось к худшему.

Подозрительно относясь к еврейскому народу, пользовавшемуся особенными милостями низвергнутой чужеземной династии, фараоны начали всячески угнетать его и использовать на тяжелых работах. Чтобы обезопасить страну от дальнейшего вторжения диких чужеземцев, правительство нашло нужным построить несколько новых укреплений; для выполнения всех тяжелых земляных и других работ использовался даровой труд евреев.

Вопль притесняемого народа дошел до слуха Господа, и он послал ему избавителя в лице Моисея. Чудесно спасенный и воспитанный при дворе, Моисей, получив поручение освободить свой народ, повел борьбу с жестокими египетскими властителями; опираясь на постигшие страну бедствия (казни египетские), он вынудил фараона отпустить народ.

Совершив установленную в память знаменательного события Пасху, евреи под предводительством Моисея двинулись из Египта, захватив с собой массу всяких сокровищ, взятых у египтян. Так как прямой путь на северо-восток был прегражден сплошной стеной пограничных укреплений, то Моисей повел народ к юго-востоку, чтобы, обогнув западный залив Черного (Красного) моря, проникнуть в степи Синайского полуострова.

Между тем фараон успел одуматься. Не желая лишаться огромной даровой рабочей силы, он бросился в погоню за беглецами и настиг их у берега залива. Положение евреев было критическое, готова была возникнуть паника, но по чудесному мановению жезла Моисеева море расступилось перед ними, и они успели перебраться на другую сторону. А когда египтяне бросились за ними, море поглотило их в своих волнах.

Чудесное событие перехода через Черное (Красное) море сохранилось в предании у египетских жрецов, которые старались, подобно новейшим рационалистам, объяснить его тем, что Моисей, хорошо изучив приливы и отливы, воспользовался для перехода одним весьма большим отливом.

ВОПРОСЫ

1. История еврейского народа подробно описана в Библии, в Ветхом Завете. Приходилось ли вам читать Библию?
2. Как вы считаете, насколько библейская история соответствует реальным историческим событиям?
3. Почему Библия является главным авторитетом для множества людей на протяжении тысячелетий?

5

ДЕСЯТЬ ЗАПОВЕДЕЙ — ОСНОВА

НРАВСТВЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Итак, за полторы тысячи лет до Рождества Христова, после великих чудес, совершенных пророком Моисеем в Египте, фараон вынужден был отпустить еврейский народ, и он, перейдя чудесным образом Черное (Красное) море, пошел по пустыне Синайского полуострова на юг, направляясь к обещанной (Обетованной) земле.

К пятидесятому дню после исхода из Египта еврейский народ подошел к подножию Синайской горы и расположился здесь станом. Здесь пророк

Моисей взошел на гору, и Господь объявил ему: «Скажи сынам Израилевым: если будете слушаться голоса Моего и соблюдать Завет Мой, то будете Моим народом». Когда Моисей передал волю Божию евреям, они ответили: «Все, что сказал Господь, исполним и будем послушны!»

Тогда Господь повелел Моисею к третьему дню приготовить народ для принятия закона, и евреи постом и молитвой стали готовиться к нему. На третий день густое облако покрыло вершину горы Синай. Сверкали молнии, гремел гром и раздавался сильный трубный звук. От горы восходил дым, и вся она сильно колебалась. Народ стоял вдалеке и с трепетом наблюдал происходящее. На горе Господь сказал Моисею Свой закон в виде Десяти заповедей, которые пророк потом пересказал народу. Вот они:

1. Я Господь, Бог твой... Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим.
2. Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли. Не поклоняйся им и не служи им...
3. Не произноси имени Господа, Бога твоего, напрасно...
4. Помни день покоя, чтобы проводить его свято; шесть дней трудись и совершай в них все твои дела, а день седьмой — день покоя — да будет посвящен Господу, Богу твоему...
5. Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе...
6. Не убивай...
7. Не прелюбодействуй...
8. Не кради...
9. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего...
10. Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его..., ничего, что у ближнего твоего.

(Исх. 20:2–17)

Закон, который пророк Моисей дал еврейскому народу, имел целью регулировать не только его религиозную, но и гражданскую жизнь.

О Десяти заповедях надо сказать, что они содержат в себе самые основы нравственности, закладывают те фундаментальные принципы, без которых невозможно существование никакого человеческого общества. Поэтому они являются как бы конституцией человечества. Вероятно, по причине такой чрезвычайной важности и неприкосновенности Десять заповедей, в отличие от других заповедей, были написаны не на бумаге или каком-либо другом тленном предмете, а на камне.

В Десяти заповедях есть определенная последовательность. Так, в первых четырех заповедях говорится об обязанностях человека по отношению к Богу, следующие пять определяют взаимоотношения между людьми, а последняя призывает к чистоте мыслей и желаний.

Несомненно, есть некоторые общие черты между Десятью заповедями и законами древних народов, населявших северо-западную часть Месопотамии. Известны законы шумерского царя Ur-Nammu (2050 год до Рождества Христова), аморитского царя Bilalams, шумеро-аккадского правителя Lipid-Ishtal, вавилонского царя Hammurabi (1800 год до Рождества Христова), ассирийские и хеттские законы, составленные около полутора тысяч лет до Рождества Христова.

Эти общие элементы и совпадения можно объяснить полным единством нравственного закона, заложенного Богом в душу человека. Если бы человеческая природа не была повреждена грехом, то, вероятно, одного голоса совести было бы достаточно, чтобы регулировать все человеческие взаимоотношения. В отличие от Десяти заповедей, в древних языческих законах явно чувствуется нравственное несовершенство их составителей.

Десять заповедей сформулированы весьма кратко и ограничиваются самыми минимальными требованиями. В этом и заключается их большое преимущество. Они предоставляют человеку максимум свободы в устройстве своих житейских дел, отчетливо определяя лишь те границы, которые нельзя переступить, не поколебав основ общественной жизни.

ВОПРОСЫ

1. На какие три условные группы можно разделить Десять заповедей?
2. Почему о Десяти заповедях можно сказать, что они составляют «костяк» нравственности христианина, его конституцию?
3. На чем и когда первоначально были написаны Десять заповедей? Подумайте над ними и постарайтесь выучить их наизусть!
4. Какие из заповедей вы выполняете, а какие нет?

6

С. ЛАГЕРЛЕФ. РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО —

НАЧАЛО НАШЕЙ ЭРЫ.

ВИДЕНИЕ ИМПЕРАТОРА АВГУСТА

Это было в то время, когда Август был римским императором, а Ирод царствовал в Иерусалиме. Однажды случилось, что необычайно великая и святая ночь спустилась на землю. Это была самая темная ночь, какую кому-либо доводилось видеть, и можно было подумать, что весь земной шар провалился в глубокий и огромный подвал. Невозможно было отличить воду от земли, и немыслимо было найти даже самую знакомую дорогу. Да иначе и не могло быть, потому что с неба не доходило ни единого луча света. Все звезды остались по своим домам и ласковая луна отвратила свое лицо от земли.

Итак же глубоко, как мрак, были тишина и молчание. Реки остановились в своем течении, и даже осиновыя листья перестали дрожать. Если бы подойти к морю, то оказалось бы, что волны не ударяются о берег, а если бы пойти в пустыню, то песок не заскрипел бы под ногами. Все окаменело и стало неподвижным, чтобы не нарушать святости ночи. Трава не смела расти, роса не падала, и цветы не решались выдыхать аромат.

В эту ночь дикие звери не охотились, змеи не жалили, собаки не лаяли. И что еще чудеснее, ни один неодушевленный предмет не пожелал нарушить святость ночи содействием злему делу. Ни одна отмычка не отперла замка, и ни один нож не был в состоянии пролить кровь.

Как раз в эту ночь шла в Риме небольшая группа людей от дворца императора по Палатинскому холму, направляясь через Форум к Капителию, где на только что закончившемся заседании сенаторы спросили императора, имеет ли он что-нибудь против того, чтобы они воздвигли ему храм на священной горе Рима. Но Август не сразу дал свое согласие. Он не знал, будет ли это приятно богам, чтобы его храм был рядом с ними, и ответил, что сначала принесет жертву своему гению*, чтобы узнать его волю относительно этого намерения. И теперь в сопровождении нескольких доверенных лиц он шел совершать это жертвоприношение.

Августа несли на носилках, потому что он был стар и длинные лестницы Капитолия утомляли его. Он сам держал клетку с голубями, которых должен был принести в жертву. С ним не было ни жрецов, ни сенаторов, только самые ближайшие друзья. Факельщики шли впереди, чтобы освещать дорогу сквозь ночной мрак, за ними следовали рабы, несшие треногий жертвенник, угли, ножи, священный огонь — все необходимое для жертвоприношения.

По дороге император смеялся и шутил со своими приближенными, и потому никто из них не заметил таинственной тишины и молчания ночи. Только очутившись на верхней части Капитолия и дойдя до пустынного пространства, предназначенного для нового храма, они поняли, что происходит что-то необычайное.

Нет, эта ночь не была подобна другим ночам, наверху, на краю холма, путники увидели диковиннейшее существо. Сначала им показалось, что это старый, скрюченный оливковый ствол, потом они решили, что древнее каменное изображение из храма Юпитера вышло на скалу, вконец они поняли, что это могла быть только старая сивилла**.

* Гений (от лат. *gens* — род, *gigno* — рождать, производить) — в римской мифологии первоначально божество — прародитель рода. В эпоху империи особое значение приобрел культ гения Рима и императора.

** Сивилла (от греч. *sibilla* — пророчица) — у древних греков и римлян женщина, предсказывающая будущее, — прорицательница.

Никогда не видели они такого старого, точно изъеденного временем и непогодами, исполинского существа. Вид старухи нагонял ужас. Если бы не император, они все разбежались бы. «Это она, — шептали они друг другу. — Ей столько лет, сколько песчинок на ее родном берегу. Зачем она выползла из своей пещеры именно в эту ночь? Что она предвещает императору и государству — она, пишущая пророчества на древесных листьях и знающая, что ветер отнесет вещее слово тому, для кого оно предназначается?»

Они были так напуганы, что бросились бы на колени и прижались головой к земле, если бы сивилла сделала хоть одно движение. Но она была неподвижной, как изваяние. Она сидела, скрючившись, на самом краю скалы и, заслонив глаза рукой, вглядывалась в ночной мрак, словно взобралась на гору для того, чтобы лучше увидеть что-то, совершившееся далеко отсюда. Значит, она видела, могла видеть — в такую ночь!

В ту же минуту император и все в свите наконец заметили, как глубок был мрак. Ни один из них ничего не видел на расстоянии двух шагов от себя. А какая тишина, какое безмолвие царили вокруг! Не было слышно даже глухого журчания Тибра. Но воздух точно сдавил их, и холодный пот выступал на лбу, руки окаменели и стали бессильными. Все одновременно подумали, что должно случиться нечто ужасное.

Но никто не хотел показать своего страха, и все сказали императору, что это счастливое предзнаменование: вся природа затаила дух, чтобы приветствовать нового бога.

Они предложили Августу поторопиться с жертвоприношением, говоря, что старая сивилла специально вылезла из своей пещеры, чтобы приветствовать его.

На самом же деле старая сивилла была так занята одним видением, что даже не знала, что Август пришел на Капитолий. Она

унеслась душой в далекую страну, и ей казалось, что она идет там по большой равнине. В темноте она беспрестанно натыкалась ногой на что-то, что принимала за кочки. Она нагнулась и пощупала рукой. Нет, то были не кочки, а овцы. Она шла среди больших стад спящих овец.

Вот она заметила огонь пастухов. Он горел посреди поля, и она стала пробираться к нему. Пастухи спали возле огня, положив рядом с собой длинные острые палки, которыми они защищали стада от диких зверей. Вот маленькие звери, с горящими глазами и пушистыми хвостами, прокрадываются к огню, разве это не шакалы? А между тем пастухи не бросали в них палками, собаки молчали, овцы не бежали, и дикие зверьки улеглись рядом с людьми.

Вот что видела сивилла и не ведала ничего о том, что совершалось позади нее на вершине горы. Она не знала, что там, в жертвеннике, зажгли уголь, рассыпали курения, и император вынул из клетки одного голубя, чтобы принести его в жертву. Но его руки так онемели, что он не смог удержать птицу. Один взмах крыльев — и голубь исчез в ночной мгле. Когда это случилось, придворные неодобрительно посмотрели на старую сивиллу. Они решили, что это она накликала несчастье.

Могли ли они знать, что сивилла по-прежнему думала, что находится у костра пастухов, но теперь она прислушалась к слабому звону, который, дрожа, доносился сквозь мертвое безмолвие ночи. Она слушала его долго, пока не заметила, что он идет не с земли, а из облаков. Она подняла голову и увидела светлые, сверкающие фигуры, скользящие во мраке. То были ангелы с благозвучным пением, и, словно ища чего-то, они летали над широкой равниной.

В то время как сивилла вслушивалась в ангельское пение, император готовился к новой жертве. Он вымыл руки, очистил жертвенник и велел подать ему другого голубя. Но как он ни старался, как ни силился удержать его, птица вырвалась из его рук и взвилась в непроглядную ночь.

Император ужаснулся. Он пал на колени перед пустым жертвенником и стал молиться своему гению-покровителю. Он взывал к

нему, прося отвлечь те несчастья, которые, по-видимому, предвещала эта ночь.

Но ничего этого не слышала сивилла. Она всей душой вслушивалась в пение ангелов, становившееся все громче. Под конец пение стало таким громким, что разбудило пастухов. Приподнявшись на локтях, они увидели сверкающих серебристо-белых ангелов, движущихся во тьме длинными, расходящимися вереницами, подобно перелетным птицам. У одних в руках были лютни и скрипки, у других цитры и арфы, и пение их звучало радостно, словно детский смех, и так беззаботно, как щебетанье жаворонка. Услышав и увидев это, пастухи решили пойти в городок на вершине горы и рассказать его жителям об этом чуде.

Они пробирались по узкой, извилистой тропинке, а старая сивилла мысленно шла за ними. Вдруг на вершине горы разом посветлело. Большая яркая звезда зажглась как раз над нею, и городок засверкал, как серебро, при свете этой звезды. Летавшие в воздухе ангелы поспешили туда с радостными возгласами, и пастухи ускорили свои шаги так, что почти бежали. Подойдя к городку, они увидели, что ангелы собрались над низким хлевом недалеко от городских ворот. Это было жалкое, прислонившееся к голой скале строение с соломенной крышей. Над ним остановилась звезда, и сюда собиралось все больше и больше ангелов. Некоторые садились на соломенную крышу или опускались на отвесную скалу позади дома, другие, раскинув крылья, парили над нею. Все вокруг посветлело от их сверкающих крыльев.

В ту минуту, когда над горным городком зажглась звезда, оживила вся природа, и люди, стоявшие на вершине Капитолия, не могли не заметить этого. Они почувствовали, как свежий, но ласковый ветерок пронесся над их головами, вокруг них заструились цветочные ароматы, деревья зашумели, зажурчала вода в Тибре, и засияли звезды, и луна вдруг поднялась на середину неба и осветила мир. А из облаков спустились оба голубя и сели на плечи императора.

Когда произошло это чудо, торжествующий Август поднялся с колен, друзья же его и рабы пали ниц.

— Аве, Цезарь! — восклицали они. — Твой гений ответил тебе. Ты тот бог, которому будут поклоняться на вершине Капитолия.

Восторженные клики, которыми пораженные люди приветствовали императора, были так громогласны, что старая сивилла услышала их. Они пробудили ее от видений. Она встала со своего места на краю скалы и подошла к людям. И словно темное облако поднялось из пропасти и обрушилось на вершину горы. Она была ужасна в своей старости. Прямые волосы висели редкими космами вокруг ее головы, суставы выпирали огромными узлами, потемневшая кожа, жесткая, как древесная кора, покрывала тело сетью морщин. Но уверенно и величаво подошла она к императору. Одной рукой она схватила его за плечо, а другой указала ему на далекий восток.

— Смотри! — приказала она ему, и император поднял глаза и стал вглядываться. Пространство открылось перед ним, и взор его проник на далекий восток. Император увидел убогий хлев под отвесной скалой, а в открытую дверь его несколько коленопреклоненных пастухов. Внутри хлева он увидел молодую мать, стоящую на коленях перед лежащим на соломенной подстилке маленьким ребенком.

Большой костлявый палец сивиллы указывал туда, на бедного ребенка.

— Аве, Цезарь! — сказала сивилла и насмешливо захохотала. — Вот тот Бог, Которому будут поклоняться на вершине Капитолия!

Тогда Август отступил от нее, как от безумной.

На на сивиллу сошел могучий дух предвидения. Ее тусклые глаза загорелись, руки протянулись к небу, голос изменился и приобрел такую звучность и силу, что, казалось, был слышен на весь мир. И она произнесла слова:

— На вершине Капитолия будут поклоняться или обновителю мира — Христу, или антихристу, но не бранным людям!

Сказав это, она прошла сквозь охваченных страхом людей, медленно спустилась с горы и исчезла.

На следующий же день Август строжайше запретил народу воздвигать ему храм на Капитолии.

Вместо этого он построил там во имя новорожденного Божественного младенца храм и назвал его Алтарем неба.

ВОПРОСЫ

1. Куда направлялся император Август в ту рождественскую ночь? Чем эта ночь была необычна?
2. Кого язычники собирались причислить к своим богам?
3. Поясните слова сивиллы: «Вот тот Бог, Которому будут поклоняться на вершине Капитолия».
4. Если бы вы были на месте императора Августа, смогли бы вы отказаться от воздвижения храма в свою честь?

ХРИСТИАНСТВО. ПРАВОСЛАВИЕ

7

Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона, христианство — это всемирная религия, признающая себя Откровением Единого в Троице Истинного Бога, Творца и Промыслителя вселенной, Спасителя людей.

Христианская Церковь признает Откровение, принесенное Христом, завершением религии, данной еще Адаму в раю и затем возведенной через Моисея и еврейских пророков. Церковь считает, что Спаситель явился тогда, когда и в еврействе, и во всем мире окончено было приготовление людей к Его принятию.

На Мессии и его пришествии сосредоточились все национальные, политические и даже личные упования палестинских (и других) евреев. При этом считалось, что главным делом Мессии было свержение римской власти, а затем установление политического мировладычества Израиля; Мессия должен был явиться в награду за праведность Израиля и быть, конечно, идеальным представителем этой праведности.

Отсюда ясно, что новозаветная (то есть евангельская) проповедь о Мессии должна была представляться фарисейству* пагубной ложью.

* Фарисейство — еврейское религиозное движение, возникшее как духовная потребность явить обществу образец ритуальной праведности. Фарисеи — по-еврейски «перушим», то есть праведные, а в греческой транскрипции — «асидеи» и «фарисеи».

В самом деле, по Евангелию, Спаситель вместо призыва к освободительной войне и к завоеванию Израилем мира учит, что царство Его не от мира сего, что Он царь в том лишь смысле, что всякий, кто от истины, слушает гласа Его, что царствие Божие не приходит видимым образом, а находится в душах людей. Открыто объявляя себя Мессией при входе в Иерусалим, тут же, совершив понятное всякому еврею символическое действие, заявляет, что Он — царь исключительно мира, а не войны (осел — символ мира, а конь — символ войны), и с негодованием отвергает предложение мировладычества как искушение дьявола.

Мессия есть награда Яхве праведным за их праведность. А Христос был «друг мытарям и грешникам», многократно заявлявший ревнителям закона, что блудницы и мытари предвоят их в царствии Божием и что Он, Мессия, пришел как врач к больным, пришел, чтобы взыскать и спасти погибшее.

При исцелениях своих Христос повторял: отпускаются тебе грехи твои, тогда как Мессия фарисейский не прощает — он и права на то не имеет, — а судит.

Мессия должен быть сам безупречно праведен (естественно, в фарисейском понимании праведности); а Христос открыто беседует с женщиной-самарянкой (иудеи презирали самарян, которых считали язычниками), Он ест и пьет у мытарей, принимает дары блудницы, нарушает субботу; «виртуозов» праведности — фарисеев — Он зовет слепыми вождями и лицемерами.

Понятно, что с точки зрения фарисейского патриотизма деятельность Христа грозила гибелью всему еврейскому народу, отнимая у него «истинного» Мессию и отдавая евреев в руки римлянам. Вот почему по требованию фарисеев, книжников и саддукеев-первосвященников Иисус Христос был предан казни. И с Его смер-

тью Его враги успокоились, полагая, что все опасное движение, поднятое Им, теперь отомрет само собою.

Не прошло, однако, и двух месяцев с той Пасхи, в навечерие которой был погребен «обманщик», как Его ученики, с непонятной для врагов Его смелостью, в том же Иерусалиме, в соседстве Голгофы и Гроба, стали проповедовать, что Распятый был действительно Мессия; что Он в течение сорока дней после Своей смерти, начиная уже с третьего, многократно являлся им и в Галилее, и в Иерусалиме в истинном, но прославленном теле, ел, пил и беседовал с ними; что в сороковой день Он на их глазах вознесся на небо, обещав вернуться со славою как Мессия — Судия живых и мертвых, и велел им в промежуточное время проповедовать Евангелие (то есть благую весть) царствия Божия.

Убеждение проповедников в истине всего, что они говорили, было несомненно. Палачи Христа растерялись. Фарисеям и синедриону вначале просто не верилось, что такая сумасбродная, на их взгляд, проповедь может иметь успех. А некоторые, по-видимому, стали и по существу колебаться. Проповеди учеников Христа — апостолов достигли уже Кипра, Финикии, Антиохии...

Первое место в письменном наследии древнейшей Церкви занимает Новый Завет — кодекс специфически христианского Откровения, написанный, как верует Церковь, по непосредственному внушению Духа Святого теми апостолами и их учениками, имена которых значатся в заголовках отдельных составляющих его произведений.

По мере расширения проповеди учения Иисуса Христа христианство постепенно распространяется на всю Римскую империю. Причинами превращения Римской империи из языческой в христианскую были, с одной стороны, превосходство христианского учения, явившегося венцом развития религиозно-философской мысли тех времен, с другой — внутренняя и внешняя подготовленность языческого мира к восприятию христианства.

Стремительному распространению христианства способствовало и то обстоятельство, что оно было религией любви и помощи ближнему,

религией Откровения и победы над смертью и мраком незнания, религией обновления.

Христианство среди славянских племен распространилось не одновременно: жившие ближе к Византии или Риму крестились раньше. На территории, занятой впоследствии славянами, христианство могло появиться еще во времена апостольские (например, на Балканском полуострове). Но сами славяне начали креститься не ранее IX века, причем крещение охватывало всех до последнего.

Поворотным пунктом в истории христианства у славян является деятельность Кирилла и Мефодия. Создание славянской азбуки, перевод богослужебных книг на славянский язык, употребление этого языка в богослужении и вообще в культурных отношениях славян — все это освобождало их от духовно-религиозной зависимости.

По различным причинам кирилло-мефодиевское наследие не везде могло свободно развиваться. После разделения Церквей в 1054 г. произошло разделение и вероисповедания славянских народов. Одни из них стали исповедовать Православие, другие — Католичество.

Само слово православие (по-гречески *ortodoxia*) впервые встречается у христианских писателей II века и означает **веру** всей Церкви в противоположность разномыслию еретиков — гетеродоксии. Словарь иностранных слов поясняет, что ортодоксия — это неуклонное следование основам какого-либо учения, мировоззрения.

Название **православная** осталось за Восточной Церковью со времен отделения от нее Церкви Западной, которая стала называться католической.

До XI века весь христианский мир составлял одну Вселенскую Церковь. Западная Церковь на Вселенских Соборах принимала деятельное участие в охране древней веры Церкви и в созидании символического церковного учения. Незначительные обрядовые и канонические различия не отделяли ее от Церкви Восточной. Лишь в XI веке частное богословское мнение о *filioque* (учение об источнике исхождения Святого Духа) было усвоено Католичеством в качестве догмата и стало одной из многих причин разделения между Восточной и Западной Церквями.

В последующее время специфическое учение Западной Церкви о размерах и характере власти римского епископа вызвало окончательный разрыв между ними.

Русские богословы считали, что в Церкви имеется уже все учение, потребное для христианина как сына Церкви. В безусловном доверии к Церкви православный христианин обретает окончательное успокоение духа и твердую веру в истинность того, чего нельзя не признавать как истины, о чем более нет надобности рассуждать и нет возможности сомневаться.

ВОПРОСЫ

1. Расскажите, пожалуйста, как вы понимаете христианство.
2. Является ли кто-либо из ваших родственников или знакомых христианином? Если да, то, как вы считаете, оправдывают ли они своим образом жизни название христианина?
3. Почему фарисеи, книжники и саддукеи-первосвященники предали Иисуса Христа казни?
4. В каком веке произошел раскол христианской Церкви? Что означает слово православие?

Так называется проповедь Иисуса Христа о «блаженствах», в которых выражена сущность новозаветного закона в отличие от закона ветхозаветного. Господствующая черта «блаженств» — полнейшее духовное смирение и самоуничижение в противоположность эгоизму и самовозношению древности.

Нагорная проповедь — ядро учения Иисуса Христа. Вместе с Десятью заповедями, которые Бог дал человечеству во времена Ветхого Завета, Нагорная проповедь является основным путеводителем жизни христиан.

Однажды Иисус взошел на гору, сел там и, когда приступили к Нему ученики и народ, стал учить их заповедям блаженства:

«Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны плачущие, ибо они утешатся.

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.

Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся.

Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут.

Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят.

Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими.

Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное.

Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас.

Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему не годна, как разве выбросить ее вон на поприще людям.

Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф., 5:3–16).

Это — начало Нагорной проповеди, в которой, как мы видим, определяются те, кто может сделаться членом новозаветного общества. В Ветхом Завете принадлежность к избранному обществу обуславливалась внешними свойствами и признаками людей — их происхождением от Авраама и обрезанием*.

* И сказал Бог Аврааму: «Сей есть завет Мой, который вы должны соблюдать между Мною и между вами и между потомками твоими после тебя: да будет у вас обрезан весь мужской пол; обрезывайте крайнюю плоть вапу: и сие будет знаменем завета между Мною и вами» (Быт. 17:10–11). Согласно Толковой Библии, обрезание символизировало собой отсечение плотских похотей и нечистых пожеланий, или, как это выразительно называет Библия, — «обрезание сердца».

В Новом Завете, напротив, все зависит от внутренних достоинств человека, и это внутреннее достоинство определяется «блаженствами», то есть качествами душевного настроения. Господствующая черта «блаженств», — это полнейшее духовное смирение и самоуничужение в противоположность эгоизму и самовозношению древности.

Эту противоположность Христос пояснил целым рядом сопоставлений новозаветного закона с ветхозаветным, особенно в том виде, в каком его толковали книжники и фарисеи. Так, заповедь «не убий» истолковывалась в ее буквальном, узком смысле. В Новом Завете она получает более широкий, глубокий смысл и распространяет свое действие даже на внезапный и напрасный гнев, могущий сделаться источником вражды с ее гибельными последствиями, и на всякие презрительные и унижительные для человека выражения.

В Новом Завете закон карает уже не только руку, совершающую убийство, но и само сердце, питающее вражду: отвергается даже дар, приносимый Богу, пока сердце приносящего хранит в себе какое-нибудь злое чувство.

Вопреки древнему закону «око за око» как крайнему выражению эгоизма проповедуется правило «не противься злumu» и как высшее выражение любви заповедуется «любить врагов своих, благословлять проклинающих нас, благотворить ненавидящих нас, молиться за обижающих и гонящих нас». Люди враждуют между собой вследствие забвения великой истины, что все они — «сыны одного Отца Небесного»; когда эта истина войдет в общее сознание, люди перестанут разделять себя на ближних и врагов, и все человечество станет единым нераздельным братством.

В грехопадении человек потерял значительную часть своего богоподобия и сделался рабом тления; теперь ему дается новая сила — восстановить потерянное богоподобие. «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

После изложения общих начал Христос преподал несколько частных правил, вытекающих из них. «Народ дивился учению Его, — замечает евангелист, — ибо Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи».

Для выражения понятия блаженство существует четыре греческих слова. По-русски все они могут быть переведены одним словом — счастливый.

Под блаженными можно подразумевать людей, которым уготовано вечное спасение. Они обладают внутренними достоинствами, внутренним миром и счастьем уже здесь, на земле.

Гораздо труднее объяснить выражение нищие духом. В разных комментариях приводятся весьма различные переводы: смиренные, бедные души, униженные, нуждающиеся в помощи, уповающие на Бога; люди, которые отвлекли свои мысли, сердце и любовь от предметов настоящего мира и вознесли их к небу.

По мнению составителей комментариев Толковой Библии, наиболее подходящим объяснением выражения нищие духом являются понятия смиренные, скромные.

ВОПРОСЫ

1. Почему Нагорная проповедь — сердцевина учения Иисуса Христа?
2. Поясните своими словами, как вы понимаете выражение «Блаженны нищие духом».
3. Христос сказал: «Вы — соль земли». Можно ли это сказать о вас? Почему?

9

ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ

СМЫСЛА ЖИЗНИ

Человек живет обыкновенной жизнью и вовлечен в ее круговорот как муравей в своем муравейнике. Но он всегда чувствовал и чувствует, что существует иное, более высокое бытие. И все догадки человека об этом бытии, все его попытки приблизиться к этому бытию, все стремления проникнуть в его тайну представляют собой, по сути, огромный вопрос, задаваемый Небу. Тысячи вопросов, тысячи попыток и тысячи догадок.

Дар мгновенный, дар прекрасный,
Жизнь, зачем ты мне дана?

Ум молчит, а сердцу ясно:
Жизнь для жизни нам дана.
Все прекрасно в Божьем мире!
Сотворивший мир — в нем скрыт;
Но он в чувстве, но Он в лире,
Но он в разуме открыт.
Познавать Творца в творенье,
Видеть духом, сердцем чтить —
Вот в чем жизни назначенье,
Вот что значит в Боге жить!*

Христианство — это прикосновение человека непосредственно к Божественному. И если человек прикасается к Божественному, он открывает для себя самые важные вещи — смысл своего существования, бесконечную ценность каждой человеческой души, цель мироздания, смысл труда и учебы, красоту человеческих отношений и творчества.

Однако как найти свое место в жизни? Человеку порой свойственно заменять этот вопрос другим — как самоутвердиться в ней? А один из наиболее легких и распространенных способов самоутверждения — это осуждение других. Плохой и тот, и этот. И автоматически, часто неосознанно, получается, что я-то и есть хороший.

А вот если искать недостатки в себе, если требовать усилий от себя, а не от других, то становится очень трудно. Речь в первую очередь идет о поступках в каждодневном быту, а не во время пожара, перестрелки, землетрясения или других стихийных бедствий.

Легко обещать себе, что ты станешь хорошим, когда все другие вокруг достигнут совершенства. Но как трудно начать делать добро самому, когда кругом столько несправедливости! Жертвовать другим свой труд, свое время, ответить добром на зло для человеческого эгоизма прямо-таки невозможно. Но лишь на пути этого жертвования человек находит внутреннюю духовную гармонию и обретает настоящую незыблемую точку опоры в Боге.

Главный учебник жизни для христианина — это, конечно, Евангелие. Заглянем и мы в эту Книгу жизни — в Евангелие от Луки.

* Стихотворение неизвестного автора «Жизнь» из сборника «Русская духовная поэзия».

Пришел Иисус Христос в одно селение. Здесь женщина, с именем Марфа, приняла Его в дом свой.

У нее была сестра, с именем Мария, которая села у ног Иисуса и слушала слова Его.

Марфа же заботилась о большом угощении и, подойдя, сказала:

— Господи! Разве Тебе нужды нет, что сестра моя одну меня оставила служить? Скажи ей, чтобы помогла мне.

Иисус же сказал ей в ответ:

— Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благовую часть, которая не отнимется у нее.

И в наше время христиан условно можно разделить на Марф и на Марий.

Марфе, которая усиленно хлопотала о приготовлении угощения для Христа, не понравилось, что Мария только спокойно слушает речи Иисуса, оставляя ее без помощи в хозяйственных делах. Вот почему она обратилась ко Христу с просьбой сказать Марии, чтобы та помогла ей.

Господь же с тоном некоторого дружеского упрека сказал Марфе, что напрасно она так старается, уделяет так много сил приготовлению большого угощения. По слову Господа, нужно только одно, то есть нужна такая же преданность Евангелию, какую показала Мария, забывшая обо всех хозяйственных делах, когда перед ней открылась возможность беспрепятственно слушать учение Христово. Конечно, эти слова Господа вовсе не означают, что усердие Марфы заслужило осуждение. Ее способ служения тоже достоин награды, однако в жизненной суете нельзя забывать о главном — о богомыслии, богопознании, стремлении к Богу.

Христианин делает для себя выбор, часто неосознанно, идти ли ему путем Марфы или путем Марии.

Путь Марфы — это социальное служение, служение своим ближним. Путь Марии — это путь углубленной молитвы. Ярким представителем тех, кто избрал путь Марии, стал преподобный Серафим Саровский. Вот слова великого старца страны русской:

«Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми

средствами для ее достижения. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжении Духа Святого Божиего».

Однако оба эти пути в конечном счете сходятся, поскольку и путь социальных подвигов, совершаемых в любви, и путь углубленной молитвы ведут человека к Богу.

В заключение этого раздела — несколько слов о христианской морали.

Новизна христианства, поразившая древний мир, пробудившая в нем энтузиазм беспрецедентной любви и столь же беспрецедентной злобы, заключалась не в отдельных его принципах, но в их общей связи и соотношении, а главное — в их жизненной искренности и силе. То, что в древней ветхозаветной морали высказывалось «между прочим», как побочная мысль, вызывая уважение своей недостижимой возвышенностью и не вызывая никакого сочувствия из-за своей безжизненности, — в христианстве делается краеугольным камнем всей морали, входит в кровь и плоть человеческих поступков, вдохновляет и объединяет людей.

Краеугольный камень христианской морали — любовь к Богу и ближнему. Эта любовь не похожа на ту, которой человечество жило до христианства. Это не любовь мужа и жены, родителей и детей, брата и сестры, вообще не та любовь, которая непринужденно диктуется природными инстинктами человека.

Это любовь высшая, обусловленная ясным сознанием братства всех людей как детей единого Бога, любовь, воспитываемая признанием собственного ничтожества пред Богом и остальным миром, словом, любовь, вытекающая из совершенно нового взгляда на мир.

ВОПРОСЫ

1. В чем видела свой смысл жизни Марфа, а в чем — Мария?
2. К кому вы ближе по своей жизненной позиции — к Марфе или к Марии?
3. В чем заключается новизна христианства?
4. Считаете ли вы возможным совершать добрые дела, если в ответ нет благодарности?

10

ХРИСТИАНСКОЕ ПОНИМАНИЕ СМЫСЛА

ЖИЗНИ. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

Я, как свечу, поставил жизнь мою
Пред образом Преображенья тела.
Иоанн Шаховской

Считается, что смыслом жизни христианина является Преображение.

«И, по прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, и возвел на гору высокую особо их одних, и преобразился перед ними. Одежды Его сделались блистающими, весьма белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И явился им Илия с Моисеем; и беседовали с Иисусом. При сем Петр сказал Иисусу: Равви! хорошо нам здесь быть; сделаем три кущи: Тебе одну, Моисею одну, и одну Илию. Ибо не знал, что сказать; потому что они были в страхе. И явилось облако, осеняющее их, и из облака исшел глас, глаголющий: Сей есть Сын Мой возлюбленный; Его слушайте».

Эти евангельские строчки в наше время для многих выглядят сказкой. Больше 2000 лет прошло... Трудно представить, что там в точности было. Но есть и более близкие к нам свидетельства. В XIX веке великий русский святой Серафим Саровский исцелил неизлечимо больного дворянина Мотовилова. Мотовилов был образованным человеком своего времени. Однажды он описал следующее происшествие.

Это было в четверг, день был пасмурный. Снегу на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной в ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Вот я, убогий Серафим, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако, не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми для достижения ее. Истинная же цель христианской состоит в стяжании Духа Святого Божиего.

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим? Как мне самому в себе распознать истинное Его явление?

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою... Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божьего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким

блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо, — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно? Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу.

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче держайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир», по слову апостольскому, «всяк ум преимуший». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог.. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость, — отвечал я. И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце. И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется радостью, ибо Дух Божий радостоворит все, к чему бы Он ни прикоснулся...

Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости

той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яко уготовал Бог любящим Его». Предзатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь, на земле? Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какую радостью утешает вас Господь, еще в здешней жизни... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие? Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сушая правда, ваше Боголюбие. Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святого Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих.

То, что произошло с Мотовиловым, происходило с немногими. Но каждый по-настоящему верующий человек знает, что такое сердечная теплота и мир в душе, которые бывают после глубокой молитвы

или Причастия. Эти переживания несравнимы ни с чем в мире, но они являются лишь легкой тенью той полноты, которая уготована каждому верующему человеку.

11

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ТЕИСТИЧЕСКИХ ВОЗЗРЕНИИ НА БОГА И ЧЕЛОВЕКА

Христианство вступило в мир как «соблазн для иудеев», как «безумие для эллинов», как «недозволенная религия» для власти. Отсюда стремление всех усердных и способных сыновей новой религии перевести истины веры на язык разума. В мирное время это означало представление христианских истин категориями господствующих воззрений эпохи. В период гонений задача заключалась в том, чтобы доказать представителям власти, что христианство воспитывает не разрушителей, а надежных членов государства и общества. Это стремление и дает начало так называемой апологетической (от греч. *apologeticos* — защищающий) литературе.

Теисты — христиане — считают, что основывать свою веру только на доказательствах — это как раз и значит утверждать неверие. Уверовать надо и умом, и всем своим существом, то есть добродетельной жизнью. Как известно, есть словесные «жонглеры», которые все могут доказать и, однако, не веруют. И все же в апологетической литературе насчитываются четыре доказательства бытия Божия.

Космологическое доказательство обычно опирается на два логических закона — закон причинности и закон достаточного основания. Первый требует признания первопричины мира. Если мир есть, значит, должен быть Творец, не может же мир сам сотвориться. Если мы не можем поверить, что школа, в которой мы находимся, сотворилась сама, то как мы можем поверить, что планеты, весь космос могли сотвориться сами?

Итак, закон причинности требует признания первопричины мира. Закон же достаточного основания утверждает, что ничто, кроме Высочайшей всемирной причины, не может быть признано на достаточном основании истинною первопричиной мира.

Выпишем для большей убедительности из апологетики.

Все в мире имеет свою причину. Каждая причина, в свою очередь, является следствием другой причины. При этом все в мире имеет причину своего бытия вне себя. Ничто не самобытно. Поэтому и весь мир, как целое, тоже не самобытен и должен иметь причину своего бытия, причем эта причина должна быть вне этого мира. Такой причиной может быть только Премирное высочайшее существо — Бог.

Телеологическое доказательство (от греч. teleos — достигающий цели, logos — понятие, учение) рассматривает мир не только как нечто существующее и нуждающееся в объяснении своего возникновения, но как нечто цельное, гармоничное, художественно стройное, целесообразное, указывающее на мудрость создателя этой целесообразности...

Телеологическое доказательство требует признать Бога как разумную личность, способную целеполагать и благоустроить созданный мир.

Конечно, тут могут возникнуть следующие возражения:

- 1) отрицание целесообразного устройства природы;
- 2) объяснение целесообразности случайности;
- 3) отрицание сознания и личности как виновников целесообразности мира.

По первому пункту указывают на частые явления мира, не имеющие целесообразности. На это апологетика отвечает, что нередко мы не видим, не понимаем цели и смысла некоторых явлений, но это не значит, что цели и смысла в этих явлениях вообще нет.

По второму возражению апологетика отмечает, что как целесообразность создания машины не может быть объяснена случайностью и требует признания наличия сознания, создавшего целесообразную

машину, так и целесообразность самого сознания и, наконец, целесообразность всей Вселенной невозможно объяснить случайностью.

По третьему возражению апологетика говорит, что только разумному, сознательному, личному Существу может быть обязано своим происхождением целесообразное творение. Наблюдая целесообразное устройство мира, мы заключаем о сознательном Виновнике мира с умом, которому предназначалась идея целесообразного устройства мира, с волей, которая стремилась к осуществлению этой идеи, и с силой, которая осуществила эту идею в реальном бытии мира. Иногда в качестве контр-примера указывают на инстинктивную деятельность животных без цели. Это неверно! Животное действует без осознания цели своего действия, но не без цели. Оно действует сообразно с не сознаваемой им целью.

Онтологическое (онтология от греч. *on*, род.п. *ontos* — сущее и *logos* — понятие, учение) — это внутреннее доказательство, так как основывается на нашем внутреннем опыте. Основная мысль этого доказательства заключается в том, что в присущей нам идее Высшего всесовершенного и бесконечного существа обязательно содержится идея о реальности этого существа, ибо всесовершенное не может не быть реальным... Мы не можем представить Всесовершенное существо не существующим, как не можем представить треугольник не треугольным.

Нравственное доказательство может быть практическим и теоретическим. Практическое доказательство — это то, что вера в Бога содействует улучшению нравственности, тогда как атеизм приводит обычно к падению морали. Когда мыслящие атеисты серьезно смотрят на жизнь и видят, что в ней творится, особенно в наше время, то говорят вслед за Вольтером: «Если Бога нет, то его надо выдумать». Иначе кто остановит поток преступности? Тюрьмы? Газеты? Они только еще больше развращают.

Существуют и теоретические, или так называемые научно-философские способы нравственного доказательства бытия Божия. Раз есть нравственный закон (а он не может быть выдумкой, потому что действует часто помимо нашей воли) — значит, есть и его Основатель. Тщательный анализ нравственного сознания человека показывает нам, что, имея свободу действий, человек испытывает духовное удовлетворение от сознания выполненного долга.

Иными словами, свобода человеческой воли ограждается от произвола наличием стоящего выше нее нравственного закона, который одобряет или порицает ее действия. Человек, имеющий свободную волю, тем не менее чувствует над собою этот закон как безусловную повелевающую силу. Следовательно, не сам человек создал этот закон и поставил его над собою.

Если мы серьезно будем стремиться узнать Бога, Он нам откроется; искать же Бога ради забавы — это не религиозное чувство, и, следовательно, поиски сразу обречены на неудачу.

ВОПРОСЫ

1. Что называется апологетической литературой?
2. Что, согласно апологетике, представляет собой закон причинности?

ВО ЧТО ВЕРИЛИ ДРЕВНИЕ СЛАВЯНЕ?

12

С незапамятных времен многочисленные реки, пересекавшие по всем направлениям Русь, содействовали этническому и государственному единству славянских племен, которые проживали на огромных просторах по берегам этих рек. Можно предположить, что славяне не ссорились из-за земли, которой было так много, что можно было свободно расселиться без обиды друг на друга.

Однако славянским племенам постоянно приходилось отбиваться от разных кочевых народов, степных варваров и звероловов, ордами блуждавших в лесах. Угроза вторжения неприятеля, как и удобное, легкое сообщение по рекам, помогала племенам, жившим оседло, стремиться к объединению. Эти условия жизни отражались на характере населения, делая его осторожным, осмотрительным, думающим о своей жизни и готовым к взаимопомощи.

Славянские племена жили родами. В начале истории государства не семья была основной ячейкой, а род, состоявший из нескольких родственных семей и крепко державшийся вокруг своего главы.

При дальнейшем развитии совместной жизни славянских племен и при возникновении больших городов род стал терять место главной социальной ячейки; его роль стала постепенно переходить к семье как более эластичной и меньшей по количеству членов ячейке. Но и в семье оставались общие рамки внутренних взаимоотношений, унаследованные от родовой жизни.

Чужеземцы, посещавшие Русь, отмечали нравственность славян, их доброту, гостеприимство, отсутствие лукавства. Некоторые из путешественников хвалили обхождение восточных славян с пленными, которым оставляли жизнь, и отмечали, что у славян пленные работали не постоянно, как у других народов, — после известного срока их освобождали. Славяне стойко воевали, защищая свою территорию, способны были на большие жертвы, но не были агрессивны и жестоки по отношению к соседям.

Посмотрим теперь, во что верили славяне в этот древний период роста государственного сознания.

В те годы на Руси было небольшое количество христиан, и хотя существовали христианские храмы, в целом торжествовало язычество, идолопоклонство, истоки которого лежат в глубокой древности. У разных племен существовали свои местные боги, но повсюду почитали таких богов, как Перун, Велес, Сварог, Стрибог, Хорс, Ярило, Макошь. Эти божества олицетворяли силы природы, то есть видимые и осязаемые силы — солнце, ветер, плодородие, заботу о скоте и т. д.

Обратим внимание на то, что славяне почитали и невидимых, но опекающих их «нематериальных» божеств, или, правильнее сказать, «духов». К ним относились и домовый, и леший, и водяной, и чуры (то есть предки) и др. Вера в невидимые существа, несомненно, помогла славянам беспрепятственно принять христианские понятия об ангелах-хранителях и о святых небесных покровителях отдельного человека или всей семьи. Кстати, по сей день это сохранилось в сербских семьях, празднующих «славу», то есть день святого покровителя семьи.

Трудно сказать, насколько крепка была вера в эти силы природы и в невидимых духов. В жертву идолам приносили, главным образом, быков, свиней и кур, о чем свидетельствуют современные раскопки тех

мест, где стояли идолы. Можно предполагать, что жертвоприношения совершались после победы над врагом, в день весеннего равноденствия, после снятия урожая и в другие дни.

ВОПРОСЫ

1. Каково было отношение славян к соседям?
2. Во что верили славяне-язычники?
3. Что вы можете сказать о вере славян в невидимых духов?

В ЧЕМ ВИДЕЛ СМЫСЛ ЖИЗНИ

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ВЛАДИМИР?

13

Родился князь Владимир в 963 году. Отцом его был князь Святослав Игоревич — внук Рюрика. Первые князья до Владимира были неоспоримыми историческими личностями, но по своему характеру и поведению князья Рюрик, Олег, Игорь, Святослав и княгиня Ольга значительно отличались от князя Владимира и его потомков. Эти князья стремились к походам, к завоеванию соседей, сурово относились к мирному населению. Они княжили, но державой своей мало интересовались.

Княгиня Ольга, бабушка князя Владимира, в последние годы своего княжения уже была христианкой. Можно полагать, что и люди, окружавшие ее, были христианами. В то время в Киеве уже существовали христианские церкви. Исходя из этого можно заключить, что князь Владимир с детства был знаком с христианством.

Жизнь князя Владимира распадается на два периода: до и после крещения. Первый период был очень коротким — до 25-летнего возраста. В течение его князь Владимир ничего резко не менял в жизни страны. Язычеству он скорее покровительствовал и, на удивление христиан, даже воздвигал новых истуканов.

Если он и склонялся к христианству, то все же ему предстояло прежде освоиться с новым положением в Киеве, наладить взаимоотношения с другими городами и со славянскими племенами между Киевом и Новгородом. Новгородская дружина и варяги были язычниками. Владимиру предстояло собрать вокруг себя доверенных лиц и помощников в государственных делах, на которых можно было бы опереться при воплощении в жизнь каких-либо реформ.

В вопросах религии главою была, вероятно, каста почитаемых жрецов; действовали языческие традиции и обряды поклонения идолам, существовали и упрямые последователи старой религии. Мог ли новый, молодой князь, пришедший из Новгорода, сразу переделать все?! Тем более что носителям власти полагалось и определенное поведение, включая многоженство. В преданиях говорится, что Владимир в начале своего княжения покровительствовал идолопоклонству и имел шесть «воженных» жен.

В чем видел смысл жизни этот великий князь? Поддался ли он искушению богатством, неограниченными возможностями и беспредельной властью? Нет, все это не пленяло его! Первые годы его правления прошли в походах. Довлела над князем и оборона от печенегов, сидевших в южных степях. Шла торговля с севером и югом по речной системе «из варяг в греки».

Мудрое правление и военные успехи, несомненно, подняли престиж молодого Владимира. Победы окрыляют народ и создают ореол славы вокруг вождя.

Итак, в течение первого периода своего правления князь Владимир прославлял языческих богов, устанавливая их изображения, вырезанные из дубовых коряжей. Главным среди них был Перун с серебряной головой и золотыми усами. В Перунов день этому идолу киевляне приносили жертвы.

Но однажды жребий пал на христианского юношу-варяга Ивана, и когда княжеские люди пришли к его отцу требовать обреченного на смерть сына, услышали неслыханно дерзкий ответ: «Ваши боги — дерево! Сегодня стоят, а завтра сгниют». И еще он сказал, что гром, молния, ветер, светила, которых язычники почитают как богов, сами Богом созданы, сами лишь творения Творца Всемогущего. И что язычники за

творением не видят Творца... Страшны и непонятны были язычникам слова христианина.

Расвирепевшая толпа убила и отца, и сына. Но переданный князю ответ варяга заставил Владимира задуматься.

И раньше князь Владимир размышлял о языческих богах. Известно ему было, что ни могущественная Византия, ни Рим давно не поклоняются им. Бабку свою, мудрую княгиню Ольгу — христианку, не раз вспоминал...

А тут стали к Владимиру приходять послы из разных стран, каждый склоняет свою веру принять. Пришел и греческий проповедник. Рассказал киевскому князю, что Бог один, а не множество, как считают язычники. Один, но три лика имеет, три разные и нераздельные ипостаси: Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой. Что истинный христианский Бог вечен и бесконечен, а языческие боги временны оттого, что когда-то их не было, значит, и конец им придет.

Много неясного услышал от грека Владимир. Как представить себе, что Бог один, а не множество? Единый, но в трех лицах? Как признать, что всего лишь простому дереву поклонялись веками? Кто поверит?

Грек показал князю икону с изображением Страшного Суда. На иконе той жившие по правде, по заветам Бога христианского, были изображены справа и радостно шествовали в рай. Слева стояли грешники, обреченные на вечные муки. «Хорошо тем, кто по правую руку, — сказал князь, — худо тем, кто по левую». «Крестись, если хочешь быть по правой стороне», — ответил проповедник. «Подожду еще», — сказал Владимир.

ВОПРОСЫ

1. Поддался ли князь Владимир искушению богатством и беспредельной властью? В чем он видел смысл жизни в первый период своего княжения?
2. Почему ответ варяга-христианина заставил князя задуматься?
3. О чем рассказал князю Владимиру греческий проповедник?
4. Какую веру и почему выбрали бы вы, если бы были на месте князя Владимира? А быть может, вы выбрали бы атеизм?

14

ВЫБОР ВЕРЫ

Постараемся перенестись в те далекие годы и представить себе религиозные вопросы, которые могли волновать князя Владимира, беседы, которые велись с друзьями, старшими дружинниками, влиятельными киевлянами и другими соратниками молодого, энергичного, одаренного недюжинными способностями князя.

Христианское учение говорит о любви, о едином Боге, создавшем мир и человека. Бог любит людей, как Своих детей, и требует от них любить друг друга, помогать и заботиться, а не мстить! Особенно было трудно понять, что Бог требует любить не только ближних, но и врагов! Не всем это понятно и в наши дни, но со временем, возможно, все люди поймут, что жить можно только в мире друг с другом!

Христианский Бог дал заповеди Своим детям — людям. Исполняя заповеди, человек становится праведным, имея надежду попасть в рай. В христианстве важно исполнение заповедей, а не обычаев и ритуалов! Значит, человек своим стремлением к добру может стать лучше, добродетельнее и отзывчивее! Человек сам хозяин своей судьбы. Вот как возвысил Бог человека, призывая его стать Своим сыном, а не рабом мертвых правил! В христианстве нет никаких предопределений — человек сам себе хозяин. Как это величественно и справедливо!

Христианские заповеди нетрудные и понятные. Люби отца своего и мать свою. Это и у славян всегда было, это они легко примут. Не кради, не убивай, не присваивай чужого — все это тоже очень правильно и понятно! Если исполняешь Заповеди Божии, получишь награду. Если же лукавишь, то такой ответ придется дать, от которого не увильнешь и не откупишься обрядами. Твои судьи — совесть и Бог, Который все видит и знает! От суда своей совести не уйдешь! Перед Богом можно каяться и просить прощения! Далее христианство учит человека сдерживать свои дурные наклонности, отказываться от того, чего хочется, во имя заботы о других и о семье. Такие люди, воспитанные христианской верой, умеющие властвовать над своими желаниями и страстями,

с закаленным характером, с твердой волей, нужны в каждой стране. Им можно доверять!

Отказаться от многоженства во имя сплоченной семьи? Я сам это сделаю, чтобы показать пример другим. Без крепкой семьи не может быть крепкого государства. Семья — это основная ячейка в государстве. Работать над собой, развивать свои дарования, «свои таланты», как говорит главная христианская книга — Евангелие. Как это правильно и нужно каждому человеку! У нас много одаренных людей! Они должны учиться, трудиться, совершенствоваться...

Христос проповедует скромность и отрицает гордость. Требуется заботы о бедных. Я сам это буду делать! Буду заботиться о несчастных, правильно судить и не гордиться тем, что я князь.

Время шло, а киевский князь не решался переменить веру. Размышлял, советовался со старейшинами, отправлял послов смотреть, где и как проходят богослужения. И опять вспоминал мудрую бабушку свою, которая избрала веру христианскую. Не давала покоя смелость и дерзость варягов-христиан Ивана и Федора, которые за Бога христианского приняли мученическую смерть...

Однажды, когда князь со старейшинами выслушивали рассказы послов о разных верах, бояре сказали: «Если бы плоха была вера греческая, не приняла бы ее Ольга, бабка твоя, мудрейшая из всех людей!»

И решил князь: «Крещусь!» Да снова медлил. Возможно, смушало Владимира, что, принимая веру из чужой страны Византии, он станет зависимым от нее, подневольным. И решил Владимир прежде стать равным византийскому императору.

Вторгся он в византийские владения в Крыму и осадил город Корсунь (Херсонес). Дружинники его начали насыпать к городской стене землю, чтобы по насыпи войти в город. А жители города подвели под стену подкоп и выбирали всю насыпанную землю. Тогда один из жителей города, некий Анастас, пустил в стан Владимира стрелу с запиской: «Перекопай и перейми воду из колодца. Из него по трубе идет вода в город». Прочитав записку, Владимир сказал: «Если от этого Корсунь сдастся, то я крещусь».

Корсунь была взята! И оттуда — уже победителем — Владимир продиктовал свои условия византийскому императору, потребовал отдать за него сестру: «Коли не отдадите ее за меня, то и с Царьградом сделаю

то же, что с Корсунью». Встревоженный византийский император ответил: «Недостойно христианке выходить за язычника. Крестись, тогда дадим тебе невесту».

С этим Владимир согласился и объявил о желании креститься: «Пусть те священники, которые придут с сестрой вашей, крестят меня».

Да, может, снова не окончательным было решение, это и понятно — трудно решиться переменить веру. Но тут свершилось чудо. По преданию, Владимир неожиданно ослеп. Царевна послала сказать ему: «Если хочешь избавиться от болезни — крестись».

«Если так случится, — решил Владимир, — то поистине велик Бог христианский». Во время крещения князь прозрел...

Слепоту и прозрение князя толковали как символ перехода от языческой тьмы к свету христианской жизни. При крещении человек будто вновь рождается, начинает жить по законам новой жизни. Даже имя получает новое. Князю Владимиру дали имя Василий.

ВОПРОСЫ

1. Что положительного видел князь Владимир в христианстве?
2. Почему исполнение заповедей важнее, чем исполнение обычаев и ритуалов? Смогли бы вы на месте князя Владимира провести такой анализ заповедей? Попробуйте!
3. Обратите внимание на то обстоятельство, что князь Владимир не только теоретически изучал суть христианства, но и сразу делал практический вывод: «Я сам буду это делать!» Сколько лет тогда было князю?
4. Почему князь медлил креститься?
5. Как вы думаете, почему таким важным для Руси стало крещение князя Владимира? Если вы крещены, то имело ли это для вас какое-нибудь последствие?

Уже на пути из Корсуни в Киев князь Владимир доказал, как христианство влияет на людей и смягчает характер человека. Отказавшись от многоженства, он отправил дружинников-вестников к каждой своей «воженной» жене объявить, что по христианскому закону ему разрешено иметь только одну жену, поэтому он всем им дает свободу и позволяет, если они захотят, выйти замуж за любого дружинника.

Это была неслыханная для тех времен гуманность! В те времена обыкновенно нелюбимых жен убивали. Его милостивое отношение к женам, конечно, стало сразу же известно в народе.

Интересно и другое историческое событие. Старшая жена Рогнеда послала ему «гордый», но смягченный кротостью и смирением ответ. Она велела передать князю, что его милости не приемлет, ни за какого дружинника замуж не выйдет, но и мстить ему не будет, так как сама она уже христианка и поэтому уйдет в монастырь.

Так она и сделала! И мать старших сыновей князя Владимира — Изяслава, Ярослава, Мстислава и дочери Предславы — приняла монашеский постриг и получила имя Анастасия. Следует обратить внимание на то, что тогда, в канун Крещения Руси, под Киевом уже существовал женский монастырь.

Эти два примера (князь Владимир дал свободу женам, а не умертвил их, и Рогнеда, несмотря на забываемую обиду, не мстила, а кротко пошла в монастырь) показывают, как христианство коренным образом меняет человека и его характер, мысли и желания и заставляет его сдерживаться и не поддаваться искушениям.

Вернувшись в Киев, князь Владимир крестил своих детей, и тогда начались регулярные проповеди христианской веры. Их вели и сам князь, и греческие священники, особенно из Корсуни, говорившие на славянских языках, и болгарские священники с реки Дуная, и те дружинники, которые уже давно, как Рогнеда, приняли христианство.

Говорили они, вероятно, о Всемогущем Боге Творце, о любви к ближнему и к врагам, о том, что только христиане, исполняющие Заповеди Божии, могут создать и сохранить мир на земле своим смиренным и кротким поведением и своими молитвами Премудрому и Милостивому Богу. Говорили и о том, как надо молиться, приводя в пример молитву «Отче наш», данную Иисусом Христом, в которой есть такая просьба, связанная с обещанием: «...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должникам нашим», то есть о необходимости милостиво и с любовью подходить ко всем людям. Говорили, конечно, и о Страшном Суде, и об участи грешников в аду.

Все эти убедительные проповеди должны были запасть в душу людям впечатлительным и ищущим, а таких в славянских народах всегда было много. Спокойный подход, проповеди и убеждения создали такую обстановку, что почти без сопротивления произошло величайшее историческое событие — Крещение Руси в 988 году.

Идолы были низвергнуты, изрублены и сожжены. После этого князь объявил: «Если кто, богатый или бедный, нищий или раб, не окажется завтра на реке, тот будет против меня».

«И утром вышел Владимир со священниками на Днепр. И собралось людей без числа: вошли в воду и стояли, одни по шею, другие по грудь, дети же у берега, другие же держали детей. Уже крестившиеся ходили около них, а священники, стоя, творили молитвы. И надо было видеть радость на небесах и на земле о спасении стольких душ». Так описывает летопись это великое событие.

ВОПРОСЫ

1. На примере князя Владимира расскажите, как христианство влияет на характер человека.
2. Как распорядилась Рогнеда с предоставленной ей князем свободой? Как христианство повлияло на ее характер?
3. Историки отмечают, что христианские проповеди были адресованы людям ищущим. А есть ли такие люди в вашем классе? Мысленно перечислите их!
4. В каком году произошло Крещение Руси? Как описывает это великое событие летопись?

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

16

Каждый из нас — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память о прошлом, человек губит часть своей личности. Трагедия Октябрьской революции 1917 года в немалой степени заключается в том, что прошлое было «отменено навсегда», а основной задачей считалось создание принципиально нового общества — советского. Причем общество это должно было сформироваться на новом месте, без корней в прошлом, без центрального стержня, на котором держалось общество наших предков, — без религии.

Конечно, такая идеология не могла долго просуществовать. Дерево без корней не принесет плодов. Религия — неотъемная часть истории русского народа, часть его самосознания и культуры. В этом нетрудно убедиться на примере возникновения древнерусской литературы.

«Если считать, что христианство не могло быть введено на Руси без широко развитой письменности, без книг, необходимых для совершения богослужения, для монастырской жизни, — писал известный русский ученый-литературовед Д.С. Лихачев, — без переводов на понятный для русских литературный язык, то мы с уверенностью можем отмечать тысячелетие русской литературы в восьмидесяти годах нынешнего столетия».

Считается, что русская литература возникла внезапно. Стремительный скачок в развитии литературы произошел одновременно с появлением на Руси христианства и Церкви, потребовавших письменности и церковной литературы. Однако он был подготовлен всем предшествующим культурным развитием русского народа.

Всякая литература создает свой мир, воплощая мир представлений современного ей общества. Д.С. Лихачев отмечает, что чувство значительности происходящего, значительности всего временного, значительности истории человеческого бытия не покидало древнерусского человека ни в жизни, ни в искусстве, ни в литературе. Также внезапно возникло русское храмовое зодчество, музыка, живопись.

Человек, живя в мире, помнил о мире в целом как огромном единстве, ощущал свое место в этом мире. Его дом располагался красным углом* на восток. По смерти его клали в могилу головой на запад, чтобы лицом он встречал солнце. Его церкви были обращены алтарями навстречу возникающему дню. В храме росписи напоминали ему о событиях Ветхого и Нового Завета, собирали вокруг него мир святости: святых воинов внизу, мучеников повыше; в куполе изображалась сцена вознесения Христа, на парусах сводов, поддерживающих купол, — евангелисты и т. д.

Церковь была микромиром, и вместе с тем она была макрочеловеком. У нее была глава, под головой шея барабана, плечи. Окна были глазами храма (об этом свидетельствует сама этимология слова «окно»). Над окнами были «бровки».

Большой мир и малый, вселенная и человек! Все взаимосвязано, все значительно, все напоминает человеку о смысле его существования, о величии мира и значительности в нем судьбы человека. Древнерусское искусство было исключительно церковным. Все свои глубинные искания, все томления, все «души прекрасные порывы» русский человек приносил в церковь. И вопросы находили ответы, а «порывы» воплощались в красоту в камне, живописи, музыке.

Книги начали привозить на Русь из христианских стран — Византии, Греции, но в основном — из Болгарии. Древнеболгарский (старославянский) и древнерусский языки были похожи, и Русь могла пользоваться славянским алфавитом (азбукой), созданным братьями Кириллом и Мефодием.

Жили братья в IX веке, родились в городе Солуне, в Македонии. Сначала старший — Мефодий, а позже и младший — Константин, приняли монашество. Константин получил в монашестве имя Кирилл. Братья проводили свои дни в молитве и изучении Священного Писания. Читали книги на греческом и латинском языках. Они стали известными своей образованностью, ученостью и были направлены патриархом Фотием проповедовать Священное Писание среди славянских народов.

Они хорошо знали славянские языки и могли проповедовать на языке, понятном этим народам. Не довольствуясь лишь устной про-

* Красный угол — угол в доме, где находятся иконы.

поведью, Кирилл создал славянский алфавит и перевел на славянский язык Евангелие. Позже братья перевели и другие богослужебные книги, ввели среди славянских народов богослужение на церковно-славянском языке.

Потребность в книгах на Руси во времена принятия христианства была очень велика, но книг было мало. Процесс переписки книг был долгим и сложным. Первые книги писались так называемым уставом, точнее, не писались, а рисовались. Каждая буква вырисовывалась отдельно от другой. Слитное письмо (скоропись) появилось лишь в XV веке.

Издавна любили на Руси читать и слушать чтение книг. Кроме библейских повествований, любимым чтением были сочинения отцов Церкви — римских и византийских богословов, святоотеческая литература. В сочинениях византийских богословов Иоанна Златоуста (344—407), Василия Великого (330—379), Григория Богослова (320—390), Ефрема Сирина (умер в 373 году) растолковывались основы христианства, люди наставлялись в христианских добродетелях.

Но особенно любили читать жития святых — агиографию (от греч. *hagios* — святой и *grapho* — пишу). Жития — это повествования о людях, которые в жизни своей неуклонно следовали Заповедям Христа, шли по пути, Им указанному, не отступали от него вопреки всем испытаниям и тяжести этого пути. Составляли жития лишь после смерти человека, при условии его канонизации — признания Церковью его святости. Уже в Киевской Руси многим были известны византийские жития Алексия человека Божия, Ирины, Антония Великого...

Появились на Руси и апокрифы (от греч. *apokryphos* — тайный). Апокрифы — предания, которые не вошли в канонические библейские книги, так как были объявлены Церковью неточными. Стали известны многочисленные апокрифические Евангелия, рассказы о детстве и юности Христа, о жизни Богородицы.

Древнейшая русская книга, сохранившаяся до наших дней, — это Евангелие. Переведена эта книга была в 1056—1057 годах по заказу новгородского посадника Остромира, потому и называется — Остромирово Евангелие.

ВОПРОСЫ

1. Как, по вашему мнению, должны соотноситься мода и традиция в вашей жизни?
2. Как и когда родилась русская литература?
3. Что влияло на поступки людей, на определение их образа жизни в произведениях древнерусской литературы?
4. Постарайтесь проанализировать на известных вам примерах отношение разных народов к своим традициям.

17

ВОПРОС О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЖИВОПИСИ

К сожалению, технически невозможно воспроизвести в книге все великолепие русских икон и фресок. Однако приводимый ниже отрывок из книги Е. Трубецкого «Умозрение в красках» столь живописен и точен, что позволит понять суть поставленного вопроса.

«В течение многих лет я находился под сильным впечатлением знаменитой фрески Васнецова «Радость праведных о Господе» в киевском соборе св. Владимира (этюды к этой фреске имеются, как известно, и в Третьяковской галерее в Москве). Признаюсь, что это впечатление несколько ослабело, когда я познакомился с разработкой той же темы в рублевской фреске Успенского собора во Владимире-на-Клязьме. И преимущество этой древней фрески перед творением Васнецова весьма характерно для древней иконописи. У Васнецова полет праведных в рай имеет чересчур естественный характер физического движения. Праведные устремляются в рай не только мыслями, но и всем туловищем. Это, а также болезненно-истерическое выражение некоторых лиц сообщает всему изображению тот слишком реалистичский для храма характер, который ослабляет впечатление.

Совсем другое мы видим в древней фреске в Успенском соборе во Владимире. Там необычайно сосредоточенная сила надежды передается исключительно движением глаз, устремленных вперед. Крестообразно сложенные руки праведных совершенно неподвижны так же, как ноги и туловище. Их шествие в рай выражается исключительно их глазами, в которых не чувствуется истерического восторга, а есть глубокое внутреннее горение и спокойная уверенность в достижении цели.

Но именно этой-то кажущейся физической неподвижностью и передается необычайное напряжение и мощь неуклонно совершающегося духовного подъема — чем неподвижнее тело, тем сильнее и яснее воспринимается тут движение духа, ибо мир телесный становится его прозрачной оболочкой. И именно в том, что духовная жизнь передается одними глазами совершенно неподвижного облика, символически выражается необычайная сила и власть духа над телом. Получается впечатление, точно вся телесная жизнь замерла в ожидании высшего откровения, к которому она прислушивается. И иначе его услышать нельзя — нужно, чтобы сначала прозвучал призыв «да молчит всякая плоть человеческая». И только тогда, когда этот призыв доходит до нашего слуха, человеческий облик одухотворяется. У него отверзаются очи! Они не только открыты для другого мира, но и отверзают его другим. Именно это сочетание совершенной неподвижности тела и духовного смысла очей, часто повторяющееся в высших созданиях нашей иконописи, производит потрясающее впечатление.

А. Шопенгауэру принадлежит замечательно верное изречение, что к великим произведениям живописи нужно относиться как к высочайшим особам. Было бы дерзостью, если бы мы сами первые с ними заговорили, вместо того нужно почтительно стоять перед ними и ждать, пока они удостоят нас с ними заговорить.

По отношению к иконе это изречение сугубо верно именно потому, что икона — больше, чем искусство. Ждать, чтобы она с нами заговорила, приходится долго. В особенности ввиду того огромного расстояния, которое нас от нее отделяет».

Подведем краткий итог материала, рассмотренного в двух последних разделах.

В новом плане бытия закон взаимного пожирания существ побеждается в самом своем корне, в человеческом сердце, через любовь и сострадание.

ВОПРОСЫ

1. Почему на фреске Васнецова Е. Трубецкому не понравилось то, что праведники «устремляются в рай не только мыслями, но и всем туловищем»?
2. Своими словами объясните, как вы понимаете изречение Шопенгауэра о том, что к великим произведениям живописи нужно относиться как к высочайшим особам.
3. Попробуйте прокомментировать мысль Е. Трубецкого, что «икона — больше, чем искусство».
4. Верующие говорят, глядя на святыню: нужно питать в себе надежду, что ее благодатная сила очистит тернии наших страстей. Попробуйте и вы внимательно всмотреться в образ Спасителя на какой-нибудь старой иконе.

18

СОВРЕМЕННОСТЬ —

ЭТО ИТОГ ПРОШЛОЙ ИСТОРИИ.

СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО

Летопись — жанр древнерусской литературы. Это был один из первых оригинальных жанров русской литературы, который перестал использоваться в XVII веке по завершении древнерусского периода литературы. Русские летописи немного напоминают византийские хроники. Это исторические повествования о днях прошлых и рассказ о современных событиях. Хронист, а часто и летописец начинают рассказ с давних библейских времен, с самого начала, от сотворения мира.

Но в хронике события располагаются по царствованиям, а в летописи — по годам. Для летописца важна не продолжительность правления, а последовательность событий. Каждая летописная статья начинается словами: «В лето...», затем называется год от сотворения мира и излагаются события этого года.

Зачем же начинать рассказ с тех давних времен? Для чего повторять в каждой летописи давно известные всем события? Кому же интересно читать одно и то же? А сколько уходило времени на переписку Библии и ранних летописных сводов! Зачем и для чего? Писали бы сразу о событиях своего времени, о которых еще никто не успел рассказать, как в современных газетах.

Нет, не мог так строить свой труд древний летописец! Оттого что у древнерусского книжника был христианский взгляд на историю. Летописец, как правило монах, не мог жить вне христианского мира, христианской традиции. А это означает, что в событиях настоящего для него соединялись прошлые и будущие времена. Современность — итог прошлой истории, и от сегодняшних поступков людей, событий будет зависеть будущее спасение человека и страны или их гибель.

Древнейшая из дошедших до нас летописей — «Повесть временных лет». Составил ее монах Киево-Печерского монастыря Нестор в начале XII века.

О чем только ни говорит Нестор в своей летописи, о чем ни размышляет! Все это разнообразие событий, тем, жанров служит определенной цели — помогает летописцу рассказать об истории Руси, ее пути от тьмы к свету — от язычества к христианству. На исторические события летописец смотрит с точки зрения христианской морали, видит в истории и в делах людей борьбу двух начал — света и тьмы, Бога и дьявола.

Вот и получается, по Нестору, что далекое прошлое живет в настоящем и от настоящего зависит будущее. За грех в настоящем последует наказание в будущем — так было не раз, так случилось и в 1068 году: «Пришли иноплеменики на русскую землю, половцев множество. Навел на нас Бог поганых за грехи наши».

Но мог ли великий летописец хоть на мгновение предположить, что самое страшное еще впереди? Что России еще предстоит исторический прыжок в бездну, который будет совершен в октябре 1917 года? Что именно в России впервые в мире будет объявлено, что прошлого больше нет и не будет, оно попросту отменяется, а отныне создается новая общность людей.

Проблеме добра и зла в нашей книге уделено немало внимания. На разных примерах мы видели, каков подход к этой проблеме у христианства. Марксизм предложил иной — безрелигиозный подход искоренения зла.

Критику общества Карл Маркс (1818—1883) как раз и начал с религии. Он считал религию обманом, к которому люди прибегают, желая преодолеть свои невзгоды. Марксизм предлагает активно сопротивляться злу — противостоять социальным порокам (нищете, безработице, неравенству и т. д.).

Здесь, однако, сразу возникает вопрос по существу — как сопротивляться, как противостоять? Атеистическое мировоззрение в частности определяет, что марксизм-ленинизм — это наука о «законах революционной борьбы рабочего класса, трудящихся за свержение капитализма, построение социалистического и коммунистического общества».

Суть коллективистской морали проста — интересы какой-либо общности (в данном случае рабочего класса) ставятся выше интересов отдельной личности и человечества в целом.

Здесь полезно вспомнить, что тоталитарный режим — это политический строй, при котором государственная власть в обществе сосредоточена в руках какой-либо одной группы (обычно политической партии), при-

чем исключается возможность возникновения политической оппозиции, жизнь общества подчинена интересам этой группы, а ее власть сохраняется благодаря духовному порабощению населения и(или) насильно.

На основе этих определений легко сделать следующий вывод — в нашей стране в XX веке более семидесяти лет существовал коммунистический тоталитаризм.

Теоретической предпосылкой этого тоталитаризма являлось моделирование общества, в котором нет места злу. Идеал коммунизма в массовом сознании принимал форму царства небесного на земле. Его наступление предполагалось в обозримом и даже скором будущем, а в качестве условий его приближения признавались объединенные усилия людей, их энтузиазм и безграничная вера в конечное торжество коммунистической идеи.

Другим краеугольным камнем тоталитаризма стала вера в безграничные возможности человека, включая его способность легко изжить в себе пороки и недостатки по мере совершенствования общественного устройства.

Однако эти установки оказались утопичными и в силу этого — чрезвычайно опасными. Когда спустя несколько лет после начала коммунистического эксперимента ожидания людей не оправдались, они стали задумываться о причинах неутешительных результатов. И тогда стали проявляться негативные свойства коллективистской морали. Построенная на жестком делении людей на своих (хороших, добрых) и чужих (плохих, злых), на праве судить преимущественно других, а не себя, она породила истерию нетерпимости к инакомыслящим и инакодействующим. Последние объявлялись врагами и вредителями, по отношению к ним начали применять массовое насилие и террор.

Если подавить у человека любовь к собственности, не развив в нем более высоких мотивов к труду, если отнять у мыслителя честолюбие, не заменив его чистой любовью к истине, то в душе человека образуется пустота, лень и тупое безразличие; вместо восхождения вверх получится падение.

Н.О. Лосский

Нет ничего более злого, чем стремление осуществить во что бы то ни стало благо.

Добрые для победы над злыми делаются злыми и не верят в другие способы борьбы со злыми, кроме злых способов.

Н.А. Бердяев

Нетерпимость к действительному или мнимому злу вылилась в уничтожение живых, по большей части ни в чем не повинных людей. Так учение, которое пришло спасти мир, столь высоко вознесло человека, что, преломившись в массовом сознании, стало губить и мир, и самого человека.

«Новый» мир, возникший в результате великого греха, оказался истине перевернутым миром. **Однако возникает естественный вопрос — каким образом оказалось возможным обвести вокруг пальца, одурманить на многие годы и подвергнуть неслыханному, безнаказанному террору, вплоть до геноцида, многомиллионный народ и беспрепятственно построить грандиозное царство лжи и зла? Почему оказалось возможным извратить все представления о черном и белом, о высоком и низком, о добре и зле? Такого извращенного сознания и в таких масштабах не знала история! Быть может, это было коллективное помрачение людей, ввергнутых во тьму, в мир без Бога?**

ВОПРОСЫ

1. Что такое летопись? Чем она отличается от хроники?
2. Как называется древнейшая из дошедших до нас русских летописей? Кто ее автор?
3. Если современность — это итог прошлой истории, то почему в России была возможна революция 1917 года?
4. Как вы думаете, влияет ли зло, совершенное отдельным человеком, на его дальнейшую жизнь?

**ДУХОВНАЯ
ПРИРОДА
ЧЕЛОВЕКА**

5

1 ДУХОВНАЯ ЖАЖДА —

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ЧЕЛОВЕКА

Сколько бы ни проходило лет, и не только лет, а столетий, удивительные слова пушкинского стихотворения «Пророк» остаются как бы эпиграфом к судьбе человека на земле: «Духовной жаждою томим...»

Сменяют одна другую цивилизации, изменяются формы жизни, меняется лицо земли, но неистребимой, неутолимой остается духовная жажда: драгоценный, а вместе с тем и мучительный дар, данный на земле только человеку как признак и как сущность самой его человечности.

Драгоценный потому, что влечет человека всегда ввысь, не дает ему успокоиться в одном животном счастье, приобщает его к высшим, ни с чем не сравнимым радостям. Мучительный потому, что так часто противоречит его земным инстинктам, делает всю его жизнь борьбой, исканием, тревогой.

Почти все в мире как бы говорит человеку: откажись от духовной жажды, отрекись от нее, и будешь сытым, здоровым и счастливым. Как сказал на заре прошлого века А. Блок: «Будьте же довольны жизнью своей, тише воды, ниже травы...» И вот возникают целые идеологии, построенные на отказе и отречении от духовной жажды, на ненависти к ней. Идеологии, всеми силами стремящиеся к тому, чтобы человек заглушил в себе самый источник этой жажды, чтобы признал ее иллюзией и самообманом и включился в строительство жизни, уже начисто лишенной какого бы то ни было искания.

Если чем-то и отличен наш XX век от предшествующих, то прежде всего предельным обострением двух противоположных, противостоящих друг другу восприятий человеческой жизни и самого человека. Согласно одному из них человек потому и человек, что есть в нем духовная жажда, искание, высшая тревога. Согласно другому, только заглушив ее, начинает человек свою человеческую судьбу. Все остальное — второстепенно. Ибо только из этого глубинного, первичного вопроса вы-

текает все остальное — политика, экономика, культура, все то, о чем так страстно спорят и во имя чего борются друг с другом люди.

Как запах дыма свидетельствует о том, что где-то горит огонь, даже если мы и не видим его, так и наличие в мире философии и религии несомненно свидетельствует, что в человеке не иссекает духовная жажда, духовное искание...

Выдающийся английский мыслитель Томас Карлейль писал, что в человеке «есть что-то бесконечное, чего он при всей своей хитрости не может похоронить под конечным. Могут ли соединенные усилия всех министров финансов современной Европы сделать хоть одного сапожника счастливым? Они не могут этого сделать, а если и могут, то только на пару часов, потому что у сапожника есть душа. И требования ее совсем иные, нежели требования его желудка.

Не говорите поэтому о целых океанах дорогого вина; для сапожника с вечной душой это все равно что ничего! Не успеет океан наполниться, как человек станет роптать, что вино могло бы быть еще лучше. Попробуйте подарить человеку полмира, и вы увидите, что он затеет ссору с владельцем второй половины и будет утверждать, что его обидели».

О самой духовной жажде, о том, жаждой чего она является, в томлении о чем состоит, исканием чего наполнена, — вот об этом говорить нужно, ибо нет сейчас в мире более важной темы. Стоит мир сейчас как раз на том перепутье, о котором говорил поэт:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И шестикрылый серафим
На перепутье мне явился.

Только бы не изменить духовной жажде, данной нам, только бы открыть глаза и слух к тому ливню света, любви и красоты, что извечно нисходит на нас!

Мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чем воздыхает.

Ф.М. Достоевский

Раз человек желает избавиться от своего жалкого состояния, желает искренне и вполне, — такое желание не может быть безуспешным.

Ф. Петрарка

Человек в собственном сердце своем носит вечное. Стоит ему заглянуть в свое сердце, и он прочтет в нем о вечности.

Т. Карлейль

ВОПРОСЫ

1. Расскажите, как вы понимаете духовную жажду человека. Знакомо ли вам это чувство?
2. Почему духовную жажду называют драгоценным и вместе с тем мучительным даром?
3. А в самом деле, разве человеку недостаточно быть лишь сытым и здоровым? Почему?
4. Какие два противоположных восприятия человеческой жизни и самого человека с особой силой столкнулись в XX веке?

2

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В ПОНИМАНИИ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ

И ХРИСТИАНСТВА.

ПРОБЛЕМА ДУШИ И ТЕЛА

Античные философы, а позднее — учителя христианства (их называют святыми отцами) настойчиво говорят о двойственности или тройственности человека.

С самого начала человек создается как бы из двух стихий.

С одной стороны, Бог берет «персть от земли», то есть материю, и из этой материи создает тело человека. С другой стороны, Бог дарит ему «дыхание жизни». Таким образом, человек по своему телу является частью земли, плотью от плоти земли, по своей душе он является «частицей Божества», как говорит святой Григорий Богослов. В том, что человек получает свою разумную душу из уст Самого Бога, святые отцы усматривают образ Божий в человеке.

Ни одно из животных не получило этого дуновения Божия в свое тело, ни одно из животных не обладает разумной душой. Конечно, у животных тоже есть душа, есть способность любить, способность быть верными. Их верность бывает иногда даже больше, чем верность человека в любви к другому человеку. И все-таки мы никогда не сравним жизнь животных, их существование в поисках пищи и удовлетворения потребностей тела с той жизнью, которой может жить человек благодаря своему разуму, благодаря тому, что святые отцы называли логосом.

Логос означает не только слово, понятие, но также и разум. Это одно из тех греческих слов, которое обладает многими значениями. Так вот, в отличие от животных, человек есть, как говорили святые отцы, повторяя Аристотеля, зоон логикон — в буквальном переводе — животное разумное, животное словесное. Это одно из определений человека, наиболее часто встречающихся в святоотеческой антропологии.

Но надо видеть ту бездну, которая отделяет животное разумное, то есть человека, от животных неразумных. Надо видеть, отмечают учителя христианства, насколько невозможно было бы человеку развиваться из животных каким-то естественным образом. Насколько несостоятельно предполагать, что человек — это, по сути, обезьяна, только с более развитыми умственными способностями. Что-либо более поштное и вульгарное о человеке трудно, наверное, и придумать.

Что такое человек в восприятии, например, восточных религий — индуизма, буддизма? Это одно из перевоплощений души, которая до своего вселения в человеческое тело могла существовать в теле любого животного. Но и после того, как умрет человеческое тело, душа может снова оказаться в теле животного или даже в каком-нибудь растении. Человек сам по себе — это ничто, это некое переходное состояние между другими нестабильными состояниями.

Христианство дает по-настоящему возвышенный образ человека, настолько возвышенный, что мы не можем постичь его своим умом. Человек, сотворенный по образу Божию, является иконой Бога. Само слово икона (от греч. *eikon*) означает изображение, образ. Каждый из нас в своих чертах — в первую очередь в своей душе, да и в теле тоже, — имеет подобие совершенства Творца. Каждый из нас является иконой невидимого Бога. Об этом постоянно говорят святые отцы. А до святых отцов об этом говорил замечательный философ Филон Александрийский (ок. 20 г. до н.э. — ок. 40 г. до н.э.).

Согласно Библии, человек не должен был быть пассивным жителем рая и только наслаждаться в нем блаженством. Человек должен был стать деятелем, подобно тому, как Бог является Деятелем, о чем Сам Христос сказал: «Отец Мой доныне делает, и Я делаю». Бог всегда действует. И человек должен научиться действовать по подобию Божию. Он должен научиться возделывать рай, возделывать землю, все более и более усовершенствовать ее и вместе с тем совершенствовать самого себя, воспитывать свою собственную душу для того, чтобы она достигла подлинного и совершенного богоподобия.

Поэтому святые отцы говорят, что образ Божий — это то, что заложено в человеке с самого начала, а подобие — то, что дано было в по-

тенциале, чего человек должен был достичь своими силами, своим трудом, своей верностью Божиим Заповедям. Цель сотворения человека в том, чтобы человек, благодаря своей последующей жизни, достиг всецелого богоуподобления, чтобы он взошел от образа к подобию.

Человек должен был приобщиться к божественному совершенству и прийти к обладанию всеми божественными свойствами. Он не мог быть создан таким сразу, потому что одной из целей человеческого существования является достижение этих божественных свойств. Одно дело — получить в дар, другое дело — обладать чем-то как своей способностью.

Причем Бог Сам обещал быть его Руководителем, и человеку оставалось только послушно идти за своим Учителем. Маленькие дети, когда они еще неспособны нарисовать букву, вкладывают свою руку в руку матери, и мать выводит эту букву за них. Таким способом постепенно они учатся рисовать и писать.

Точно так же и человек. Если бы он с самого начала пошел по тому пути, какой Творец предначертал ему, то он был бы научен Самим Богом, как ему строить свою жизнь и судьбу. И те знания, которые он получил бы благодаря руководству Бога и собственной верности Ему, остались бы с ним навсегда. Именно они вели бы его всегда по пути все большего и большего совершенства до тех пор, пока человек не уподобился бы Богу.

Но вот произошло то, о чем мы читаем в Библии, в третьей главе Книги Бытия, — отпадение человека от Бога.

Все последующее существование человечества было поиском того пути, следуя по которому можно было бы возвратиться к райскому блаженству, — оно было и есть исполнено тоски по раю.

Согласно христианскому учению, человек может жить так, чтобы один талант, полученный им от Бога, приносил десять талантов, и эти десять талантов возвращать своему Господину.

Но человек может использовать свои творческие способности и против воли Божией. Вместо того, чтобы всей своей жизнью и каждым творческим актом служить Богу, он может попытаться сам для себя здесь, на этой земле, построить некое подобие рая, в котором не будет Бога, но где он надеется обрести счастье. И по сути история человечества как раз является таким бесконечным поиском никогда не достижимого царства Божия на земле.

Примером этого поиска может служить история построения Вавилонской башни. Люди думали, что могут своими силами построить башню, которая достигнет неба, и тогда они воссядут на небесах и будут управлять всем миром. Но, как мы помним, Бог посмеялся над этим намерением людей, потому что оно было абсурдно. Он смешал их языки так, чтобы они перестали понимать друг друга.

Но и до сих пор человечество не перестает вновь и вновь строить вавилонские башни, пытаясь создать царство Божие на земле. Вновь и вновь эти башни рушатся, потому что они построены на песке, у них нет прочного основания. И крушение последней из них — коммунистической — произошло на наших глазах, и мы до сих пор находимся под ее обломками.

Людям было обещано, что через какое-то время, лет через двадцать, настанет человеческий рай. Нужно только окончательно изгнать из мира религию, нужно еще уничтожить тех людей, которые по тем или иным причинам не могут в этот рай войти, и тогда наконец наступит блаженство. Но люди были жестоко обмануты!

Ведь во всякой подобного рода идеологии есть главная ошибка, которая в конечном счете и является причиной разрушения всех вавилонских башен. Эта ошибка заключается в том, что человек — в его теперешнем падшем состоянии — воспринимается как способный жить в раю, как способный достичь блаженства.

Но природа человека искажена, и он утратил возможность вернуться к своему первоначальному райскому существованию. И всякая попытка войти в рай в теперешнем состоянии заранее обречена на провал. Всякая попытка построить рай на земле изначально ошибочна, потому что человек пал и единственный путь возвратиться к Богу — это возвращение через Бога.

ВОПРОСЫ

1. Из каких двух стихий создается человек? Что об этом писали античные философы, учителя христианства?
2. Что такое человек в восприятии атеиста и христианина? В восприятии восточных религий?
3. Что означает слово греческого происхождения «икона»? Прокомментируйте тезис Филона Александрийского о том, что каждый из нас является иконой невидимого Бога. Что вы можете тогда сказать, например, об алкоголиках и наркоманах?
4. Каково, согласно Библии, предназначение человека?
5. Почему нельзя построить рай на земле?

3

ПРОБЛЕМА ДОБРА И ЗЛА*

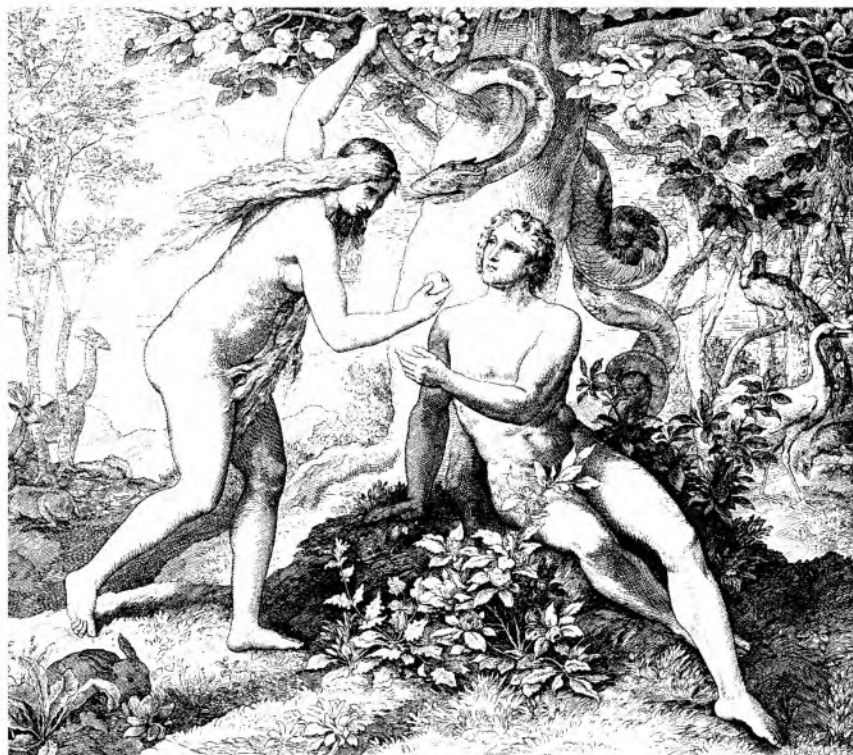
Большинству людей, не склонных к размышлениям на философские и нравственные темы, проблема добра и зла кажется банальной. Общая схема размышлений, если они все же возникают, примерно такова: «Добро — это хорошее, зло — это плохое. Следовательно, к хорошему следует стремиться, а с плохим — бороться».

Следует сразу сказать, что подобный взгляд не только поверхностен, но и весьма рискован и даже опасен. Почему Великая Октябрьская социалистическая революция в 1917 году, задуманная как воплощение рая на земле, на практике оказалась историческим прыжком в бездну? Почему «благие намерения» борьбы со злом «ведут в ад»? Почему у добрых родителей порой вырастают плохие дети?

* При написании этого раздела использовалась книга С. Ласмане, А. Милтс и А. Рубенс «Этика».

Русский философ С.Л. Франк писал, что «все горе и зло, царящие на земле, все потоки пролитой крови и слез, все бедствия, унижения, страдания по меньшей мере на 99 процентов — результат воли к осуществлению добра, фанатичной веры в какие-либо священные принципы, которые надлежит немедленно насадить на земле, и воли к беспощадному истреблению зла».

Пока будет существовать человек, он не перестанет мучительно размышлять над проблемой добра и зла. И первое настоящее испытание людей, обусловившее в дальнейшем весь драматизм человеческой жизни, — это, как мы узнаем из Библии, древо познания добра и зла. Сатана в облике змея, желая посеять в сердце Евы сомнение в искренности Божьей любви, соблазнил ее словами: «В день, в который вы

вкусите плоды древа познания добра и зла, откроются глаза ваши и вы будете как боги, знающие добро и зло».

Четкое определение добра и зла осложняется многозначностью обоих понятий. Более того, поскольку добро и зло столь многообразны, а их взаимные отношения так многогранны, то многие авторы вообще отрицают определения добра и зла. Так, английский философ Д. Юм считал, что добро и зло нельзя различать при помощи разума, ибо деятельность направляется влечениями, а не разумом. Подобные мысли высказывал и Ф.М. Достоевский: «Никогда разум не в силах был определить зло и добро или даже отделить зло от добра хоть приблизительно». Логические позитивисты XX века также не допускают возможности доказать утверждение, что «икс — добр», так как добро нельзя ни увидеть, ни попробовать на вкус, ни потрогать, ни услышать; можно только сказать нечто приблизительноное, общее о жизни.

А поскольку слову добро синонимом является благо, то полезно учесть, что в религиозном учении высшее добро присуще только Богу.

Бог является абсолютным воплощением добра. И так как человек сотворен по образу Божию, то смысл его жизни (или, как говорят христиане, спасение) заключается в стремлении к этому Абсолютному Добру.

Здесь, однако, следует отметить, что проблема спасения возникает **именно в этой жизни**. Христианство утверждает жизнь, но не уход от нее. Суть заключается в **изменении жизни**, даже если это стоит небывалого труда.

Совсем иная позиция в учении буддизма. В нем сама жизнь, само существование есть зло, страдание. Чтобы искоренить это зло, необходимо преодолеть жажду жизни. Освободись от бесконечной цепи причин и следствий, от противопоставления субъекта и объекта, от власти страстей и чувств — и ты будешь избавлен от страданий и зла, достигнешь нирваны, то есть высшего блаженства, рая в душе.

Взаимную борьбу добра и зла человек обычно характеризует упрощенно, представляя зло вне себя. И все-таки наиболее часто «линия фронта» добра и зла находится в самой личности, когда конфликтуют

долг и влечения человека, разум и чувства, человечность и минутная выгода. Добро побуждает принимать во внимание интересы человечества, народа, семьи и людей; зло заставляет подобно эгоцентричному Нарциссу взирать только на собственное отражение и приспособлять все человечество к своим потребностям и интересам, не останавливаясь ни перед какими препятствиями (активный злодей) или отдаваясь жизненному самотеку, конформизму, власти инстинктов (пассивный злодей).

В истории этики зло наиболее часто характеризуется тройко: как глупость (недостаток ума, интеллектуального развития), как слабость (недостаток воли и самостоятельности), как испорченность (непосредственный аморализм).

Зло и в истории этики, и в литературе, и в быту трактуется как нечестность, как проявление темных иррациональных сил, как дисгармония рационального и эмоционального, как подчинение жизни «железному порядку», тирании, где люди только исполнители, автоматы, детали, как изуродованная свободная воля человека, как насилие, грех без покаяния, произвол, как паразитирование за счет добра, как небытие, стремление к разрушению, уничтожению, как беспредел и т. д.

С другой стороны, мыслящие люди уже в античном мире поняли, что порок может формироваться как продолжение добродетели, если не соблюдается такт, необходимая мера культуры, человечности, сдержанности, то до какой степени трудности мы способны быть добрыми.

Морализирующий догматик или фанатик способен принести не меньший вред, чем злодей или равнодушный.

Добро духовно освещает жизнь, все ярче показывая тени, потемки души; доброта не только разрешает существующие противоречия, но и, как это ни странно, создает новые. Высшие требования заставляют увидеть больше недостатков и активнее действовать, чтобы их искоренить.

ВОПРОСЫ

1. Находили ли вы в себе «линию фронта» добра и зла? Постарайтесь вспомнить, на конкретном примере, когда это было.
2. Согласны ли вы с И.В. Гете, который сказал, что «нет ничего более смертельного для разума, чем признание, что все хорошо»? Аргументируйте свою точку зрения.
3. Что вы можете сказать по поводу утверждения русского философа В.С. Соловьева: «Не верить в добро есть нравственная смерть, верить в себя самого как в источник добра есть безумие».

ПЛАЧЬТЕ!

4

Однажды в одной из Нью-Йоркских газет появилась небольшая заметка под названием «Детоубийца». В этой заметке сообщалось, что в маленьком отеле Нью-Йорка, на 84 улице Вест, произошло страшное событие, ужаснейшее преступление: мать избила до смерти своего 2-летнего внебрачного сына. Сообщались и скупые, краткие подробности, усугубляющие до невероятности ужас проявленной жестокости: плача и стонов истязаемого ребенка не мог выдержать любовник этой женщины, человек с богатым уголовным прошлым; он вышел из комнаты и попросил лифтера позвать полицию. Когда явилась полиция — ребенок был уже мертв, но мать продолжала наносить побои и мертвому. Вид мальчика был настолько ужасен, что даже привыкшие ко всяким преступлениям полицейские «не в силах были глядеть на маленький трупик», который представлял собою «сплошную рану», как сообщалось в заметке. Во время допроса, мать-убийца, молодая 29-летняя женщина, не проявила никакого раскаянья.

* В этом разделе используются материалы из книги «Православно-христианское богословие» проф. И.М. Андреева.

Попробуем бледными и несовершенными словами восстановить и протокольно изобразить реальные процессуальные подробности того, что случилось. Это, ведь, не кошмар, а гораздо хуже: это действительно было. И трупик невинно замученного истязаниями и побоями ребенка лежал в Нью-Йоркском морге, а в архиве этого морга имеется и протокол судебно-медицинского вскрытия этого трупа.

От простых сильных побоев умереть трудно. Надо повредить или разрушить функции главнейших жизненных органов, чтобы живое тело стало трупом. Даже искалеченное до неузнаваемости тело, попавшее под машину, может еще часами продолжать оказывать признаки жизни. Но к приходу вызванной полицией ребенок уже был мертв. Протокол судебно-медицинского осмотра и вскрытия представлял собою длинное сухое перечисление наружных и внутренних повреждений. Тут и исковерканный переломанный носик, и выбитые молочные зубки, и темные сине-багровые пузыри вместо век, и проломленный лобик, так, что «трудно отличить лицо от затылка», тоже проломленного, с большим количеством запекшейся крови. Кровоизлияния и в легких, и в почках. Разорванный мочевой пузырь. Переломаны почти все тонкие ребрышки. Переломанный в нескольких местах позвоночник. Желудок наполнен проглоченной кровью. И в дыхательном горле тоже кровь (которою он, очевидно, захлебывался во время судорожных всхлипываний). И многое другое зарегистрировано в протоколе... И этот сухой перечень тягчайших повреждений на трупике — вопиет и рассказывает о том, как получились эти повреждения... Когда ребенка начали за что-то бить, он, конечно, заплакал; когда его стали бить сильнее за то, что он плачет, — он начал кричать, а когда усилили побои за то, что он кричит и стали кричать на него, чтобы он замолчал, грозя его убить, если он не замолчит, — то, хотя дитя и не понимало, что значит «убить», но могло понять, что надо замолчать, чтобы прекратились побои... И тогда, с ужасом глядя на свою «маму», стараясь удержать свой крик, он начал непроизвольно судорожно всхлипывать, и от этих усилий личико его искажалось гримасой... И тогда «мама» в остервенении стала кричать, чтобы он прекратил «корчить рожу», и чтобы он не смел «пикнуть» (да, да, именно так и было, ибо бывало так и с другими детьми, которых били сначала за плач, потом за крик, потом за стон и за искаженное лицо). Била своего мальчика «мама»

не только руками (ими невозможно превратить все тело «в сплошную рану» и переломить позвоночник и разрушить внутренние органы), но и чем попало, может быть, бутылкой из-под молока, может быть, и молотком, и вообще всем, что попадалось под руку. А может быть, и за ноги схватила ребенка (он ведь был только двухлетка) и била головой о стол, о кровать, об умывальник или о плиту... А может быть, и топтала ногами. И всячески истязала его даже тогда, когда «он испустил свой младенческий дух»...

«Ах, не надо!»... «Не говорите так», «Невозможно это слышать»... Разве не воскликнут так многие читатели? Но если невозможно «слышать» о том, что было, то что переживал сам умученный ребенок? Люди стали глухи к страданиям. Они или не слышат, или не хотят слышать о том, что не в кошмаре, а совершается реально... «По причине умножения беззакония у многих охладает любовь», — сказано в Священном Писании о последних временах мировой истории. Так теперь и происходит. Но если даже уголовный преступник так пожалел невинно истязаемого младенца, что вызвал полицию и тем самым обнаружил себя и был арестован, то неужели мы, христиане, бездонно глубокой жалостью не пожалеем его! А для того чтобы так пожалеть, надо хотя бы нравственно сопережить те страдания, которые перенесло невинное дитя. Такая жалость усилит гаснущую и в нас сострадательную любовь, в которой нуждаются столь многие, нас окружающие.

Вспомним, как вопрос о невинных детских страданиях ставил Иван Карамазов. До сих пор приходится встречаться со многими людьми, называющими себя христианами, которые готовы подписаться под его словами. А ведь Иван Карамазов обвинял за детские невинные страдания Самого Господа Бога. И многие и теперь — и даже в этом конкретном случае детоубийства — готовы возропать на Бога и воскликнуть: «Где же Бог? Как Он мог допустить такие страдания невинного ребенка!..» Какое глубокое заблуждение ума и сердца — так мыслить и так говорить! Как можно роптать на Бога, создавшего человека со свободной волей для вечного блаженства, а после непростимого по существу грехопадения (следствием чего и явилось зло со всеми страданиями и смертью) — искупившего этого грешного человека Своими безвинными страданиями, Своею святою Кровью. Ведь не какого-то абстрактного Бога вы упрекаете, а Бога Христа, распятого за наши

грехи и спасающего от вечной смерти Своими этими безвинными муками... Попробуйте принести свой укор и свои обвинения к Святой Плащанице, в Страстную Великую пятницу и вы почувствуете и поймете свою роковую ошибку... Перед гробом Христовым у вас умолкнут уста и язык прилипнет к гортани. Нет, не Бога, а себя должно укорять каждому за всякое зло, которое мы видим. Все за одного и один за всех виноваты — вот сущность социальной этики христианства. И перед лицом вот этого, замученного на 84 улице в Нью-Йорке младенчика — мы все виноваты. Ибо — грешны, т. е. творим зло и вносим это свое зло в мировую «сокровищницу зла»... А оно, это зло, накапливается в огромную мировую энергию зла (в которую и мы внесли свою лепту) и ищет для своего воплощения сосуды безблагодатных тел, и когда находит — воплощается в них и они совершают великие злодеяния. Мы все — братья и сестры. Все человечество — одна огромная семья. И замученный младенец — наш брат, и его ужасная убийца-«мама» — наша сестра. В ее злодеянии есть капля зла каждого из нас...

ВОПРОСЫ

1. Как вы относитесь к пьяницам, ворам, наркоманам?
2. Чувствуете ли вы причастность к их судьбе?

5

ЧТО ХУЖЕ КОНЦЛАГЕРЯ?

А правда, может ли что-нибудь быть хуже концлагеря? Колючая проволока, злые охранники, смерть — все это в нашем сознании сопутствует понятию концентрационного лагеря. Нас, однако, будет интересовать лишь нравственная сторона этого явления, причем в существенно более широком плане: возникновение зла как такового и тесно связанное с категориями добра и зла понятие свободы.

Согласно народной мудрости, истина рождается в спорах, поэтому следующую тему было решено представить в качестве диалога неверу-

ющего человека (так определил себя сотрудник русской службы Би-Би-Си А.М. Гольдберг — далее называемый корреспондентом) и верующего — митрополита Суражского Антония. Митрополит Антоний (Antony Bloom) — православный епископ, более тридцати лет возглавляющий епархию Русской православной церкви в Великобритании.

Корреспондент: Митрополит Антоний, я знал людей, которые стали религиозными, потому что их мучил вопрос о возникновении зла. Я также знал людей, которые разочаровались в религии по этой же причине. Первые чувствовали или приходили к убеждению, что понятия добра и зла не могли возникнуть сами по себе, что их должна была создать высшая сила. Зачем существует добро, им было, конечно, ясно, а на вопрос о том, почему и для чего существует зло, они надеялись получить ответ от религии. Вторые, те, кто разочаровался в религии, приходили к убеждению, что она не дает ответа на вопрос, как сочетать существование всемогущего Бога, олицетворяющего добро и справедливость, с тем, что творится на земле; не только в области человеческих взаимоотношений, но и в природе, где царят хаос, борьба и жестокость. Что Вы можете сказать на это?

Митрополит Антоний: Это очень трудный вопрос в том отношении, что, действительно, можно из одинаковых предпосылок прийти или к вере, или к сомнению. Мне кажется, что христианин даст приблизительно такой ответ: «Да, Бог всемогущ; но Он создал человека свободным, и эта свобода, конечно, несет с собой возможность и добра, и зла; возможность отклонения от закона жизни или, наоборот, участия в этом законе жизни». И вот этот вопрос свободы является центральным, мне кажется, для проблемы добра и зла. Если бы Бог создал человека неспособным на отклонения, человек был бы также неспособен ни на что положительное. Скажем, любовь немыслима иначе как в категориях свободы; нельзя себя отдать, когда нельзя отказать в самоотдаче; нельзя человека любить, если это чисто механическое соотношение. Если бы не было свободы отказа, отречения, если не было бы, в конечном итоге, возможности зла, то любовь была бы просто силой притяжения, силой, связующей все единицы, но никак не создающей между ними нравственное соотношение.

Корреспондент: Почему? Означает ли это, что зло существует для того, чтобы выделить добро в качестве контраста?

Митрополит Антоний: Нет я не думаю, что оно существует для этого; но где есть возможность одного, неминуемо встает возможность другого. Конечно, если бы мы были просто такие совершенные существа, которые не способны сделать ошибочный выбор, зло было бы исчерпано; но как возможность оно все равно бы существовало.

Корреспондент: А допускаете ли вы, что Бог, всемогущий Бог заботится о людях, следит за судьбами человечества, помогает людям, следит за тем, чтобы на земле зло не восторжествовало?

Митрополит Антоний: Да, в этом я глубоко убежден. И опять-таки, с моей христианской точки зрения, мне Бог представляется именно не безответственным Богом, Который человека создал, одарил его этой ужасной свободой, которая может все разорить и все разрушить, а потом — употребляя образы Ивана Карамазова — «ждет» где-то в конце времен момента, когда Он его будет судить и засудит за то, что человек не так пользовался данной ему свободой. Таким Бог мне не представляется. Мне представляется Бог ответственный, Бог, Который создал человека и жизнь, но Который не только ждет момента итогов. И самый предел этой ответственности, которую Бог берет за жизнь и за Свои поступки, за Свой творческий акт — это Воплощение, это то, что Бог делается человеком, входит в историю и до конца погружается в ее трагизм и где-то разрешает этот трагизм.

Корреспондент: Как, где Он разрешает этот трагизм?

Митрополит Антоний: Он его не разрешает внешне, в том отношении, что на земле смерть, болезнь, страдание продолжают косить людей. Но отношение человека к человеку может стать глубоко иным; отношение к собственному страданию может быть совершенно иным; отношение к страданию другого опять-таки глубоко изменяется от этого.

Корреспондент: Значит, вы определенно, как христианин, отрицаете тезис Вольтера, который исходил из того, что Бог создал человека, снабдил его всем необходимым, в первую очередь разумом, и затем счел Свою задачу выполненной: если люди будут руководствоваться разумом, то все будет хорошо, если нет — то это их дело. Вы, судя по тому, что сейчас сказали, это категорически отрицаете.

Митрополит Антоний: Да, такого Бога я просто не могу себе представить!

Корреспондент: Вольтер не считал, что Бог будет судить, он просто говорил, что Бог наделил человека всем необходимым, что Бог создал изумительный механизм, структуру человека, а главное — разум. Почему же это безответственно, почему это было бы преступно?

Митрополит Антоний: Если бы этот Бог создал такой замечательный механизм, то этот механизм не испортился бы так безнадежно. Тогда, значит, Бог, Который строит этот механизм, просто ужасно плохой механик, никуда не годный. Если такой у нас Бог, Который даже механизм приличный создать не может, то, право, не о чем говорить.

Если бы счастье, благополучие было немедленной наградой за добро, то добро как нравственная категория было бы обесценено; это был бы чистый расчет. Я думаю, что добро именно тогда делается добром, когда человек может устоять против несправедливости, против неправды, против страдания и все равно не отречься от своего добра, от того, что кажется ему — или объективно является — добром. Если, скажем, человек щедр и бывает обманут и, попробовав раз-другой быть щедрым, приходит к заключению, что этого не стоит делать, то щедрость его довольно бедная. Вопрос в том, какова его отзывчивость. И во всех отношениях мне кажется, что добро именно испытывается, поддается пробе потому, что оно сталкивается со злом.

Корреспондент: Но скажите, заботится ли Бог о судьбах человечества? Если да, то как вы объясните такое чудовищное явление, как, например, появление Гитлера, которое представляется мне совершенно исключительным, потому что в этом случае даже не было сделано попытки оправдать злодеяния какими-то высшими, этическими мнимыми соображениями, а было сказано просто и ясно: мы хотим творить зло. Как вы объясните возникновение такого явления, если вы исходите из того, что Бог заботится о судьбах человечества?

Митрополит Антоний: Во-первых, да — я убежден, что Бог заботится о судьбах человечества. Во-вторых, я думаю, что, если есть свобода в человеке, которая Богом ему дана, Бог уже не имеет права стать на пути и эту свободу уничтожить. В конечном итоге получилось бы так: Бог вас делает свободными, а в тот момент, когда вы этой свободой пользуетесь не так, как Ему нравится, Он бы вас уничтожил. Может быть, на земле было бы меньше зла, то есть злодеев меньше было бы,

Гитлера бы не было, того не было, сего не было. Но в конечном итоге самым злодеем из злодеев оказался бы этот Бог, Который дает мне свободу, а в тот момент, когда я ошибаюсь на своем пути или схожу с него по какому-то безумию, Он же меня убивает, уничтожает. Нравственная проблема оказалась бы, я бы сказал, еще хуже первой... И представляете себе тогда жизнь человека? Он бы жил, зная, что, если он поступит нехорошо, Бог его уничтожит. Следующая стадия: так как Бог знает и может предвидеть, то, как только у вас зародится злая мысль, Бог может вас уничтожить. Это же хуже концентрационного лагеря! Мы жили бы просто под дамокловым мечом все время: дескать, вот — убьет — не убьет, убьет — не убьет. Спасибо за такого Бога!

Корреспондент: Повторите...

Митрополит Антоний: Если Бог действительно сделал человека свободным, то есть способным ответственно принимать решения, которые отзываются в жизни поступками, то Бог уже не имеет права в эту свободу вторгаться насильно. Он может войти в жизнь, но — на равных правах; вот как Христос стал человеком — и от этого умер на кресте. Да, это я понимаю! Если же Он вторгнулся бы в жизнь в качестве Бога, со всем Своим всемогуществом, всеведением и т. д., получилось бы так, что земной злодей, который Богом же одарен свободой, в тот момент, когда он ошибочно, не так использовал эту свободу, стал бы жертвой божественного гнева, он был бы просто уничтожен, убит. Еще хуже: человек только успел задумать какой-нибудь неправый поступок, а Бог его тут же уничтожил бы, потому что Бог знает, что в будущем случится. И все человечество жило бы, одаренное этой проклятой свободой, под вечным страхом: ой, промелькнула злая мысль — сейчас кара придет на меня... ой, мне захотелось чего-то не того — что сейчас будет?.. Это был бы чудовище, а не Бог..

Корреспондент: К чему же тогда сводится божественное вмешательство в судьбы людей?

Митрополит Антоний: Во-первых, к тому, что Бог в человека заложил закон жизни, то есть устремленность ко всему тому, что есть полнота торжествующей жизни и торжествующей любви. Во-вторых, к тому, что Он дал человеку сознание добра и зла. Мы его не выдумали, это не чисто социологическое явление, потому что социологические формы меняются без конца, а понятие добра и зла вечно.

Корреспондент: С этим я совершенно согласен.

Митрополит Антоний: Дальше. Бог, через людей Ему верных, которые Его знают опытно, молитвенно и жизненно, Свое слово говорил, указывал нравственные мерки и нравственные пути. А поскольку совесть человека — вещь относительная, более или менее ясная, колеблющаяся, Он дал человеку закон, Он дал человеку правила жизни. И главное, Бог вошел в историю воплощением Иисуса Христа, стал человеком и нам на деле показал, что можно пройти через весь ужас жизни, страдания и никогда не усомниться ни в любви, ни в правде, ни в чистоте; и что такой человек — пусть он будет уничтожен, разбит — не побежден. А это, действительно, победа над злом гораздо большая, чем если бы просто зла не было.

ВОПРОСЫ

1. Приход к власти Гитлера — это закономерность или случайность? Аргументируйте свою точку зрения.
2. Предположим, что человек бы жил, зная, что если он поступит нехорошо, то Бог его уничтожит. Почему такая формула жизни хуже концлагеря?
3. К чему, по мнению митрополита Антония, сводится Божественное вмешательство в судьбы людей?

Если мы свободны, то, может быть, брать от жизни все, что возможно? «Бери от жизни все!» — этот расхожий рекламный девиз, по сути, определяет модель современной культуры. Никто не спрашивает, откуда это пресловутое «все» в жизни берется. Прогресс, улучшение условий жизни кажутся вещами самоочевидными, как бы запрограммированными на будущее независимо от наших стараний. Детство и

* Этот и следующий разделы написаны по книге А. Рогозянского «Хочу или надо?»

юность выступают поэтому как время беспрецедентного иждивенчества и инфантилизма.

Даже в школьной учебе, которую, как единственный труд ребенка, как «всеобщую образовательную повинность», взрослое общество некогда вменило в обязанность молодым, ориентиры и ценности переменялись на противоположные: как можно меньше усилий и как можно больше приятного. Сильно пострадавшие в 70–80-х от неоправданных либеральных реформ и нововведений (ученическая «демократия», свободное посещение уроков, курсы сексуального просвещения), школы Европы и США представляют собой странное зрелище: нечто среднее между клубом по интересам, групповым психотренингом, спортивной площадкой и пикником. В исследованиях и отчетах специалистов отмечается неуклонно падающее качество образовательной подготовки: значительное количество американских школьников по результатам одного из опросов конца 90-х затрудняются указать свое государство на карте мира, не знают того, с кем и на какой стороне воевали Соединенные Штаты в период Второй Мировой, демонстрируют почти нечитаемый почерк, чрезвычайно бедную речь и словарный запас, не находят нормативных языковых замен вульгаризмам, не помнят таблиц умножения, не могут выполнить элементарных математических действий!

А вот итоги исследования, проведенного в школах американского города Фуллертона — сравнение «Семи основных проблем», которые наиболее сильно тревожили учителей в школах в 1940 и 1988 гг.

Основные проблемы в 1940 г.	Основные проблемы в 1988 г.
Ученики разговаривают	Употребление наркотиков
Жуют жвачку	Употребление алкоголя
Бегают по коридорам	Беременности
Шумят	Самоубийства
Не соблюдают очередей	Изнасилования
Одеваются не по правилам	Ограбления
Сорят в классах	Избиения

Теперь за этим «прогрессом» пытается изо всех сил поспеть и российская школа. Прочитируем здесь письмо-исповедь старшеклассницы Яны из г. Омска, пришедшее в редакцию одного из журналов:

«Я учусь в 10-м классе экспериментальной школы. Эксперимент заключается в том, что школу мы посещаем в своей одежде, для старшеклассников объявлено свободное посещение некоторых уроков, и, наконец, существует полная «демократия, гласность и свобода слова». То, что демократию и гласность мы понимаем, как синонимы слова «анархия», — это общеизвестно. Про одежду я вообще молчу: самые пестрые цвета тканей, мини-юбки или макси разных фасонов и умопомрачительные просвечивающие свитера — в общем, не школа, а бордель. Со свободным посещением уроков тоже сложно. Из 17-ти учеников класса присутствуют в среднем 8—10. Ах, какой это урок! Представьте огромный кабинет на 42 ученика, там сидят с десятков человек: два в одном ряду, три в другом, пять в третьем, все вразброс, кто где. У доски, на кафедре, распинается учитель. Леня на задней парте слушает плеер, Саша с Ваней режутся под партой в «сто одно». Ира и Юля наводят марафет. Аня пишет письмо. Аленка с Димой хохочут, играя в «да и нет». Юра? Ну, Юра учится. А я рисую дружеские шаржи на учителей и один за другим отправляю по классу. Все смеются, кроме Юры. Историчка выгоняет меня из кабинета.

Нисколько не огорчаясь, я иду по этажам, которые кишмя кишат «отпускниками». Навстречу попадается известный школьный фарцовщик из 11 «А». Покупаю у него румяна и фотографию Мадонны в рассрочку. Встречаю бывшего «жениха» — идем с ним в соседний видеобар в счет свободного посещения биологии и географии. Потом возвращаемся в школу.

Посреди коридора «во всю ивановскую» ругаются директриса и француженка: не поделили ключи от кабинета. Француженка — совсем девчонка, директриса визжит: «Перестань хамить, нахалка!» — и швыряет ей ключи. Француженка плачет. Весь 10 «Б» стоит у подоконников, увлеченный зрелищем. Я в состоянии прострации поднимаю ключи (люблю француженку) и кладу их директрисе на голову. «Жених» называет меня «дурой», а директриса тащит на экстренный педсовет. Там меня прорабатывают, обзывают и отпускают на геометрию.

Я ничего не придумала — это описание одного обычного школьного дня. Вот такие у нас в школе реформы. Собираюсь поступать

в университет на юрфак. Правда, с трудом представляю, как это будет выглядеть. Разве станем мы умнее в декольте и «пирамидах» (фасон брюк)? Не туда вы смотрите, взрослые! Не с того начинаете! Я согласна ходить даже в фартуке и посещать все уроки. Я хочу знать и уметь. Нашу систему образования надо переворачивать с самого основания и начинать не с одежды».

ВОПРОСЫ

1. Похожа ли ситуация в вашей школе на описанную?
2. Живете ли вы по принципу: «Бери от жизни все!»?

7

ПОКОЛЕНИЕ «ПЕПСИ»

Дети настроены «на волну» взрослых, они жаждут приобщиться ко всему, чему только мы отдаем свою душу. Если в семейном быту или в школе течение жизни по-настоящему упорядочено, размерено, деловито, — это организует и исправляет детей (даже детей сильно упущенных, что мы можем видеть по школе Рачинского, общинам салезианцев — последователей Джованни Боско, «трудовым коммунам» Макаренко или по детскому дому Корчака). Традиции и распорядок здесь воспринимаются всеми без возражений и скуки, как само собой разумеющееся. Но если только уклад дома или среда в школе неблагоприятна, дозваться ребенка из этой его реальности, достучаться к его чувствам, воле и разуму, а тем более заставить идти наперекор общему неблагоприятию, становится почти невозможно, по крайней мере разовыми «сеансами» нравственности и благочестивых манер, к примеру, в воскресной школе, на беседе с приехавшим в школу священником, в гостях у верующей бабушки или в детской комнате милиции.

В последнее время на этот отрыв «в другой мир» провоцирует юные души и еще один фактор — влияние т. н. молодежной культуры, которую лучше определить уже как отдельную подростковую цивилиза-

цию. Не мать и отец, не семейные стены, собирающие в себе «мал мала меньше» братиков и сестер, а именно одновозрастная среда теперь формирует ребенка.

Раньше, еще совершенно недавно, никто не сомневался в том, что детство по самому своему смыслу обращено ко взрослению. Даже оставаясь по малости лет отделенным от взрослых задач, ребенок мог сознавать относительность и временность такой своей «жизни в кредит». Ныне, напротив, молодежные ценности выступают как самостоятельные, самодостаточные и даже более того — противопоставленные ценностям старших. Взрослеть не нужно торопиться, во взрослом состоянии нет ничего интересного. Идеал молодежного самосознания — это быть вечно молодым и современным, смотреть на жизнь вне прагматических рамок. Так взрослый и подростковый миры, по сути, утрачивают всякую связь друг с другом. Как две параллельные плоскости не образуют общих точек пересечения (по крайней мере, в классической геометрии), так же и дети с отцами бродят в своих параллельных мирах, не имея почти никаких шансов на своих путях встретиться и найти какое-нибудь единое дело или пересекающиеся цели, ради которых стоило бы поискать общий язык.

Есть только две вещи, которые нужны подросткам и молодежи от взрослых: в 14 лет получить паспорт, в 18 — водительские права и право управлять собственностью. Третье формально предусматриваемое право совершеннолетних — вступать в брак — кажется теперь совершенным рудиментом, остатком прежних, «несовременных» обычаев и морали. В молодежных журналах, как само собой разумеющееся, провозглашается «отмирание брака».

Все остальное — самое захватывающее, веселящее, глянцевое — лежит в плоскости молодежных «тусовок». Поэтому, когда ребенок имеет свободный доступ к телевизору или компьютеру, если его общение со сверстниками во дворе занимает заметный объем времени, можно вообще говорить, что любые попытки педагогического руководства бесперспективны, так как сознание воспитанника целиком смещено в иную смысловую реальность, сильно отличную от реальности взрослых.

Это и теперь плохо осознается. Внешне взрослые и дети продолжают жить в общих рамках пространства и времени. Но разницу двух па-

раллельных миров может со всей очевидностью пережить каждый, кто решит длительно пронаблюдать современных подростков в свободном общении их между собой.

Откуда все это? Может быть, сетовать на телепрограммы и рок-музыкантов, сводящих с ума и влекущих неведомо куда за собою целые толпы малолетних поклонников? Остановимся здесь и сознаемся, дадим, наконец, твердый отчет в том, что установка на беззаботную и красивую жизнь — не просто на потребительство, а на «потребительство в квадрате», — в его чистом виде, за чужой счет, не омрачаемое необходимостью добывать хлеб насущный, чему- и кому-либо служить и что-либо производить — исходит именно со стороны взрослого мира. Более того: по некоей весьма и весьма странной, настораживающей и вывернутой наизнанку, логике именно взрослые в наше время развивают и ставят на серьезную, профессиональную основу поп- и шоу-культуру, индустрию развлечений для молодежи! Воспитание в стиле «пепси» не способно поднять подростков даже на то, чтобы самим себе организовать развлечения. Любой созидательный труд связан, прежде всего, с напряжением сил, собранностью, дисциплиной. Но либерализм приземлен. Он не знает иной романтики, кроме расслабляющего удовольствия от индивидуального потребления. Тогда в дело включаются старшие, чтобы собственными руками крепить, увы, молодежный сепаратизм, еще и еще раз подстегивать их агрессивные и протестные настроения.

И это — протест против основы основ мира, самой причинно-следственной логики бытия: «сегодня потрудишься, и только завтра получишь плод». Либерализм, напротив, призывает брать от жизни «ВСЕ И СРАЗУ», как об этом говорится в одном из песенных текстов: «Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня! Нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас!» Понятно, что либеральная идеология, как таковая, нежизнеспособна и даже абсурдна. Жизнь не может устраиваться и двигаться ею. Будучи возведена в принцип, эта идеология тотчас дезорганизует человека и общество. Так что все держится на труде старших и духовно-этических ценностях, идущих от христианства.

Тем не менее, новое обыкновение «брать от жизни все, что ни встретится в папином кошельке» не только не сходит на нет, как ветреное настроение, как досадная оплошность взрослого мира, как логи-

ческое противоречие и полный тупик мысли, — оно захватывает собой все больше молодых умов во всех странах и на всех континентах. Когда какая-нибудь очередная «группа мошенников» выступает по телевидению с новым песенным манифестом: «Наши времена настали! Мы слишком долго ждали!», — честно говоря, от этой поистине дьявольской затеи мороз по коже дерет.. Боже правый, да что это мы?! О чем мы все думаем? Куда движемся? Что найдем в будущем и будем ли чем-то утешены, когда через два-три десятка лет уже «поколение пепси» без всяких Октябрьских переворотов и «перестроек», а совершенно мирным и неизбежным путем, получит всю власть над государством и обществом? Хоть бы не съели нас, стариков и пенсионеров того времени, с потрохами, не отправили на тот свет, протасив через Думы, суды и Конгрессы Законы о массовой эвтаназии!..

ВОПРОСЫ

1. Считаете ли вы, что принадлежите к «поколению пепси»?
2. Хорошо ли быть молодым?

8

К СВЕТУ И ЦЕЛОСТНОСТИ ПОДЛИННОЙ
ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (ПО А. ШМЕМАНУ)*

Устремленность к Высшей истине может быть разной. В Евангелии есть притча о мытаре и фарисее. Вот что о ней в своих «Воскресных беседах» пишет священник А. Шмеман.

Одна из главных, единственных в своем роде особенностей Евангелия — это те короткие рассказы-притчи, которыми пользуется Христос в своем учении, в своем общении с наро-

* Александр Шмеман — священник и богослов. С 1962 г. — декан Владимирской семинарии в Нью-Йорке. Почетный доктор ряда университетов. Скончался в 1983 г.

дом. Поразительно же в этих притчах, что, сказанные почти две тысячи лет тому назад, в совершенно отличных от наших условиях, в другой цивилизации, на абсолютно другом языке, они остаются актуальными и сегодня, бьют в ту же цель. А это значит — в наше сердце.

Ведь уже устарели, забыты, канули в небытие книги и слова, созданные совсем недавно, вчера, позавчера. Они уже ничего не говорят нам, они мертвы. А эти, такие простые на первый взгляд, бесхитростные рассказы живут полной жизнью. Мы слушаем их — и как будто что-то происходит с нами, как будто кто-то заглянул в самую глубину нашей жизни и сказал что-то — только к нам, ко мне относящееся.

В притче о мытаре и фарисее рассказывается о двух людях. Мытарь — это славянское слово для обозначения сборщика налогов, профессии, окруженной в древнем мире всеобщим презрением. Фарисей — это представитель верхушки тогдашнего общества. На современном русском языке можно сказать, что притча о мытаре и фарисее — это символический рассказ о важном представителе господствующего слоя, лицемере, с одной стороны, и о мелком, малопочтенном чиновнике — с другой. Христос говорит:

Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: «Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодеи или этот мытарь. Пошусь два раза в неделю, даю десятую часть всего, что приобретаю». Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаза на небо; но, ударя себя в грудь, говорил: «Боже! будь милостив ко мне грешнику!»

«Говорю вам, — заканчивает Христос эту притчу, — что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот; ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лука, 18:10–17).

Всего несколько строчек в Евангелии, а сказано в них нечто вечное, такое, что действительно относится ко всем временам и ситуациям.

Но возьмем только наше время, возьмем самих себя. Посмотрим, что лежит в основе нашей государственной, общественной да, наконец, и частной жизни. Если будем самокритичны, то увидим то же самое безостановочное самопревозношение, самоутверждение, или,

употребляя более древнее слово, **гордыню**. Вслушайтесь в пульс нашей эпохи. Неужели мы не поразимся этой чудовишной саморекламе, хвастовству, бесстыдству самовосхваления, которые так вошли в нашу жизнь, что мы уже почти не замечаем их?

Всякая критика, пересмотр, переоценка, всякое проявление смирения — не стали ли они уже не только недостатком, пороком, а, хуже того, — общественным и даже государственным преступлением? Оказывается, любить Родину — это все время бесстыдно восхвалять ее, унижая чужие родины. Оказывается, быть лояльным — это провозглашать все время безгрешность власти. Оказывается, быть человеком — это унижать, топтать других людей, это возвышать себя путем их унижения.

Проанализируйте свою жизнь, жизнь своего общества, сами основы его устройства, и вы должны будете признать, что это именно так. Тот мир, в котором мы живем, так пронизан оглушительным и грубым бахвальством, что уже сам этого больше не замечает, оно уже стало его природой. Да, так и сказал один из самых больших и тонких поэтов нашего времени — Б. Пастернак: «...все тонет в фарисействе».

Самое страшное, конечно, в том, что фарисейство признается добродетелью. Нас так долго, так упорно глушили славой, достижениями, взлетами и полетами, нас так долго держали в атмосфере этого призрачного псевдовеличия, что все это в действительности нам стало казаться хорошим и благим, что в душе целых поколений возник образ мира, в котором только сила, только гордость, только бесстыдное самовосхваление оказывается нормой.

Пора ужаснуться этому, вспомнить слова Евангелия: «Всякий, возвышающий себя, унижен будет». Еще недавно тех немногих, кто даже шепотом говорил об этом, влекли в суды или заключали в психиатрические лечебницы, высылали из страны. Да и сейчас порой можно услышать: «Смотрите на этих изменников и предателей! Они против величия и силы своей родины! И благодарите, что вы не такие, как эти несчастные отщепенцы».

Но пойдем, что этот бой, этот спор, ведомый сегодня ничтожным меньшинством, это бой и спор о самих духовных источниках жизни. Их фарисейская гордыня — это не только слова. Она, эта гордыня,

рано или поздно оборачивается ненавистью к тем, кто не согласен признать моего величия, моего совершенства. Она оборачивается преследованием и террором. Она ведет к смерти!

Притча Христа ножом врезается в самую страшную опухоль современного мира, в опухоль фарисейской гордыни. И пока эта опухоль будет расти, в мире будут царить ненависть, страх и кровь.

Только вернувшись к этой забытой, презираемой, отбрасываемой силе — смирению — можно очистить мир. **Смирение — это признание другого, это уважение к другому и умение мужественно признать себя несовершенным, раскаяться и тем самым встать на путь исправления.**

От хвастовства, лжи и тьмы фарисейства — к свету и целостности подлинной человечности: к правде, к смирению и к любви!

ВОПРОСЫ

1. Перескажите притчу о мытаре и фарисее. Согласны ли вы с поэтом, сказавшим о нашем веке, что «...все тонет в фарисействе»?
2. Почему все же мытарь был оправдан более, чем фарисей?

9

ПОКАЯНИЕ. САМОВОСПИТАНИЕ

Вот еще одна притча, записанная в Евангелии от Луки (15:12–32). «У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: «Отче! дай мне следующую мне часть имения». И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав все, пошел в дальнюю сторону и там расточил имение свое, живя распутно.

Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той,

а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

Придя же в себя, сказал: «Сколько наемников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих». Встал и пошел к отцу своему.

И когда он был еще далеко, увидел его отец и сжалился; и, победив, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим». А отец сказал рабам своим: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного тельца, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропадал и нашелся». И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: «Что это такое?» Он сказал ему: «Брат твой пришел, и отец твой заколол откормленного тельца, потому что принял его здоровым».

Он рассердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козленка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного тельца». Он же сказал ему: «Сын мой! ты всегда со мною, и все мое — твое; а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся».

Притча эта читается в церкви, когда верующие начинают готовить себя к Великому посту, то есть ко времени покаяния. И может быть, Евангелие нигде лучше не раскрывает нам, в чем сущность покаяния. Блудный сын ушел в дальнюю сторону, во «страну далече». И вот эта «дальняя сторона», эта чужбина и являет нам глубокую сущность нашей жизни, нашего состояния. Только поняв это, мы можем начать возврат к подлинной жизни.

Тот, кто хотя бы раз в жизни не почувствовал этого, кто никогда не осознал себя духовно на чужбине, отделенным, изгнанным, тот не поймет, в чем сущность христианства. И тот, кто до конца «дома» в этом мире, кто не испытал тоски по иной реальности, не уразумеет, что такое покаяние и раскаяние. Ибо оно не в формальном перечислении своих недостатков, ошибок и даже преступлений. Нет, раскаяние и покаяние рождается из опыта отчуждения от Бога, от радости общения с Ним.

Сравнительно легко признаться в своих ошибках и недостатках. Но насколько же труднее вдруг узнать, что я разрушил, предал, утерю свою духовную красоту, что я так далеко от моего настоящего дома, от моей настоящей жизни; что нечто бесценное, чистое и прекрасное разрушено, разбито в самой ткани моей жизни.

Однако именно это и есть раскаяние, и поэтому оно обязательно включает в себя глубокое желание возвратиться, вернуться, снова найти утерянный дом.

«Встану и пойду!» — сказал блудный сын. Как просто и как трудно! Однако чувствование себя на чужбине, чувствование непонятости себя не обязательно ведет человека к истинному Пути. Вопросы: «Кто я? Откуда я? Куда я иду?» — стоят перед молодежью, но ответы на них могут быть разными. Молодежи свойственно недовольство собой и миром, бунт против авторитета отца и Бога Отца (об этом писал Фрейд). Встречается желание, как писал Владимир Димитревич, «магически подчинить себе мир, быть «сверхлюдьми», которых остальные, обыкновенные, люди в силу неимения таких «глубин» и «высот» знаний не воспринимали. Читая Германа Гессе, много молодежи стало увлекаться оккультизмом и ориенталистскими (восточными) религиями. Особенно у нас, когда книги Гессе были настоящими бестселлерами среди молодежи. Она искала в этих книгах глубокое, а не плоскостное понимание смысла жизни. Духовно голодные молодые люди питались прозой Гессе, они разговаривали о ней и верили ей. В «Степном волке» читатель встречался с попытками молодого героя самоопределиться и найти смысл жизни, которые могут быть отчаянными, если для человека не существует Христос.

Главный герой романа, Гарри Галлер, — мятущийся «степной волк». Окружающие его не понимают. Своей подруге Термин он говорит: «Демон — дух, а мы его несчастливые дети. Мы отпали от естества и ви-

сим в пустоте». Это ощущение современного ребенка, причем очень эмоционального, в период возмужания. Чтобы окружающие не нанесли ему вреда, он хочет отстраниться, хочет надеть какую-то маску исключительности и иметь свой «имидж», чтобы его не узнали. В романе говорится о двух силах в душе — божественной и сатанинской, которые ощущает в себе каждый разумный и чувствительный человек. Знакомый Гарри Галлера, Пабло, «расширяет» пределы познаваемого употреблением наркотика, который дает и Галлеру.. Все личности, о которых пишет Гессе, чувствуют этот мир как «грязь», где они — «элита» чувствующих. Если хочешь достичь космической гармонии, как Гарри, надо участвовать в оккультном танце, надо путешествовать через простор «за зеркалом», где человеку предлагаются «Камасутра» и восточная мудрость. «Я», личность Гарри, распадается на легионы, которые опять собираются, и т. д.

Но наиболее характерный труд Гессе — «Демиан». В этом произведении описывается, как школьный друг молодого Синклера, Макс Демиан, посвящает его в таинство «избранности». В своем чтении он говорит о том, что Каин и его последователи (духовные) были сильными людьми, т. к. боролись против «судьбы» и Бога. А Каина осуждают как преступника только слабые люди. Затем он учит ненавидеть таких, как благоразумный разбойник, который был одесною Христа, и любить разбойника, который был распят по левую сторону. Демиан показывает Синклеру силу своей воли, свои парапсихические способности и от него требует, чтобы, кроме Бога, любил и демона, и зло. Молодой Синклер начинает пить, блудить, но душа его мечется. И наконец Синклер узнает от Демиана об Абраксасе. Абраксас представляет вместе «бога и демона», которому надо поклоняться вместо Христа.

Влияние таких идей на развращенную молодежь Запада очень велико (а сегодня весь мир является Западом). Панк- и рок-революция предлагают все попробовать, быть братьями и сестрами Каина, «степными волками». Они верили Абраксасу, который является воплощением «добраго и злого», освобождением от всех этических и общественных правил. Идеология Гессе ничем не отличается (кроме гуманистического «слоя») от идеологии английского сатаниста Кроули: «Делай что хочешь, и пусть это будет единственным законом».

ВОПРОСЫ

1. Кажется ли вам страшным то, что делают сатанисты?
2. Как вы думаете, почему некоторые ребята попадают в сатанинские секты?

10

Ч. ДИККЕНС. ПРОСТИТЬ ЛИ ТЫ

МЕНЯ КОГДА-НИБУДЬ?*

Маленькая Бетси сидела у окошка и учила урок. Солнышко весело светило на нее. Она чувствовала себя счастливой, и ей очень хотелось сделать что-либо угодное Богу, Который сотворил все так прекрасно на свете.

Ей вспомнились недавно прочитанные слова из Евангелия о том, что, если брат твой согрешит перед тобою семь раз в один день и семь раз в один день обратится к тебе: «Я раскаиваюсь», — ты должен простить ему. Ее серые глаза стали серьезными и задумчивыми, и она решительно жала губки.

Спустя некоторое время Бетси сошла в столовую, где нашла только своего брата Фредди. Он был на два года старше ее, но по уму и здравому смыслу вовсе не так ее опережал, как вы, может быть, воображаете. Фредди находился в самом дурном расположении духа.

— Экая жалость! В такой день в школе сидеть!

С этими словами он бросил книгу, которая была у него в руках, в другой конец комнаты, где она упала на пол с разорванным переплетом и развалившимися листами.

— Фредди! — закричала Бетси. — Не моя ли это «Арифметика»? Ведь ты знаешь, как я ее берегла!

— И вправду твоя, — ответил он с искренним огорчением. — Я думал, что это моя. Уверяю тебя, что я не нарочно, Бетси. Прости меня!

* Повесть Ч. Диккенса «Семьдесят раз семь» печатается в сокращении.

— Хорошо, — сказала Бетси, медленно подбирая листы и припоминая слова Писания о прощении обид. — Да, я прощаю.

И потом прибавила вполголоса: «Раз!»

После завтрака дети отправились в школу. Вдруг Фредди закричал:

— Бетси, какая громадная собака! Глаза — как угли, и язык висит, — наверно, бешеная!

Бедная Бетси страшно испугалась и побежала. В ужасе она, конечно, не заметила, что у нее под ногами, и, попав ногой в колдобину, упала. На ее башмаке появилась глубокая царапина, которую, конечно, уже нельзя будет поправить!

— О! Фредди, как тебе не стыдно! Это вовсе не бешеная собака, а просто Катон, который и мухи не обидит.

— Ах, Бетси, почему же я знал, что ты упадешь? Мне только хотелось, чтобы ты пробежалась немножко. Я очень жалею, что ты ушиблась, и раскаиваюсь в своей глупости. Не можешь ли ты меня простить?

— Постараюсь, — ответила Бетси, делая над собой большое усилие, чтобы проглотить обиду, и тихонько сказала с глубоким вздохом: «Два!»

В школе Фредди продолжал вести себя крайне беспокойно. Во-первых, он взял у сестры карандаш и потерял его; затем, как раз в ту минуту, когда она встала, чтобы присоединиться к своим подругам, шалун протянул ноги, как только мог, и Бетси споткнулась о них и упала при общем смехе, весьма этим сконфуженная. Брат, конечно, принялся уверять, что он «нечаянно» и что, дескать, ему «ее очень жаль», Чем же он виноват, что у него такие длинные ноги? Он так старался упрятать их под скамейку! Что же ему делать, если они там не помешаются? Он так глубоко огорчен этим случаем.

Терпеливая маленькая Бетси должна была простить еще раз.

В течение всего утра она претерпела от Фредди еще две-три обиды, о которых было бы слишком долго рассказывать.

Когда окончились уроки и дети собрались идти домой, Бетси с огорчением увидела, что погода изменилась и дождь полил, как из ведра. Однако Фредди занял у кого-то зонтик, раскрыл его, и взяв за руку сестренку, храбро пошел вперед.

— Осторожнее! — закричала Бетси. — Ты так раскачиваешь зонтик, что с него каплет прямо мне на кофточку.

— Надеюсь, не умрешь от нескольких дождевых капель, — возразил Фредди.

Дома бедная девочка с горечью увидела, что зонтик полинял и хорошенькая розовая кофточка была совершенно испорчена грязными полосами.

— В самом деле, это уж слишком! — признался Фредди. — Честное слово, Бетси, я не нарочно! Если бы ты знала, как мне тебя жаль, наверное, простила бы меня.

— Я тебя прощаю, — сказала Бетси с усилием. Гьтом она принялась что-то высчитывать по пальцам и произнесла наконец со вздохом: «Семь!»

— Что ты целый день считаешь? — спросил ее брат с любопытством.

Она ничего не ответила и весело побежала обедать, повторяя про себя: «Семь раз!» Ах, как это было трудно, и как радостно, что больше прощать не нужно. А то просто не выдержать больше!

После обеда детям нужно было готовить уроки к завтрашнему дню.

— Ох-ох-ох! — зевнул Фредди. — Прежде чем примусь за это трудное правило, которое мне так надоело, заведем-ка один раз музыкальный ящик, который тебе подарил дядя. Пусть он нам сыграет!

Глазки Бетси заблестели, девочка поддалась искушению и выбежала из комнаты. Вскоре она возвратилась со своим сокровищем и с величайшей осторожностью стала заводить его позолоченным ключиком. Но лукавый Фредди незаметно для нее вставил щепочку в крупный механизм, и чудесный ящик остался безмолвным, когда девочка приготовилась слушать.

— Что это значит? — побледнев, вскричала она.

— Не бойся! — возразил Фредди важно. — Я необыкновенно искусный волшебник, и если только ты позволишь мне дотронуться до твоего ящика, то тут же зазвучит музыка.

Бетси дрожащими руками протянула ему ящик. Мальчик смело сунул туда пальцы, но, должно быть, слишком поторопился.

Хрупкие пружины лопнули, из ящичка послышался треск, и все смолкло. Фредди, точно в воду опущенный, взирал на дело своих рук.

— Милая Бетси, — сказал он наконец с искренним огорчением, — ведь он совсем испорчен. Простишь ли ты меня когда-нибудь?

— Нет! — закричала Бетси, топнув ногой. — Я не хочу, да, впрочем, и не нужно больше прощать: это в восьмой раз. Бедный мой милый ящичек! Ты это нарочно сделал, злой мальчишка! Сейчас же побегу в твою комнату и изорву твоего бумажного змея, испорчу все, что попадется на глаза!

Терзаемый угрызениями совести, Фредди даже не решился остановить сестру. Она вся в слезах, с пылающими щеками промчалась через сени и неожиданно наткнулась на дядю.

— Это что такое? — воскликнул он...

Но прежде чем он успел выразить свое недоумение, Бетси уже рассказывала ему о своей обиде. Когда она закончила, дядя спросил ее:

— Итак, Бетси, ты думаешь, что теперь имеешь полное право злиться?

— Да! — с жаром сказала девочка. — Да, я имею на это полное право! Я простила его ровно семь раз. Это уже восьмой.

— Так ты, значит, не знаешь, что в другой раз Господь сказал апостолу Петру, что надо прощать брату семь раз и еще семьдесят раз семь?

— Семь да еще семьдесят раз семь! Но ты, наверное, не знаешь, дядя, как это трудно, все прощать и прощать? — взмолилась со слезами Бетси.

— Ну, нет, мне кажется, что немножко знаю, — сказал дядя с улыбкой и подумал про себя: «Ученики Христовы поняли, что это очень трудно, потому что как только услышали эту заповедь, то воскликнули в один голос: «Господи! Умножь в нас веру!»»

— Да, моя маленькая Бетси, — прибавил он вслух, — это ужасно трудно, но мы все должны стараться не считать, сколько раз мы прощаем, так как очевидно, что семьдесят раз семь — это и значит: всегда прощать.

— Нет, нет, этого я никак не могу! — рыдая, сказала девочка и упрямо отвернулась от удрученного Фредди, который возник на пороге.

— Я тебе подарю мою новую книгу с путешествиями, Бетси! Буду копить деньги, пока не куплю тебе новый ящик с музыкой! — воскликнул он со слезами. Но она не слушала его.

— Ну, хорошо, — сказал дядя, — пусть будет по-твоему. Только совету тебе не читать больше «Отче наш».

— Это отчего? — спросила Бетси с удивлением.

— Да ты только подумай, каково тебе будет сказать Богу: «и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим», то есть прости меня, Господи, как я прощаю Фредди.

Бетси покраснела как рак. С минуту она раздумывала, потом закричала, что не может обойтись без «Отче наш», устремилась к раскаявшемуся грешнику и бросилась в его объятия, разразившись горючими слезами.

С тех пор шалун Фредди стал относиться гораздо нежнее и внимательнее к своей маленькой сестренке. И если вы спросите его: «Сколько раз Бетси прощает тебя теперь? По-прежнему семь раз?», то вы увидите, как его славные, честные глаза затуманятся слезами, и он ответит вам:

— Бетси так добра, что не считает больше, и я не смею считать. Я и без счета уверен, что она прощает меня все семьдесят раз семь.

ВОПРОСЫ

1. Как Ч. Диккенс характеризует здравый смысл старшего брата Бетси? Вспомните, не встречались ли вам ребята с подобными «характеристиками»? Рассмотрение примеров начните с самих себя.
2. Какие слова из Евангелия Бетси взяла за основу самовоспитания?
3. Верите ли вы в искренность уверений Фредди типа «нечаянно», «очень жалко»? Почему?
4. Перескажите, что сказал Бетси ее дядя. Какова была реакция девочки на дядины слова?

5. Найдите строки английского писателя, из которых вытекает, что Фредди действительно покаялся. Как он после этого изменился?
6. Объясните смысл слов «...простить семьдесят раз семь».

ОСНОВНЫЕ СТРАСТИ ЧЕЛОВЕКА

11

Согласно представлениям христианства, человек сотворен, чтобы жить в радости. Однако после сочетания человека с грехом существуют движения человеческой души, так называемые страсти, которые толкают человека к греху, и, в конечном счете, заставляют страдать. Святые отцы называют 8 основных страстей человека. Для того, чтобы их описать, мы используем книгу священника Бориса Ничипорова «Времена и сроки».

1. Чревоугодие.

Эта страсть вырастает на почве естественной потребности человека в пище. «Страсть эта, — пишет преподобный Иоанн Лествичник, — имея яства перед глазами, подстрекает все пожрать за один раз. В миражах — корень всех зол сребролюбие, а в монахах — объедение».

Святые отцы Церкви говорят также и об особом состоянии ненасытности, т. е. когда человек уже давно сыт, но продолжает поглощать пищу. Объедение теснейшим образом связано с другими страстями: тщеславием, блудом, гневом, отчаяньем.

Всякая страсть есть извращенная добродетель. Объедение — это подмена. Чего? Дело в том, что у подвижников рождается особое состояние ненасытимости благодатью. Обжорство — есть регрессия духовной потребности души, регрессия от духа к плоти.

Аскеза, пост, воздержание — это формы борьбы с объедением. Воздержание рождает привычку к умеренному потреблению пищи. Воздержание и пост рождают также утонченность и духовную восприимчивость души. Воздержание сопряжено с терпением, это особое

искусство, ибо важно не «перегнуть палку», не довести душу до изнеможения. Изнеможение рождает раздражительность и гнев. А объединение рождает лень, расслабленность, малодушие и инфантилизм. Приветствуется путь мудрости — путь средний.

2. Блудная страсть.

Преподобный Ефрем Сирийский пишет: «Сластолюбивый при встрече женщин делается весел и привлекается красотой их... С мужчинами ему скучно; а если увидит женщин, просветляется, бежит враз и вперед...»

Это ироничное высказывание может показаться спорным. Ибо многие мужчины творили, вдохновленные женщинами. Герои совершали подвиги и шли на гибель ради своих возлюбленных. Мы не можем пренебречь этим фактом. Вопрос не в том, чтобы искоренить «души прекрасные порывы», а в очищении этого порыва от похоти. Блуд «базируется» на естественном влечении полов друг к другу, на инстинкте воспроизводства.

Половые отношения — это высота и предел откровения и познания супругов в Боге. Половые отношения — это низость и осквернение, если они совершаются как ложь, как обман, как измена или обычное распутство. Половые отношения являются тайной. Это есть либо таинство брака, любви и сочетания, либо тайна беззакония. И всякий знает сердцем, к какой тайне он причастен.

Блуд, так же, как и чревоугодие, не имеет своего творческого начала. Это искажение, но чего? Половой инстинкт в своем очищенном виде имеет пять основных онтологических жизнетворческих задач.

Первая задача — сохранение рода *Homo sapiens*, нас, человек.

Вторая — идея восстановления природной целостности. Вспомним легенду об андрогинах. Мужчина и женщина по легенде — две половинки. Они ищут друг друга. И само телесное соитие есть физическое восстановление целостности. Плод этого — рождение детей.

Третья задача, связанная с предыдущей, — это преодоление экзистенции одиночества и обособленности через взаимную любовь и откровение в браке.

Четвертая — реализация творческой потенции домостроительства. Всякий человек мистически хочет построить дом, свой дом.

Пятая задача — познание (откровение) противоположного пола. Подлинная установка: в одной женщине — все женщины мира.

Ложная установка: чем больше у меня будет женщин, тем больше я насытился ими и познал их (феномен Дон Жуана). Конечный результат ложной установки — уныние, опустошенность, одиночество, психологическая бездомность.

3. Страсть сребролюбия.

Сребролюбие — широкое понятие. Это пристрастие, фетишизация не только денег, но и различного материального капитала, как сейчас говорят «недвижимости».

Сребролюбие, по мнению преподобного Иоанна Лествичника, «дочь неверия». В качестве предлога сребролюбия душа выставляет всевозможные немощи: приближение старости, внезапность голода и т. д.

Кто имеет покаянный дух и вообще заботится о душе, тот рассматривает материальные блага как средства, а не цель. Сребролюбие соединяется с гневом и печалью. Святоотеческая культура говорит нам о том, что сребролюбие — «корень всех зол». Именно через него происходит ненависть, воровство, зависть, вражда, раздоры, памятозлобие, жестокость, убийства. Высокий духовный пафос изначального стремления личности, извращенного сребролюбием, есть стяжание благодати и украшения себя духовными добродетелями. Богатство само по себе не есть грех. И нищий бывает сребролюбив.

4. Страсть гнева.

Гнев есть «припоминание сокровенной ненависти», т. е. памятозлобие. Гнев есть желание сделать зло огорчившему. Различные меры проявления гневности: раздражительность, вспыльчивость, ярость.

Вхождение в духовную область безгневия приобретается большим трудом и возникает только при нечувствительности к оскорблениям. Такая нечувствительность не есть равнодушие. Это совершенно иное чувство.

Святые отцы выделяют три этапа на пути к безгневию: «молчание уст при возмущении сердца»; «молчание и тишина в глубинах сердца при поверхностном возмущении души»; «незыблемая тишина» при различных искушениях, несчастьях. Раздражительность и гнев — есть следствия высокого о себе мнения и чванства. Святой Иоанн Лествичник пишет: «Видел я троих, вместе потерпевших бесчестие монахов. Один из них почувствовал оскорбление, но смолчал; другой порадо-

вался за себя, но опечалился за поносившего его; третий же, когда помыслил в своем уме вред ближнего (т. е. его оскорбившего), горячие пролил о нем слезы!»

Сложно помыслить — что могло бы быть «на месте» гнева до грехопадения? Думаю, что это порыв любви, порыв чистой, детской и святой души. На месте гнева был порыв жертвенной и чистой души к Богу и к ближнему, ко всякой твари, ко всему живому. Это мы можем наблюдать периодами в себе, когда нас посещает благодать и хочется обнять несентиментально всех и вся.

Как у поэта:

Я люблю всю флору-фауну,
— В сердце нет свободных мест.
(Б. Гребенщиков)

5. Страсть печали.

Святые отцы говорят нам: печаль рождается от внутреннего нежелания терпеть и нести скорби, от глубинного непонимания самой природы жизни, ее сущности. А это есть принципиальная ее (жизни) неоднородность — когда скорби растворяют наши радости и наоборот. «Если кто отвергает от себя праведное или неправедное обличение, — пишет святой Иоанн Лествичник, — тот отвергается своего спасения... Сын мой, если ты сначала предашь себя терпению бесчестия, то немного будешь трудиться для приобретения блаженного покоя душевного».

6. Мщение.

Уныние — расслабление души. Оно укореняется в сердце от чрезмерных чувственных удовольствий, от равнодушия (бесчувствия души), от чрезмерных трудов и переутомления.

7. Страсть тщеславия.

Не нам, Господи, не нам,
Но имени Твоему дай славу.
(Пс. 113,9)

«Тщеславие ко всему льнет. — пишет преп. Иоанн Лествичник, — тщеславлюсь, когда пошусь... тщеславлюсь, считая себя мудрым; побеждаюсь тщеславием, одевшись в хорошие одежды; но в худые одеваясь, тоже тщеславлюсь; стану говорить, побеждаюсь тщеславием, замолчу, опять так же побежден бываю».

Тщеславие идет вслед тому таланту, который есть у человека. Человек мистически забывает, что талант и муза — это его достоинство, но и одновременно Божественное посещение.

8. Гордость.

Гордость не надо путать с чувством достоинства. Гордыня есть самоистуканство, источник гнева, зависти. От гордости исходит осуждение ближних, самохвальство и властолюбие.

Во всех духовных, глубоких культурах всегда был и есть институт послушания и ученичества. Прохождение этого пути смиряет гордыню.

ВОПРОСЫ

1. Зачем святые описывали страсти?
2. Какая из страстей вам наиболее знакома?

Хорошо делает, кто каждый день начинает как бы дотоле совсем ничего не делал. Кто забывает свое заднее добро, есть самый мудрый человек. Дал бы Бог и нам умудриться в этом.

На земле нет ничего, с чем бы можно было сравнить добродетель христианскую в достоинстве. Что Спаситель назвал единым на потребу? Ревность о спасении души. Но это и есть добродетель христианская. Что важнее достижения последней цели? Но она достигается единственно христианской добродетелью. Что блаженнее Богообщения? Но оно нераздельно с христианской добродетелью.

Всего более надобно опасаться уклонения в праведность. Как только начнете уклоняться в нее, знайте, что криво шагать начали.

* Выдержки из писем Феофана Затворника.

Берите тогда себя за ноги и тащите немилосердно опять в грешность. Господь того только принимает, кто приходит к Нему в чувстве грешности. От того же, кто приходит к Нему в чувстве праведности, Он отвращается. Он и пришел грешников спасать, а не праведников.

Благодушествуйте! И всегда у Господа испрашивайте себе сего дара. С ним не будет никакого горя. Все будет принимаемо как радостное и благоприятное. Тут сила Божия на мирное течение пути в жизни сей, всегда почти стропотном.

Всякого приходящего или всякого встречаемого надо принимать как посланца Божия. Первый вопрос будет у себя внутри: что хочет Господь, чтобы я сделал с сим или для сего лица. Всех принимать, как образ Божий, с почтением, и желать сделать добро ему.

Взявшись благоугождать Богу, надо, во-первых, все принимать спокойно и терпеть благодушно, а во-вторых, уметь держать себя при сем и действовать. Первое легко: стиснул зубы и молчи. А второе очень трудно, особенно потому, что беспокойный дух тотчас наружу лезет и чрез слово, и чрез дело, и чрез движение, и чрез мину, это обстоятельство все и портит, как сами видите. Но имеете опыт, извольте учиться, наука проста, но трудно заучиваема. Именно: в случаях неприятных, породивших неприятные против других чувства, не следует ни говорить, ни действовать. Надо наперед успокоиться, и совершенно исторгнуть из сердца неприятность, чтоб и следа ее не было... Тогда и речь, и дело пойдут ладно. Можно тогда и сурово и строго говорить, даже бранчливо, и речь не произведет худого действия: ибо дух в ней будет не раздражительный, а мирный и любовный...

Работающие Господу внешне не видны, нередко даже презираемы и гонимы; но зато внутренне зреют постоянно в совершенствах духовных, которые в другом мире возсияют в них, как солнце, и дадут им соответствующее место и блаженство.

ДОБРОДЕЛАНИЕ

Заповеди — норма, практика — предлежащие случаи: лучше не придумывать дел, а делать, какие представляются.

МИЛОСТЫНЯ

Живущим в обществе нечем спастись, кроме милостыни. Чем больше делают ее, тем ближе подходят к равно-ангельской жизни великих отшельников.

ВОЗДЕРЖАНИЕ

Даст Господь терпение, можно воздержаться от некоторых яств; а не стерпите, кушайте, благодаря Господа. Излишки хорошо отдавать нуждающимся и просящим, только потихоньку, чтоб не хвастать щедростью. Если случится когда при других нарушить положенное у вас правило воздержания, не смущайтесь, не в угоду себе так делая, а долгу любви покоряясь.

САМООТВЕРЖЕНИЕ

Извольте себе записать в памяти, что с минуты пробуждения до минуты закрытия глаз ко сну, все время должно так вести дела, чтоб весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения, и все Господа ради, пред лицом Его во славу Его. Акты самоотвержения не огромное что суть, а идут среди обычных дел житейских и состоят во внутренних решениях и поворотах воли. Они могут быть под всяким словом, взглядом, движением и под всякою мелочью. Отличительная их черта есть не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе.

Главное самоотвержение. «Да отвержется себе всякий желающий идти вслед Меня», — сказал Господь. Отвержение полное требуется своей воли, своих мыслей, своих желаний, самоугодия всякого, в пище и питии, во сне, в нехотении трудиться, и ина строгая самоотверженность жизни сия настоящая иноческая жизнь.

ПРОСТОТА

...Простота есть неразлучная черта смирения, почему, когда нет простоты, нет и смирения. Простота не лукава, не подозрительна, не обидчива, не видит себя, никакого себе значения не придает, не мудрствует и прочее. Все сие смирение означает.

СЛЕЗЫ

Слезы во время молитвы и в церкви, и дома благотворны... но показывать их не надо. Это Маргариты духовные... но от показывания они тускнеют... и теряют свой блеск и цену свою. Но лучше дома слезить, а в церкви прятать слезы, оставляя в сердце слезливое настроение... или дух сокрушен и сердце сокрушенное и смиренное.

О слезах вы напрасно судите. Это Божия милость вам, охрана от сухости сердечной и окаменения чувства. Вражки слезы тщеславие приносят, и любят показность, и так долго не могут продолжаться... Они мимолетны, как и враг непостоянен. И желать вам подавить их не следует, тщеславие же, если находит, прогоняйте и на место его вызывайте смиренные и сокрушенные чувства. Слезы — плач о грехах. Когда придет тщеславие из-за слез, вы перенесите взор на грехи... и скажите душе своей: «Вишь, что нагородила! Есть тут чем тщеславиться?!» Если искренно сие сделаете, то вместо тщеславия воспримите горькое сокрушение, которое и всегда старайтесь иметь под слезами.

ТЕПЛОТА ДУХОВНАЯ

Когда ослабляется теплота духа, надо всяко хлопотать о восстановлении ее, со страхом и трепетом припадая к Богу. Все от Него. Уныние, скука, тягота духа и тела придут иногда, может быть, надолго. Не робеть надо и твердо стоять на своем, усердно исполняя принятые правила, и не ожидайте, чтоб на душе не было уже никакого вкуса. Вы и не ожидайте, чтоб на душе было всегда одинаково тепло и сладко. Так не бывает. Напротив постоянно ждите нечаянных изменений.

ПРАВДА — ДЕЛО БОЖИЕ

...Правда угловата и суковата: того зацепит, этого толкнет. А те, которые не любят правды, считают это невежливостью и даже обидою.

...Никакие извинения не допускаются в отступлениях от правды... Правда — Божеское дело.

УЕДИНЕНИЕ

Позыв к уединению указывает на хорошее в вас сердечное настроение; но удовлетворять его можете каждый день. Как только имеете свободу от дел, уклоняйтесь в свою комнату.. и старайтесь быть с Единым Господом, сходите умом в сердце и там стойте пред лицом Господа, славословя Его, благодаря и прося у Него благопотребных благ духовных. Делая так, навькнете, будете ходить пред Господом..

ТЕРПЕНИЕ

Смотрите на воду успокоившуюся, поверхность гладка, как зеркало. Но бросьте в нее самую легкую вещичку, тотчас она приходит в движение... по всей поверхности. Это образ малодушия, которое мало-мало встретит что неприятное, тотчас смущается и скорбит. Но вон утес! Волны бьют в него, а он стоит, внимания на них не обращая, будто ничего тут его и не касается. Это образ великодушия и терпения.

Когда перетерпеваете, значит терпите. А что при этом больно, как же иначе-то? Если б не больно, нечего было бы и терпеть. Верно сердце ваше очень впечатлительно, и глубоко поражается случающимся. Это не от произвола, потому не ставится в вину. Вина пойдет от того, что бывает вследствие чувств. Если сердчаете, досаждаете, бранитесь, ропщете. Если же, хоть и больно, терпите без роптания, то иначе и нельзя, по вашему настроению. Паче всего упражняйтесь в любви, в делах и чувствах, не исключая никого из тех, кои соприкасаются вам, как бы кто ничтожен ни был.

Говорите: слава Богу о всем! Слава Богу, что посылает что потерпеть, ибо это то же, что доставлять случай к заслужению Царствия Божия, которое обетовано терпящим и в терпении благодуществующим. Терпеть терпите, но приложите и благодущие... То от Бога, а это от вас, и будет у вас точка соприкосновения с Господом.

ВОПРОСЫ

1. Не кажется ли вам, что все написанное Феофаном За-творником уже устарело?
2. Что, по вашему мнению, не устаревает в жизни?

13

СВОБОДА

Животные делают то, что им предназначено, и не задумываются над тем, что делают. Если волк видит зайца и голоден, то он сделает все, чтобы его съесть, и вовсе не думает, хорошо это или плохо. Волк не выбирает, как ему поступать.

А вот человек может выбрать. Например, вы сидите в автобусе, а пожилая женщина стоит. Вы можете уступить ей место и совершить добро, а можете и не уступить. Вы свободны совершить выбор.

Бывают в жизни и труднейшие ситуации. Например, на войне может случиться так, что вы спасете свою жизнь, предав другого человека. Но в этом же случае вы свободны выбрать мучения и смерть для себя, чтобы спасти другого. Воистину страшной может быть наша свобода!

Согласно Библии, был свободен и первый человек — Адам. Он мог жить в вечной радости с Богом, а мог от Него уйти и жить сам по себе, по своему выбору. И Адам выбирает жизнь по своей воле (типичный поступок для нашего XX века, не правда ли?). Спрашивается, а почему Бог сотворил человека свободным? Ведь Он мог сотворить человека таким, чтобы тот делал только добро, не правда ли?

Здесь мы затронули очень серьезную тему. Видимо, так же как раб в принципе не способен на творческий, производительный труд, так и человек без свободы выбора — не человек, а что-то вроде робота.

Примеры, подтверждающие первостепенность свободы выбора человека, вы можете обнаружить и в своем классе. Посмотрите вокруг, и вы увидите, что к истинным знаниям стремится лишь тот, кто уже свободно выбрал свой жизненный путь. И наоборот, тот, кто ходит в школу по принуждению родителей, кто не имел возможности свободно определиться, выглядит очень жалко, «убивает» время и, как говорится, сам не живет и другим не дает.

В качестве примеров, иллюстрирующих важнейшие понятия нравственности, мы часто выбираем сказки. Конечно, дурачок в сказке видит лишь увлекательный сюжет, а умный учится! В одной из них рассказывается про волшебные спички и мальчика с голубыми глазами.

У этого мальчика были волшебные спички, и, когда он ломал одну из них, исполнялось любое его желание. Мальчик был злой и жадный — он нажелал себе целую кучу всяких богатств. Он захотел, чтобы у него был друг, и нашел другого мальчика. Но тот никак не хотел с ним дружить. Тогда мальчик с голубыми глазами сказал:

— Я мог бы сломать спичку, и ты выполнял бы каждое мое желание, но я хочу, чтобы ты сам захотел стать моим другом.

А священник в такой ситуации, наверное, добавил бы:

— И если уж даже противный злой мальчишка хотел, чтобы его дружбы захотели свободно, а не по принуждению, то тем более Бог ждет от нас свободного желания быть в Его любви.

Федор Михайлович Достоевский жил в XIX веке, однако его суждения о свободе, равенстве и братстве в наше время, то есть в начале XXI века, не менее актуальны, чем сто лет тому назад. Вот некоторые из них:

«У нас в России надо насаждать другие убеждения, и особенно от-носительно понятий о свободе, равенстве и братстве. В нынешнем об-разе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода — лишь в одолении себя и воли своей так, чтобы под конец достигнуть такого нравственного состояния, чтоб всегда во всякий момент быть самому себе настоящим хозяином. А разнузданность же-ланий ведет лишь к рабству вашему. Вот почему чуть-чуть не весь ны-нешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение:

Не то делает нас свободным, что мы ничего не признаем над собою, но именно то, что мы умеем уважать стоящее над нами. Потому что такое уважение возвышает нас самих.

И.В. Гете

Свободен тот, кто может не лгать.

А. Камю

Свобода не в том, чтоб не сдерживать себя, а в том, чтоб вла-деть собой.

Ф.М. Достоевский

«Есть деньги, стало быть, могу делать все, что угодно; есть деньги — стало быть, не погибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода».

А между тем это в сущности не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег. Напротив, самая высшая свобода — не копить и не обеспечивать себя деньгами, а «разделить все, что имеешь, и пойти всем служить». Если человек способен на это, если способен одолеть себя до такой степени, то не свободен ли он после этого? Это уже высочайшее проявление воли!

Затем, что такое в нынешнем образованном мире равенство? Ревнивое наблюдение друг за другом, чванство и зависть: «Он умен, он Шекспир, он тщеславится своим талантом; унижить его, истребить его».

Между тем настоящее равенство говорит: «Какое мне дело, что ты талантливее меня, умнее меня, красивее меня? Напротив, я этому радуюсь, потому что люблю тебя. Но хоть я и ничтожнее тебя, но как человека я уважаю себя, и ты знаешь это, и сам уважаешь меня, а твоим уважением я счастлив. Если ты по твоим способностям приносишь в сто раз больше пользы мне и всем, чем я тебе, то я за это благословляю тебя, дивлюсь тебе и благодарю тебя и вовсе не ставлю моего удивления к тебе себе в стыд. Напротив, счастлив тем, что тебе благодарен, и если работаю на тебя и на всех по мере моих слабых способностей, то вовсе не для того, чтоб сквитаться с тобой, а потому, что люблю вас всех».

Если так будут говорить все люди, то, уж конечно, они станут и братьями, и не из одной только экономической пользы, а от полноты радостной жизни, от полноты любви».

ВОПРОСЫ

1. Чем при выборе свободы отличается человек от животного?
2. Почему человек без свободы выбора может потерять человечность?
3. Как вы понимаете понятие «рабство от денег»?
4. Ответьте на вопрос Ф.М. Достоевского: «Что такое в нынешнем образованном мире равенство?»

СВОБОДА СЫНА — КОШМАР ДЛЯ ОТЦА?

14

Профессиональный психолог доктор Джеймс Добсон — весьма известный в США человек. В месяц он иногда получал около 200 тысяч писем.

Ниже приводится одно такое письмо и ответ доктора Добсона на него. И хотя ответ этот адресован родителям, в данной книге мы сознательно переадресовываем его детям. Курсивом выделяются строки из письма отца.

В моем сыне Брайане совершенно неожиданно проснулось чувство такого бунтарства, какого я никогда не встречал у детей. Он не признает никаких правил и, кажется, ненавидит всю нашу семью. Он приходит в ярость, когда мы пытаемся заставить его соблюдать дисциплину.

Недавно вечером он вернулся домой на час позже, чем ему полагается, но отказался объяснить причины опоздания и даже не извинился. Мы живем в атмосфере какого-то кошмара! Посоветуйте, пожалуйста, как мне, отцу Брайана, относиться к этой ситуации?

А вот ответ психолога.

Советую вам в субботу утром, после завтрака пригласить Брайана выйти из дома, чтобы пообщаться наедине. Хорошо, если это произойдет в период относительного затишья в ваших отношениях. Не следует затевать такую беседу в разгар баталий между вами. Скажите сыну, что вам нужно обсудить с ним кое-какие важные дела, о которых лучше поговорить вне дома. Но не делайте никаких конкретных намеков, вплоть до субботнего утра. А в субботу утром, выйдя из дома, используйте, если сочтете полезным, предложенные варианты разговора.

1. Брайан, я бы хотел с тобой поговорить по поводу тех изменений, которые произошли с тобой и в жизни нашей семьи. Мы оба понимаем, что события последнего времени нельзя назвать приятными. Ты почти все время пребываешь в раздраженном состоянии, стал непослушным и грубым. Наверное, и мы с мамой не всегда хорошо выглядели в этих

ситуациях. Мы начинали раздражаться и говорили слова, о которых потом сожалели. Мы понимаем, что не такого поведения Господь ожидает от нас как родителей и от тебя как нашего сына. Необходимо найти какой-то более конструктивный подход в решении наших проблем. Вот почему я решил сегодня с тобой поговорить.

2. Вначале, Брайан, я хочу, чтобы ты понял, что произошло в действительности. Ты вступил в новый период своей жизни. Это последний этап детства, который часто оказывается очень трудным и беспокойным. Почти каждый человек проходит через эти бурные годы в возрасте от 12 до 18 лет. У тебя сейчас как раз такой период. Многие из проблем, с которыми ты сегодня сталкиваешься, можно было предугадать в тот день, когда ты родился, только потому, что процесс взросления никогда не был особенно легким. А сегодня дети испытывают даже более сильное давление, чем в то время, когда росли мы. Я хочу сказать тебе, что мы понимаем твои проблемы и любим тебя по-прежнему, несмотря на то что последние несколько месяцев принесли в наш дом много трудностей.

3. Понимаешь, Брайан, ты просто почувствовал вкус свободы. Тебе надоело быть маленьким мальчиком, которому говорили, что следует надевать, когда идти спать, что есть. Раньше все это помогало тебе расти и взрослеть. Однако теперь ты хочешь стать сам себе хозяином, самостоятельно принимать решения, не допуская нашего вмешательства. Брайан! То, к чему ты стремишься, наступит очень скоро. Сам не заметишь, как исполнится 17, потом — 18 лет. Эти годы промелькнут как мгновения, и мы уже не будем нести за тебя ответственность. Придет день, когда ты поступишь учиться, куда захочешь, сам выберешь себе профессию или место работы, потом женишься по своему желанию. Мы с твоей мамой даже пытаться не будем что-либо решать за тебя. Мы будем с уважением относиться к твоему мнению взрослого человека. Более того, Брайан, чем ближе будет приближаться это время, тем больше свободы мы тебе предоставим. Сейчас у тебя больше возможностей, чем в прошлом году, и эта тенденция сохранится в будущем. Скоро мы предоставим тебе полную свободу, и тогда ты будешь держать отчет только перед Богом и перед самим собой.

4. Но, Брайан, ты должен понять, что еще не стал взрослым! Последнее время ты стремишься оставаться один, хочешь, чтобы мы с мамой тебя не беспокоили, разрешали тебе отсутствовать дома до глубокой ночи, забросить занятия в школе и не выполнять никаких обязанностей по дому. Когда тебе отказывают в удовлетворении этих твоих требований, ты буквально взрываешься. Истинный смысл этой ситуации заключается в твоём желании обрести свободу в тех масштабах, которой обладают люди в возрасте 21 года. Однако при этом ты по-прежнему предполагаешь, что тебе погладят брюки, приготовят и подадут еду, оплатят все твои расходы. Ты хочешь взять лучшее из обоих миров — детского и взрослого, и не брать на себя никаких обязательств. Что же нам, твоим родителям, делать в этом случае? Для нас проще всего дать тебе возможность поступать по собственному разумению. Тогда не было бы никаких скандалов, конфликтов, раздражения. Многие родители твоих сверстников так и поступают. Но мы не хотим поддаваться искушению. Ты не готов к полной независимости, поэтому, поступив так, мы проявили бы к тебе безразличие. Нам пришлось бы жалеть об этой ошибке всю оставшуюся жизнь, а ты осудил бы нас за нее очень скоро. Кроме того, ты знаешь, что обе твои младших сестры очень пристально наблюдают за твоим поведением, поэтому мы должны защитить их от твоего дурного влияния.

5. Кроме того, Брайан, Господь возложил на нас, твоих родителей, ответственность за твоё правильное воспитание, и мы должны держать перед Ним отчет о выполнении этой обязанности. Хочу прочитать тебе важный отрывок из Библии, где описывается история отца по имени Илия, который не приучал к порядку и не исправлял поведения двух своих негодных сыновей-подростков. (Прочтите драматическую историю из 1-й Книги Царств: 2:12—17, 22—25, 27—34; 4: 1—3, 10—22.) Из этой истории ясно видно, что Господь прогневался на Илию за то, что тот позволил своим сыновьям проявлять неуважение и неповиновение. Он не только допустил, чтобы сыновья этого человека были убиты во время битвы, но Он также наказал и их отца за то, что тот не исполнил своих родительских обязанностей. О предназначении, которое Господь дал родителям, можно найти слова во многих местах Библии: от отцов и матерей ожидается, что они будут воспитывать своих детей

и наказывать их, если это потребуется. Вот что я этим хочу сказать: Господь нам не простит, если мы позволим тебе вести себя так, чтобы это принесло вред тебе и другим людям.

6. А теперь послушай меня, Брайан! Существует несколько проблем, при решении которых не может быть компромисса. Бывают ситуации, когда я вынужден сказать тебе: «Нет!» И тогда наступит момент, к которому ты должен быть готов, так как я буду непоколебим, как геркулесов столп. Ничто не сможет изменить мою позицию: ни взрывы негодования, ни слезы, ни слова, ни хлопанье дверьми. Короче говоря, если ты все-таки решишься бороться со мной, то будь уверен, что потерпишь полное поражение. Надо признать, что ты уже слишком взрослый, чтобы устраивать тебе порку, но у меня еще остались возможности для создания тебе серьезных неудобств. И в этом будет моя цель. Поверь мне, Брайан, я найду способ, как тебя наказать. У меня хватит мужества и решительности выполнять свои обязанности по твоему воспитанию в течение оставшихся тех нескольких лет, которые ты будешь жить в родном доме. И если это понадобится, я намерен употребить для этой цели все средства, которыми располагаю. Мы можем прожить это время в мире и согласии или погрязнуть в конфликтах и ссорах. Тебе все равно придется приходить домой вовремя, и ты будешь выполнять свои обязанности в рамках семьи, проявляя уважение к маме и ко мне.

7. И наконец, Брайан, я хотел бы еще раз подчеркнуть мысль, которую высказал в начале разговора. Мы относимся к тебе с большей любовью, чем ты себе, наверное, представляешь. Мы хотели бы остаться с тобой друзьями и в эти трудные времена. В современном мире столько боли! Жизнь полна разочарований, потерь, неприятностей, болезней, и заканчивается она смертью. Тебе пока не пришлось испытать серьезных огорчений, но вскоре и ты их почувствуешь. Поэтому, думая о душевной боли, которая может постигнуть каждого из нас за пределами родного дома, не будем доставлять неприятности близким, тем более членам своей семьи. Мы необходимы друг другу. Нам нужен ты, а ты в свою очередь нуждаешься в нас, независимо от того, хочешь ты в это верить или нет. Именно эту идею, как мне кажется, я и хотел довести до твоего сознания. Давай постараемся сделать так, чтобы жизнь в нашей семье с сегодняшнего дня стала намного лучше.

Библия о воспитании и наказании:

Глупость привязалась к сердцу юноши, но исправительная розга удалит ее от него.

Книга Притчей Соломоновых, 22: 15

Необъезженный конь бывает упрямым, а сын, оставленный на свою волю, делается дерзким.

Книга премудрости Иисуса, сына Сирахова, 30: 8

Наставь юношу при начале пути его: он не уклонится от него, когда и состарится.

Книга Притчей Соломоновых, 22: 6

Проклят злословящий отца своего или мать свою!

Второзаконие, 27: 16

Сын мудрый радуется отцу, а сын глупый — огорчение для его матери.

Книга Притчей Соломоновых, 10: 1

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается «вкус свободы», который почувствовал Брайан?
2. Отец собирался сказать сыну: «Ты хочешь взять лучшее из обоих миров — детского и взрослого, и не брать на себя никаких обязательств». Согласны ли вы с такой точкой зрения (точнее, с таким упреком)? Аргументируйте свой ответ.
3. Что говорит Библия относительно родительских обязанностей?
4. Отец следующим образом ограничил свободу сыну: «Тебе все равно придется приходить домой вовремя, и ты будешь»

выполнять свои обязанности в рамках семьи, проявляя уважение к маме и ко мне». Как вы считаете, мог ли отец поступить иначе?

5. Ответьте на вопрос в заглавии раздела.
6. Попросите родителей прочитать этот раздел.

15

О СВОБОДЕ СОВЕСТИ

Одна женщина по бедности что-то взяла в магазине и тайком унесла. Никто ее не видел. Но с этого момента какое-то неприятное чувство не давало ей покоя. Пришлось ей вернуться в магазин и положить на место взятую вещь. После этого она пришла домой с чувством облегчения. Подобных примеров, когда люди вынуждены бывают поступать вопреки своей выгоде или удовольствию, не перечесть.

Каждый человек знаком со своим внутренним голосом, который то его упрекает и как бы гнетет, то поощряет и радуется. Это тонкое врожденное нравственное чувство называют совестью. Совесть — это своего рода духовный инстинкт, который быстрее и яснее отличает добро от зла, нежели ум. Кто следует голосу совести, тот не будет сожалеть о своих поступках.

Наш личный опыт убеждает нас также в том, что этот внутренний голос, называемый совестью, находится вне нашего контроля и выражает себя непосредственно, помимо нашего желания. Подобно тому как мы не можем себя убедить в том, что мы сыты, когда мы голодны, или что мы — отдохнувшие, когда мы усталые, так мы не можем себя убедить и в том, что мы поступили хорошо, когда совесть говорит нам, что мы поступили плохо.

Мучения совести образно описал А.С. Пушкин в драматическом произведении «Скупой рыцарь»:

Совесть — когтистый зверь, скребущий сердце;
Совесть — незваный гость, докучный собеседник,
Займодавец грубый; это — ведьма,
От коей меркнет месяц и могилы.

И дальше с ужасом вспоминает старый рыцарь мольбы и слезы всех тех, кого он безжалостно обобрал. Подобные мучения совести изобразил Пушкин и в драме «Борис Годунов», вкладывая в уста несчастного царя следующие слова:

Жалок тот, в ком совесть нечиста!

Вопрос о том, что такое совесть, задавался детям в возрасте от пяти до девяти лет. Одна девочка шести лет сказала, что совесть — это место внутри тебя, которое жжет, если ты поступаешь нехорошо. Мальчик шести лет сказал, что он не знает, что это такое, но думает, будто это как-то связано с плохим ощущением, когда задираешь девочек или маленьких собак. А мальчик девяти лет объяснил, что это голос внутри, который говорит «Нет!», когда вы хотите сделать что-нибудь плохое, например побить младшего брата. Он сказал, что «совесть спасала его много раз!».

Взрослые также сталкиваются с трудностями при попытках определить, что такое совесть. Говоря о «механизме» совести, известный современный американский исследователь и психолог Дж. Добсон отмечает, что совесть — это данная нам Богом способность отличать плохое от хорошего, правильное от неправильного. А чувство вины — это такое неудобное чувство, которое появляется, когда мы нарушаем внутренний кодекс этических правил. Иначе говоря, сознание вины появляется тогда, когда совесть выражает неодобрение нашим мыслям и поступкам, как бы говоря: «Тебе следует стыдиться самого себя!»

Дж. Добсон считает, что ощущение вины не всегда отражает неодобрение со стороны Господа. Поясняя свою мысль, он приводит следующий пример:

«Одна моя знакомая женщина шла вместе с трехлетней дочкой в сторону улицы с оживленным движением. Малышка убежала вперед и остановилась на углу, чтобы дождаться от мамы разрешения переходить дорогу. В тот момент женщина, видимо, думала о чем-то другом и машинально качнула головой, как бы выказывая одобрение.

Малышка выбежала на дорогу, и ее на полной скорости сшиб грузовик. Мать застыла в ужасе, когда увидела, как колеса грузовика давят

ее драгоценную маленькую девочку. В истерическом приступе женщина, рыдая от горя и отчаяния, выбежала на дорогу и схватила на руки исковерканные останки ребенка. Она убила свою собственную дочь, чья безопасность зависела от нее!

Этой матери никогда не удастся избавиться от чувства вины за свое поведение в тот момент. В ее растревоженном уме миллионы раз прокручивалась «видеозапись», в которой запечатлелось, как доверчивый ребенок спрашивает мать о разрешении переходить дорогу».

Не все психологи и философы согласны с мнением Добсона, что ощущение вины не всегда отражает неодобрение со стороны Господа. Они аргументируют свою позицию библейскими строками из Книги Притчей Соломоновых:

От Господа направляются шаги человека.

Добавим, что, согласно народной мудрости, на человеческую глупость есть Божья премудрость. Человек ходит, Бог водит!

ВОПРОСЫ

1. Объясните своими словами, что такое совесть.
2. Какие вы помните стихи А.С. Пушкина, в которых он описывал мучения совести?
3. Испытывали ли вы когда-нибудь чувство, которое можно назвать угрызением совести?

16

СОВЕСТЬ КАК ВСЕОБЩИЙ ЕСТЕСТВЕННЫЙ ЗАКОН

Ученые, изучающие нравы и обычаи племен и народов, свидетельствуют, что до сих пор не было найдено ни одного даже самого дикого племени, которое было бы чуждо тех или других понятий о добре и зле. Кроме того, многие племена не только высоко ценят добро и гнушаются злом, но большей частью сходятся в своих взглядах на сущность

того и другого. Многие нецивилизованные дикие племена стоят так же высоко по своим понятиям о добре и зле, как и наиболее развитые и культурные народы. Даже у тех племен, у которых возводятся в степень добродетелей дела, неодобряемые с нашей точки зрения, в остальном, касающемся нравственных понятий, замечается полное согласие с воззрениями всех людей.

О действиях внутреннего нравственного закона в людях обстоятельно пишет апостол Павел в первых главах своего Послания к Римлянам. Апостол укоряет евреев в том, что они, зная писанный Божественный закон, часто нарушают его, в то время как «язычники, не имеющие (писаного — авт.) закона, по природе законное делают... Они показывают (этим — авт.), что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствуют совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Послание к Римлянам, 2:14—15). Тут же апостол Павел объясняет, как этот закон совести то награждает, то наказывает человека.

Итак, каждый человек, кто бы он ни был — иудей или язычник, чувствует мир, радость и удовлетворение, когда делает добро, и, напротив, чувствует беспокойство, скорбь и душевный дискомфорт, когда делает зло. Причем даже язычники, когда делают зло или предаются разврату, знают по внутреннему чувству, что за эти поступки последует Божье наказание.

Совесть обладает большой чувствительностью к добру и злу. Если бы человек не был поврежден грехом, ему не нужен был бы и письменный закон. Совесть могла бы верно руководить всеми его поступками. Необходимость в писаном законе возникла после грехопадения, когда человек, помраченный страстями, перестал отчетливо слышать голос своей совести. Но по существу как писанный, так и внутренний законы совести говорят об одном:

Как ты относишься к людям, так и они будут относиться к тебе.

В повседневных отношениях с людьми мы подсознательно больше доверяем совести человека, чем установленным законам и правилам.

Ведь за всяким преступлением не уследишь, да и закон у неправедных судей иногда «что дышло: куда повернул, туда и вышло». Поэтому нормальные взаимоотношения между людьми возможны только до тех пор, пока люди не утратили в себе совесть.

В конце раздела приведем некоторые народные пословицы, связанные с понятиями совести и покаяния.

ПОСЛОВИЦЫ

Свобода выбора:

Жизнь дана на добрые дела.

Вольному — воля, спасенному — рай.

Цвет в поле — человек в воле.

Кто огня не бережется, тот скоро обожжется.

Худые дела не доведут до добра.

Неправдой свет пройдешь, да назад не воротишься.

Совесть — не повесть, в архив не сдашь.

Лучше жить бедняком, чем разбогатеть со грехом.

Угрызения совести:

У каждого плода свои семена.

Каков строитель, такова и обитель.

Злая совесть стоит палача.

Кривой зеркала не любит.

Правда как оса — лезет в глаза.

За совесть, за честь хоть голову снести.

О покаянии:

Есть слезы — есть и совесть.

У павшего не считай за пропавшего.

Лучше горькая правда, чем красивая ложь.

И конь спотыкается, да поправляется.

Повинную голову меч не сечет.

Кайся, да опять за старое не принимайся.

Тому тяжело, кто помнит зло.

ВОПРОСЫ

1. О чем свидетельствуют ученые, изучающие нравы и обычаи племен и народов, относительно совести?
2. Выучите наизусть внутренний закон совести. На простых примерах поясните его действие.
3. Почему нормальные взаимоотношения между людьми возможны только до тех пор, пока люди не утратили в себе совесть?
4. Выберите три наиболее понравившиеся пословицы и своими словами поясните их смысл.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА

17

СОВЕСТИ

Изучением свойств совести и ее взаимоотношениями с другими душевными способностями человека занимается, в частности, психология. В психологии делаются попытки установить два момента:

1) является ли совесть природным свойством человека, с которым он рождается, или она есть плод воспитания и обусловлена теми жизненными условиями, в которых формируется человек;

2) является ли совесть проявлением ума, воли, чувств человека или она является самостоятельной силой.

Внимательный анализ проблемы наличия совести у человека убеждает нас в том, что совесть не есть плод воспитания или физических инстинктов человека, а имеет высшее, необъяснимое происхождение.

Например, дети обнаруживают совесть до всякого воспитания со стороны взрослых. Если бы физические инстинкты диктовали совести, то совесть побуждала бы людей делать то, что им выгодно и приятно. Однако совесть очень часто понуждает человека делать как раз то, что ему невыгодно и неприятно. Как бы безнаказанно ни наслаждались нечестивцы и как бы ни страдали добрые, заслуживающие похвалы

люди в этой временной жизни, совесть всем говорит, что существует высшая справедливость. Рано или поздно каждый получает воздаяние по своим поступкам.

Что касается взаимоотношений совести с умом, волей и другими чувствами человека, то мы видим, что совесть не только говорит человеку о том, что само по себе хорошо или дурно в нравственном отношении, но и обязывает его непременно делать хорошее и избегать делать дурное, сопровождая добрые действия чувством радости и удовлетворения, а действия порочные — чувством стыда, страха, душевной муки. В этих проявлениях совести обнаруживаются познавательная, чувственная и волевая стороны.

Конечно, один лишь разум не может рассматривать одни действия как нравственно добрые, а другие как нравственно дурные. Ему свойственно находить те или другие из наших и чужих действий умными или глупыми, целесообразными или нецелесообразными, выгодными или невыгодными — и только. Между тем что-то побуждает разум противопоставлять подчас самые выгодные возможности действиям добрым, осуждать первые и одобрять последние. Он усматривает в некоторых человеческих поступках не только выгоду или просчет, подобно математическим вычислениям, но дает нравственную оценку поступкам.

Не следует ли из этого, что совесть воздействует на разум с помощью моральных доводов, действуя, в сущности, независимо от него?

Обращаясь к волевой стороне проявлений совести, мы наблюдаем, что сама по себе воля есть способность человека желать чего-либо, но эта способность не повелевает человеку, что ему делать. Воля человеческая, сколько мы ее знаем в себе и в других людях, весьма часто борется с требованиями нравственного закона и силится вырваться из стесняющих ее оков. Если бы волевое проявление совести было лишь осуществлением человеческой воли, то в этом случае не существовало бы такой борьбы. Между тем требование нравственности, безусловно, контролирует нашу волю. Она может не исполнять эти требования, будучи свободной, но не может отрешиться от них. Впрочем, и само неисполнение волею требований совести не проходит для нее безнаказанно.

Наконец, и чувственная сторона совести не может рассматриваться только как сила, чувственная способность человеческого сердца. Сердце жаждет приятных ощущений и избегает неприятных. Между

тем с нарушением требований нравственности нередко бывают связаны сильные душевные муки, которые раздирают человеческое сердце, от которых мы никак не можем избавиться, как бы ни желали и ни старались. Несомненно, что и чувственная способность совести не может рассматриваться как проявление обычной чувствительности.

Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни.

Книга Притчей Соломоновых

Таким образом, **совесть является обособленной от нас силой, стоящей выше человека и господствующей над его разумом, волею и сердцем, хотя и живущей в нем.**

ВОПРОСЫ

1. Является ли совесть природным свойством человека или плодом воспитания? Почему?
2. Является ли совесть проявлением ума, воли или чувств человека, или она является самостоятельной силой? Почему?

СОВЕСТЬ КАК МЕРИЛО ЖИЗНЕННЫХ

ЦЕННОСТЕЙ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

18

Творцов русской литературы волновали не частные вопросы, а важнейшие, всеобщие. Совесть утверждалась писателями как основная мера всех событий и поступков. Не внешний жизненный успех, безбедное благополучие, а **совесть как основа основ человеческого бытия.**

Украинский писатель Иван Франко заметил, что «если произведения литературы европейской нам нравились, волновали наш эстетический вкус и нашу фантазию, то произведения русских мучили нас, задевали нашу совесть, пробуждали в нас человека».

Изучая основы русского миропонимания и русского способа бытия в мире, выдающийся русский философ И. В. Киреевский писал: «Западный человек искал развитием внешних средств облегчение тяжести внутренних недостатков. Русский человек стремился внутренним возвышением над внешними потребностями избежать тяжести внешних нужд».

Русская литература смысл своего существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в человеческих сердцах. Вот откуда идет признание совести мерилom всех жизненных ценностей. Свое творчество дореволюционные русские писатели сознавали порой как пророческое служение. Это чутко воспринял и точно выразил Н. А. Бердяев: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни для человеческой личности, народа, человечества, мира. В самых значительных своих творениях она проникнута религиозной мыслью... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры».

Е. Трубецкой справедливо отмечает, что «по содержанию нравственное сознание человечества меняется; стало быть, нравственные вопросы в различные эпохи могут и решаться неодинаково. Но, каковы бы ни были эти решения по содержанию, совесть всегда есть свидетельство о чем-то безусловно должном».

Понимание нравственной правды может меняться, но при этом остается неизменным один элемент нравственного сознания, это — наша уверенность, что есть что-то безусловно должное над нашими меняющимися мыслями о должном, есть какая-то норма, выражающая безотносительную и неизменную правду о должном. И этой норме должны следовать все, всегда, во всех предусматриваемых ею случаях. Это и есть основное предположение всякого нравственного

сознания — то, о чем свидетельствует совесть. Можно заподозрить это свидетельство, можно его отвергнуть, можно признать его за иллюзию, но нельзя усомниться в одном: совесть как таковая есть утверждение безусловной и всеобщей правды над нами, притом правды жизненной, ибо вся наша жизнь должна ей следовать.

Голос совести представляет собой не более и не менее как отклик сознания на запрос, истекающий из самой глубины жизненного стремления».

ВОПРОСЫ

1. Сравните русское и западное миропонимание.
2. Пожалуйста, объясните своими словами утверждение Е. Трубецкого о том, что «голос совести представляет собой... отклик сознания на запрос, истекающий из самой глубины жизненного стремления».

НАДЕЖДА

19

СТРЕМЛЕНИЕ К ТРАНСЦЕНДЕНТНОМУ

Латинское слово *transcendes* означает выходящий за пределы. Философы сказали бы — потусторонний, по самому существу своему недоступный познанию, находящийся за пределами всякого возможного опыта.

Идеологи марксистско-ленинской философии, на протяжении многих поколений владевшей умами людей, отрицали непознаваемость реально существующих вещей, допуская лишь фактическую непознанность на данной ступени исторического развития познания. В результате слишком многим из нас очень трудно «хотеть неба» вообще.

Другая причина состоит в том, что, когда такое желание появляется, мы его попросту не узнаем. Большинство людей, которые действительно научились бы заглядывать в глубины своего сердца, узнали бы, что то, чего они желают, и желают очень сильно, в этом мире обрести нельзя. Здесь много такого, что сулит нам желаемое, но эти обещания никогда не исполняются.

Страстная юношеская мечта о первой любви или о какой-то заморской стране, волнение, с которым мы беремся за дело, глубоко нас интересующее, не могут быть удовлетворены ни женитьбой, ни путешествием, ни активной учебой. Вот что по этому поводу пишет английский писатель и религиозный философ Клайв Степлз Льюис (1898–1963).

В первый момент, когда наша мечта — на пороге осуществления, нам кажется, что мы ухватили жар-птицу за ее яркое оперение, но уже в следующий момент она ускользает от нас. Я думаю, вы все понимаете, о чем я веду речь. Жена может быть прекрасной женой, гостиницы и пейзажи — просто отличными, а химия — невероятно интересным делом, но при всем при этом что-то ускользает от нас.

Существуют две неверные реакции на это и одна правильная.

1. Реакция глупца. Он винит всех и вся. Его не покидает мысль, что если бы он попробовал связать свою жизнь с другой женщиной или если бы отправился в более дорогое путешествие, то ему удалось бы поймать то таинственное нечто, которое ищем все мы. Большинство скучающих, разочарованных богатых людей относятся к этому типу. Всю свою жизнь переходят они от одной женщины к другой (оформляя разводы и новые браки), переезжают с континента на континент, меняют хобби, не теряя надежды, что вот это-то, наконец, настоящее, но разочарование неизменно постигает их.

2. Реакция утратившего иллюзии здравомыслящего человека. Он вскоре приходит к заключению, что все эти надежды были пустой мечтой. Конечно, говорит он, когда вы молоды, вы полны великих ожиданий. Но доживите до моего возраста, и вы оставите погоню за солнечным зайчиком. На этом он и успокаивается, учится не ожидать от жизни слишком многого и старается заглушить в себе голос, нашептывающий ему о волшебных далях. Такой подход к проблеме, конечно,

гораздо лучше первого и приносит человеку больше счастья, а сам человек — меньше неприятностей обществу. Обычно он становится педантом, склонным покровительственно, снисходительно относиться к молодым. Но в целом жизнь протекает для него довольно гладко.

Это был бы наилучший путь, если бы нам не предстояло жить вечно. Но что, если безграничное счастье существует, ожидая нас где-то? Что, если человек действительно может поймать солнечный зайчик? В этом случае было бы очень печально обнаружить слишком поздно (сразу же после смерти), что своим так называемым здравым смыслом мы убили в себе право наслаждаться этим счастьем.

3. Реакция христианина. Христианин говорит: «Ничто живое не рождается на свет с такими желаниями, которые невозможно удовлетворить. Ребенок испытывает голод, но на то и пища, чтобы насытить его. Утенок хочет плавать — что ж, в его распоряжении вода. Люди испытывают влечение к противоположному полу — для этого существует половая близость. И если я нахожу в себе такое желание, которое ничто в мире не способно удовлетворить, это, вероятнее всего, можно объяснить тем, что я был создан для другого мира. Если ни одно из земных удовольствий не приносит мне подлинного улагодворения, это не значит, что Вселенной присуще некое обманчивое начало.

Возможно, земные удовольствия и рассчитаны не на то, чтобы удовлетворить ненасытное желание, а на то, чтобы, возбуждая его, манить меня в даль, где и таится настоящее».

Нет смысла обращать внимание на людей, старающихся высмеять христианскую надежду о небе, говорящих, что им не хотелось бы провести всю вечность, играя на арфах. Этим людям надо ответить — если они не могут понять книг, написанных для взрослых, то не должны и рассуждать о них.

Все образы в Священном Писании (арфы, венцы, золото) — это просто попытка выразить невыразимое. Музыкальные инструменты упоминаются в Библии потому, что для многих людей (не для всех) музыка — это такое явление нашего мира, которое лучше всего передает чувство экстаза и бесконечности. Венцы или короны указывают на то, что люди, объединившиеся с Богом в вечности, разделяют с Ним Его славу, силу и радость. Золото символизирует неподвластность

неба времени (ведь металл этот не ржавеет) и его непреходящую ценность.

Люди, понимающие все эти символы буквально, с таким же успехом могли бы подумать, что, когда Иисус говорил нам, чтобы мы были как голуби. Он имел в виду, что мы должны нести яйца.

ВОПРОСЫ

1. Что означает слово «трансцендентный»?
2. Можно ли объять необъятное и какой-то мерой измерить бесконечное?
3. Можно ли человека, утратившего иллюзии, назвать пессимистом? Почему такой человек не способен поймать солнечный зайчик?
4. Какова реакция верующего человека на свое, возможно, нереализовавшееся счастье?
5. Знаете ли вы людей, которым удалось полностью реализовать свои надежды?

НРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЛ

6

И.С. ТУРГЕНЕВ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ*

Мне было тогда шестнадцать лет. Дело происходило летом 1833 года. Я никогда не забуду первых недель, проведенных мною на даче. Погода стояла чудесная; мы переехали из города девятого мая, в самый Николин день. Я гулял — то в саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; брал с собою какую-нибудь книгу — курс Кайданова, например, — но редко ее развертывал, а больше вслух читал стихи, которых знал очень много на память; кровь бродила во мне, и сердце ныло — так сладко и смешно: я все ждал, робел чего-то и всему дивился и весь был наготове; фантазия играла и носилась быстро вокруг одних и тех же представлений, как на заре стрижи вокруг колокольни; я задумывался, грустил и даже плакал; но и сквозь слезы и сквозь грусть, навеянную то певучим стихом, то красотой вечера, проступало, как весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.

Помнится, в то время образ женщины, призрак женской любви почти никогда не возникал определенными очертаниями в моем уме; но во всем, что я думал, во всем, что я ощущал, таилось полусознанное, стыдливое предчувствие чего-то нового, несказанно сладкого, женского...

Это предчувствие, это ожидание проникло весь мой состав: я дышал им, оно катилось по моим жилам в каждой капле крови... ему было суждено скоро сбыться.

У меня была привычка бродить каждый вечер с ружьем по нашему саду и караулить ворон. К этим осторожным, хищным и лукавым птицам я издавна чувствовал ненависть. В день, о котором зашла речь, я также отправился в сад — и, напрасно исходив все аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился к низкому забору, отделявшему собственно наши владения от узенькой полосы сада, простиравшейся за флигельком направо и

* Сокращенный вариант повести И.С. Тургенева «Первая любовь».

прилежавшей к нему. Я шел потупя голову. Вдруг мне послышались голоса: я взглянул через забор — и окаменел... Мне представилось странное зрелище.

В нескольких шагах от меня — на поляне, между кустами зеленой малины, стояла высокая стройная девушка в полосатом розовом платье и с белым платочком на голове; вокруг нее теснились четыре молодые человека, и она поочередно хлопала их по лбу теми небольшими серыми цветками, которых имени я не знаю, но которые хорошо знакомы детям: эти цветки образуют небольшие мешочки и разрываются с треском, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому. Молодые люди так охотно подставляли свои лбы — а в движениях девушки (я ее видел сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмешливое и милое, что я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия и, кажется, тут же бы отдал все на свете, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я все забыл, я пожирал взором этот стройный стан, и шейку, и красивые руки, и слегка растрепанные белокурые волосы под белым платочком, и этот полузакрытый умный глаз, и эти ресницы, и нежную щеку под ними...

— Молодой человек, а молодой человек, — проговорил вдруг подле меня чей-то голос, — разве позволительно глядеть так на чужих барышень?

Я вздрогнул... Возле меня за забором стоял какой-то человек с коротко остриженными черными волосами и иронически посматривал на меня. В это самое мгновение и девушка обернулась ко мне... Я увидел огромные серые глаза на подвижном, оживленном лице — и все это лицо вдруг задрожало, засмеялось, белые зубы сверкнули на нем, брови как-то забавно поднялись... Я вспыхнул, схватил с земли ружье и, преследуемый звонким, но не злым хохотаньем, убежал к себе в комнату, бросился на постель и закрыл лицо руками. Сердце во мне так и прыгало; мне было очень стыдно и весело: я чувствовал небывалое волнение.

Отдохнув, я причесался, почистился и сошел вниз к чаю. Образ молодой девушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но как-то приятно сжималось.

— Что с тобой? — внезапно спросил меня отец. — Убил ворону?

Я хотел было все рассказать ему, но удержался и только улыбнулся про себя. Ложась спать, я, сам не знаю зачем, раза три повернулся на одной ноге, напоядился, лег и всю ночь спал как убитый. Перед утром я проснулся на мгновение, приподнял голову, посмотрел вокруг себя с восторгом — и опять заснул...

Моя «страсть» началась с того дня. Я, помнится, почувствовал тогда нечто подобное тому, что должен почувствовать человек, поступивший на службу: я уже перестал быть просто молодым мальчиком; я был влюбленный. Я сказал, что с того дня началась моя страсть; я бы мог прибавить, что и страдания мои начались с того же самого дня. Я изнывал в отсутствие Зинаиды: ничего мне на ум не шло, все из рук валилось, я по целым дням напряженно думал о ней... Я изнывал... но в ее присутствии мне не становилось легче. Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал — и все-таки непреодолимая сила влекла меня к ней, и я всякий раз с невольной дрожью счастья переступал порог ее комнаты. Зинаида тотчас же догадалась, что я в нее влюбился, да я и не думал скрываться; она потешалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственным источником, самовластной и безответной причиной величайших радостей и глубочайшего горя для другого — а я в руках Зинаиды был как мягкий воск. Впрочем, не я один влюбился в нее: все мужчины, посещавшие ее дом, были от ней без ума — и она их всех держала на привязи, у своих ног. Ее забавляло возбуждать в них то надежды, то опасения, вертеть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей друг о друга) — а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всем ее существе, живучем и красивом, была какая-то особенно обаятельная смесь хитрости и беспечности, искусственности и простоты, тишины и резвости; над всем, что она делала, говорила, над каждым ее движением носилась тонкая, легкая прелесть, во всем сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ее беспрестанно менялось, играло тоже: оно выражало, почти в одно и то же время, насмешливость, задумчивость и страстность. Разнообразнейшие чувства, легкие, быстрые, как тени облаков в солнечный ветреный день, перебегали то и дело по ее глазам и губам.

Каждый из ее поклонников был ей нужен. Беловзоров, которого она иногда называла «мой зверь», а иногда просто «мой», охотно кинулся бы за нее в огонь; не надеясь на свои умственные способности и прочие достоинства, он все предлагал ей жениться на ней, намекая на то, что другие только болтают. Майданов отвечал поэтическим струнам ее души: человек довольно холодный, как почти все сочинители, он напряженно уверял ее, а может быть, и себя, что он ее обожает, воспевал ее в нескончаемых стихах и читал их ей с каким-то и неестественным и искренним восторгом. Она и сочувствовала ему, и чуть-чуть трунила над ним; она плохо ему верила и, наслушавшись его излияний, заставляла его читать Пушкина, чтобы, как она говорила, очистить воздух. Лушин, насмешливый, цинический на словах доктор, знал ее лучше всех — и любил ее больше всех, хотя бранил ее за глаза и в глаза. Она его уважала, но не спускала ему — и подчас с особенным злорадным удовольствием давала ему чувствовать, что и он у ней в руках. «Я кокетка, я без сердца, я актерская натура, — сказала она ему однажды в моем присутствии, — а, хорошо! Так подайте ж вашу руку, я воткну в нее булавку, вам будет стыдно этого молодого человека, вам будет больно, а все-таки вы, господин правдивый человек, извольте смеяться». Лушин покраснел, отворотился, закусил губы, но кончил тем, что подставил руку. Она его уколола, и он точно начал смеяться... и она смеялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему в глаза, которыми он напрасно бегал по сторонам...

Вот однажды сижу я на стене, гляжу вдаль и слушаю колокольный звон... Вдруг что-то пробежало по мне — ветерок не ветерок и не дрожь, а словно дуновение, словно ощущение чьей-то близости... Я опустил глаза. Внизу, по дороге, в легком сереньком платье, с розовым зонтиком на плече, поспешно шла Зинаида. Она увидела меня, остановилась и, откинув край соломенной шляпы, подняла на меня свои бархатные глаза.

— Что это вы делаете там, на такой высоте? — спросила она меня с какой-то странной улыбкой. — Вот, — продолжала она, — вы все уверяете, что вы меня любите, — спрыгните ко мне на дорогу, если вы действительно любите меня.

Не успела Зинаида произнести эти слова, как я уже летел вниз, точно кто подтолкнул меня сзади. В стене было около двух сажень* выши-

* Сажень — русская мера длины, равная 2,13 м.

ны. Я пришелся о землю ногами, но толчок был так силен, что я не мог удержаться: я упал и на мгновение лишился сознания. Когда я пришел в себя, я, не раскрывая глаз, почувствовал возле себя Зинаиду.

— Милый мой мальчик, — говорила она, наклонясь надо мною, и в голосе ее звучала встревоженная нежность, — как мог ты это сделать, как мог ты послушаться... Ведь я люблю тебя... встань.

Ее грудь дышала возле моей, ее руки прикасались моей голове, и вдруг — что случилось со мной тогда! — ее мягкие, свежие губы начали покрывать все мое лицо поцелуями... они коснулись моих губ... Но тут Зинаида, вероятно, догадалась, по выражению моего лица, что я уже пришел в себя, хотя я все глаз не открывал, — и, быстро приподнявшись, промолвила:

— Ну вставайте, шалун безумный; что это вы лежите в пыли? Я поднялся.

— Подайте мне мой зонтик, — сказала Зинаида, — вишь, я его куда бросила; да не смотрите на меня так... что за глупости? Вы не ушиблись? Чай, обожглись в крапиве? Говорят вам, не смотрите на меня... Да он ничего не понимает, не отвечает, — прибавила она, словно про себя. — Ступайте домой, мсье Вольдемар, почиститесь, да не смейте идти за мной — а то я рассержусь, и уже больше никогда...

Она не договорила своей речи и проворно удалилась, а я присел на дорогу... ноги меня не держали. Крапива обожгла мне руки, спина ныла, и голова кружилась; но чувство блаженства, которое я испытал тогда, уже не повторилось в моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всех моих членах и разрешилось наконец восторженными прыжками и восклицаниями. Точно: я был еще ребенок...

ВОПРОСЫ

1. Свое состояние первой влюбленности автор повествования описывает так: «Я ревновал, я сознавал свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболепствовал». Как вы считаете, это нормально или нет? Почему?

2. Как вы думаете, описанный прыжок со стены — это подвиг или глупость? Почему?

ЧТО В БИБЛИИ ГОВОРИТСЯ О МУЖЧИНЕ И ЖЕНЩИНЕ?

2

Почти каждая девушка и каждый юноша мечтают о любви. Даже самая удачная карьера не дает счастья, если жизнь не озарена светом любви. Я помню, что в юношеские годы каждый день, прожитый без любви к кому-то, казался мне просто потерянным и не нужным. А ведь я училась в самом престижном вузе страны, где учиться было так трудно, что, бывало, студенты от перенапряжения сходили с ума. Так что же это за чувство — любовь? Что говорит о нем Библия?

В Библии сказано: «Бог есть Любовь». И любовь пронизывает всю Вселенную. Святые отцы говорили, что весь мир сотворен Божией любовью. Действительно, если мы будем читать в Библии описание дней творения, то прочтем в конце каждого дня: «И увидел Бог, что это хорошо». И вот, как хозяина сотворенного прекрасного мира, Бог творит человека по Своему образу. Но странно, именно после описания создания венца творения в Библии впервые встречается слово «нехорошо». «И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному». Адам, обладающий бессмертным телом, живущий в раю, господствующий над всеми животными, не находит полноты жизни один. И Господь, видя это, решает: «сотворим ему помощника, соответственного ему». Сотворив женщину, Бог «привел ее к человеку». Далее в Библии говорится, что «оставит человек отца своего и мать свою, и прилепится к жене своей; И будут одна плоть».

«И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею».

Некоторые люди считают, что размножение человека связано с грехопадением. Однако благословение «плодитесь и размножайтесь»

было дано до грехопадения, если бы последнего не было, люди тоже размножились бы, но каким-то иным способом. Каким? Ответить трудно — некоторые святые отцы писали: «Как ангелы».

Во всяком случае, эта возможность ангельской любви явно присутствует в человеке. Например, известны две супружеские пары: Великий князь Сергей Александрович и Великая княгиня Елизавета Феодоровна, а также граф Сергей Шаховской и его жена Елизавета, которые жили целомудренно всю супружескую жизнь. Каждый из перечисленных людей еще в юности дал обет целомудрия и их соединение в супружестве было, действительно, ангельским. Интересно, что когда Великий князь Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна решили пожениться, каждый из них очень переживал о том, как он скажет другому о своем обете. И вот в какой-то день они встретились и одновременно произнесли слова о том, какой обет они дали Богу...

Кстати, люди знавшие этих супругов поразились необыкновенной нежности, с которой они относились друг к другу.

Можно также добавить, что по свидетельству многих учениц одного из авторов, после того, как парни добиваются того, «что им надо», они становятся намного грубее, и из отношений уходит нежность. Часто после этого наступает разрыв. Правда, статистика эта относится в основном к добрачным связям.

ВОПРОСЫ

1. Прочитайте «Крейцерову сонату» Л.Н. Толстого и сравните описанное в этом произведении супружество с супружеством Елизаветы Феодоровны и Великого князя Сергея Александровича.
2. Напишите сочинение на тему: «Какой я представляю мою любовь».

3

МУЖ — ГЛАВА ЖЕНЫ?

ПОСЛОВИЦЫ

- Муж — всему дому голова.
- Без хозяина дом — сирота.
- Овин стоит на двух веревках, а дом на двух головах.
- Муж — голова, а жена — сердце.
- Без мужа жена — всегда сирота.

Когда на уроках я задаю вопрос: «Как вы относитесь к тому, что апостол Павел сказал: «Муж — глава жены», — класс сразу делится на два лагеря. Мальчишки расправляют плечи и говорят: «Ну, естественно. Конечно. А как же иначе?» — а девушки скептически шурят в их сторону глаза и говорят: «Еще чего? С какой это стати? Ни за что!»

И вот тогда мы начинаем длинный разговор о том, почему апостол Павел мог так сказать, и как нужно понимать это «главенство».

Мы все, живущие в развращенное и направленное на развлечения время, понимаем «главенство», лидерство, как подавление другого. Главенствует в компании подростков тот, кто подчинил себе всех, желания которого подавляют желания других, тот, который захватил власть. И это естественно там, где главное — как можно лучше развлечься, получить как можно больше удовольствий и ощущений. Тогда властвует грубая сила, не склонная считаться с другими, навязывающая свою линию.

Но бывают и другие сообщества. В православных общинах, где собираются люди, решившие служить Богу, или даже в туристских группах, которые идут в сложные походы, лидерство иное. Тут господствует не грубая капризная сила, а тот человек, который лучше других может пройти маршрут, у которого самый тяжелый рюкзак, который ложится позже, а встает раньше других. Да, такой человек командует, но при

этом каждый ощущает его заботу и понимает, что без такого лидера просто не состоялся бы поход.

Муж сильнее. Именно поэтому он должен быть главой, но не в том смысле, чтобы тиранить всю семью, а в том смысле, чтобы нести нелегкую заботу о каждом ее члене. «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее», — писал апостол Павел.

Вспомним Жертву Христа за людей. И если любовь мужа будет уподобляться любви Христа, то и «жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу. Потому что муж есть глава жены, как и Христос — глава Церкви».

Митрополит Антоний Сурожский писал: «Муж является главой семьи не потому, что он мужчина, а потому, что он является образом Христа, и жена и дети могут видеть в нем этот образ, то есть образ любви безграничной, любви преданной, любви самоотверженной, любви, которая готова на все, чтобы спасти, защитить, напитать, утешить, обрадовать, воспитать свою семью... Слишком легко мужчине думать, что потому только, что он мужчина, он имеет права на свою жену, над своей женой и над своими детьми. Это — неправда. Если он не образ Христа, то никто ему не обязан никаким уважением, никаким страхом, никаким послушанием». С другой стороны, митрополит Антоний пишет, что ради мужа и жена должна быть готова «все оставить, все забыть, от всего оторваться по любви к нему и последовать за ним, куда бы он ни пошел, если нужно даже на страдания, если нужно — на крест».

ВОПРОСЫ

1. Может быть то, что было сказано, слишком идеалистично, оторвано от жизни? Как представляете современную семейную жизнь вы?
2. Возможно ли в наше время то, что в свое время совершили жены декабристов?
3. Реальность реальностью, но можно и пометчать. Какой вы хотели бы видеть свою семью? Напишите об этом.

4

ЗАКОН ЦЕЛЬНОСТИ*

Первые проявления половых движений в человеке можно заметить очень рано — быть может, даже на первом году жизни. До полового созревания (у девочек до 11—13 лет, у мальчиков до 12—14 лет) жизнь пола носит, как принято говорить, недифференцированный характер. Телесные органы пола не развиты, все тело имеет эрогенный характер, то есть может служить источником полового возбуждения.

Но рядом с преждевременным развитием телесных половых движений часто наблюдается и преждевременное развитие половой психики. Порой уже в 9 лет дети разыскивают порнографическую литературу, видеофильмы, с нездоровым любопытством присматриваются к жизни взрослых.

Но все это сменяется в годы полового созревания бурными проявлениями новой силы, захватывающей всецело и тело, и душу. Сфера пола начинает развиваться с такой стремительностью и напряженностью, что это совершенно меняет всю духовную установку подростка. Особенно важно в это время то основное расщепление в нашем существе, которое находит свое выражение в двух различных полюсах сознания.

На одной стороне сосредоточивается сексуальность, которая включает в себя чисто телесную сторону пола, а также те психические движения, которые связаны с этой телесной стороной пола. А на другом полюсе обособленно, а иногда и в резком отрицании сексуальности выступает эрос, то есть искание любви, приводящее в движение всю психику, весь духовный мир, озаряющее душу поэтической мечтой о любимом существе.

И эрос, и сексуальность одинаково являются цветением пола в нас, но их разъединение и расщепление, а иногда их взаимное отталкивание с достаточной ясностью вскрывают сложность пола как духовно-телесной силы. Пол в человеке — это огонь, питающийся от жизнен-

* В этом и последующих семи разделах использована работа профессора про-тоиерея В. Зеньковского «На пороге зрелости».

ной силы, находящейся в глубине человека, и этот огонь горит (хоть и не с одинаковой силой) и в сексуальных движениях, и в тончайших проявлениях эроса.

ПОСЛОВИЦЫ

- Любовь все побеждает.
- Любовь да лад — не надобен и клад.
- Красота до венца, а ум до конца.
- Насильно мил не будешь.
- Куда иголка, туда и нитка.
- Будет твоя душа в раю, помяни и мою.

Единство того и другого источника остро и неустранимо ставит вопрос о единстве этих двух проявлений пола. Потребность такого единства заложена именно в том, что источник двух различных проявлений пола один и тот же. Тут перед нами встает некий закон о структуре человека. Это закон цельности, состоящий в том, что в человеке неотвратимо и непреодолимо живет потребность внутреннего соединения сексуальности и духовной любви.

ВОПРОСЫ

1. Объясните понятия сексуальности и эроса.
2. В чем заключается закон цельности? Почему у развращенных людей он нарушается?

5

КОГДА В СЕРДЦЕ РАЗГОРАЕТСЯ ЛЮБОВЬ

Когда в сердце человека разгорается любовь, то все в мире как бы отступает на задний план, становится второстепенным. Душа всецело, порой до экстаза, погружена в созерцание любимого существа, которое отныне занимает центральное место в мире. Самые сухие и черствые люди меняются, когда в них вспыхивает любовь, душа размягчается и радуется, как бы обретает крылья. Человек, который любим, внешне остается ничуть не лучше, не краше других, но для любящего взора он

кажется единственным, несравненным, незаменимым. Это и есть так называемая идеализация. Смысл этой идеализации в том, что сквозь внешнюю оболочку мы, в свете любви, зрим скрытую для других идеальную сторону, которая есть в каждом человеке как образ Божий, закрытый, а часто и подавленный внешней оболочкой — характером (который всегда есть нечто вторичное в человеке, а не его суть).

Своеобразие, вся сила зрения любви в том и заключается, что мы через любовь как бы прикасаемся к красоте в человеке, скрытой и невыраженной. Мы не можем оторваться от нее — хотели бы всегда и во всем быть с любимым человеком. Когда вспыхивает любовь, все иное отходит уже на второе место. Одно только и важно тогда, одно только мило и дорого — быть с любимым, и все, что отделяет или отдаляет от него, раздражает нас.

В этих переживаниях любви, конечно, нет еще вхождения в реальную бесконечность (сколько раз бывало, что огонь любви быстро угасал в душе человека!), но в них открывается перспектива бесконечности. Мы как бы вступаем в сферу вечного, полного света и жизни бытия, и вне этого все кажется тусклым и ненужным.

Душа, хотя бы раз прильнувшая к этой чаше, навсегда сохраняет это переживание душевного подъема, переживание его преображающей, творческой силы. Поистине душа как бы поет, вся уходит в музыкально выразимую сладость пребывания в лучах вечности, в живом ощущении абсолютной сферы.

Когда в молодой душе начинает «играть» пол, то одновременно энергия тела переходит, с одной стороны, в половую энергию, а, с другой стороны, развивается хотя смутное, но глубокое искание блаженной, счастливой жизни, которая открывается в любви. Одно от другого неотделимо, одно другого не устраняет, но центр тяжести в «игре» пола лежит все же не на сексуальности, а на эресе.

Надо до конца понять и продумать это положение, чтобы усвоить себе смысл того, что по своей сути означает пол в человеке — в его глубине, в его огненной, творческой стихии. Именно в движениях эроса, в порывах любви душа испытывает глубокую потребность выйти за

ПОСЛОВИЦЫ

- Любишь мед — переноси и пчелиное жало.
- Любишь браниться, умей и помириться.

пределы своей личности, чтобы достигнуть всецелого соединения с любимым существом. Именно потребность любви свидетельствует о невозможности замкнуться в себе — в ней преодолеваются естественные рамки индивидуальности, разрывается ее естественная оболочка.

Поэтому в порывах любви человек начинает тяготиться самим собой. Замкнуться в себе — значит именно в свете любви осудить себя на одиночество, оказаться в метафизической пустоте. Душа наша потому неумоимо ищет любовь, чтобы в любимом найти точку опоры и смысл своего существования.

А та сила поэтического воображения, которая присуща любви и в силу которой мы идеализируем любимого человека, является вовсе не каким-то придатком, действием фантазии, а, наоборот, в ней раскрывается глубочайшая жажда духовного порядка, жажда абсолютного бытия.

Тут как раз уместно заметить, что все виды любви, какие присущи человеческой душе, восходят к единому источнику. Любовь-жалость, любовь-благоговение, родительская и сыновняя любовь, хотя и не имеют ничего общего с любовью, рождающейся из глубины пола, но не случайно именуется одним и тем же словом. Все это есть любовь, есть выход за пределы своего «я», устремление к тому, кого мы любим.

Не развивая этой темы, отметим, однако, что, очевидно, сама жизнь духа человеческого и состоит в любви — тайна каждой личности есть тайна того, как и с какой глубиной ищет любви и любит человек. Любовь к матери, к сестре, к жене — как глубоко различны они! И все же это одна и та же жизнь духа. Так как человек создан по закону полового диморфизма, то есть принадлежит либо к мужскому, либо к женскому полу, то этот половой диморфизм и вбирает в себя из глубины духа ту исконную потребность любви, которая есть сущность человека.

Именно в этом смысле любви, эросу принадлежит основное значение в сфере пола, а сексуальность есть лишь телесная транскрипция того же движения любви. Вот отчего любовь так часто спасает (особенно в юные годы) от давления сексуальности. Любовь несет с собой какое-то благоухание, которое очищает человека, освобождает его от сексуального беспокойства.

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается смысл идеализации любимого?

2. Своими словами объясните утверждение, что в переживаниях любви открывается перспектива бесконечности.
3. Почему «центр тяжести» эмоциональной гаммы влюбленного находится не в зоне сексуальности, а в зоне эроса? Повторите определения понятий сексуальности и эроса.
4. Можно ли в любимом(ой) найти смысл своего существования?

6

ЖИЗНЬ В БРАКЕ

Семья, жизнь в браке дают нормальное разрешение всех тех запросов и стремлений, которые связаны у нас с полом. Правда, в наше время семейная жизнь стала очень сложной — главным образом из-за экономических трудностей, которые накладывают отпечаток на семейную жизнь и которые способны порой вызвать опасный для семьи кризис.

Однако было бы неверно сводить кризис семьи только к одной экономической стороне — он, к сожалению, гораздо сложнее.

Но мы не будем углубляться в этот вопрос, так как для нас существенно лишь отметить, что только в браке жизнь пола находит свое здоровое и жизненное решение. Иначе говоря, из этого трудного, а часто и мучительного состояния, в котором пребывают юноши и девушки, единственный верный и здоровый путь открывается в браке. И если он почему-либо невозможен или затруднен, то **все же вне брака нет никакого выхода, нет здоровой половой жизни — здесь все будет не только уклонением от нормы, нарушением здоровья, но неизбежно становится извращением, расстраивающим сами основы нашей личности.**

Жизнь в браке имеет в себе три стороны — биологическую, социальную и духовную, и все эти стороны не просто даны нам одна рядом с другой, но при нормальных условиях образуют целостное единство. То раздвоение сексуальности и эроса, которое в юности знаменует собою расстройство в сфере пола, в этот переходный период, в браке не только совершенно снимается, но во всей своей соединенности становится источником новых сил, раскрывает новый путь жизни. У апостола Павла есть замечательные строки о браке, из которых приведем сейчас только начальные слова.

«Тайна сия (то есть тайна брака), — говорит апостол Павел, — велика есть». Вот эта «великая тайна» брака только там и существует, где уже совершенно преодолено раздвоение сексуальности и эроса.

Если где-то это раздвоение сохраняется или выступает только одна сторона (часто именно сексуальность), там не только не открывается «великая тайна» брака, но и искажается его смысл, топчется самое священное и глубокое в людях и даже извращается нормальный путь человека.

Неправильно отождествлять сексуальность с «животной» стороной в человеке. У животных нет никакого разъединения сексуальности и эроса. Эрос у них, хотя и очень элементарен, но, как показал еще Ч. Дарвин, играет большую роль во внутренней нераздельности с сексуальностью.

Одностороннее проявление пола с его «животной» стороны совершенно не раскрывает то, что есть в браке, обедняет отношения супругов и влечет за собой угасание и ослабление высших сил в человеке. А между тем в браке действительно питаются наши высшие движения и расцветают лучшие силы.

Тот, кто вступает в брак чистым, целомудренным, впервые в браке постигает тайну телесного единства, чувствует в душе рождение нового благоговейного отношения к телу другого, которое становится как бы священным и святым.

Как показывает жизнь, именно от телесного сближения в браке расцветает в душе глубокое светлое и радостное чувство любви друг к другу, нежное поклонение и глубокое чувство неразрывности. Именно здесь, в этой точке, познается истина моногамии (единобрачия) и вся неправда разводов.

Муж и жена могут принадлежать только друг другу — и это встает в сознании не только как требование социальной морали, сохраняющей семейный очаг, но и как некая повелительная и глубокая тайна, постигаемая в браке. Половое сближение не только не может быть отделено от других видов единения, но само создает и формирует законченную цельность всех взаимных отношений.

Когда между мужем и женой цветет любовь, она сияет во всем и овладевает всем. Малейшая дисгармония в это время переживается очень болезненно. Невнимание, небрежность, равнодушие — даже в самых ничтожных пустяках — вызывают скорбь и тревогу, мучают и обижают. А если появляются признаки зачатия ребенка, то отношения мужа и жены укрепляются еще более в любви к будущему дитяти, в благоговейном трепете перед тайной появления нового человека на свет через близость мужа и жены.

Тонкость и чистота взаимной любви не только не стоят вне телесного сближения, но, наоборот, им питаются. И нет ничего добрее той глубокой нежности, которая расцветает лишь в браке и смысл которой заключается в живом чувстве взаимного восполнения друг друга. Исчезает чувство своего «я» как отдельного человека. Во внутреннем мире и во внешних делах и муж, и жена чувствуют себя лишь частью какого-то общего целого — один без другого не хотят существовать,

хочется все вместе видеть, все вместе делать, быть всегда вместе.

Нежная забота мужа и жены друг о друге невольно и естественно создает такую же нежную заботу о других людях. Избавившись в семье от эгоизма, и муж, и жена, каждый сам по себе, становятся открытыми в своем сердце для всех людей. От благостной связанности друг с другом у обоих супругов рождается социальная чуткость — отсюда величайшее значение семьи в развитии социальных отношений.

Конечно, глубочайшее значение имеет рождение детей, которое не только несет с собой радость, но и дарит чувство полноты, особенно ярко выступающее тогда, когда муж и жена становятся родителями. Появление в семье детей знаменует собой вхождение в сферу продолжения бытия. От поколения к поколению, от родителей к детям, которым предстоит в свое время тоже стать родителями, тянется непрерывное единство человечества.

В брачной жизни соединенная пара должна образовать как бы единую моральную личность.

И. Кант

Только муж и жена вместе образуют действительного человека.

А. Фейербах

Зависимость жизни семейной делает человека более нравственным.

А.С. Пушкин

У нравственного человека семейные отношения сложны, у безнравственного — все гладко.

А.Н. Толстой

Жениться — это значит наполовину уменьшить свои права и вдвое увеличить свои обязанности.

А. Шопенгауэр

Брак без детей как день без солнца.

Античный афоризм

ВОПРОСЫ

1. Охарактеризуйте все три стороны жизни в браке: биологическую, социальную и духовную.
2. Может ли быть счастливой та семья, в которой не преодолено раздвоение сексуальности и эроса? Почему эта проблема раздвоения невозможна у животных?
3. Почему так важно, чтобы муж и жена принадлежали только друг другу?
4. Почему в семье нужны дети?

7

СЕМЬЯ КАК ЦЕЛОСТНАЯ ЕДИНИЦА.

МОНАШЕСТВО

Благодать, даруемая любящим друг друга супругам в браке, никогда не может быть исчерпана, она всегда пребывает в семье и с семьей. Благоухание такой христианской семьи, ее непобедимая духовная сила сияют не только внутри семьи, но выходят и за ее пределы. Те, кому не дано было иметь свою семью, обычно духовно согреваются возле чужой семьи, и, может быть, именно таким одиноким людям дано видеть и переживать всю великую правду, всю удивительную тайну семьи, причем даже более, чем тем, кто имеет свою семью.

Но и в этом высшем своем цветении семья остается целостной. Нет в семейной жизни разделенных сфер — отдельно телесной, социальной, духовной близости. Здесь одно откликается и отражается в другом, все очень связано внутренне и интимно, и любая боль одного чувствительно дает себя знать в другом. Семья — это нормальное раскрытие тайны пола в нас. Для семьи, для семейной жизни дан нам пол, и все богатство, вся полнота и сила его впервые открывается в семье в своем высшем цветении и выражении. Иначе сказать — вне семейной жизни нет и не может быть полноценной жизни пола, она может быть только неправильной, искажающей нашу природу и нарушающей законы жизни. Путь чистоты до брака — не только требование социальной морали, охраняющей семью, он диктуется самой природой человека. Добрачная половая жизнь есть просто одностороннее и потому извращенное выражение пола и грозит опустошением души и искажением ее внутреннего строя.

Семья образует некую социальную единицу. **Как раз в семье во всей силе должен действовать принцип — все за одного и один за всех.** Если кто-либо в семье болен, то средства всей семьи тратятся на этого больного, и никому в голову не может прийти, что это неправильно. В семье может и не быть «общей кассы» (если зарабатывают несколько членов семьи), но сущность того порядка, который заведен в доме, от этого не меняется. Это социальное единство семьи не устраняет различия между ее членами, в работоспособности, в здоровье — каждый трудится в меру своих сил. Семья — это некая трудовая единица, а не просто общая и совместная жизнь. Но социальное единство не исчерпывается этой стороной. Достаточно вспомнить о том, что есть честь семьи, которую соблюдают все ее члены, чтобы

понять, что принадлежность к семье как к социальному единству захватывает и душу, глубоко входя туда как живой и питательный источник.

Дети в семье не просто предмет забот и тревоги, они дают семье новый смысл существования, являются источником радости и сил. Любовь к детям придает силы родителям переносить все невзгоды жизни, любовь к родителям освещает детям всю их жизнь. Кто для человека может быть ближе его матери, его отца!

А между тем новая жизнь приходит в мир именно через брак, через сближение двух полов. И это значит, что в семье, и только в ней открывается огромная творческая сила, которая вносит смысл в нашу жизнь. Не будь полового сближения, не было бы рождения детей; святость последнего, вся безмерная невыразимая радость от общения с детьми освещает по-новому смысл пола.

Не следует думать, конечно, что пол в человеке раскрывается только в этом. То, что дают друг другу любящие муж и жена, тоже есть огромная неизмеримая ценность и сила — смысл пола открыт здесь и с этой стороны. Эти два «конца» пола в нас — образование семьи как социального целого, рождение детей, с одной стороны, и вся духовная содержательность и сила взаимной жизни друг в друге мужа и жены — с другой — позволяют нам признать в области пола начало света и творчества, правды и жизни.

Святитель Феофан Затворник в книге «Созерцание и размышление» писал о монашестве: «Да что такое разумеют под монашеством? Ряса, клобук, четки и прочая внешность, точно, не Спасителем учреждены, но сила и дух монашества указаны Им Самим, в Его собственном лице, в лице Божией Матери, Предтечи Господня и, можно сказать, всех апостолов. Монашество есть, с отречением от всего, непрестанное умом и сердцем пребывание в Боге. Монах тот, у кого так устроено внутреннее, что только есть Бог да он, исчезающий в Боге. А так как этому настроению много мешают семейная и гражданская жизнь, то ищущие его удаляются от общества, разрывают, или даже совсем не вступают в семейные связи. На это есть указание у Самого Спасителя, именно о безбрачии и совершенном нестяжании. Затем, когда в Коринфе произошли недоумения касательно дев, не желав-

ших выходить замуж, апостол Павел в послании к ним указал, как поступить. Смысл указания этого такой: не худо делает тот, кто женится, но не жениться лучше. В апостольские времена были аскеты, они же в последующее время явились под именем пустынников, монахов. Церковь дала им только внешнюю организацию, а не учредила небывалого. Ни политика, ни мировые события не имели в этом участия. Монашество не отвне, оно исходит из духа христианства, и даже из природы духа человеческого. Есть, например, люди, посвящающие себя науке, искусствам — отчего? Такой талант, говорят. Почему же не благоволить к тем, кои посвящают себя Богу? Ведь и это — талант, или, что то же, дар Божий. Настроение, значит, таково: могий вместити да вместит*.

Говорят, нет пользы от монашества. Да вы расширите круг полезного-то далее вещественных интересов, включите сюда благочестие, добрую нравственность, чистоту сердца, и порешите — от кого ожидать пользы для этих, далеко не малых, вещей? Не от таких ли людей, как Серафим Саровский, Парфений Киевский и многие другие? А христианство чего хочет? Вышних ищите, горняя мулрствуйте. Живот ваш сокровен есть со Христом в Боге**. Это и есть монашество. Не черная ряса, не клобук — монашество, даже не жизнь в монастыре. Пусть все это изменится, но монашество вовеки пребудет, пока останется на земле человек — христианин».

Если это так, то не значит ли это, что семья и расцвет в семье есть все же низшая форма жизни? Не должен ли тот, кто ищет высшего и лучшего пути, остаться навсегда девственным и жить вне пола? И не значит ли это в свою очередь, что пол дан человеку на мучение и бремя, а не на жизнь и творчество?

Было бы огромной ошибкой так думать! И не только потому, что «гнушаться» полом, презирать его есть великий грех, осужденный Церковью, не только потому, что тайна брака «велика есть». В браке подается особая благодать, а в семье осуществляется «малая церковь». Эти соображения освещают возвышенный религиозный смысл бра-

* Мф. 19, 12.

** Кол. 3, 1–3.

ка, и эта точка зрения потому здесь важна, что монашество читится именно за религиозную силу его.

Целомудрие монахов не унижает пол, а лишь показывает еще выше его нераскрытую святость. **Не борьба с полом составляет смысл монашества, а борьба с грехом, и целомудрие, воздержание от половой жизни есть не цель, а средство борьбы. В монашестве люди ищут наилучших путей преодоления греха, и эта задача, одинаково стоящая перед всеми людьми, решается здесь, на путях отречения от всего мирского, не по презрению к миру, а в силу того, что тяжесть греховности особенно сильно падает на нас через мир.**

В монашестве нет власти мира над человеком, но внутри человека вспыхивает новая борьба с миром. Все, кто ищет правды, вступают в борьбу с миром — одни оставаясь в миру, другие уходя из мира. Борьба с миром, вернее с началом греха в мире, есть задача, стоящая перед каждым человеком. И те, кто уходит в монашество, и те, кто вступает в брак, одинаково стоят перед этой задачей, но идут к решению ее разными путями. В частности, в монашестве не снимается тайна пола, не утихает страшное пламя, которое томит и искушает. Быть может, вся ужасающая сила и вся глубина пола еще яснее в монашестве, чем в семье. Смысл монашества заключается в подвиге распятия своей плоти не из презрения к плоти, а ради торжества духовного начала в человеке над плотью. Но та же задача стоит и в браке — только в другой своей стороне. Брак не только половая жизнь — это большой и сложный духовный путь, в котором есть место своему целомудрию, своему воздержанию.

ВОПРОСЫ

1. Какой основной принцип служит фундаментом нормальной семьи? Почему? На примерах аргументируйте свою точку зрения.
2. Можно ли утверждать, что борьба с полом составляет смысл монашества?
3. Чего ищут люди в монашестве?

ВНЕБРАЧНАЯ ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ

8

Мы уже говорили о том, как следует правильно устраивать жизнь пола — перед нами открыт либо путь чистоты и девственности, либо семейная жизнь. Вне семьи не должно быть никакой половой жизни, вне семьи она должна сжаться и затихнуть — будет ли то уход в монашество, вынужденная одинокая жизнь или неудачи в семье.

Требования гигиены совпадают здесь с требованиями морали и тем более с требованиями христианского сознания: всякая внебрачная половая жизнь может дать удовлетворение только временно, причем если не всегда на путях лжи, то всегда на путях греха. Действительно, внебрачная половая жизнь есть торжество чистой сексуальности за счет духовной стороны. В частности, за счет тех радостей и творческой силы, которые вытекают из переживаний любви. Таковы указания социального знания, психопатологии, таковы категорические указания морального и религиозного сознания.

Но, рассмотрев вопрос с принципиальной стороны, мы не можем не спросить себя: а как же дело обстоит в реальной жизни? Оправдывает ли реальная жизнь те принципиальные положения, которые мы развивали до сих пор? Нельзя не признать, что действительность дает нам грустную картину все возрастающего ослабления семейных отношений, упадка семьи, картину такого искажения и разрушения великой тайны семьи, что неизбежно возникает вопрос: куда же движется современная жизнь в этой области?

Неудачные браки, бесконечно умножающиеся разводы, частое нарушение супругами чистоты брака, увеличение фактов случайного или кратковременного сожительства, тяжкие последствия всего этого по отношению к детям, молодому поколению — все это нередко вызывает отрицание брака, боязнь его.

Когда у женщин не развито чувство чести и достоинства, процветает нравственное невежество мужчин.

В.А. Сухомлинский

Когда мужчины неуважительно относятся к женщине, это почти всегда показывает, что она первая забылась в своем обращении с ними.

Д. Дидро

Особенно часто встречается эта боязнь у девушек. Наглядевшись в чужой или даже в своей семье на все то, что реально представляет семейная жизнь, они чуждаются брака, готовы, пожалуй, начинать внебрачное сожительство, чтобы при первом конфликте бросить своего сожителя. Естественно, что в таких случаях избегают иметь детей, делают аборт, не отдавая себе отчета, к каким тяжким заболеваниям это обычно приводит.

Брак все больше дискредитируется молодым поколением. В связи с этим все более возрастает культ внебрачных связей. Легкомысленное отношение к половой жизни порой облекается даже в форму некой идеи высшего изящества («поэзия изящной безнравственности», как говорил русский мыслитель К. Леонтьев).

Неудивительно, что на этой почве торжествует то легкомысленное эпикурейство, которое не хочет ни к чему относиться серьезно, смеется, когда заходит речь о высших ценностях, цинично срывает «маску добродетели», как принято выражаться, чтобы провозгласить безграничную свободу в половой жизни. Все это не клевета на современность, не придирчивое морализирование, а скорее ослабленная характеристика того кризиса семьи, который все сильнее и глубже развивается в современной жизни.

ВОПРОСЫ

Почему вне семьи не должно быть половой жизни?

КРИЗИС СЕМЬИ

9

Согласно переписи, проведенной в Российской империи, в 1897 году в стране было 129 миллионов 211 тысяч жителей. Прогнозы на будущее были очень оптимистичны. В одном из российских календарей писалось, что в 1985 году в России будет 400 миллионов жителей.

Увы, в 1997 году население страны составляло около 147 миллионов человек. Из-за большой смертности и малой рождаемости население России каждый год уменьшается на 1,6 миллиона человек.

Российские ученые-демографы утверждают, что если численность населения и в дальнейшем будет уменьшаться такими темпами, то через каких-то 60—80 лет страна по существу не сможет называться Россией.

За первые 10 лет периода перестройки и реформ рождаемость в России уменьшилась почти в два раза: с 17,2 младенца на 1000 человек в 1986 году до 9 младенцев в 1996 году.

Сразу отметим, что при рассмотрении проблемы кризиса семьи наименьшее внимание следует уделять все возрастающим экономическим трудностям. Достаточно указать на то, что еще и сейчас часто встречаются здоровые семьи, не знающие никакого кризиса, причем

именно среди простого народа, экономические трудности у которого, конечно, несравненно больше, чем у высших слоев общества (чиновников, бизнесменов и т. д.).

Как бы ни были действительно тяжелы экономические условия жизни (которые для семьи особенно тяжелы в случае болезней детей), как бы ни сгибались люди под тяжестью этого креста, но крепкая семья переносит эти испытания как одно целое. Муж, жена, дети в нормальных условиях не отдаляются друг от друга, а, наоборот, сближаются. Все вместе несут этот крест, и взаимная привязанность, сколько бы ни отравляли ее внешние невзгоды, становится лишь глубже и крепче. **Все основные трудности семейной жизни, в конце концов приводящие к глубокому кризису семьи, лежат, очевидно, не вне ее, а в ней самой — в личности людей, создавших в семью.**

Семейная жизнь, как уже говорилось, имеет в себе три стороны: биологическую («супружеские отношения»), социальную и духовную. Если устроена какая-либо одна сторона, а другие стороны либо прямо отсутствуют, либо находятся в запущенности, то кризис семьи будет неизбежен.

Рассмотрим случаи, когда женятся или выходят замуж ради денежной выгоды, когда на первый план выдвигается социальная сторона. Как правило, такие браки по расчету (кроме тех редких случаев, когда через общую жизнь все же разовьются здоровые семейные отношения), увы, постоянно ведут к супружеской неверности. К сожалению, и раньше, и даже в наше время при заключении брака социальный момент играет важную роль; утешают себя и вступающие в брак, и их родные тем, что «стерпится-слюбится». Да, иногда это оправдывается, но до какой степени ныне это редко!

В пьесе Островского «Гроза» ярко изображена та трагическая заплата, которая создается самими условиями такого брака и которая беспощадно расправляется с теми, кто в нее попал. Чтобы нести крест совместной жизни с нелюбимым человеком, чтобы не поддаться искушению сойтись с кем-нибудь тайно и тем нарушить долг верности, нужно много сил. Верность — великая сила, скрепляющая семейные отношения, но она не может питаться только одним чувством долга, одной идеей верности. Она должна иметь опору в живой любви!

В семье, где между родителями нет живой любви, не только царит холод, но подчас развиваются крайне враждебные отношения, переходящие в ссоры, ругательства и оскорбления, дети либо душевно сжимаются, становятся ко всему безразличными, либо рано впадают в цинизм, не признают ничего святого, не верят никому и ничему.

Чтобы семейная жизнь была не просто «сносной», но и духовно здоровой, нужно не одно физиологическое влечение, а настоящее увлечение, переходящее в любовь. Иначе говоря, только сочетание сексуального влечения и движений любви (эроса) обеспечивает нормальную семейную жизнь. При отсутствии влечения становится трудным супружеское сближение, а при отсутствии любви, когда на первый план выступает только влечение, семья будет непрочной — угаснет страсть, ослабеет сексуальное влечение, и супруги неизбежно окажутся лицом к лицу со своей внутренней отчужденностью друг к другу.

Тайна брака поистине велика. Два человека, жившие до вступления в брак своей особой жизнью, имевшие уже сложившиеся привычки, взгляды, имевшие каждый в отдельности своих друзей, приятелей, вступив в брак, начинают жить общей жизнью. Это, конечно, бывает не легко. Нужно много идущих от любви усилий взаимного приспособления для уступчивости и умения находить пути жизни, не тягостные ни для одной стороны. Когда в сердце есть любовь, тогда, конечно, все становится легче, естественнее.

- Муж да жена — одна душа.
- Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом растрясет.
- Муж — голова, жена — душа.

ВОПРОСЫ

1. Можно ли утверждать, что среди причин кризиса современной семьи в первую очередь следует искать экономические?
2. Какие причины кризиса семьи вы знаете?
3. Какие условия необходимы для духовно здоровой семьи?

10

ТЕНЬ ДОБРАЧНЫХ СВЯЗЕЙ

Препятствием для нормальной жизни (часто и при искренней любви друг к другу), как уже отмечалось, может оказаться то, что у вступивших в брак уже была добрачная половая жизнь. Трудно молодой женщине, которой муж рассказал, как он жил до брака, без отвращения и ужаса перенести это. Тень добрачных связей никогда не может быть снята! Душа того мужчины, который жил добрачной половой жизнью, помимо его воли, несет в себе следы этой добрачной жизни.

Мы не говорим сейчас о половых болезнях, которыми неизбежно могут заразиться муж и жена. Все современные средства, применяемые, например, для излечения сифилиса, не могут окончательно устранить из организма тот яд, который в него попал. Французский психиатр Шарко имел привычку водить молодых студентов в клинику венерических заболеваний, чтобы они навсегда запомнили те ужасы, на которые часто бывают обречены эти больные. Об этих тяжких последствиях добрачной половой жизни не будем писать подробно. Не будем останавливаться и на тех извращениях, которые приобретают иногда в добрачной жизни и от которых потом страдают все члены семьи.

Гораздо серьезнее то, что в добрачной половой жизни изнашивается организм. Сексуальная жизнь, не связанная с любовью, с семейным очагом, с детьми, отнимает гораздо больше сил, чем нормальные супружеские отношения в браке.

Мы не говорим сейчас и о возможных добрачных связях девушек из-за очевидности ответа на этот вопрос. Ведь та, которая в будущем станет матерью и воспитательницей детей, должна быть фундаментом семейной нравственности и хранительницей домашнего очага. Ну а если девушка становится «доступной» до брака, то о каком воспитании, тепле и фундаменте может идти речь?!

Отчего и зачем вступают молодые люди на путь добрачной половой жизни? Чаще всего их увлекают на этот путь плохие товарищи, бывают

случаи, когда соблазняют легкомысленные женщины. Иногда (может быть, очень часто) падение юношей совершается в состоянии опьянения. Л. Толстой рассказывал, что одна его тетушка советовала ему вступить в связь с женщиной *comme il faut**, желая, очевидно, этим приучить его к деликатному обращению с женщинами в интимных отношениях...

Об интимных отношениях надо сказать (и это уже много раз указывалось в психопатологии, а также хорошо известно священникам по исповедям), что половое сближение в браке проходит сначала трудно для девушки, вступившей в брак, и со стороны мужа нужна действительно особая деликатность, чтобы не вызвать тяжелых эмоций у жены. Этот трудный момент часто бывает началом рокового процесса в женщине, которая благодаря ему чувствует отвращение и боязнь полового сближения. Отсюда (в значительнейшей мере) и рождается пресловутая холодность женщин, мешающая брачным отношениям и нередко ведущая к разрыву.

ВОПРОСЫ

Перечислите негативные последствия добрачных половых связей с физической и нравственной точек зрения.

ЧЕРВЬ В СЕРДЦЕ

Один из вариантов последствий добрачной связи красочно описан в повести Л.Н. Толстого «Дьявол», отрывок из которой мы приведем.

Главный герой этого романа — Евгений до брака «для здоровья» завел связь с крестьянкой Степанидой. Позднее он ее оставил, счастливо

* То есть женщиной, соблюдающей светские приличия.

женился, но, встретив Степаниду, почувствовал неодолимое влечение к ней.

— Дядюшка, — вдруг заговорил Евгений, — можете вы соблюсти мой секрет, ужасный для меня секрет, постыдный секрет?

— Ну, да вот. Когда я был холостым, я имел глупость войти в сношения с женщиной здесь, из нашей деревни. То есть, как я встречался с ней в лесу, в поле...

— И хорошенькая? — сказал дядюшка.

Евгений поморщился от этого вопроса, но ему так нужна была помощь внешняя, что он как будто не слышал его и продолжал:

— Ну, я думал, что это так, что я перерву и все кончится. Я и перервал еще до женитьбы и почти год и не видал, и не думал о ней, — Евгению самому странно было себя слушать, слушать описание своего состояния, — потом вдруг, уж я не знаю отчего, — право, иногда веришь в привороты, — я увидал ее, и червь залез мне в сердце — гложет меня. Я ругаю себя, понимая весь ужас своего поступка, то есть того, который я всякую минуту могу сделать, и сам иду на это, и если не сделал, то только Бог меня спасал.

— Да, положим, — сказал дядюшка. — Но неужели ты так влюблен?

— Ах, совсем не то. Это не то, это какая-то сила ухватила меня и держит. Я не знаю, что делать. Может быть, я окрепну, тогда...

— Ну вот и выходит по-моему, — сказал дядюшка. — Поедьте-ка в Крым.

— Да, да, поедьте, а пока я буду с вами, буду говорить вам. То, что Евгений доверил дядюшке свою тайну и, главное, те мучения совести и стыда, которые он пережил после того дождливого дня, отрезвили его. Поездка та была решена через неделю...

Ни разу после того дождливого дня не видав Степаниду, он уехал с женою в Крым. В Крыму они провели прекрасно два месяца. Евгению было столько новых впечатлений, что все прежнее стерлось, ему казалось, совсем из его воспоминания.

А вот что произошло через некоторое время после возвращения из Крыма.

Евгений поехал по хозяйству, которое он запустил. На хуторе молотилка новая работала, осматривая ее работу, Евгений ходил между баб, стараясь не замечать их, но как он ни старался, он раза два заметил черные глаза и красный платок Степаниды, носившей солому. Раза два он покосился на нее и почувствовал, что опять что-то, но не мог дать себе отчета. Только на другой день, когда он опять поехал на гумно хутора и пробыл там два часа, чего совсем не нужно было, не переставая глазами ласкать знакомый красивый образ молодой женщины, он почувствовал, что он погиб, погиб совсем, безвозвратно. Опять эти мученья, опять весь этот ужас и страх. И нет спасенья.

То, чего он ожидал, то и случилось с ним. На другой день вечером он, сам не зная как, очутился у ее задворков, против ее сенного сарая, где один раз осенью у них было свиданье. Он, как будто гуляя, остановился тут, закуривая папироску. Баба-соседка увидала его, и он, проходя назад, услышал, как она говорила кому-то:

— Иди, дожидается, сейчас умереть, стоит. Иди, дура!

Он видел, как баба — она — побежала к сараю, но ему нельзя уже было вернуться, потому что его встретил мужик, и он пошел домой.

Когда он пришел в гостиную, все ему показалось дико и неестественно. Утром он встал еще бодрый, с решением бросить, забыть, не позволять себе думать. Но, сам не замечая как, он все утро не только не интересовался делами, но старался освободиться от них. То, что прежде важно было, радовало его, было теперь ничтожно. Он бессознательно старался освободиться от дел. Ему казалось, что нужно освободиться для того, чтобы обсудить, обдумать. И он освободился и остался один. Но как только остался один, так он пошел бродить в сад, в лес. И все места эти были загажены воспоминаниями, воспоминаниями, захватывающими его. И он почувствовал, что он ходит в саду и говорит себе, что обдумывает что-то, а он ничего

не обдумывает, а безумно, безосновательно ждет ее, ждет того, что она каким-то чудом поймет, как он желает ее, и возьмет и придет сюда или куда-нибудь туда, где никто не увидит, или ночью, когда не будет луны, и никто, даже она сама, не увидит, в такую ночь она придет, и он коснется ее тела...

«Да, вот и перервал, когда захотел, — говорил он себе. — Да, вот и для здоровья сошелся с чистой, здоровой женщиной! Нет, видно, нельзя так играть с ней. Я думал, что я ее взял, а она взяла меня, взяла и не пустила. Ведь я думал, что я свободен, а я не был свободен. Я обманывал себя, когда женился. Все было вздор, обман. С тех пор как я сошелся с ней, я испытал новое чувство, настоящее чувство мужа. Да, мне надо было жить с ней.

Да, две жизни возможны для меня; одна та, которую я начал с Лизой: служба, хозяйство, ребенок, уважение людей. Если эта жизнь, то надо, чтоб ее, Степаниды, не было. Надо усрать ее, как я говорил, или уничтожить ее, чтоб ее не было. А другая жизнь — это тут же. Отнять ее у мужа, дать ему денег, забыть про стыд, позор и жить с ней. Но тогда надо, чтоб Лизы не было и Мими (ребенка). Нет, что же, ребенок не мешает, но чтоб Лизы не было, чтоб она уехала. Чтоб она узнала, прокляла и уехала. Узнала, что я променял ее на бабу, что я обманщик, подлец. Нет, это слишком ужасно! Этого нельзя. Да, но может и так быть, — продолжал он думать, — может так быть. Лиза заболит да умрет. Умрет, и тогда все будет прекрасно.

Прекрасно! О негодяй! Нет, уж если умирать, то ей. Кабы она умерла, Степанида, как бы хорошо было.

Да, вот как отравляют или убивают жен или любовниц. Взять револьвер и пойти вызвать и, вместо объятий, в грудь. И кончено.

Ведь она черт. Прямо черт. Ведь она против воли моей завладела мною. Убить? Да. Только два выхода: убить жену или ее. Потому что так жить нельзя. Нельзя. Надо обдумать и предвидеть. Если остаться так, как есть, то что будет?

Будет то, что я опять себе скажу, что я не хочу, что я брошу, но я только скажу, а буду вечером на задворках, и она знает, и она придет. Или люди узнают и скажут жене, или я сам скажу ей, потому что не могу я лгать, не могу я так жить. Не могу. Узнается. Все узнают, и Параша, и кузнец. Ну и что же, разве можно жить так?

Нельзя. Только два выхода: жену убить или ее. Да еще...»

— А, да, третий есть: себя, — сказал он тихо вслух, и вдруг мороз пробежал у него по коже. — Да, себя, тогда не нужно их убивать.

Ему стало страшно именно потому, что он чувствовал, что только этот выход возможен. «Револьвер есть. Неужели я убью себя? Вот чего не думал никогда. Как это странно будет».

Он вернулся к себе в комнату и тотчас открыл шкаф, где был револьвер. Но не успел он открыть его, как вошла жена.

Он накинул газету на револьвер.

— Опять то же, — с испугом сказала она, взглянув на него.

— Что то же?

— То же ужасное выражение, которое было прежде, когда ты не хотел мне сказать. Геня, голубчик, скажи мне. Я вижу, ты мучаешься. Скажи мне, тебе легче будет. Что бы ни было, все лучше этих твоих страданий. Ведь я знаю, что ничего дурного.

— Ты знаешь? Пока.

— Скажи, скажи, скажи. Не пущу тебя. Он улыбнулся жалкой улыбкой.

«Сказать? Нет, это невозможно. Да и нечего говорить». Может быть, он сказал бы ей, но в это время вошла кормилица, спрашивая, можно ли идти гулять. Лиза вышла одеть ребенка.

— Так ты скажешь? Я сейчас приду.

— Да, может быть...

Она никогда не могла забыть улыбки страдальческой, с которой он сказал это. Она вышла.

Поспешно, крадучись, как разбойник, он схватил револьвер, вынул из чехла. «Он заряжен, да, но давно, и одного заряда недостает. Ну, что будет».

Он приставил к виску, замялся было, но как только вспомнил Степаниду, решение не видеть борьбу, соблазн, падение, опять борьбу, так вздрогнул от ужаса. «Нет, лучше это». И нажал гашетку.

Когда Лиза вбежала в комнату, — она только что успела спуститься с балкона, — он лежал ничком на полу, черная, теплая кровь хлестала из раны, и труп еще подрагивал.

Было следствие. Никто не мог понять и объяснить причины самоубийства, дядюшке даже ни разу не пришло в голову, что причина имела что-нибудь общего с тем признанием, которое два месяца назад делал ему Евгений.

ВОПРОСЫ

1. Почему ясное понимание того, что со Степанидой не нужно встречаться не могло удержать Евгения?
2. Что могло бы помочь в такой ситуации?

12

В ПОЛОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

НЕТ НИЧЕГО ПОСТЫДНОГО?*

Если мы будем есть, когда нам хочется и сколько нам хочется, то, скорее всего, мы будем есть слишком много, но все-таки не катастрофически много. Один человек может есть за двоих, но никак не за десятерых. Аппетит переходит границу биологической цели, но не чрезмерно. А вот если молодой человек даст волю своему половому аппетиту и если в результате каждого акта будет рождаться ребенок, то в течение десяти лет этот молодой человек сможет заселить своими потомками небольшой город. Этот вид аппетита несоразмерно выходит за границу своих биологических функций.

* Отрывок из книги К.С. Льюиса «Любовь. Страдание. Надежда».

Рассмотрим это с другой стороны. На представление стриптиза вы можете легко собрать огромную толпу. Всегда найдется достаточное количество желающих посмотреть, как раздевается на сцене женщина. Предположим, мы приехали в какую-то страну, где театр можно заполнить зрителями, собравшимися ради довольно странного спектакля: на сцене стоит блюдо, прикрытое салфеткой, затем салфетка начинает медленно подниматься, постепенно открывая взгляду содержимое блюда. И перед тем, как погаснут театральные огни, каждый зритель может увидеть, что на блюде лежит баранья отбивная или кусок ветчины. Когда вы увидите все это, не придет ли вам в голову, что у жителей этой страны что-то неладное с аппетитом? Ну а если кто-то, выросший в другом мире, увидел бы сцену стриптиза, не подумал ли бы он, что с нашим половым инстинктом что-то не в порядке?

Немногие желают есть то, что пищей не является, или делать с пищей что-либо другое, а не есть ее. Иными словами, извращенный аппетит к пище — вещь крайне редкая. А вот извращения сексуальные — многочисленны, пугающи и с трудом поддаются лечению. Мне не хотелось бы вдаваться во все эти детали, но придется, делать это приходится потому, что в последние несколько лет нас день за днем кормили отборной ложью о сексе. Нам повторяли до тошноты, что половое желание в такой же степени правомерно, как и любое другое естественное желание. Нас убеждали, что, если только мы откажемся от глупой викторианской идеи подавлять это желание, все в нашем человеческом саду станет прекрасно. Это — неправда! Как только вы, отвернувшись от пропаганды, переведете взгляд на факты, вы увидите, что это ложь.

Вам говорят, что половые отношения пришли в беспорядок из-за того, что их подавляли. Но теперь-то их не подавляют! О них судачат повсюду, весь день напролет, а они все еще не пришли в норму. Если вся беда в подавлении секса, в замалчивании, то с наступлением свободы проблема должна бы разрешиться. Однако этого не случилось. Я считаю, что все было как раз наоборот: когда-то, в самом начале, люди стали обходить этот вопрос именно из-за того, что он выходил из-под контроля, превращался в чудовищную неразбериху.

Многие современные люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного». Под этим они могут подразумевать две вещи. Они

могут иметь в виду, что нет ничего постыдного как в том, что человечество воспроизводит себя определенным способом, так и в том, что способ этот сопряжен с удовольствием. Если так, то они правы. Беда не в самом способе и не в удовольствии.

В старину христианские учителя говорили: «Если бы человек не пал, то получал бы гораздо больше удовольствия от отношений между женщиной и мужчиной, чем получает теперь». Христианство — почти единственная из великих религий, которая одобрительно относится к телу, которая считает, что материя — это добро, что Сам Бог однажды облекся в человеческое тело, что нам будет дано какое-то новое тело даже на небесах и это новое тело станет существенной составной частью нашего счастья, нашей красоты, нашей силы. Христианство возвеличило брак больше, чем любая другая религия, и почти все величайшие поэмы о любви написаны христианами. Если кто-нибудь говорит, что половые отношения — зло, христианство тут же возражает. Однако когда сегодня люди говорят: «В половых отношениях нет ничего постыдного», они могут подразумевать, что нет ничего предосудительного в том положении, в котором пребывают эти отношения сегодня.

Если они это имеют в виду, то, я думаю, они не правы. Я считаю, что сегодняшнее положение с сексом — весьма и весьма постыдное. Нет ничего постыдного в наслаждении едой; но было бы крайне позорно для человечества, если бы половина населения земного шара сделала пищу главным интересом в своей жизни и проводила время, глядя на картинки, изображающие съедобное, облизываясь и пуская слюну.

Я не хочу сказать, что мы с вами лично ответственны за сложившуюся ситуацию. Мы страдаем от искаженной наследственности, которую передали нам наши предки. Кроме того, мы выросли под гром пропаганды невоздержания. Существуют люди, которые ради прибыли желают, чтобы наши половые инстинкты были постоянно возбуждены, потому что человек, одержимый навязчивой идеей или страстью, едва ли способен удержаться от расходов на ее удовлетворение. Бог знает о нашем положении и, когда Он будет нас судить, примет во внимание все трудности, которые нам приходилось преодолевать. Важно только, чтобы мы искренне и настойчиво желали преодолеть эти трудности.

Мы не можем исцелиться прежде, чем захотим. Те, которые действительно ищут помощи, получают ее. Но многим современным людям даже пожелать этого трудно. Легко думать, будто мы хотим чего-то, когда на самом деле вовсе этого не хотим. Когда Блаженный Августин был молодым, то постоянно молился, чтобы Бог наделил его целомудрием. И лишь много лет спустя он осознал, что пока его губы шептали: «О Господи, сделай меня целомудренным», сердце втайне добавляло: «Только, пожалуйста, не сейчас». То же самое может случиться и с молитвами о других добродетелях.

ВОПРОСЫ

1. Как христианство относится к человеческому телу?
2. Почему К.С. Льюис считал, что «сегодняшнее положение с сексом — весьма и весьма постыдное»? А как вы считаете?

О ЦЕЛОМУДРИИ*

13

В наше весьма не целомудренное время, думаю, не лишним будет напомнить о том, что величайшие ученые, гении технической мысли, многие деятели искусства, не говоря уже о духовных учителях человечества, как правило, были морально чистоплотны. Являясь верными мужьями женам, они всей своей жизнью исповедовали высокую нравственную, духовную культуру.

Медики свидетельствуют, что одной из основных причин врожденных болезней детей, начиная от расстройства нервной системы до недоразвитости, болезни Дауна и прочих, являются добрачные половые связи. По данным статистики, лишь каждый четвертый ребенок рождается здоровым. Это было прекрасно известно нашим предкам. И они держали невест на выданье взаперти.

* При написании этого раздела использовалась статья о. Артемия Владимирова.

Скажем и о нравственных последствиях плотской распушенности. Разврат прежде всего отражается на складе человеческой души. Детская душа лишается природных добродетелей: ясности ума, умения схватывать на лету, свойственной детской психологии пронизательности, радости сердца и ощущения жизни как полноты бытия — всего того, что, собственно, и делает детство счастливым. Детям присуща удивительная телесная динамика. Почему они постоянно прыгают, бегают, почему они не знают ни минутки покоя? Потому что тело для них — это инструмент, посредством которого про-являет себя детская душа в окружающем мире. Если вам приходилось когда-либо общаться с развратником, то, полагаю, вы замечали в нем некую томность, расслабленность телесно-душевного организма. Они оживают только в том случае, когда предмет вождления оказывается перед их глазами.

То, что духовный мир существует, признается уже и наукой, представители которой довольно успешно исследуют воздействия духовного мира на физический. В Библии говорится, что соединившиеся мужчина и женщина «плоть одна», то есть в мире духовном образуется между ними некое единство, которое явно обнаруживается и в мире физическом. Например, между мужем и женой можно заметить некоторое сходство, довольно неопределенное, но, тем не менее, существующее.

В наше время распространились так называемые пробные браки. Молодые люди живут вместе, ничем себя не обязывая, и «пробуют», подходят ли они друг другу. Все выглядит очень современно — лучше сначала попробовать, чем потом разводиться. И «пробуют» раз, другой, третий. Нередко в конце концов заключают брак. Но вот что странно — число разводов от таких проб не уменьшается, а процент больных новорожденных детей увеличивается. Однако почему же не уменьшается число разводов? Ведь так долго «пробовали»?

Чтобы брак был счастливым, он не должен строиться на принципе пробы. В церкви над головами брачующихся носят венцы, эти венцы — символы мученичества. Мученичества, потому что человек решается жить для другого, перешагнув через свой эгоизм и отказавшись от жизни лишь для себя. И не на один день или на два года, а на всю жизнь. И это действительно мученичество, подвиг, когда человек поднимается в полный рост своего человеческого достоинства.

И каким же жалким рядом с ним выглядит эгоистичное оценивание партнера в «пробном» браке! Как далек подобный брак от настоящей любви. Ведь любовь — это стремление и желание отдать всего себя другому, когда один человек не рассматривает партнера как средство удовлетворения своих разнообразных потребностей. Он расширяет пределы своего узкого «я», тем самым, становясь счастливым сам.

Один замечательный человек сказал: «Если ты можешь не поцеловать женщину, которую любишь, то только тогда ты имеешь право ее поцеловать». В этой, на первый взгляд, противоречивой фразе заключен большой смысл. Если твоя любовь к женщине выше, чем потребность сближения с ней, то это действительно настоящее чувство, и ты можешь попытаться соединить с этой женщиной свою судьбу.

Следует заметить, что Церковь в каких-то исключительных случаях разрешает разводы и второй брак. Причиной для развода может быть супружеская измена, психическое нездоровье одного из супругов и т. д. Однако разрешение Церкви на второй брак является лишь снисхождением к немощи людей. Даже чин венчания для брачующихся второй раз отличается от того, которым венчают людей впервые.

У Паисия Святогорца есть рассказ о том, как одна женщина, которой изменял муж, кротко все терпела и покрывала его грехи перед детьми. Например, доходило до того, что со своими любовницами муж приезжал домой обедать. Жена, все понимая, кормила их, а детям объясняла, что муж заехал пообедать со своей сотрудницей. Однако, такой подвиг под силу не всем. Вот и нисходит Церковь к нашим слабостям.

Ну а если все-таки «попробовали», а семьи не получилось? Так что же остается — несчастная супружеская жизнь и больные дети?

Мы уже доказали, что чистота физическая имеет корни в чистоте духовной. А для духовного недуга нужно и духовное врачевание. В Церкви существует таинство исповеди, которое врачует грехи. Но для этого нужно очень глубокое покаяние, такое, чтобы никогда-никогда юноше или девушке не захотелось вновь «пробовать»...

ВОПРОСЫ

1. (Для мальчиков) Считаете ли вы, что у вашей будущей жены вы должны быть первым? Если да, то распространяете ли вы это требование и на себя? Если нет, то почему?
2. (Для девочек) Думаете ли вы, влюбившись в юношу, о том, что он может стать отцом ваших детей?

14

ЛЮБОВЬ РОДИТЕЛЕЙ К ДЕТАМ

Обычное явление в наше время верить в то, что люди становятся все более просвещенными, знающими, прогрессивными. Целые институты занимаются проблемами воспитания детей, говорят об уважении личности ребенка, о педагогике ненасилия и т. д.

Мы приведем здесь небольшой отрывок из книги Старца Силу-ана, в котором описываются отношения крестьянина, который не был, естественно, знаком с педагогическими новациями, но был глубоким христианином, и его сына Семена. Отец любил оказывать гостеприимство странникам. Однажды, в праздничный день, он с удовольствием пригласил к себе некоего книгоношу, надеясь от «книжного» человека

узнать что-либо новое и интересное, ибо томился он своей «темнотой» и жадно тянулся к знаниям. В доме гостю были предложены еда и чай. Маленький Семен с любопытством прислушивался к беседе отца и гостя. Книгоноша доказывал отцу, что Христос не Бог, и что вообще Бога нет. Мальчика особенно поразили слова: «Где Он, Бог-то?» И он подумал: «Когда вырасту большой, то по всей земле пойду искать Бога». Гость ушел, а маленький Семен сказал отцу: «Ты меня учишь молиться, а он говорит, что Бога нет». На это отец ответил: «Я думал, что он умный человек, а он оказался дурак. Не верь ему».

Много лет прошло с тех пор. Молодой, красивый, сильный, а к тому времени уже и зажиточный, Семен наслаждался жизнью. В селе его любили за миролюбивый и веселый характер, и девушки смотрели на него, как на завидного жениха. Он увлекся одной из них, и прежде чем был поставлен вопрос о свадьбе, в поздний час с ними произошло «обычное».

Но удивительно при этом то, что на следующий день утром отец тихо сказал ему:

— Сынок, где ты был вчера? Болело сердце мое.

Эти кроткие слова отца запали в душу Семена. И позднее, вспоминая отца, Старец говорил:

— Отец был совсем неграмотный, и даже «Отче наш» читал с ошибками, говорил «днесть» вместо «днесь», в церкви молитвы учил на слух, но был кроткий и мудрый человек.

У них была большая семья: отец, мать, пять сыновей и две дочери. Жили они дружно. Взрослые братья работали с отцом. Однажды, во время жатвы, Семену пришлось готовить в поле обед; была пятница, забыв об этом, он наварил свинины, и все ели. Прошло полгода с того дня, уже зимою, в какой-то праздник, отец сказал Семену с мягкой улыбкой:

— Сынок, помнишь, как ты в поле накормил нас свининой? А ведь была пятница. Ты знаешь, я ел ее тогда, как отраву.

— А что же ты, отец, мне сразу не сказал?

— Я, сынок, смутить тебя не хотел.

Заметим, что для православного человека пятница — постный день, когда мясо есть нельзя. Для глубоко верующего отца Семена есть мясо в пятницу было величайшим страданием.

ВОПРОСЫ

1. Смогли бы вы на протяжении полугода молчать о том, что человек сделал что-то плохое, боясь его обидеть?
2. Если у вас будут дети, как вы собираетесь их воспитывать?

15

ЛЮБОВЬ ДЕТЕЙ К РОДИТЕЛЯМ*

Сражение с турками кончилось, и два русских офицера ехали с поля битвы обратно в селение, где стояли. По дороге им попадались мертвые тела турецких и русских солдат. Они были рассеяны по всему полю.

Не проехали и версты, как сначала один из казаков, ехавших перед ними, а потом и другой, стали указывать что-то вдали. Затем казаки повернули лошадей в сторону, остановили их и сошли на землю.

— Что там? — крикнули офицеры.

Но казаки молчали, возясь над чем-то, лежавшим внизу. Офицеры дали шпоры коням и через минуту нагнали казаков.

— Что тут у вас? — спросили они.

Казаки расступились, и офицеры увидели, что перед ними в грязи, лицом кверху, лежал убитый турецкий солдат. Кровь запеклась у него на груди и страшно чернела сквозь прорванное пулей сукно синей куртки, ноги широко раскинуты. Поодаль лежало ружье со сломанным

* Рассказ В. Немировича-Данченко «Турчанка» из сборника «Искра Божия».

штыком. Прислонившись щекой к щеке убитого, сидела, крепко охватив его руками, крошечная девочка, даже не поднявшая глаз, когда к ней подошли. Казалось, она замерла совсем, ища защиты у него, у мертвого.

— Ах ты сердешная! — заговорил один из казаков. — Ты-то чем провинилась? Перед кем? Бедняжка, как дрожит!

И казак провел рукой по ее волосам.

Ребенок еще крепче прижался к щеке отца.

Один из казаков нашел у себя в кармане грязный кусок сахара. Он разжал руку девочки и положил ей сахар на ладонь. Она бессознательно, его даже не замечая, сжала ладонь опять.

— Надо взять ее с собою, — заговорил наконец один из офицеров.

Тогда казак, исполняя приказ, подошел было к девочке и хотел взять ее. Но как ни старался он взять ребенка, это ему не удалось, девочка еще крепче прижималась к отцу, и, когда ее хотели оторвать от него, она начинала жалобно всхлипывать, так что у всех невольно обрывалось сердце.

Офицеры стояли кругом, соображая, как выйти из положения. Наконец один из офицеров сказал:

— Нельзя... нельзя оставить... Никак не возможно... Потому что холодно, туман... Возьмем ее отца..

— Убитого? — удивился другой офицер. — Помилуйте! Не хватает рук всех раненых перетащить, а тут возись еще с убитыми, которых все равно не воскресишь.

— Да... Но... Так-то она не пойдет... А за отцом пойдет. Казаки живо добыли лежавшую невдалеке шинель, видимо оставленную каким-нибудь раненым; чтобы не мешала идти, развернули ее и, приподняв тело турецкого солдата, положили его на шинель. Уцепившаяся было за труп отца, девочка схватилась за шинель. Казаки пошли, стараясь шагать как можно тише, чтобы девочка могла поспеть за ними. Когда девочка уверилась, что «гяуры» (то есть русские) ничего дурного не делают ее отцу, она позволила положить и себя тоже на шинель, где сейчас же обняла тело отца и по-прежнему прижалась к нему щекой к щеке.

— Ишь ты, как любит! — заметил казак помоложе.

Другой старый казак старался отвернуться в сторону. Старому казаку не хотелось, чтобы офицеры заметили, что по его щекам текут слезы. Только потом он проговорил:

— Ишь какая! И у меня вот трехлеточек остался дома... Поди, тоже вспоминает батьку-то.

Только через час они добрались до деревни.

— Куда же теперь? — спросили казаки.

— Да на перевязочный пункт, разумеется... — ответил офицер. — Там доктор и сестра милосердия... Напоят ее, накормят.

Маленькая девочка, дичившаяся мужчин, как только увидела сестру милосердия, сразу оправилась и, держась одной рукой за руку отца, другую схватила за белый передник сестры милосердия, точно прося ее быть своей покровительницей. Добрая женщина расцеловала малютку и так сумела успокоить ее, что та пошла к ней на руки.

— Ну, а с этим куда? Похоронить, что ли? — спрашивали казаки. — Убитого-то куда?

— Погоди, погоди! — сказал доктор, осматривающий трупы.

— Прежде всего, с чего это вы вообразили, что он убитый?

— Как же... Мы сами его подняли...

— Ничего это не доказывает. Он только обмер, бедняга. А сердце его работает. Слабо, но работает, девочка спасла отца!

Когда раздели солдата, то оказалось, что, несмотря на свою неподвижность, он еще не мертв. Жизнь еще теплилась в его раненом теле. А если бы казаки не заметили девочку, оба — и отец, и дочка — погибли бы на поле сражения.

Дня через три в ближайшем от поля сражения госпитале на койке лежал очнувшийся, хотя тяжело раненный, турецкий солдат, и тут же рядом с ним по-прежнему, щекой к щеке, сидела его маленькая дочка. Пулю у него из груди вынули. Благодаря ребенку, за турком было ухода больше, чем за другими. Она не оставляла отца ни на минуту!

Вот еще одна история, автор которой нам, к сожалению, не известен.

В одной стране был обычай отрубать руки всякому, кого уличат в краже. Попался раз в этом знатный вельможа, царский любимец. Не мог царь отступить от старинного обычая и велел наказать преступника.

Но накануне казни явилась во дворец маленькая девочка, дочь этого вельможи, и со слезами на глазах попросила допустить ее к царю. Царедворцы исполнили ее просьбу, девочка упала на колени перед грозным владыкой.

— Великий государь, — сказала она в страхе, — отец мой приговорен остаться без рук. Помилуйте его, а мои руки отрубите!

У царя были свои дети, и ему понравилось, что маленькая девочка так любит отца.

— Пусть будет так, как ты просишь, — сказал царь. — Но ты можешь отказаться от казни даже в самую последнюю минуту!

На другой день девочку повели на казнь. Посреди двора стояла обрызганная кровью плаха, а возле — палач с мечом. Побледнела девочка, испугалась на минуту... Но скоро овладела собой, подошла к плахе и протянула свои ручки. Палач крепко привязал ремнями ее руки к плахе, девочка не проронила ни слова. Палач поднял меч, и она закрыла глаза... Меч сверкнул и опустился, не задев и кончиков пальцев.

— Царь прощает отца твоего за великую любовь твою! — объявил посланец царя.

Отворились двери тюрьмы — бежит к дочери отец, целует ее руки, обливая их слезами. На другой день царь объявил народу указ об отмене навеки старого жестокого закона.

На дворе казни, по царскому приказу, поставили столб с мраморной доской, на которой золотыми буквами написали о том, как дочь готова была отдать свои руки за жизнь отца. А в конце прибавили: «Счастливы отцы, у которых такие дети!»

ВОПРОСЫ

1. В чем заключается подвиг обеих девочек? Способны ли вы на такое?
2. Какова была реакция казаков на поступки турчанки? О чем задумался каждый из них?

16

РУССКАЯ СЕМЬЯ

Как уже отжившие, но еще красивые осенние листья с легким шелестом из нашей жизни уходят слова: честь, верность, мужество, целомудрие, достоинство...

Пока мы понимаем их смысл, но они все меньше значат в нашей жизни. Зато огромная волна вездесущей рекламы несет нам на своей вершине другое слово, — удовольствие. Расслабься, вдохни, купи, попробуй, и как итог — ты получишь ни с чем не сравнимые наслаждения.

Вспоминается эксперимент — самцу крысы в мозг вживили электрод. Когда крыса нажимала лапкой на кнопочку в клетке, то получала импульс удовольствия. Так вот, обнаружив эту кнопочку, крысиный представитель мужского пола нажимал ее до тех пор, пока прямо на ней и не умер.

В связи с этим вспоминается старая русская поговорка: «Нет худа без добра», потому что в теперешних страданиях России есть и нечто положительное — по крайней мере, кнопку удовольствия для большинства ее граждан нажать не так уж просто.

На Западе человек начинал свое шествие к удовольствию с гуманизма, понятия индивидуализма, отстаивания человеческого «я». Но возвеличивание каждого отдельного «я» сделало западную цивилизацию направленной на комфорт. В отличие от этого в русской православной культуре достоинство и значение человека были связаны с соборным бытием, то есть с общностью духовной и нравственной жизни русских православных людей. И первейшее место в традиции русской православной культуры занимала семья. Недаром возникли поговорки:

- Дома и стены помогают.
- В своей семье и каша гуще.
- Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад.

Семья укрепляла и растила поколения русского народа. Ею принято было гордиться и на нее надеяться. Одно из самых ранних семейных наставлений, сохранившихся в русской истории, «Поучение» Владимира Мономаха выражает надежду, что каждый из детей, принявших в сердце завет отца, «не станет лениться, а будет трудиться». Ибо семья — создает общность. Владимир Мономах дает своим сыновьям прекраснейшие по своей нравственной красоте советы:

Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна (управителя) или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам над домом вашим, над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, на давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда ни пойдете и где бы ни остановитесь, напоите и накормите нищего. Более же всего чтите гостя, откуда

бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то — пищей и питьем; ибо они, проходя, прославят человека по всем землям или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте ей власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь была от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а что не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные.

Основой же нравственного совершенствования Владимир Мономах считает покаяние, слезы и молитву.

Русские дети не проводили время в развлечениях. С раннего возраста они готовились к будущей семейной жизни. Начиная с пяти лет девочки шили себе приданое, мальчиков приобщали к отцовской работе. Развлечения, игры были редкостью, а не правилом. Семьи были многодетными, и каждый ребенок был частью семьи, а не центром мироздания, когда вся семья сосредоточена на одном ребенке. К жизни подходили серьезно. Вспомним:

И шествуя важно в спокойствии чинном
Лошадку ведет под уздцы мужичок,
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах, а сам с ноготок.

Завязывается разговор, и мальчик ведет его степенно с достоинством. С детства прививалось чувство чести. Там, где люди жили размеренно, полно, соборно, одной общиной, легче было потерять жизнь, чем честь.

Там, где люди возвеличивали личность человека, они пришли к краху, так как индивид, нацеленный только на удовлетворение своих потребностей, теряет почву для достойной жизни.

А в обществе, где в соответствии с традицией люди себя ограничивали, принуждали себя и каждого человека, живущего рядом, к определенным правилам, сохранились понятия чести, верности, истинного человеческого достоинства.

ВОПРОСЫ

1. Как вы считаете, можно ли в наше время за деньги купить все?
2. Есть ли для вас что-то, что вы ни за какие деньги не продали бы?
3. Постарайтесь растолковать, что означают слова Владимира Мономаха о том, что в основе всего должны лежать покаяние, слезы и милостыня?

ЖИВА ЛИ ДРУЖБА

17

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ?*

Существует мнение, что слово друг образовано от слова другой, то есть иной, не я. И настоящая тайна дружбы содержится в том, что благодаря ей маленькое человеческое я расширяется, включает в себя другую жизнь, обогащается ею. В этом понятии — глубина человеческой сущности, заключающаяся в том, что человек не может быть счастлив один. Уместно вспомнить библейское «не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему», то есть сотворим друга, другого, который разделит жизнь, ее заботы и радости.

В древнерусских летописях есть очень тонкий и многозначительный образ друга. В древних свадебных обрядах у жениха был друг, который заботился обо всем, что необходимо для брака, и который после завершения обряда бракосочетания вел в брачные покои невесту и жениха, оставался за дверью и сторожил, чтобы никто не прервал их глубокой,

* При написании раздела использована книга Ф. Альберони «Дружба и любовь».

таинственной встречи. Он и был другом, потому что умел оставаться за дверью, оставаться за пределом. Радость его была совершенна и заключалась в том, что радость жениха и невесты теперь состоялась, они остались вдвоем наедине, а он был защитником этой встречи.

Настоящий друг — это тот, кто может так поступить с чужой радостью. Все сделать для того, чтобы эта радость воссияла.

По мнению Ф. Альберони, слово дружба имеет не одно, а несколько значений. И не только в наше время. Еще в Древней Греции это обнаружил Аристотель, который пытался дать определение различным типам дружбы, чтобы выделить среди них истинную. Он различал главным образом дружбу, основанную на интересе, и дружбу благородную, которая одна только и заслуживает права считаться настоящей. Поэтому в Древней Греции отношения, связывающие двух деловых людей, воспринимались не как дружба, а как заинтересованность в успехе общего дела. Тогда дружба между политическими деятелями тоже часто рассматривалась как способ достижения успеха в политике.

Итак, если мы коротко перечислим наиболее употребительные значения этого слова (точнее, типы дружбы), то увидим, что в большинстве случаев слово дружба имеет мало общего с нашими представлениями о настоящем друге.

Первый тип дружбы — знакомые. Большинство людей, которых мы считаем своими друзьями, на самом деле всего лишь наши знакомые, то есть те, кого мы выделяем из окружающих нас людей. Нам известны их заботы и проблемы, мы считаем их близкими, обращаемся к ним за помощью и сами охотно им помогаем. У нас с ними прекрасные отношения. Но мы не доверяем им свои самые сокровенные желания. Встреча с ними не делает нас счастливыми, не вызывает у нас невольной радостной улыбки. Если к ним приходит успех, если они получают какую-нибудь награду или на них «сваливается» неожиданное везение, мы не радуемся за них, как за самих себя, потому что ко многим связям подобного типа примешиваются сплетни, зависть, вражда. Часто за внешне сердечными отношениями прячутся глубинные конфликты. Конечно, это не посторонние люди, между нами существует определенная близость. Но, возможно, не следовало бы называть дружбой этот тип отношений.

Тип второй — коллективная солидарность. Нужно отличать, как это делали люди Древнего мира, дружбу от солидарности. В последнем случае друзья — это те, кто сражается на нашей стороне, скажем, во время войны. С одной стороны — друзья, с другой — враги. В такой солидарности нет ничего личного. Человек, одетый в тот же мундир, что и у меня, — друг, но я ничего о нем не знаю.

Христиане зовут друг друга братьями или друзьями, социалисты — товарищами и т. д. Но во всех этих случаях мы имеем дело с коллективными, а не чисто личностными отношениями.

Тип третий — функциональные отношения. Они относятся к типу личностных связей, основанных на социальной функции. Здесь мы встречаемся с «утилитарной» дружбой: такова дружба между компаньонами или между политическими деятелями. В этом виде отношений присутствует минимум искренности — они длятся до тех пор, пока существует общий интерес, который требует заботы. Сюда же входят многочисленные профессиональные взаимоотношения, отношения между коллегами по работе и между соседями по дому.

Тип четвертый — симпатия и дружелюбие. Мы подходим, наконец, к той категории людей, с которыми нам хорошо, которые нам приятны, которыми мы восхищаемся. Но даже в этом случае следует не забывать, что эмоциональные связи иногда бывают поверхностны и непродолжительны.

Что же в таком случае понимаем мы под словом дружба? Интуитивно оно вызывает у нас представление о чувстве глубоком, честном, предполагающем доверие и откровенность. Исследования психологов тоже показывают, что подавляющее большинство людей именно так представляют себе дружбу.

Заметим, что, согласно «Словарю русского языка» С.И. Ожегова, дружба — это близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов.

В разговорном языке слово друг имеет несколько значений: знакомого, человека, к которому мы относимся с симпатией, соседа, коллегу, словом, всех, кто нам близок. Однако теперь, как и в самом далеком прошлом, существует еще одно значение — близкий друг, которого мы любим и который любит нас. Поэтому последний тип дружбы относится к более узкому разряду межличностных отношений — к отношениям, построенным на любви. Когда мы думаем о наших близких друзьях, о настоящей дружбе, мы имеем в виду определенную форму любви, существующей между людьми. Любовь, считал Фома Аквинский, означает желание сделать счастливым другого.

Истинный друг познается в несчастье.

Эзоп

Умереть за друга при каких-нибудь исключительных обстоятельствах менее возвышенно, чем ежедневно и втайне жертвовать собой ради него!

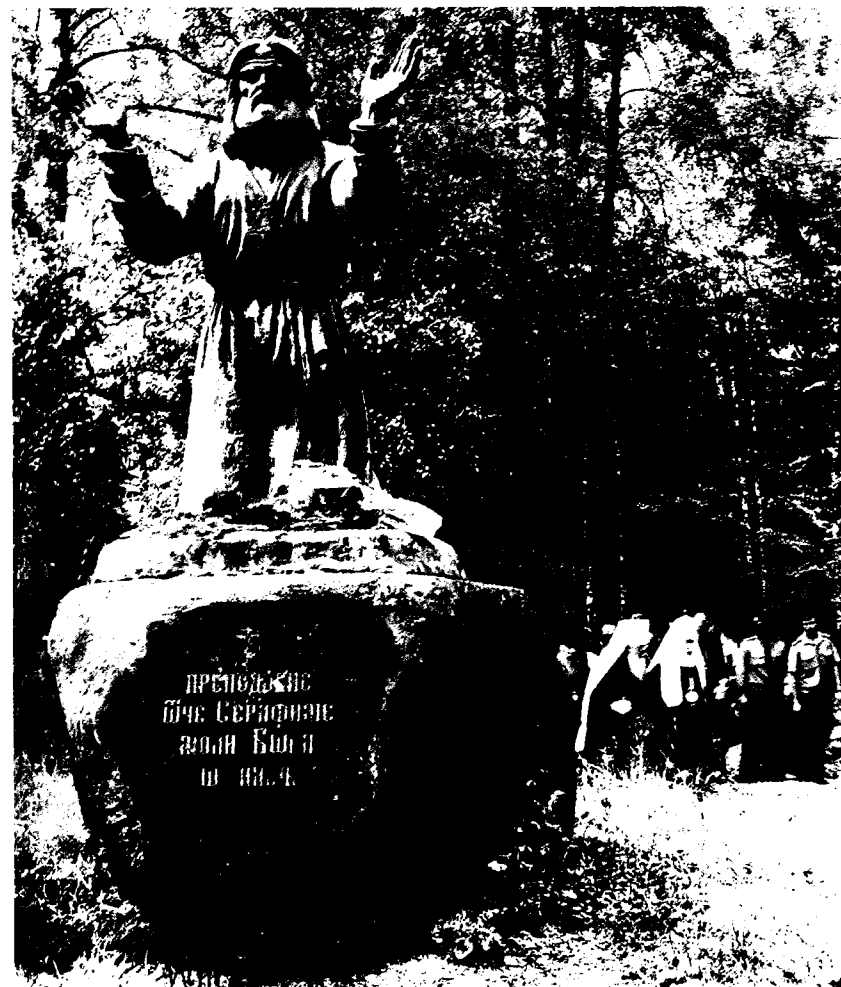
Стендаль

ВОПРОСЫ

1. Какие два основных типа дружбы выделяет Аристотель? А как понимаете дружбу вы?
2. Какие типы дружбы, по мнению Ф. Альберони, существуют в наше время?
3. Если вы что-то хорошее сделали для своего друга и не чувствуете в ответ благодарности, это огорчает вас?

ИСКУССТВО И СОВРЕМЕННАЯ КУЛЬТУРА

7

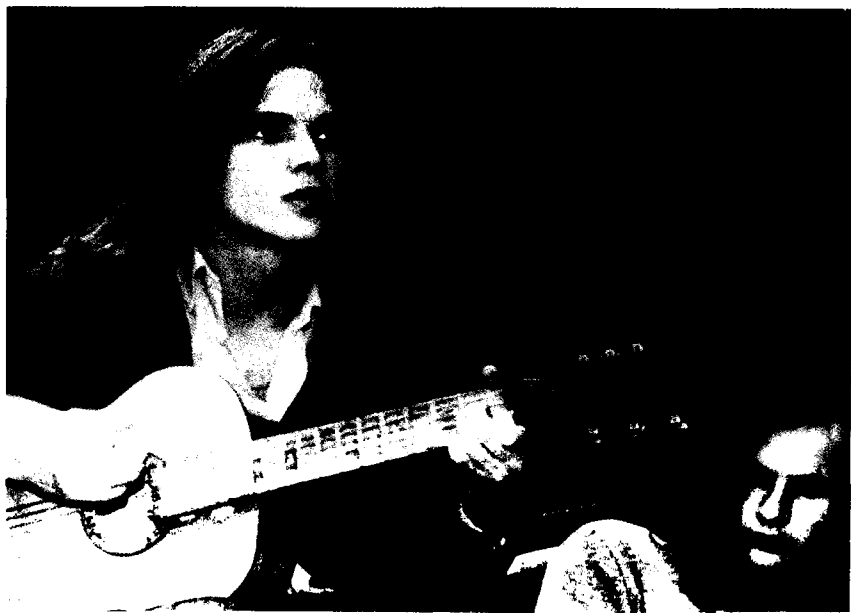

ТВОРЧЕСТВО КАК СПОСОБ

ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА

Творчество — это деятельность, рождающая нечто качественно новое и отличающаяся неповторимостью, уникальностью и оригинальностью. Творчество специфично для человека, поскольку во всей прочей природе происходит процесс развития, но не творчества.

К сожалению, многим людям свойственно подменять творческий, созидательный процесс накопительством материальных благ, приобретательством. Эта подмена особенно стала заметна в посткоммунистическом обществе. Покупают, продают, «делают деньги», причем с деньгами чувствуют себя хозяевами положения: «Что хочу, то и ворочу, и никто мне не указчик! А без денег человек — и вовсе не человек!»

Однако и в наше время встречаются такие «чудаки», которые не бегут бодро вместе с толпой покупать и продавать, а считают, что радость жизни, ее смысл в другом.

Существует немало людей — философов, ученых, художников, учителей. — которые тратят время на то, чтобы творить, даже если за это им не платят или платят немного. И, как правило, эти люди — вовсе не являются не от мира сего, чудаками. Попади такой человек с высоким интеллектом в коммерцию, многие «деловые мальчики» остались бы не у дел.

Так что же его останавливает? Почему же такой человек «пропадает», влачит жалкое материальное существование и не идет «делать деньги»? Почему? Потому что этот человек — творец! Конечно, ему тяжело, конечно, его «пилит» жена (или муж) и приходится где-то подрабатывать, чтобы семья могла существовать.

Но такой человек никогда не предпочтет зарабатывание денег и улучшение собственного быта радости творчества, потому что он прикоснулся к высшему плану Бытия. И никакими умственными рассуждениями не описать «экстаз красоты»! Однако скупыми и простыми словами мы все-таки постараемся порассуждать о творчестве.

Творчество — это созидание нового. Понятие творчества предполагает личное начало. В этом смысле творчество — условный термин для обозначения психического акта, выражающегося в воплощении, воспроизведении или комбинации данных нашего сознания в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности. Отсюда и следующая классификация: научное, поэтическое, музыкальное, художественное, народное, творчество полководца, администратора.

Анализируя приемы и цели творчества, можно выделить три основных его вида. Это научное творчество, художественное творчество и творчество в области человеческих отношений. Изучая различия этих видов творчества, Аристотель выделил три основных свойства разума: созерцательное, действительное и творческое.

В начале XX века начинают различать два рода творчества. Это непроизвольное, бессознательное, непосредственное творчество, с одной стороны, и продуманное, сознательное, художественное творчество — с другой.

Рассмотрим вопрос о первоисточниках творческого вдохновения. Различное отношение к этому вопросу двух великих философов древности — Платона и Аристотеля — является характерным показателем двух различных мнений о сущности творчества. Великолепное описание поэтического экстаза, данное Платоном в «Федре», вместе с теорией о предсуществовании идей и со стремлением души освободиться от оков плоти, чтобы созерцать духовными очами вечную красоту и истину, является основой более поздних учений о творческом прозрении, невидимом в мире реальных отношений. К ним примыкают и новейшие теории о творчестве бессознательном или интуитивном.

Аристотель, останавливаясь на определении искусства как способа подражания природе (определении, между прочим, высказанном и Платоном), является представителем более реалистического понимания процессов творчества. С этой точки зрения творчество сводится к простой комбинации возможностей нашего сознания в восприятии внешнего мира.

Взгляды на творчество в исторической преемственности эстетических и философских учений разделяют судьбу этих учений и тесно связаны с решением метафизических проблем о красоте и истине. Еще ближе вопрос о творчестве входит в круг задач психологии в связи с проблемами о процессах мышления и зарождения идей.

И если первоисточник творчества характеризуется бессознательностью и произвольностью, то акт творчества — это процесс прояснения нашего сознания, а продукты творчества — показатели расширения горизонта сознания. В этом плане творчество можно рассматривать как способ осмысления нашей жизни. Человеческий ум не является простым зеркалом, отражающим природу. Он не получает своих познаний, а приобретает их; не подчиняется им, а создает их.

Умение воспринимать и воплощать воспринятое — основные атрибуты творчества. Вот почему здесь уместно напомнить слова русского поэта:

Много в пространстве невидимых
форм и неслышимых звуков,
Много чудесных в нем есть
сочетаний и слова, и света,
Но передаст их лишь тот, кто
умеет и видеть, и слышать.

ВОПРОСЫ

1. Что такое творчество? Почему оно специфично для человека?
2. Как вы относитесь к «чужакам», которые ради творчества готовы не тратить время на зарабатывание денег? Знаете ли вы таких?
3. Какое отношение к первоисточникам творчества у Платона? У Аристотеля? Какое из этих двух отношений вам ближе?

2

БИБЛИЯ КАК ОСНОВА

ЕВРОПЕЙСКОГО ИСКУССТВА

И ФУНДАМЕНТ НРАВСТВЕННОСТИ

Искусство — это одна из форм общественного сознания, творческое отражение и воспроизведение действительности в художественных образах.

Вопрос о значении искусства в жизни человека дискутируется на протяжении всей истории культуры человечества. Основой европейского искусства является Библия. Без нее Микеланджело, Рембрандт, Эль Греко, мозаисты Равенны не были бы теми, кем мы теперь восхищаемся. На ее же основе зиждется творчество Шекспира, Расина, Данте и Достоевского.

Само название этой книги выражает все ее исключительные качества. Слово Библия (от греч. *biblion* — книга, мн.ч. — *biblia*) означает книги. Первоначальное значение слова — «лыко папируса» — этимологически связано с названием финикийского города Библ, откуда греки возили папирус. Для современного человека эти три слога Библия

обозначают вершину и совокупность всего написанного. Библия — это Книга книг.

Библия — книга совершенно неисчерпаемая, книга, в которой все сказано как о Боге, так и о человеке. Библия делится на две очень неравные по объему части — книги Ветхого и Нового Завета. Само слово Завет — наказ, завешание, данное потомкам, — непосредственно подводит читателя к таинственной действительности, занимающей в Священном писании ключевое положение.

В Библии речь идет о соглашении, заключенном между Богом и человеком. Это соглашение еще называется откровением. Слово завет также означает договор, заключенный союз. Первый смысл этого слова прежде всего характеризует особые отношения, которые были установлены между Богом и народом, Им избранным, чтобы тот служил Ему свидетелем и был Его глашатаем. Но оно также обозначает и тот союз, который Сам Бог, вочеловечившись, заключил с человеком через принесение Христом Самого Себя в жертву.

Переход от одного договора или завешания (завета) к другому является в то же время и переходом из одного плана бытия в другой, решающим шагом вперед в последовательности откровения: в первом случае речь идет еще только об уготовлении и о прообразе, а во втором — уже о полном завершении обещанного. Сам Иисус на Тайной Вечере в Страстной Четверг указал на эту разницу между двумя заветами, сказав: «Сия есть кровь Моя Нового Завета» (Мф. 26, 28). И апостол Павел, писавший друзьям своим в Коринф, тоже говорит, что Ветхий Завет получает завершение истины в Новом Завете.

Каждая из двух основных частей Библии состоит из известного количества книг, которые, по учению Церкви, содержат как правила жизни, так и правила веры. Правило — это норма (от лат. *norma* — правило), канон (от греч. *κανον* — правило). И книги Библии называются каноническими, потому что они являются более чем какие-

либо другие писания, авторитетными, они дают правила, служат примером.

Поскольку между Ветхим и Новым Заветом нет разрыва и они неотделимы друг от друга, особенно важно понять, каким образом совершается переход от одного к другому. Выше упоминалось, что Сам Христос и Его ближайшие ученики говорили, что произошел некий переход, переход к исполнению и разъяснению. «Если Новый Завет содержался уже в Ветхом, — говорит Блаженный Августин, — то ныне, через Новый, Ветхий Завет раскрывает свое значение».

Первую часть Нового Завета составляет Евангелие. Оно едино, ибо это одно единое свидетельство, данное четырьмя свидетелями. Евангелие (от греч. *evangelion*) значит благая весть. Был обычай после победного окончания боя посылать гонца-глашатая с радостной вестью о победе — это и было «евангелие». Но какая весть могла быть «благой» для каждого израильтянина? Это была та весть, которая в продолжение двух тысячелетий укрепляла надежду в сердцах верующих: «Мессия пришел, настало Царство Божие». Евангелие, в сущности, только это и возвещает: ожидаемый Мессия — это Иисус, а все остальное — только логическое следствие этого утверждения. Итак, Евангелие есть одновременно повествование о жизни, смерти и воскресении Иисуса и возвещение Благой вести, принесенной Им миру. Одно тождественно другому.

В собрании книг Нового Завета Евангелие представляет четыре небольшие книги, обычно также называемые Евангелиями. Эти книги были написаны между 50-м (то есть через двадцать лет после смерти Иисуса) и 100-м годами авторами, которые ставили перед собой разные цели, но каждый из них знал написанное другими или, по крайней мере, располагал аналогичными документами. Отсюда сходство и различие их текстов. Особенно поразительно сходство между тремя первыми евангелистами: Матфеем, Марком и Лукой. Эти Евангелия называются «синоптическими», потому что во многих частях они совпадают. Иоанн, четвертый и последний евангелист, отличается от других не характером вдохновения, а главным образом направлением и стилем.

Включив все четыре Евангелия в Канон, но не соединив в одно, Церковь хотела подчеркнуть, что каждое из Евангелий имеет свой смысл, свою значимость, свое влияние. Не было бы ничего легче, как сделать из них некий синтез, обобщение. Единые по сути, различные по тональности, по манере излагать мысли, по значению, все четыре Евангелия представляют собой в известном смысле живые свидетельства Церкви Христовой, принявшей, избравшей и распространившей их.

Как удивительна ясность Библии! Она поражает нас множеством точных определений и совершенных суждений. И не только в великих и исчерпывающих изречениях Христа — «предоставь мертвым погребать своих мертвецов» или «кто из вас без греха, первый брось в нее камень» и во многих других, которые способны затронуть ту душевную глубину, где душа каждого человека видит себя в своей предельной наготе. Но также в книгах Ветхого Завета проявляется знание нашей скрытой сущности, знание, изобилующее уроками.

А питается ли и ныне мудрость человека из книги Притчей Соломоновых? Исполненный духовной красоты, крик горести и надежды царя Давида, грешного и кающегося, — не наш ли это крик в часы, когда бремя жизни и отчаяние исторгают его из груди? А трагическое вопрошание и борение Иова? Тайна человеческого существования? Не наши ли они также?

Эта священная книга своей красотой и литературными достоинствами глубоко затрагивает человеческие сердца. Уже упоминалось о ее многообразии в единстве; в Библии искусно чередуются литературные жанры, постоянно вызывающие интерес читателей. Величественные исторические фрески как Исход, книги Маккавейские или же Деяния Апостолов, объективность которых намного выше, чем в исторических описаниях того времени, или более краткие повествования, где история получает смысл нравственного примера. Книги Иудифи, Товита, Эсфири, Ионы так живы и увлекательны, что многим писателям достаточно было их литературно переработать, чтобы создать на их основе новые художественные произведения. А как многогранно блистает в Библии художественная красота слога и стиля!

Какое поэтическое произведение, созданное человеком, может соперничать с возвышенным взлетом стиха Псалмов?

Тонкость и свежесть выражений, чудесно и парадоксально сочетающихся с пламенной силой чувств, создают очарование Песни Песней. Никакое выражение человеческой любви не могло ее превзойти (именно потому, что оно не только выражение человеческой любви). Можно ли передать восхищение перед лицом сотворенного мира лучше, чем словами, описывающими наступление весны в Палестине: «Вот, зима уже прошла, дождь миновал, перестал; цветы показались на земле; время пения настало, и голос горлицы слышен в стране нашей; смоковница распустила свои почки, и виноградные лозы, расцветая, издают благоухание» (Песн. 2, 11–13). Какая непревзойденная простота!..

В Библии человек узнает себя и изумляется. Более того — Священное Писание снова и снова учит его. В уроках, преподаваемых нам Библией, содержится основа всей нравственности человечества. Нет ни одного принципа, сколько бы его ни выдавали за чисто «светский», который не имел бы своего начала, а зачастую и совершеннейшей формулировки, в Священном писании, человеческое общество, которое отходит от библейских принципов, подходит к краю бездны и близится к своей гибели.

Мораль общественных и прочих человеческих взаимоотношений — все это можно найти в Библии. Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова, долгое время служила моральным трактатом, преподаваемым юным христианам. «Если бы мне было поручено воспитать человека с самого детства по моему усмотрению, — писал Боссюэ*, — я предложил бы ему выбрать несколько прекрасных текстов из Священного писания и часто давал бы их ему читать, так что он знал бы их наизусть».

И действительно, перед читающими Библию предстает все то, что касается человека — и как окончательно определенное, и как одухотворенное, вознесенное душевным порывом в ту реальность, которая превосходит земные возможности и ограничения смертных людей.

* Боссюэ (Boussuet) Жак Бенниш (1627—1704) — французский писатель и епископ.

Душа человека находит в Библии ту атмосферу, в которой она может расправиться и расцвести. Именно это стремление к Богу, эта любовь, направленная к Нему, это горячее желание наконец обрести Его и создает полное единство этих разрозненных на первый взгляд текстов.

ВОПРОСЫ

1. На какие две основные части делится Библия? Что означает греческое слово *Biblion*?
2. Как называется основная часть Нового Завета? Что означает это слово?
3. Назовите имена авторов всех четырех Евангелий.
4. Объясните своими словами, почему Библия является фундаментом нравственности человечества?

Прочтите и выскажите свое мнение относительно следующих двух нижеприведенных примеров.

Верующий человек сидел в вагоне и читал Библию. Его сосед спросил:

— Зачем вы читаете эту устаревшую книгу? Образованные люди ее давно уже выбросили.

— А я думаю иначе: было бы гораздо лучше, если бы вы и эти люди всегда читали эту книгу, — ответил верующий.

— О, я давно знаком с этим старьем. Я изучил Библию от начала до конца и знаю, что говорю, — воскликнул сосед.

— В таком случае я хотел бы услышать ваше мнение о книге Иоакима.

— Гм... Книга Иоакима. Конечно, в ней есть проблески какой-то мудрости, но в ней также много неверных исторических данных.

— Разумеется, — сказал верующий, — но ведь книги Иоакима в Библии вообще нет!

«Я только что прочел несколько страниц из Библии. Эта книга не для меня, через сто лет люди будут читать Библию как сказки из далекого прошлого». Так писал Вольтер, философ-атеист XVIII столетия.

Но эта уверенность в несостоятельности Библии покинула его перед смертью. В мучительных терзаниях духа он кричал: «Не найдется ли кто-нибудь, кто мог бы сказать мне, что ждет меня после смерти?»

3

ТЕАТРАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И РИМЛЯН*

Остановимся на одной форме искусства — театре древних греков и римлян.

Наибольшее развитие театральные представления получили во времени прочного установления демократии в Афинах, то есть с начала V века до нашей эры (до Рождества Христова). Нужно сказать, что многие особенности древнего театра перешли в современные театры и отчасти в храмы. В Греции же театр впервые стал одним из факторов общественного развития, с его авансцены распространялись религиозные и социально-этические понятия, объединяя разнообразные слои населения.

Первоначально и весьма долго театр был самым торжественным местом для чествования божества Вакха, или Диониса.

Надо сказать, в эпоху до Диониса мировоззрение древних греков было трагично-меланхоличным. «Смертной силе, нас гнетущей, покоряйся и терпи», — пожалуй, главный тезис додионисийства. Уныние, тоска, отчаянье, покорность перед Роком — вот во многом эмоциональный строй жизни без Диониса, вне его «возродительных» культовых экстатических мистерий, исторически появившихся позже (VIII в. до н.э.). Так, у Эсхила «впервые счастливы умершие». Познаем героев сказок Силена:

Лучший удел из уделов земных —
не родиться на землю...

* При написании этого, а также следующих пяти разделов использовалась книга протоиерея Бориса Ничипорова.

Если ж родился, скорее
пройти через ворота.

Культ Диониса — один из поздних в Древней Греции. Именно он привнес радость и веру в снисхождение божества к людям. Именно через Диониса дохристианский мир получил начальный опыт умершего, страдающего и воскресающего бога. Именно в стихии дионисийства утверждается пьянящая радость карнавального всенародного веселья и пира, формируется праздничная мистериальная культура...

Культ Диониса завоевывал Грецию не без труда. И окончательно укрепился лишь к VI—VII вв. Дионис — Бахус — Вакх — бог плодородных сил, растительности и виноделия.

Вот один из легендарных образов Диониса: «С веселой толпой украшенных венками менад и сатиров ходит Дионис по всему свету, из страны в страну. Он идет впереди в венке из винограда, в его руках тирс (жезл), украшенный плющом. Вокруг него в быстрой пляске кружатся с пением и криками молодые менады, скачут охмелевшие от вина неуклюжие сатиры с хвостами и козлиными ногами. За шествием везут на осле старика Силена, мудрого учителя Диониса. Он сильно охмелел, едва сидит на осле, опершись на лежащий около него мех с вином... Под звуки флейт, свирелей и тимпанов шумное шествие весело движется в горах, среди тенистых лесов... Весело идет по земле Дионис».

Но так ли уж безобидно это шествие? Смотрим дальше: «Опоясанная змеями оргия все сокрушает на своем пути, охваченная священным безумием. Дионис — значит Бромий (бурный, шумный)... Они умывались кровью животных, вырывали с корнем деревья и увлекали за собой толпы женщин и мужчин». «Увлекали», то есть, по-видимому, вырывали из привычного семейного контекста. Известен также случай с тремя дочерьми одного из царей, которые отказались принять участие в оргии. Сначала они были напуганы видом диких животных, а затем Дионис превратил их в серых мышей.

Дионис славился как освободитель людей от монотонных мирских забот. Он снимает с людей путы размеренного быта... И он же явился в европейской культуре историческим родоначальником и выразителем праздничной стихии.

Так как религия была тесно связана с общественной жизнью, давая высшее освящение всем начинаниям, то сценические игры, составлявшие часть Дионисовых шествий, были предметом забот государственной власти. Именно этим объясняется, особенно в демократических государствах, быстрый рост театра, привлечение к нему наиболее выдающихся поэтических дарований, огромное количество написанных для театра пьес, наконец, объем театра, вмещавшего в себя более десяти тысяч зрителей.

Обычными принадлежностями театра были декорации, машины, костюмы и маски для актеров. Драматические пьесы — трагедии и комедии — исполнялись актерами и хором. Число актеров не превышало трех, так что одному и тому же актеру приходилось играть иногда несколько ролей. Женские роли исполнялись мужчинами. Обычно греческие празднества сопровождались состязаниями в мастерстве авторов пьес. Государство предоставляло в распоряжение авторов пьес актеров и хористов, стараясь поставить состязающихся авторов в одинаковые условия в достижении успеха.

Образцом для римского театра был театр греческий, хотя в некоторых чертах и отличался от него. Важным нововведением в римском театре стала кровля, соединявшая здание сцены и места для зрителей в единое, цельное здание.

Так как в Риме сценическим играм придавали значение забавы, а не служения божеству, то в обычае была выплата денег за пьесы, что в глазах общества принижало поэтов до положения ремесленников. В Греции общественное положение поэтов было достойным, им были открыты высшие государственные должности. В Риме пьесы могли ставить даже люди низшего сословия и рабы. Соответственно низко ценилось и ремесло актера, ниже положения наездника и гладиатора. Звание актера накладывало печать бесчестия. Актерами обычно были рабы и отпущенники.

Вообще театр в Риме не носил того глубокого, серьезного, образовательного, как бы священного характера, каким он долго являлся в Греции. Заимствованные из Греции сценические игры мало-помалу уступили место таким представлениям, которые не имели ничего общего ни с трагедией, ни с комедией, — пантомиме и балету.

Следующим фактором, существенно повлиявшим на развитие культуры и творчества как греков, так и римлян, является переход от язычества к христианству. Суть христианства, как известно, изложена в Новом Завете.

ВОПРОСЫ

1. Первоначально и весьма долго театр у греков использовался как культовое сооружение. Кого чествовали греки-язычники?
2. В чем существенное отличие театра римлян от театра греков? Имел ли римский театр священный характер?
3. К какому театру — греческому или римскому — ближе, по вашему мнению, наш современный театр?

4

ПРАЗДНИК И ОРГИЯ

Каждый человек интуитивно понимает, что в жизни должен быть праздник. Обыденность, суета, забота о хлебе насущном не дают человеческой душе ощущений полета и радости, в которых она так нуждается. Можно сказать, что искусство должно быть праздником души, выходом из обыденности. На примере греческого театра легко видеть праздничность искусства. Однако, анализируя дионисийские мистерии, мы видели, что они перерастали в нечто, что уже нельзя назвать праздником, к чему применимо слово оргия. Чтобы лучше проследить перерастание праздника в оргию, воспользуемся анализом священника Бориса Ничипорова песни «Из-за острова на стрежень».

Из-за острова на стрежень
На простор речной волны
Выбегают расписные
Острогрудые челны.

Словарь русского языка говорит: стрежень — это глубокое место в речном русле, место с наибольшей скоростью течения, быстрина; т. е. все, что будет происходить «сейчас», произойдет в эпицентре глубины и скорости. Автор выводит своих героев на это место неслучайно.

Челны не выплывают, а «выбегают». Челны «расписные», значит — праздничные. «Острогрудые» — значит быстроходные.

На переднем Стенька Разин,
Обнявшись сидит с княжной,
Свадьбу новую справляет,
И веселый и хмельной.
«Ничего не пожалею!
Буйну голову отдам» —
Раздается по окрестным
Берегам и островам.

Мы помним, что дионисийские оргии были шумные, захватывали всех на пути. Понятно, что голова у Стеньки «буйная». И вот начало конфликта:

Ишь ты, братцы, атаман-то
Нас на бабу променял:
Ночку с нею повозился —
Сам наутро бабой стал.

Дело не просто в «бабе». Дело в том, что у атамана, как считают «братцы», есть опасность уйти в повседневность семейной жизни, оставить вольность. Сам Стенька и есть глава братства, которое им же и создано.

Ошалел... насмешки шепот
Слышит пьяный атаман.
Персиянки полоненной
Крепче обнял полный стан.

Ошалел. Это тоже слово оргийного круга. Вспомним! Состояние, в котором жил Дионис, историки называли «священным экстазом». Насколько этот экстаз «священен» — вопрос. Но то, что это действительно вхождение в особое силовое, энергичное поле — это ясно. Существует и русское слово «шалый» от того же корня.

Гневно кровью налилися
Атамановы глаза,
Брови черные нависли,
Собирается гроза.

Вот уже полная охваченность особым состоянием, в котором может совершиться все что угодно. Мы часто говорим, что человек в таком состоянии непредсказуем. И это действительно так, потому что силы, которые владеют человеком сейчас, сильнее его собственного разума и воли. Можно сказать: «Этот человек вышел из себя». Но тогда надо отвечать на следующие вопросы: «Куда вышел? Что это за силовое поле? И в то время, когда он вышел, кто правит балом?» Правит балом сатана.

Эх, кормилица родная,
Волга, матушка-река!
Не видала ты подарков
От донского казака!
Чтобы не было зазорно
Перед вольными людьми,
Перед вольною рекою,
На, кормилица... возьми!..
И за борт ее бросает
В набежавшую волну.

Вольные люди плывут по широкой матушке-Волге. И что даст сейчас вольный атаман в жертву? Он даст свою нынешнюю любовь. Но кому и ради кого эта жертва? Эта жертва ради вольного братства. И такая жертва скрепляет «братьев» и повышает авторитет атамана. Но скрепляет-то их убийство, преступное и дерзкое!

Что затихли, удалые?
Эй, ты, Фролка, черт, пляши!
Грянь, ребята, хоровую
За помин ее души!

Они «затихли», потому что только он среди них и мог сделать так в своем кураже и эпатаже.

Грянь, ребята, хоровую... — вновь восстановлено братство. И можно спеть общую песню? Ибо это и есть русская шальная вольница, русский кураж... А может быть, не только русский...

Все красиво и романтично в песне. Но княжну-то жаль. Присоединим к сказанному сюда одну лишь картинку из истории другого бунта — пугачевского. Из нее увидим, чем реально оборачивалась для людей оргийность вольницы. Этот псевдопраздник был всегда замешан на трех, как сейчас модно говорить, «составляющих»: пьянстве, разврате и крови.

Вот что пишет А.С. Пушкин: «Бердская слобода была вертепом убийств и распутства. Лагерь полон был офицерских жен и дочерей, отданных на поругание разбойникам. Казни происходили каждый день. Овраги около Берды были завалены трупами расстрелянных, удушенных, четвертованных страдальцев. Переманивая казаков, говорили: «У нашего батюшки вина много!».

Однако не будем только охать и вздыхать по поводу таких оргий. Надо посмотреть — откуда собственно произошли Разины, Пугачевы и другие «противленцы». Часто за этим стоит искренний в своем начальном порыве бунт против повсеместного закоснения и скуки, тупости и лжи, лицемерия проворовавшейся власти.

У К. Чуковского этот «праздник непослушания» выражается безобидно, но представим, что вместо животных станут люди и народы!

Замяукали котята:

— Надоело нам мяукать!

Мы хотим, как поросята,

Хрюкать.

А за ними и утята:

— Не желаем больше крякать!

Мы хотим, как лягушата,

Квакать.

В празднике непослушания очень много детского, наивного, романтического. Но уже следующий шаг «после свадьбы» — жестокость, насилие и смерть.

ВОПРОСЫ

1. Как вы представляете себе настоящий праздник?
2. Почему праздник часто перерастает в оргию?

5

ОДИНОЧЕСТВО КАК АНТИПРАЗДНИК.

ЛЕРМОНТОВ — ПОЭТ ОДИНОЧЕСТВА

Когда мы думаем о празднике, нам представляется нечто, что происходит вместе с другими. И как альтернатива этому существует другое чувство — чувство одиночества.

Одиночество, точнее, переживание одиночества, имеет два онтологических основания-условия. Одно из них биофизическое, другое — экзистенциальное.

Первое. Каждый из нас есть материализованная отдельность. Мы телесно завершены и пространственно разведены друг от друга. Сюда же добавляется и половое разграничение. Человек иного пола нередко распознается как тайна, как некое иноприродное существо.

Второе — экзистенциальное. Это личностная уникальность, неповторимость каждого из нас. Бесподобие каждого из нас есть провокация к непониманию «меня» какого-то не такого как «все». «Я» осознается как нечто недостаточное, несовершенное. Личностных ходов к одиночеству, исходя из уникальной заданное каждого из нас, множество.

Именно это дает основание пессимистам, вроде писателя Ю. Боргена, написать: «Каждый сидит в таком капкане, откуда ему не выйти. Сидят и подмигивают друг дружке...».

Но еще раз! Указанные основания имеют статус условия одиночества, но не его причины. Это пергамент, на котором прописаны иероглифы одиночества! Но не забудем, на том же свитке могут быть написаны и иные слова — слова братского единения, любви.

Смысловое поле слова «одиночество» обширно. Это и личностная реакция души на потерю близкого человека — друга, жены, матери. Это и ощущение непонятости «всеми вокруг». Это и просто детское: «Все бросили в темноте и ушли». Одиночество — это и изгнание из родных мест, и жизнь на чужбине. Одиночество может, наконец, просто нахлынуть вдруг, когда мы находимся в вихре общения и среди друзей и не ждем такой душевной перемены.

Переживание одиночества в рамках психопатологии также разнообразно: от шизофренического аутизма с суицидальностью до реактивных состояний в связи, к примеру, с уходом из семьи мужа. И если переживание своего сиротства и оставленности у одних обратимы и скоро проходят, то у других это сама суть их самоощущения и бытования. М.Ю. Лермонтов и Г. Клейст, А. Блок и Гельдерлин были одиноки глубинно, отчаянно, необратимо.

Друзья М.Ю. Лермонтова удивлялись: откуда у него такой масштаб страданий, откуда это одиночество! Правда, его детство было трагическим, но ведь не у него одного! Уход отца из дома, ранняя смерть матери — все это фон одиночества. «У моей бабушки, у моей воспитательницы, жестокая распря с отцом моим, и это все на меня упадет», — писал молодой поэт. Он сам, думаю, без позы, называл себя «сыном страдания». Временами, правда, тоска отступала и тогда он писал:

Я рожден с душою пылкой,
Я люблю с друзьями быть.

Но это лишь приятные исключения. В основном же звучат иные мотивы. М.Ю. Лермонтов вообще певец одиночества. К.Д. Бальмонт в стихотворении, посвященном ему, пишет:

Нет, не зато тебя я полюбил,
Что ты поэт и полновластный гений,
Но за тоску, за этот страстный пыл
Ни с кем не разделяемых мучений.

Сам же поэт говорит о себе:

И все мечты отвергнув снова,
Остался я один —
Как замка мрачного, пустого
Ничтожный властелин.

Поэт не просит избавления, он потерян и одинок навсегда. Он просит лишь временами о передышке:

Молю, да снидет день прохладный
На знойный дол и пыльный путь,
Чтоб мне в пустыне безотрадной
На камне в полдень отдохнуть.

Всем нам с детства известны стихи, где рефреном идет «один», «одинокий»: белеет парус одинокий, выхожу один я на дорогу. Переживание времени у него особенное. Это некий ступор и полное неже-

вание провожать и благословлять ушедшее «вчера» и встречать грядущее «завтра»:

Гляжу назад — прошедшее ужасно;
Гляжу вперед — там нет души родной...

М.Ю. Лермонтов осознал себя как человека роковой стези и говорил о себе: И детям рока места в мире нет.

Вспомним Евангелие — слова Христа: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18, 36). Но это, увы, не аналогия. Благодать Божия соединяет даже и несоединимое.

Самого поэта и его героев (например, Арбенина) преследует Другой, его Двойник. Хочется узнать, взглянуть в лицо, в мое второе Я, или сорвать маску. Но это никогда не удается:

Одинок я — нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой.

Еще один глубинный, мистический образ чаши жизни, — образ древний, библейский. И в данном контексте интересна одна параллель.

Великому православному святому Григорию Паламе было видение. Он видел литургическую чашу, наполненную молоком, а молоко затем оборотилось в вино. Явившиеся ему Божия Матерь и некий «светоносный муж» сказали о том, что этой жертвенной Кровью Христа он, Григорий, должен напоить братию монастыря и быть им отцом-попечителем. Добавим также, что по окончании Божественной литургии перед собственно причащением в чашу добавляется горячая вода со словами молитвы: «Благословенна теплота святых Твоих».

А теперь стихотворение М.Ю. Лермонтова, которое — в это невозможно поверить — написано в пятнадцать лет. И оно абсолютно зеркально видению святого Паламы:

И душно кажется на родине,
И сердцу тяжело, и душа тоскует..
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустых томится юность наша,

И быстро злобы яд ее мрачит,
И нам горька остылой жизни чаша;
И уж ничто души не веселит.

Пожалуй, нет большего страдания, чем такое одиночество. Одиночество экзистенциальное и есть предельный антипраздник.

ВОПРОСЫ

1. Было ли у вас когда-нибудь ощущение, что вас никто не понимает?
2. Возникало ли у вас чувство одиночества?

ОДИНОЧЕСТВО И УЕДИНЕНИЕ.

6

НЕОБХОДИМОСТЬ «СОБИРАТЬ» СЕБЯ

В предыдущем разделе дана исчерпывающая характеристика одиночеству. Когда у человека возникает это чувство, человек испытывает страдания. Для человека естественно быть с близкими, с друзьями. Но есть в антиномийной глубине человека и другая черта. Человеку нужно найти, обрести, собрать себя. «Я» — так или иначе и форма, и содержание. И все это будет попорно и растаскано, если человек не знает, как собирать себя. Как это делать? Скажем лишь два слова: молчание и молитва.

Блаженный Диодор пишет: «Как двери в бане, часто растворяемые, скоро выпускают внутреннюю теплоту вовне, — так и душа, — когда много кто говорит, хотя бы говорил все хорошее, испускает память свою (т. е. то, что скрепляет)... Дух благий (благодать Святого Духа), как чуждый всякого мятежа и мечтания, бегаёт многословия. Молчание же, напротив, благотворно, будучи материей премудрых».

Молчание, конечно, не есть молчание «набравшего в рот воды», это не молчание озлобленности или ложного стыда: молчание в Боге есть молитвенное делание собирания себя.

И тогда, даже в пустыне ты не одинок, т. к. ты с Богом. Парадокс (правда, лишь видимый) состоит в том, что подвижник, уходящий в пустыню, уходит туда ради преодоления онтологического одиночества, а не потому, что возненавидел людей. Монах, по слову Божией Матери, — «молитвенник за весь мир». Преподобный Серафим выделял четыре условия к преодолению собственной отверженности: уединение, молитва, любовь и воздержание. Уединение «в миру» вещь трудная. Но надо иметь такую возможность. Нужно хотя бы на какое-то время оставаться с самим с собой. Уединение без трех других, выше названных, добродетелей, вещь бессмысленная и ненужная.

Р.М. Рильке знал радость своего одиночества, точнее, уединения:

О святое мое одиночество — ты!
И дни просторны, светлы и чисты,
Как проснувшийся утренний сад.
Одиночество! Зовам далеким не верь
И крепко держи золотую дверь.
Там, за нею, — желаний ад.

Или другое, его же:

Весь лес — во сне, весь мир — вовне,
А на сердце светло.
И одиночество ко мне
Кладет на грудь чело.

Уединение — это встреча с самим собой. Есть такая сказка: «О Савелии богатом и Миколе милостивом». В ней рассказывается о том, как Савелий пошел узнать, что ему на том свете уготовано. По дороге он встречает разбойника, который ищет его дом, чтобы ограбить. Савелий отдает ему ключи и идет дальше. А разбойник, узнав, куда он идет, решает не грабить, а тоже пойти с Савелием, чтобы узнать, а что же ждет его, разбойника?

Казалось бы — сказочка. Но из описаний жизни святых мы знаем, что бывали случаи, когда разбойники осознавали вдруг, что они делают, и совершенно меняли жизнь, проводя ее остаток в покаянии.

Часто в писаниях святых отцов говорится о духовном трезвении. Что это такое? Духовное трезвение — это состояние, в котором человек реально видит свою жизнь в соотнесенности с Божией Святостью.

Обретя такое состояние, человек уже не может жить как раньше и вступает на путь покаяния.

Посмотрим теперь на нашу современность. Все в ней противоположно святоотеческой заповеди. «Расслабься», «забудься», «отвлекись» — вся наша субкультура направлена как раз на то, чтобы увести нас от реальности. Реальность для большинства наших современников тяжела. Если вдруг она осознается, то возникает чувство одиночества, тоски, бессмысленности существования. Поэтому ее нужно отодвинуть, забыть. Постоянная громкая музыка, дискотеки, вино не дают реальности проникнуть в сознание, и кажется — все отлично. Виртуальная реальность, наркотики прячут от реальности так хорошо, что вернуться к ней уже бывает невозможно.

В результате люди не проживают предназначенной им жизни, не осознают действительного ее смысла, да и умирают-то часто наркотиканые и не понимающие того, что происходит.

Но, может быть, так лучше? Если реальная жизнь тосклива и одинока, то может быть и лучше наполнить ее «смыслом»: шумом развлечений, вином и т. п.? Может быть, все-таки погоня за удовольствиями оправдана? Что можно этому противопоставить?

Одна из авторов, когда поступила в институт и уехала жить в Москву от родительской любви и ласки, часто страдала от чувства потерянности и одиночества. Особенно сильным это чувство бывало в толпе людей, например, в магазинах: ГУМе и ЦУМе. Человеческой душе плохо и одиноко, когда она не чувствует любви, т. к. человек сотворен любящим Творцом и ощущать любовь человеку естественно и необходимо.

Тоска человеческого сердца обусловлена тем, что человек удалился от своего Творца, и удаление это обусловлено не пространством, а грехом. Состояние трезвения тяжело, т. к. оно показывает всю муку, всю грязь человеческой души. Но именно в этом состоянии рождается в человеческой душе желание изменения и преображения — **ПОКАЯНИЕ**. И как не странно это может показаться незнакомому с такими вещами человеку, покаяние влечет за собой радость. Так бывает, когда буря омывает дождем иссохшую природу, а после этого начинает сиять солнце.

Измененная жизнь направлена не на потребление удовольствий, а на служение другим. И как ни странно это для прагматичных наших современников именно такая жизнь осмыслена, полна, радостна.

ВОПРОСЫ

1. Ходите ли вы на дискотеки?
2. Считаете ли вы, что нужно ограничивать себя в удовольствиях?

7

БРАТСТВО

Многие известные педагоги свидетельствуют о трудностях подросткового возраста. Так Зеньковский писал: «Все темно над подростком. Вдруг он «решит» (!), что Бога нет и уверен, что в нем нет веры — а то вдруг по привычке, по неисчезнувшей инерции начнет молиться — и на время волнение, мистические восторги охватят душу. Это все лишь искушения, это лжеблагодать. Религиозная сфера как будто вся в скорлупе, живет она прошлым».

Но так ли уж «все темно»? Да, подростки известны своими «темными вояжами», но ведь был и Тимур с его командой. И этот образ имеет множество подтверждений в жизни.

Например, Детско-юношеский центр под руководством о. Бориса Ничипорова не переживает подростковый кризис. Достигая подросткового возраста, дети из него не уходят. Будучи на конференции, посвященной вопросам преподавания религии в школе, в Латвии, одна из авторов учебника наблюдала общение о. Бориса с 60-ю его подростками, которые двумя детскими хорами приехали на конференцию. Можно утверждать, что они живут единым духом. О. Борис не отходил от детей, общался то с одним, то с другим, дети тянулись к нему, и чувствовалось, что они едины. Перед этим, во время долгого пути из Тверской области до Латвии, о. Борис исповедовал каждого из них, т. к. они готовились по приезду быть на литургии и причащаться. Особых трудностей в работе с подростками нет и в Ковалевском детском доме, которым руководит о. Андрей Воронин. В этом детском доме воспитываются почти сорок мальчиков в возрасте от трех до 18 лет, и вот уже несколько лет отец Андрей водит своих воспитанников

в серьезные походы. Ребята плавают на катамаранах, ходят в зимние многодневные походы, осваивают навыки скалолазания и спуска в глубокие пещеры. В 2001 году семеро воспитанников детского дома покорили Эльбрус.

Можно предположить, что в этих объединениях подростков учтены их интересы. По Вygотскому это: доминанта дали, доминанта усилия, доминанта романтизма.

Однако, интересы — это не все. Есть что-то более глубокое, что нужно подросткам. Г. Гессе хорошо чувствовал стоящие перед молодежью вопросы, хотя и не всегда правильно на них отвечал. Он написал изумительную по своей интуиции и прозрению работу о братстве — «Паломничество в страну Востока». Некое Братство будто бы идет на Восток. Кто-то не выдерживает пути и кричит о том, что он не хочет больше участвовать в этом «шутовском шествии». Он бросил кольцо Братства на землю.

«Глашатай сказал ему:

— Итак, ты распротился с нами и вернешься к железной дороге, к рассудку и полезному труду. Ты распротился с Братством... с праздником цветов, с поэзией. Ты свободен, ты разрешен от твоего обета.

— И от клятвы хранить молчание? — беспокойно выкрикнул свой вопрос отступник.

— И от клятвы хранить молчание, — ответил ему глашатай. — Припомни: ты поклялся не говорить перед неверующими о тайне Братства. Но, поскольку мы видим, что ты забыл тайну, ты никому не сможешь ее поведать».

Постижение тайны Братства открыто через тех, кто отпал от него: «...Однажды в молодые годы им светил свет, однажды им дано было увидеть звезду и последовать за ней, но затем пришел насмешливый разум мира сего, пришло малодушие, пришли мнимые неудачи, усталость и разочарование, и они снова потеряли себя, снова перестали видеть. Многие из них всю свою жизнь не переставали нас искать, но уже не могли найти, а потому возвещали миру, что наше Братство — всего лишь красивая сказка, которой нельзя давать соблазнить себя...»

Те, кто ходил в походы, знают, как походы и пережитые вместе трудности объединяют людей. Это-то объединение и нужно подросткам. И там, где нет объединения вокруг светлого дела, подростки объединяются в банды, в шайки, в дворовые компании.

В Братстве взрослый становится не «авторитетом», а «лидером», и существует тонкая грань между этими понятиями. Лидер обладает авторитетом, но не в силу своего положения, а в силу личностных качеств. Он — тот, кто разделяет жизнь подростков, кто придумает, чем заниматься, у кого самый тяжелый рюкзак, с которым интересно, и на которого можно положиться.

ВОПРОСЫ

1. Хотели бы вы ощущать других людей как братьев?
2. Существует ли какое-нибудь Братство, членом которого вы являетесь?

8

ТАИНА ЛЮБВИ БОГА.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ ЛЮБВИ

Всякое Братство обладает «тайной». Не описать для посторонних, что соединяет членов Братства. Вот встретились ребята после трудного похода. Можно говорить много слов: «Их теперь соединяют пережитые вместе трудности, то, что они друг другу помогали, и т. д.». Но это все будет и то, и не то... Настоящее Братство — тайна.

Вот — христианство. Кажется, что христианское братство — это братство постоянного поражения, постоянной насмешки над ним или гонений. Это братство Креста, братство не от мира сего.

Однако в христианстве есть тайна. Тайна, которая позволяет Голгофу превратить в Пасху, боль в радость, смерть в Вечную жизнь. Эта тайна непонятна посторонним, даже будущи названной, она может открыться лишь верующему сердцу — тайна же эта есть тайна Божественной Любви. Любовь — свойство Божественной сущности, любовь — дар, изначально данный человеку. В послании апостола Иоанна сказано: «Бог есть любовь». Любовью было пронизано творение мира,

любя, Бог не оставил даже павшего человека, вершина Любви была явлена на Кресте. И именно тайна Божественной Любви преображает поражение в Славу, и христианское братство становится братством Победы, Победы пасхальной и врата ада не одолеют его.

На пути братства многие не выдержат и уйдут в обыденность, не захотят жить праздником братства, ибо это радостно, но и невероятно трудно. Это особый, духовный тонус бытия, бытия в Боге. Они заунывают, затоскуют и уйдут. Но Братство неуничтожимо! И если в вашем сердце есть Победа над дебелистью и душевной усталостью, над своей смертью, то внешние поражения не страшны.

Е. ТРУБЕЦКОЙ. УМОЗРЕНИЕ В КРАСКАХ*

Чувство расстояния — это то первое впечатление, которое мы испытываем, когда осматриваем древние храмы. В этих строгих ликах есть что-то, что влечет к себе и в то же время отталкивает. Их сложенные в благословение персты зовут нас и в то же время преграждают нам путь: чтобы последовать их призыву, нужно отказаться от целой большой линии жизни, от той самой, которая фактически господствует в мире.

В чем же эта отталкивающая сила иконы и что собственно она отталкивает? Я в особенности осязательно это понял, когда, после осмотра икон в музее Александра III в Петрограде, случайно слишком скоро попал в императорский Эрмитаж. Чувство острой тошноты, которое я испытал при виде рубенсовских вакханалий, тотчас объяснило мне то самое свойство икон, о которых я думал: вакханалия и есть крайнее олицетворение той жизни, которая отталкивается иконой. Разжиревшая трясушаяся плоть, которая услаждается собою, жрет и непременно убивает, чтобы пожирать, — это то самое, чему прежде всего преграждают путь благословляющие персты. Но

* Работа Е. Трубецкого «Умозрение в красках» печатается в сокращении.

этого мало — они требуют от нас, чтобы мы оставили за порогом и всякую житейскую пошлость, потому что «житейские попечения», которые требуется отложить, также утверждают господство сытой плоти. Пока мы не освободимся от ее чар, икона не заговорит с нами. А когда она заговорит, она возвестит нам высшую радость — сверхбиологический смысл жизни и конец звериному царству.

Вопрос о смысле жизни, будучи по существу одним и тем же во все века, с особой резкостью ставится именно в те дни, когда обнажается до дна бессмысленная суэта и нестерпимая мука нашей жизни.

Вся русская иконопись представляет собой отклик на эту беспредельную скорбь существования — ту самую, которая выразилась в евангельских словах: «Душа моя скорбит смертельно». Только теперь, в дни мировой войны*, мы почувствовали весь ужас этой скорби; но именно поэтому теперь, более чем когда-либо, мы в состоянии понять захватывающую жизненную драму иконы. Только теперь нам начинает открываться и ее радость, потому что теперь, после всего того, что мы перетерпели, мы жить не можем без этой радости. Мы почувствовали наконец, как она глубоко выстрадана, сколько видела икона многовековых терзаний души народной, сколько слез перед нею пролито и как властно звучит ее ответ на эти слезы.

В начале этой осени у нас творилось что-то вроде светопрествавления. Вражеское нашествие надвигалось с быстротой грозовой тучи, и миллионы голодных беженцев, переселявшихся на восток, напомнили евангельские изречения о последних днях. «Горе же беременным и питающим сосцами в те дни! Молитесь, чтобы не случилось бегство ваше зимою... ибо тогда будет великая скорбь, какой не было от начала мира доньше и не будет» (Мф. 24, 19–21). Тогда, как и теперь, в дни зимней нашей скорби, мы испытываем что-то близкое к тому, что переживала Древняя Русь в дни татарского нашествия. И что же мы видим в результате? Немая в течение многих веков икона заговорила с нами снова тем самым языком, каким она говорила с отдаленными нашими предками.

* Речь идет о Первой мировой войне.

В конце августа у нас совершались все-народные моления о победоносном окончании войны. Под влиянием тревоги, охватившей нашу деревню, приток молящихся был исключительно велик и настроение их было необычайно приподнято. В Калужской губернии, где я в то время находился, ходили среди крестьян слухи, будто сам Тихон преподобный — наиболее чтимый местный святой — ушел из своей раки и беженцем странствует по русской земле.

И вот я помню, как в то время на моих глазах целая церковь, переполненная молящимися, хором пела богородичный молебен. При словах «не имамы иныя помощи, не имамы иныя надежды» многие плакали. Вся толпа разом рушилась к ногам Богоматери. Мне никогда не приходилось ощущать в многолюдных молитвенных собраниях той напряженной силы чувства, которая вкладывалась тогда в эти слова. Все эти крестьяне, которые видели беженцев и сами помышляли о возможности нищеты, голодной смерти и об ужасе зимнего бегства, несомненно, так и чувствовали, что без заступления Владычицы не миновать им гибели.

Это и есть то настроение, которым создавался древнерусский храм. Им жила и ему отвечала икона. Ее символический язык непонятен сытой плоти, недоступен сердцу, полному мечтой о материальном благополучии. Но он становится жизнью, когда рушится эта мечта и у людей разверзается бездна под ногами. Тогда нам нужно чувствовать незыблемую точку опоры над бездной. Нам необходимо ощущать это недвижимое спокойствие святыни над нашим страданием и скорбью, а радостное видение собора всей твари над кровавым хаосом нашего существования становится нашим хлебом насущным. Нам нужно достоверно знать, что зверь не есть все во всем в мире, что над его царством есть иной закон жизни, который восторжествует.

Вот почему в эти скорбные дни оживают те древние краски, в которых когда-то наши предки воплотили вечное содержание. Мы снова чувствуем в себе ту силу, которая в старину выпирала из земли златоверхие храмы и зажигала огненные языки над пленным космосом. Действенность этой силы в Древней Руси объясняется именно тем, что у нас в старину «дни тяжелых испытаний» были общим правилом, а дни благополучия — сравнительно редким исключением. Тогда опасность «раствориться в хаосе», то есть, попросту говоря, быть съеденным живьем соседями, была для русского народа повседневной и ежечасной.

И вот теперь, после многих веков, хаос опять стучится в наши двери. Опасность для России и для всего мира тем больше, что современный хаос осложнен и даже как бы освящен культурой. Дикие орды, терзавшие Древнюю Русь, — печенеги, половцы и татары — не думали о «культуре», а потому руководствовались не принципами, а инстинктами. Они убивали, грабили и истребляли другие народы, чтобы добыть себе пищу, совершенно так же, как коршун истребляет свою добычу. Они осуществляли биологический закон наивно, непосредственно, даже не подозревая, что над этим законом звериной жизни есть какая-либо другая, высшая норма.

Совершенно иное мы видим теперь в стане наших врагов. Здесь биологизм сознательно возводится в принцип, утверждается как то, что должно господствовать в мире. Всякое ограничение права кровавой расправы с другими народами во имя какого-либо высшего начала сознательно отмечается как сентиментальность и ложь. Это уже нечто большее, чем жизнь по образу звериному. Здесь мы имеем прямое поклонение этому образу, принципиальное подавление в себе человеколюбия и жалости ради него.

Торжество такого образа мыслей в мире сулит человечеству нечто гораздо худшее, чем татарщина. Это — неслыханное от начала мира порабощение духа, озверение, возведенное в принцип и систему, отречение от всего того человеческого, что доселе было и есть в человеческой культуре. Окончательное торжество этого начала может повести к поголовному истреблению целых народов, потому что другим народам понадобятся их земли.

ВОПРОСЫ

1. Олицетворение какой жизни, по мнению Е. Трубецкого, отталкивается иконой?
2. В какие периоды вопрос о смысле жизни «обнажается до дна»?
3. Как вы понимаете слова Е. Трубецкого, что «немая в течение многих веков икона заговорила с нами тем самым языком, каким она говорила с отдаленными нашими предками»?
4. Приходилось ли вам вглядываться в старинные иконы? Что ощущали вы при этом?

НЕМАЯ ПРОПОВЕДЬ

10

ДУШЕВНОЙ ЧИСТОТЫ*

Во всей внешности человека ярко отражается его духовная сущность. Дух грубый и жестокий уже в процессе развития зародыша направляет развитие соматических (то есть телесных) элементов и создает отражающие его грубые и отталкивающие формы.

Дух чистый и кроткий творит себе жилище, полное красоты и нежности. Чем, как не формирующим влиянием духа, можно объяснить удивительную, тончайшую разницу между двумя очень похожими физиономиями, особенно женскими? Одни и те же чрезвычайно похожие очертания глаз, носа, рта, почти равные размеры и соотношения частей лица и головы, но одно лицо вульгарно, а другое — тонко и красиво!

Внимательный анализ показывает, что эта разница духовного облика при почти одинаковых соматических формах зависит от очень малых и тонких деталей: чуть иной абрис бровей, неуловимо тонкая

* В этом разделе использована работа профессора медицины архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) «Дух, душа, тело».

складка губ, величина и форма глазной щели — и совсем другой духовный облик. Поразительный образ Моны Лизы создан теми тончайшими чертами, которые Леонардо да Винчи в течение нескольких лет придавал этому женскому лицу.

Подобно гению Леонардо да Винчи, в эмбриональном развитии действует духовная энергия, присущая хромосомам половых клеток, и создает живые образы красоты и безобразия, нежности, чистоты и любви, грубости, отталкивающей животности и злобы. Эти врожденные внешние формы становятся все более ярко выраженными в постэмбриональной жизни по мере развития духа в том или ином направлении.

Многосторонне значение красоты в природе, и, конечно, оно не исчерпывается только целями полового подбора. Не только для привлечения самок прекрасно поют и одеты ярким и красивым оперением самцы птиц. Не только для привлечения насекомых, несущих на себе оплодотворяющую пыльцу, сияют красотой и благоуханием цветы. Великая красота природы имеет, конечно, не одни утилитарные цели.

Элементы красоты и безобразия в природе, воспринятые духом человеческим, трансформируются в нем в произведения искусства и науки — великие двигатели духовного развития человечества. От простейших форм красоты, от ласкающей наш взор округлости и плавности линий, соразмерности и симметрии форм, прелести и силы светотени, гармонических сочетаний красок и звуков природа восходит до грандиозных ансамблей красоты, полных духовной силы и величия.

Духом величавой силы и мощи проникнуты окутанные мрачными тучами массивы гор и скал, гонимые ураганом громады волн океана, штурмующие прибрежные скалы. Дух вечности и беспредельности изливается в души наши от мириад звезд ночного неба. И наоборот, радость и покой навевают нежные краски зари и озаренные лунным светом поля и озера. Высшую ценность нравственной красоты и уродство безобразия являет природа в кротких и чистых глазах добрых людей и в отталкивающем виде злодеев и лгунов.

Мне принесли букет цветов. О, сколько тонкой, чарующей красоты в этих дивных маленьких творениях Божиих! Как они прелестны своей малостью, полной кротости и простоты! Тончайшее кружево нежных белых соцветий, голубенькие и розовые, фиолетовые и синие крошки глядят на нас чистыми глазками своих лепестков и венчиков, испуская свой чудный аромат.

Ну разве не очевидно, что это немая проповедь душевной чистоты?

Надо иметь очень грубое сердце, чтобы не слышать этого голоса Божия, так ясно звучащего в красоте материальных форм природы.

ВОПРОСЫ

Биограф Леонардо да Винчи рассказывает, что, когда художник трудился над картиной «Тайная Вечеря», он был в ссоре с одним человеком и поклялся отомстить ему во что бы то ни стало. В этом настроении великий художник написал лицо Иуды; но когда он начал писать лицо Господа Иисуса Христа, то понял, что не может придать лицу Спасителя нужное выражение. Леонардо, разгадав причину, пошел к тому человеку и помирился с ним, признав, что его нападки были необоснованными, хотя в действительности все обстояло иначе. Только после искреннего примирения с недругом художник мог закончить картину.

Автор этой заметки заканчивает ее такими словами: «В этой истории хороший урок для всех!» Прав ли он? Какой же урок извлекли вы?

11 МАССОВАЯ КУЛЬТУРА

Согласно энциклопедическому словарю, **массовая коммуникация** — это систематическое распространение информации (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись) с целью утверждения духовных ценностей данного общества.

Массовая культура — это обобщенная характеристика культуры, превращенной в индустриально-коммерческую форму производства и распространения с помощью средств массовой коммуникации стандартизированных духовных благ.

Китч (от нем. *kitch*) — дешевка, безвкусная массовая продукция, рассчитанная на внешний эффект.

Это — определения. В них — никаких эмоций. Но ваши родители, наверное, никогда не забудут, как пристально и эмоционально в их школьные годы старшее поколение следило за тем, чтобы волосы не были слишком длинными, с аргументами и без них доказывая, что группа «Битлз» — носитель пустой развлекательности, смакования секса, культя успеха, потребительства и имеет целью подчинить сознание юных масс буржуазным ценностям.

Тема рок-музыки близка авторам книги, так как один из них в юные годы проводил на дискотеках довольно много времени, поэтому небольшая часть этого раздела написана от первого лица.

Я всегда была оптимисткой. Даже чересчур! Природа создала меня краснощекой, и этот образ жизнерадостной матрешки был, наверное, не только внешним, но и внутренним. В юношеские годы временами мне хотелось иметь загадочную бледность и грустно-меланхолический взор, но, увы, это было мне несвойственно. Я не могла унывать долго, а жажда деятельности не позволяла мне с томным видом сидеть без дела.

Училась я в московском институте. Родительские наезды были редки, и я могла делать то, что хотела. А жила я в огромном пятнадцатипятиэтажном общежитии, на первом этаже которого находилось студенческое кафе. Для препровождения вечерне-ночной жизни в это кафе постоянно приезжали лучшие музыканты из московских групп того времени.

Компания была дружная, и, естественно, дискотеки в этом кафе нас очень привлекали. Мы довольно часто проводили там время до 2–3 часов ночи. Жизнь того периода была мне интересна, но вот что характерно — пропал мой «матрешечный» оптимизм. Появились какая-то тоска, ощущение одиночества, безысходности и чувство ненужности жизни. Временами даже возникало желание из этой жизни уйти.

Спустя некоторое время, анализируя воздействие музыки на человека, я поняла суть того, что было со мной...

Ныне рок-музыка — неотъемлемая часть нашей эпохи. По телевизору, радио, в газетах постоянно восхваляются различные рок-группы и певцы, поэтому появление работы немецкого автора Базилеи Шлинк, которая позволяет увидеть рок с другой стороны, вызвало большой интерес общественности. Ниже приводятся некоторые отрывки из ее книги.

Во время концерта американской рок-звезды Майкла Джексона на ипподроме близ Ливерпуля в сентябре 1988 года более 3000 присутствующих получили ранения, 40 человек пришлось госпитализировать. На одном из самых больших рок-конcertов, состоявшихся на европейской земле, собралось 125 тысяч фанатов. По сообщению руководства спасательными операциями, 1550 молодых людей, находившихся в первых рядах, в непосредственной близости от сцены, были сметены напором задних рядов и получили ранения. Многие из них потеряли сознание. Немало фанатов впали в истерию.

Знаменитая четверка «Битлз» признавала: «Наша музыка может спровоцировать эмоциональную неустойчивость, нарушения координации, буйство и даже вызвать революцию». Медицина свидетельствует, что рок-ритмы диссонируют с ритмами человеческого организма. Извлекаемые из бас-гитары низкочастотные звуковые колебания и возбуждающий ритм барабанов непосредственно воздействуют на гипофиз (железу внутренней секреции, расположенную у основания мозга), заставляя его вырабатывать гормон, стимулирующий половой инстинкт. Конечный эффект сверхнормального производства этого гормона заключается в снижении или полном исчезновении реакции торможения.

Если к звуковому воздействию рок-концерта или дискотеки добавляются еще и манипуляции световыми эффектами — знаменитые

«мигалки» или фотовспышки, — ломаются все психологические барьеры, человек теряет способность к оценке своих действий и безвольно подчиняется любым внушениям. Постоянно меняющее цвет и интенсивность освещение нарушает координацию и безусловные рефлексы, мигание в ритме порядка 6—8 вспышек в секунду полностью выключает пространственную ориентацию. При частоте около 26 вспышек в секунду происходят изменения альфа-ритма головного мозга, следствием чего становится рассеянность.

Если тьма и свет чередуются со все увеличивающейся скоростью и это происходит в течение значительного времени, человек может потерять общий смысловой контроль над происходящим. Поэтому нельзя назвать преувеличением утверждение, что рок-музыка, будучи комбинируема со световыми эффектами, имеет своим закономерным следствием «насилие над сознанием».

Слова и тексты рок-песен часто сочиняются под влиянием алкоголя или наркотиков. Некоторые из рок-музыкантов открыто признаются, что получают откровения от определенной «черной силы», контролирующей их или даже всю группу. Гитарист «Роллинг Стоунз» Кит Ричард в семидесятых годах заявлял, что песни у них получаются сами собой, музыкантам достаточно лишь открыться и подчиниться диктующей им силе.

Та же «сила» вступает в действие, чтобы повлиять на аудиторию особым образом, который можно было бы назвать «промывкой мозгов». Известный гитарист Джимми Хендрикс как-то поделился собственным открытием: «Музыкой можно гипнотизировать людей, и если нам удастся попасть в их слабую точку, мы можем проповедовать их подсознанию все, что хотим...» Последствия таких «проповедей» сегодня ясны для каждого, кто не закрывает намеренно на эту проблему глаза: отсутствие внутреннего торможения, агрессия, бунтарский настрой, половая невоздержанность и распад личности.

Но не только фанаты, а сами рок-звезды страдают от этих последствий, зачастую приводящих их к смерти. Об этом может свидетельствовать любой, даже самый блистательный, путь к славе рок-музыканта, потому что жизнь можно правильно оценить, лишь видя ее конец. Вот конец биографий нескольких других знаменитых рок-звезд — жуткий, потрясающий баланс:

Брайен Джоунс, «Роллинг Стоунз», — утонул в плавательном бассейне, будучи в наркотическом опьянении;

Джимми Хендрикс — после принятия алкоголя и снотворного задохнулся от рвоты;

Дженис Джоуплин, «королева рок-музыки», — умерла от передозировки героина;

Рон Маккернан, Грейтфул Дэд — медленное алкогольное отравление;

Марк Болан, гитарист и автор песен группы «Т-Рекс», объяснявший свой успех черной магией, — погиб в таинственной автокатастрофе;

Элвис Пресли — умер от передозировки наркотиков и обжорства;

Кит Мун, «The who», — покончил самоубийством;

Сид Вишэс, «Секс Пистолз», — зарезал подругу и принял смертельную дозу героина;

Джон Бонхэм, «Led Zeppelin», — после сорока стаканов водки задохнулся в собственной рвоте;

Бон Скотт (исполнял песню «Автострада в ад»), «AC/DC», — после ночной попойки задохнулся от рвоты;

Джон Леннон, «Битлз», — застрелен фанатом;

Пит Фандорн, «Претенденты», — найден мертвым в ванной, шприц с героином торчал в руке;

Мэрвин Гей — после ссоры с отцом, ранив себя выстрелом, умер;

Джоги Хортон, музыкант, ударные инструменты, — прыгнул с 17-го этажа нью-йоркского отеля;

Джейзо Пасториус, джаз и рок-басист, — скончался от нанесенных побоев;

Рой Бухэнэм, один из лучших в мире блюз- и рок-гитаристов, — повесился в состоянии алкогольного опьянения.

Этот список можно продолжить именами многих-многих молодых рок-гитаристов, ставших жертвами пристрастия к наркотикам. Ведь в перечисленном выше списке были лишь самые знаменитые.

Учитывая то, что российская массовая культура по сравнению с западной «опаздывает», нетрудно спрогнозировать, что конкретно ждет нас в недалеком будущем. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на типичную картину времяпровождения современных молодых людей.

Прежде всего — это техно-музыка, децибелами которой, как правило, до основания заполнено отдельное помещение.

По периметру площадки — отделенные друг от друга уголки — четыре-шесть стульев и стол. Масса стаканов, бутылок, окурков позволяет оценить размеры их потребления.

Некоторые стоят у игральным автоматов, встроенных в стены. Другие сидят или лежат, прилепившись друг к другу, в то время как несколько пар движутся по танцплощадке, подгоняемые жестким ритмом музыки. Сигаретный дым шиплет глаза и горло, воздух — хоть топор вешай, атмосфера — смесь похоти, грязи, толкотни, безнадежности, уныния, разочарования, деградации и тупости.

Даже в полумраке видно, что у многих ребят вполне симпатичные и ясные лица, а рядом — уже деградирующие, вялые. Потрясающая картина начала и конца пути! Дискотека для одних — образ жизни в конце недели, для других — и каждую ночь.

Базилея Шлинк отмечает, что ей известны молодые люди, которые, прожигая свою молодость на дискотеках, мучаются, страстно желают чего-то лучшего: «Если бы я мог найти смысл жизни! Если бы нашелся человек, который полюбил меня так сильно, что смог бы вывести из этого тупика! Есть ли вообще какое-то будущее для меня, для моего поколения — путь, не ведущий к гибели и хаосу? Где наши спасители? Где люди, способные полюбить нас такими, какие мы есть, — со всеми недостатками, проблемами, тоской и глубоким разочарованием в жизни?»

Кто полюбит их, разочаровавшихся и опустившихся? Кто сможет из любви побороть отвращение и помочь?

ВОПРОСЫ

1. Что такое массовая культура? Что такое китч?
2. Извлекаемые из бас-гитары низкочастотные звуковые колебания и возбуждающий ритм барабанов непосредственно воздействуют на гипофиз. Вспомните, что такое гипофиз и какой гормон он вырабатывает?

ВМЕСТО ЖИЗНИ — СЛАБЫЙ СКРИП?*

Нашу жизнь я бы изобразил евангельской картиной неудачного лова рыбы на Генисаретском озере. Я бы подробно нарисовал ее, так как здесь каждая мелочь имеет значение.

Берег Генисаретского озера, время перед рассветом, приближается зной изнуряющего дня. Воды озера спокойны, легкие волны лениво катятся к берегу, лижут камни и так же лениво возвращаются назад — приливы и отливы...

На берегу мы видим кучку людей. У них безразличный усталый вид — это рыбаки, которые всю ночь ловили рыбу. Только что они выполняли тяжелую работу. В неуклюжих рыбацких лодках, нагруженных просмоленными сетями, выходили они на ловлю рыбы. Напрягая все мускулы, закидывали они сети и с большим трудом их вытаскивали, ожидая увидеть серебро трепещущих рыб. И что же? Сети пусты? Нет, не пусты, в них много ила, травы, ракушек, камешков со дна — вот все, что было в сетях за всю ночь лова...

А ночь, самое благоприятное время для ловли рыбы, уже на исходе. Раздражение и досада овладевают рыбаками. Но когда мы увидели их на берегу, вытаскивающими намокшие сети, то в них уже не было раздражения, остались только апатия и усталость от непосильных трудов, безразличие было написано на лицах. Лишь холод от намокшей в воде одежды заставляет их иногда напряженно вздрагивать. Всю ночь они ловили безуспешно, а ведь рыба нужна для пропита-

* Этот раздел подготовлен по проповеди епископа Григория (Лебедева).

ния, и надо спешить, а то наступит дневной зной и работать будет невозможно. И вот в это время к ним подходит Спаситель и говорит одному из своих учеников: «Симон, забрось сети».

«Забрось сети!» Но как забросить, когда лучшее время — ночь — уже миновало? Не поборов раздражения, Симон сказал Иисусу: «Наставниче, всю ночь трудились и ничего не поймали!»

Эта картина — наша жизнь!

Если бы у меня был художник, то я бы сказал ему: нарисуй картину так, как я рассказал — и от вашего имени бы написал: «Всю ночь трудились, ничего не поймали».

Рассмотрим картину, которая имеет символическое значение. Озеро — это мир жизни, лодки — это жизненные пути, сети — душевные способности. Ночь — наша жизнь, так как день будет позже, после сумерек — смерти. Каждый родившийся человек получает лодку и отправляется в плавание. Пускаясь в плавание, мы кажемся себе великими, думаем, что совершаем что-то важное, очень нужное, грандиозное. Это оттого, что мы так окунулись в суету, что потеряли общий масштаб, и наше барахтанье кажется нам очень важным и великим, а на самом деле мы плаваем как бы на веревочке и барахтаемся невдалеке от берега. Вся наша жизнь есть борьба. Борьба за кусок хлеба.

Начнем с юности, когда идет борьба за приобретение знаний, образования. Некоторые падают уже тут. Дальше борьба за приискание должности. Когда эта борьба увенчается успехом, должность добыта, начинается новая борьба — сохранение места. И борьба не только за это, но борьба за семью, за детей, за их воспитание, за предохранение их от развращающего влияния, борьба за мир и благоденствие в семье. Все время борьба, как и у тех рыбаков — всю ночь напролет.

Посмотрим же на улов, может быть, мы много поймали? Всю ночь нашей жизни мы трудились — так же напрягаются мускулы, утомляется и слабеет память, и с каждым годом, днем, часом, минутой мы не приобретаем, а растрачиваем наши способности, силы, здоровье — и сети наши обрываются. А душа? Приобретает ли она? Из Божьего цветка, полного аромата и чистоты, во что превращаются наши

души? Особенно заметно это на юношестве. Мы видим, как юноши развращаются, грубеют, становятся наглыми, черствыми, теряют чистоту и доброту, мягкость, ласковость, стыдливость. Это уже ясно заметно у них с 15 лет, а в городах и того раньше.

Вот каков улов! Гордитесь вы? Ваши сети пусты, они заполнены только грязью, которую зацепили со дна жизни.

Еще мы можем сравнить нашу жизнь с музыкальным инструментом, который вышел из первоклассной мастерской, из рук отличного мастера. Каждая струна издавала полный, чистый, сочный звук. И вот инструмент попадает в неумелые руки — расстроена клавиатура, порваны струны; инструмент только двумя-тремя струнами издает хриплые звуки. Так и наша душа! Из рук Творца она выходит полная аромата, свежести, сочности; а потом, в жизни, теряет аромат, струны души обрываются, и мы в конце нашей жизни тихо скрипим на двух-трех струнах.

Может, в материальной жизни мы приобретаем много ценного? Нет, и в ней ничего! Все это мусор. Например, до переезда с квартиры на квартиру, пока мебель стоит, картины развешаны, все прибрано, создается впечатление красивого, уютного жилья. Однако стоит только все передвинуть, тряхнуть, как все будет представлять хлам и мусор.

Да что же, наконец, приобретает человек?

С годами слабеют руки, походка становится неуверенной, пропадает румянец, появляются морщины на лице. Усталость и апатия овладевают человеком.

И тут бывают два состояния души: или душа уже мертва, или же она мятется. Разве мало мы видели в жизни мятущихся душ?!

Гордитесь же вашим уловом! Ваши сети полны грязи жизни, и она-то и тяготит душу. Пора прекратить бесплодный улов — близится рассвет.

Остановитесь! Выйдите на берег, вытащите набухшие сети. Из Божьего цветка, полного аромата и чистоты, во что превращаются ваши души? Вытряхните всю грязь и воззовите ко Христу, Который близ вас ходит по берегу. Воскликните словами Евангелия:

«Наставниче, всю ночь мы трудились, но ничего не поймали, помоги нам!»

И Господь услышит, и только один Он может заполнить ваши сети, как и на Генисаретском озере, где они наполнились по слову Его. Он наполнит благодатью так, что она будет прорывать ваши души своим обилием.

Так вот, решите теперь сами, нужны ли нам вера и христианство?

ВОПРОСЫ

1. Поскольку подавляющее большинство жителей Европы — христиане, то некоторые ученые считают, что вместо термина «европейская нравственность» следует употреблять термин «христианская нравственность». А как вы считаете?
2. Аргументируйте, что именно понравилось вам в проповеди, а что, возможно, и нет.
3. В проповеди говорится, что «мы так окунулись в суету, что потеряли общий масштаб, и наше барахтанье кажется нам очень важным и великим, а на самом деле мы плаваем как бы на веревочке и барахтаемся невдалеке от берега». Спросите у своих родителей или родственников, согласны ли они с этим утверждением? Выскажите и свое мнение по этому вопросу.
4. В этом разделе книги наша жизнь сравнивается с евангельской картиной неудачного лова рыбы на Генисаретском озере. Согласны ли вы с таким сравнением или нет? Почему?

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ

8

ЧТО ЗНАЧИТ ЖИТЬ?

А, действительно, что значит жить? Может быть, живешь лишь в те редкие минуты, когда находишься как бы на острие ножа? Или когда мысль и чувства напряжены до предела? А может быть, лишь в период смертельной опасности? И тогда жизнь — это смерть, а смерть — это жизнь.

Мысль о жизни часто начинается и кончается мыслью о смерти. Пожалуй, не найдется человека, который никогда бы не думал о смерти. Вспомним предсмертные стихи С. Есенина:

До свиданья, друг мой, до свиданья,
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей,
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

И все-таки на вопрос «Жить ли?» человек, как правило, отвечает утвердительно: «Жить!» И прежде чем размышлять, мы просто живем. Однако в то же время «просто на жизнь» мы не согласны. Нам нужно найти «оправдание» своей жизни, нужно самим «уразуметь» ее смысл. Это почувствовал и герой повести Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». В свои сорок пять лет в ужасе перед надвигающимся концом он понял, что «чем дальше от детства, чем ближе к настоящему, тем ничтожнее и сомнительнее были радости». И у Ивана Ильича резонно возникает вопрос:

— Не может быть, чтоб так бессмысленна, гадка была жизнь! А если точно она так гадка и бессмысленна была, так зачем же умирать, и умирать страдая? Что-нибудь не так!

«Может быть, я жил не так, как должно?» — приходило ему вдруг в голову. «Но как же не так, когда я делал все как следует?» — говорил он себе и тотчас же отгонял от себя это единственное разрешение всей загадки жизни и смерти как что-то совершенно невозможное.

Его угасающее сознание дает единственно правильный ответ: он думал, что жил, потому что жил как все, но это не была жизнь. Он понял, что есть совсем другое существование, более точно отвечающее понятию жизни. Есть другая жизнь, и с точки зрения этой другой жизни смерти нет.

«Вдруг какая-то сила толкнула его в грудь, в бок, еще сильнее сдавило ему дыхание, он провалился в дыру, и там, в конце дыры, засветилось что-то. С ним сделалось то, что бывало с ним в вагоне железной дороги, когда думаешь, что едешь вперед, а едешь назад, и вдруг узнаешь настоящее направление.

...Иван Ильич увидел свет, и ему открылось, что жизнь его была не то, что надо.

Он искал своего прежнего привычного страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было.

Вместо смерти был свет.

— Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость!

Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его клокотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало клокотанье и хрипенье.

— Кончено! — сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. «Кончена смерть, — сказал он себе. — Ее нет больше».

В последние годы оживленно обсуждаются проблемы, связанные с жизнью и смертью человека, причем не только в философском плане, но и в более узких рамках биоэтики. Биоэтика изучает общечеловеческие проблемы отношения к детству и старости, к смерти и жизни, вообще ко всему живому и живущему. Ее философская основа — благоговение перед жизнью, взятой в самом широком контексте.

Одна из проблем биоэтики — проблема эвтаназии. Вопрос формулируется примерно так: дать ли возможность больному человеку распорядиться правом на свою жизнь по своему усмотрению, если лечение бессмысленно или безнадежно? Тут же возникает еще вопрос: помогать ли больному человеку, если лечение безнадежно, а сам человек находится без сознания?

Огромной проблемой остается и поиск ответа на следующий вопрос — а что, собственно, считать смертью? Современная медицина так трактует определение смерти: «Новое представление о смерти возникло в связи с развитием реаниматологии. Возможность оживления привела к тому, что остановка сердца и прекращение дыхания перестали быть признаком смерти: если потенциально, восстановив кровообращение и газообмен, можно восстановить жизнеспособность человека, следовательно, остановка сердца и дыхания основанием для диагноза смерти более не является. Поэтому теоретически смертью можно считать только тот момент, когда необратимыми становятся изменения в центральной нервной системе, в мозге, и когда, восстановив сердечную деятельность и газообмен, вы все равно уже не возвратите человека к жизни...»

Интересны результаты исследований американских врачей, собравших рассказы более 150 человек, переживших клиническую смерть. Для самих людей, переживших такой «опыт смерти», жизнь души после смерти становится совершенно очевидным фактом. Они не просто верят, а совершенно точно знают о жизни души после смерти тела.

Вот некоторые краткие отрывки из воспоминаний:

«Со всех сторон люди шли к месту аварии... Когда они подходили совсем близко, я пытался увернуться, чтобы сойти с их пути, но они просто проходили сквозь меня...»

Я не мог ни к чему притронуться, не мог общаться ни с кем из окружающих меня. Это жуткое ощущение одиночества, ощущение полной изоляции. Я знал, что я совершенно один, наедине с собой».

Кстати сказать, иногда люди способны пересказать или сообщить точные подробности событий, которые происходили даже в соседних комнатах или в еще более отдаленных местах, пока они были «мертвы». Доктор Кублер-Росс записал об одном замечательном случае, где слепая «видела» и затем ясно описала все, происходившее в комнате, где она умерла, хотя, когда снова вернулась к жизни, она опять была слепа.

Конечно, эти результаты не являются абсолютными доказательствами посмертной жизни души, хотя и наводят на многие размышления.

ВОПРОСЫ

1. Согласны ли вы с мнением людей, считающих, что человек живет лишь тогда, когда мысли и чувства напряжены до предела? Пожалуйста, аргументируйте свою точку зрения.
2. Прочтите повесть Л. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Как вы понимаете слова писателя «вместо смерти был свет»?
3. Возможно ли жить и в согласии с законами окружающего вас общества, и в согласии с самим собой? Почему?
4. Что изучает биоэтика? Что такое эвтаназия и каково ваше отношение к ней?

НЕ УБИВАЙ!

2

Нельзя не согласиться с одним российским священником, отметившим, что «когда сегодня говорят о болезнях общества в России, то я всегда напоминаю одну из главных причин этой агонии — убийство детей в утробе матери. Это то, в чем Россия опережает другие страны. Если не прекратится пролитие этой невинной крови, то все мы не найдем мира, не остановим того зла, которое разгуливает сегодня по стране, мы даже не сможем увидеть этого зла и того, откуда оно исходит. Да как мы сможем даже сектантам противостоять, когда знаем и видим, что у них в семьях растут дети, а у нас в семьях убийство детей передается из поколения в поколение?»!

Чем мы можем доказать свою правоту, чем мы можем оправдаться? У нас в стране ежедневно убивается 21 тысяча детей, и убивают в том числе «христиане». Какие же мы христиане, когда каждый день проливаются тонны крови? Нет... так мира быть не может в стране!»

Рассмотрим аборт с этической стороны. Американский врач, акушер-гинеколог Бернард Натансон, задумавшись о правильности

своих действий и применяя современные технические средства (ультразвук, электронные исследования сердца эмбриона, эмбрионоскопию, радиобиологию и другие), изучил следующий вопрос: какую жизнь представляет собой эмбрион и когда эта жизнь начинается?

После скрупулезных исследований Натансон заявил, что «сегодня вопрос о том, что эмбрион есть отдельное человеческое существо со всеми своими особыми личными характеристиками, не есть уже вопрос веры». Его исследования доказали, что это научная истина. Эмбрион — сформировавшееся человеческое существо. Человек существует как человек с момента зачатия до момента своей биологической смерти.

Не совершайте грех убийства своего ребенка! Не думайте, что аборт — такая же безобидная операция, как удаление гланд или вырывание зуба. Наука утверждает, что нерожденного ребенка нельзя считать частью тела матери. Ребенок, как бы мал он ни был, является отдельной личностью;

жизнь человека начинается не с момента рождения, а с момента зачатия.

Находясь в утробе матери, дитя уже в 4 недели имеет свою нервную систему, его кровь не смешивается с кровью матери, у него свой характер, свои черты лица. Он может чувствовать любовь своей мамы, радоваться, пугаться, слышать звуки.

Для подтверждения своих выводов Натансон прибег к ультразвуковой киносъемке аборта эмбриона 12 недель (то есть трехмесячного).

Его фильм «Безмолвный крик» доказывает, что зародыш чувствует опасность и выражает это тем, что двигается быстро и тревожно, учащаются удары его сердца со 140 до 200. Кроме того, он открывает широко рот, как во время отчаянного крика, безмолвного крика!

Этот фильм вызывает такой ужас, что один врач, который сделал несколько тысяч аборт, с того момента, как увидел фильм, перестал их проводить.

Аборт также является покушением на самоубийство. Медицина свидетельствует, что смерть — нередко вероятный исход для женщины, совершившей аборт. Аборт, кроме того, сказывается на здоровье последующих детей.

Но самое главное: убийство нерожденного ребенка — смертный грех, за который родители будут нести ответ перед Богом. Не омрачайте свою совесть, не берите на свою душу такого греха! Не считайте себя вправе распоряжаться чужой жизнью!

ВОПРОСЫ

1. Согласны ли вы с мыслью о том, что в стране, в которой тоннами проливается кровь, мира быть не может?
2. В России ежедневно убивается, в том числе и вашими ровесниками, десятки тысяч детей! О каких убийствах идет речь и каково ваше мнение об этом?

3. Почему эмбрион — это уже сформировавшееся человеческое существо?

3

УДИВИТЕЛЬНО УМИРАЮТ РУССКИЕ ЛЮДИ!

Д.С. Лихачев в своем труде «Первые семьсот лет русской литературы» отмечает, что в древнерусской литературе особенно часты художественно точные описания смертей. Рассказы о болезни и смерти Владимира Галицкого, о болезни и смерти Владимира Васильковича Волынского, о смерти Дмитрия Красного, о смерти Василия Третьего — все это маленькие литературные шедевры. Смерть — наиболее значительный момент в жизни человека. Тут особенно важно все человеческое, и тут внимание писателя к человеку достигает наибольшей силы.

Было бы ошибочно думать, однако, что писатели Древней Руси сочувственно наблюдали за человеком только тогда, когда он испытывал жесточайшие мучения. В «Повести о Петре и Февронии Муромских» есть такая деталь. Когда разлученный с Февронией, постригшийся в монастыре князь Петр почувствовал приближение смерти, он, исполняя данное Февронии обещание, прислал к ней звать ее умереть вместе с ним. Феврония ответила, что хочет закончить вышивание воздуха*, который она обещала пожертвовать церкви. Только в третий раз, когда прислал к ней Петр сказать: «Уже бо хошу преставитися и не ждлу тебе», Феврония дошла лик святого, оставив незаконченными ризы, воткнула иглу в воздух, обернула ее нитью, которой вышивала, послала сказать Петру, что готова, и, помолясь, умерла.

* Воздух — так называется на языке литургики покров, который возлагается на дискос и чашу. Под таким именем он известен потому, что, вея им во время пения Символа веры, священник колеблет воздух. Этим именем называются и два других покрыва, из которых одним покрывается дискос, другим — чаша. Большой воздух — при погребении кладут на лица священнослужителей и монахов.

Этот жест пожилой и степенной женщины, обматывающей нитью иглу, чтобы работу можно было продолжить, великолепен. Деталь эта показывает изумительное душевное спокойствие Февронии, с которым она решается на смерть вместе с любимым ею человеком. Автор многое рассказал о ней, приведя только один этот жест.

Но надо знать еще красоту древнерусского шитья XV века, чтобы оценить это место повести в полной мере! Шитье XV века свидетельствует о таком вкусе древнерусских вышивальщиц, о таком чувстве цвета, что переход от него к самому важному моменту в жизни человека не кажется неестественным.

Удивительно умирают русские люди — эта тема созвучна и творчеству великого русского писателя И.С. Тургенева. Далее с некоторыми сокращениями приводится его рассказ «Смерть».

Мы нашли бедного Максима на земле, человек десять мужиков стояло около него. Мы слезли с лошадей. Он почти не стоял, изредка раскрывал и расширял глаза, словно с удивлением глядел кругом и покусывал посиневшие губы... Подбородок у него дрожал, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: он умирал. Легкая тень молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись к нему. Он узнал Ардалиона Михайлыча.

— Батюшка, — заговорил он едва внятно, — за попом... послать... прикажите... Господь... меня наказал... ноги, руки, все перебито... сегодня... воскресенье... а я... а я... вот... ребят-то не распустил.

Он помолчал. Дыхание ему спирало.

— Да деньги мои... жене... жене дайте... за вычетом... вот Онисим знает... кому я... что должен...

— Мы за лекарем послали, Максим, — заговорил мой сосед, — может быть, ты еще и не умрешь.

Он раскрыл было глаза и с усилием поднял брови и веки.

— Нет, умру. Вот... вот подступает, вот она, вот... Простите мне, ребята, коли в чем...

— Бог тебя простит, Максим Андреич, — глухо заговорили мужики в один голос и шапки сняли, — прости ты нас.

Он вдруг отчаянно потряс головой, тоскливо выпятил грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему, однако, тут умирать, — воскликнул Ардалион Михайлыч, — ребята, давайте-ка вон с телеги рогожку, снесемте его в больницу.

Человека два бросились к телеге.

— Я у Ефима... сычовского... — залепетал умирающий, — лошадь вчера купил... задаток дал... так лошадь-то моя... жене ее... тоже...

Стали его класть на рогожу... Он затрепетал весь, как застреленная птица, и выпрямился.

— Умер, — пробормотали мужики.

Мы молча сели на лошадей и отъехали.

Смерть бедного Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умирает русский мужик! Состояние его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто.

Несколько лет тому назад у другого моего соседа в деревне мужик в овине обгорел. Он так бы и остался в овине, да заезжий мешанин его полуживого вытащил: окунулся в кадку с водой, да с разбега и вышиб дверь под пылавшим навесом. Я зашел к нему в избу. Темно в избе, душно, дымно. Спрашиваю: где больной? «А вон, батюшка, на лежанке», — отвечает мне нараспев подгорюнившаяся баба. Подхожу — лежит мужик, тулупом покрылся, дышит тяжело. «Что, как ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочет, а весь в ранах, при смерти. «Лежи, лежи, лежи... Ну, что? как?» — «Вестимо, плохо», — говорит. «Больно тебе?» Молчит. «Не нужно ли чего?» Молчит. «Не прислать ли тебе чаю, что ли?» — «Не надо». Я отошел от него, присел на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса — гробовое молчание в избе. В углу, за столом под образами, прячется девочка лет пяти, хлеб ест. Мать изредка грозитя на нее. В сенях ходят, стучат, разговаривают: братнина жена капусту рубит. «А, Аксинья!» — проговорил наконец больной. «Чего?» — «Квасу дай». Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шепотом: «Причастили его?» — «Причастили». Ну, стало быть, и все в порядке: ждет смерти, да и только. Я не вытерпел и вышел...

А то, помнится, завернул я однажды в больницу села Красногорья, к знакомому мне фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Фельдшер купил на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословясь, лечить народ Божий. Кроме его, при больнице состояло два человека: подверженный сумасшествию резчик Павел и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба готовили лекарства, сушили и настаивали травы; они же укрощали горячечных больных. Сумасшедший резчик был на вид угрюм и скуп на слова; по ночам пел песню «о прекрасной Венере» и к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Меланье, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшек.

Вот, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о последней нашей охоте, как вдруг на двор въехала телега, запряженная необыкновенно толстой сивой лошадей, какие бывают только у мельников. В телеге сидел плотный мужик в новом армяке, с разноцветной бородой. «А, Василий Дмитрич, — закричал из окна Капитон, — милости просим... Любовшинский мельник», — шепнул он мне. Мужик, покряхтывая, слез с телеги, вошел в фельдшерovu комнату, поискал глазами образа и перекрестился. «Ну что, Василий Дмитрич, что новенького?.. Да вы, должно быть, нездоровы: лицо у вас нехорошо». — «Да, Капитон Тимофеич, неладно что-то». — «Что с вами?» — «Да вот что, Капитон Тимофеич. Недавно купил я в городе жернова; ну, привез их домой, да как стал их с телеги-то выкладывать, понатужился, знать, что ли, в череве-то у меня так екнуло, словно оборвалось что... да вот с тех пор все и нездоровится. Сегодня даже больно неладно». — «Гм, — промолвил Капитон и понюхал табак, — значит, грыжа. А давно с вами это приключилось?» — «Да десятый денек пошел». — Десятый? (Фельдшер потянул в себя сквозь зубы воздух и головой покачал.) Позволь-ка себя пощупать. Ну, Василий Дмитрич, — проговорил он наконец, — жаль мне тебя, сердечного, а ведь дело-то твое неладно; ты болен не на шутку; оставайся-ка здесь у меня; я с своей стороны все старание приложу, а впрочем, ни за что не ручаюсь». — «Будто так худо?» — пробормотал изумленный мельник. «Да, Василий Дмитрич, худо; пришли бы вы ко мне деньками двумя пораньше — и ничего бы, как рукой бы снял; а теперь у вас воспаление, вон что; того и гляди, антонов огонь сделается». — «Да быть не может,

Капитон Тимофеич». — «Уж я вам говорю». — «Да как же это! (Фельдшер плечами пожал.) И умирать мне из-за этакой дряни?» — «Этого я не говорю... а только оставайтесь здесь». Мужик подумал, подумал, посмотрел на пол, потом на нас взглянул, почесал в затылке да за шапку. «Куда же вы, Василий Дмитрич?» — «Куда? вестимо куда — домой, коли так плохо. Распорядиться следует, коли так». — «Да вы себе беды наделаете, Василий Дмитрич, помилуйте: я и так удивляюсь, как вы доехали? останьтесь». — «Нет, брат Капитон Тимофеич, уж умирать, так дома умирать; а то что ж я здесь умру, — у меня дома и Господь знает что приключится». — «Еще неизвестно, Василий Дмитрич, как дело пойдет... Конечно, опасно, очень опасно, спору нет... да оттого-то и следует вам остаться». (Мужик головой покачал.) «Нет, Капитон Тимофеич, не останусь... а лекарствицо разве пропишите». — «Лекарство одно не поможет». — «Не останусь, говорят». — «Ну, как хочешь... чур, потом не пенять!»

Фельдшер вырвал страничку из альбома и, прописав рецепт, посоветовал, что еще делать. Мужик взял бумажку, дал Капитону полтинник, вышел из комнаты и сел на телегу. «Ну, прощайте, Капитон Тимофеич, не поминайте лихом да сироток не забывайте, коли что...» — «Эй, останься, Василий!» Мужик только головой тряхнул, ударил вожжой по лошади и съехал со двора. Я вышел на улицу и поглядел ему вслед. Дорога была грязная и ухабистая: мельник ехал осторожно, не торопясь, ловко правил лошадью и со встречными раскланивался... На четвертый день он умер.

Удивительно умирают русские люди!..

ВОПРОСЫ

1. О ком заботился умирающий Максим? В чем он видел причину своей наступающей смерти?
2. И.С. Тургенев многократно повторяет фразу: «Удивительно умирают русские люди!» В чем вы видите эту удивительность?

4

ДВА ВЗГЛЯДА НА СМЕРТЬ

В начале книги рассказывалось о замечательном сборнике невыдуманных рассказов «Отец Арсений», вышедшем в 1993 году в Москве. Вот что пишет в предисловии к ней ее неизвестный составитель:

«Первые христианские мученики ждали скорого конца света, но они духовно родились в молодой Церкви, живущей чистой, духовной жизнью, еще не знавшей пресловутых «исторических грехов». Если тогда из двенадцати учеников один стал предателем, то гонения XX века, образно говоря, часто только одного из двенадцати оставляли верным.

Страшная атмосфера общего отречения, измены, предательства, гигантский масштаб духовной и исторической катастрофы, миллионы людей, плененных ложью и вовлеченных в сатанинскую расправу над Христовой Церковью, над своим народом и своей страной, — все это повергало в уныние и отчаяние, производило ощущение обреченности, безнадежности, оставленности.

Потеряв веру в Бога, прежде великая и православная, Россия стала беззащитным объектом для осуществления сатанинского плана невыявленного в истории геноцида. Гражданская и Отечественная войны, десятки миллионов жертв искусственно создаваемого голода, десятки миллионов невинных, мучительно уничтожаемых в бесчисленных лагерях и тюрьмах. Прежде православный народ спаивается, приучается к обману, воровству и лжи как способу жизни, к насилию и разбою, к блуду и разврату, к систематическому уничтожению собственных детей.

В дьявольском помрачении, увидев друг в друге врагов и ставши врагами, люди отдали свои силы и жизни на вековую бессмысленную войну, жестоко, безжалостно мучая друг друга. Они стали неспособны организовать свою народную жизнь, разучились трудиться, разучились любить, жить семейной жизнью, рожать и воспитывать детей.

Зло в его сущности нельзя победить злом, как огонь нельзя потушить огнем. Только Христова любовь, в своем самоотвержении с

верой и смирением претерпевающая любые муки и даже смерть, способна победить зло и вырвать у него уже погибающую, ослепленную и озлобленную человеческую душу».

Иллюстрацией к вышесказанному служит отношение к смерти двух людей — священника и военнослужащего. Дело, конечно, не в их профессии, а в том, как каждый из них прожил свою жизнь, какую цель в ней преследовал.

Православный писатель и педагог о. Василий Зеньковский писал о себе: «Мне 80 лет исполнилось, и в душе моей, когда я думаю о моей жизни, ликование, столько света было в моей жизни, столько душ я узнал и полюбил, а музыка, мир идей? Я благодарю Бога за свою жизнь. Дай вам Бог любить жизнь».

И совсем иная картина смерти предстает в рассказе из сборника «Отец Арсений».

Запомнилась на всю жизнь и оставила тяжелое впечатление смерть одного подполковника, тяжело раненого, лет сорока пяти.

Раненый в обе ноги и нижнюю часть живота, он тяжело мучился, временами кричал и буквально выл по-звериному, — не мог смириться с мыслью, что умирает. Крик его наполнял злость, ненависть ко всему живущему, он поносил Бога, Матерь Божию, святых, призывал беспрерывно темную силу.

В неестественно расширенных глазах жил ужас и страх. Смотря куда-то в пространство, подполковник временами кричал: «Уйди! Не мучь меня!» — или с кем-то разговаривал, отвечая на вопросы, или вроде бы допрашивал и угрожал: «Поддай ему, поддай. Заговоришь у меня, не такие говорили».

Эти разговоры перемешивались с изошренными ругательствами, проклятиями, криками, леденящими душу. Вначале мы думали, что он бредит, говорит и кричит в беспамятстве, но на обращенные к нему вопросы отвечал разумно, рассказывал о себе. Временами что-то поднимало и бросало его на кровати, обезболивающие лекарства не помогали, рвал повязки; мы привязывали его к кровати, чтобы он не упал на пол, но все было безуспешно.

Фактически являясь трупом, он проявлял огромную физическую силу, видя его страдания, я стала молиться о нем, а однажды, стоя за занавеской, сделанной из простыни и отделявшей его от кровати другого умирающего, и слыша проклятия, ругань и крики, я незаметно пере-

крестила его три раза. Как же он богохульствовал и кричал после этого. «Уберите ее, — это он про меня. — Вон! Вон! Она мешает мне, мучает. Уберите!» Видеть же, как я его крестила, он не мог. Я вторично перекрестила, но, испугавшись и ужаснувшись крика, богохульства и ругани, убежала: мне было страшно той темной силы, заключенной в нем. Слабый, обессиленный, он в этот момент сорвал повязки, разорвал бинты, привязывающие его к кровати, и бросил фарфоровый поильник в дверь, пробив доску. Меня к себе на перевязку не допускал, а если чувствовал, что иду по коридору, или видел, — изобретательно ругался и богохульствовал. Сестры и санитарки не любили и боялись подполковника.

Однажды я дежурила по госпиталю. Ночью меня вызвала молодой врач, испуганная Татьяна Тимофеевна, ласково называемая многими Танечка, дежурившая в это время во втором корпусе. «Людмила Сергеевна! — говорила она мне поспешно. — Подполковник в пятой палате буйствует, ничего не могу сделать. Помогите!» Я побежала в корпус, поднялась на этаж. Из пятой палаты слышался невообразимый крик, рев и ругань. Больные в других палатах волновались, сестры и санитары стояли в коридоре.

Я вошла; подполковник бился на кровати, словно в припадке эпилепсии, бинты пропитались кровью, бинты-привязи частью были сорваны; в глазах, налитых кровью, горела нечеловеческая злоба и ненависть. Увидев, что я вошла, он всю свою ярость обратил на меня и закричал: «Крест на ней, крест, я-то знаю, — и полилась ругань и богохульство. — Я попов и таких, как ты, многих в расход ввел, попалась бы ты мне раньше!»

Таня сквозь слезы говорила: «Я боюсь его, Людмила Сергеевна! Он какой-то весь внутренне черный, злобный. Я многих видела сумасшедших и умирающих, но такого никогда. Откуда такая злоба, чем помочь?»

Действительно, чем помочь? Я села на стул около кровати и начала молиться про себя, повторяя после каждой молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Силою Честного и Животворящего Креста Твоего спаси и сохрани меня и успокой раба Твоего Григория», — так звали подполковника.

Молиться было трудно, я напряглась, сосредоточилась, пытаюсь устремиться молитвой к Богу. Подполковник не затихал, проклинал, поносил. Прошло минут двадцать, я изнемогала, с лица от напряжения стекал пот, но страх у меня прошел. Встав, подошла к подполков-

нику и трижды осенила его большим крестом. В первое мгновение он по-звериному зарычал, при втором крестном знаменнии стал затихать и при третьем замолк.

Дня через три подполковник умер. Мне рассказывали, что смерть была мучительной, страшной. Когда этот человек поступил в госпиталь, мы считали, что проживет он не более трех дней, но он прожил почти три недели. Земная жизнь, грехи его не давали возможности умереть спокойно.

ВОПРОСЫ

Прокомментируйте (если можно, с примерами), как вы понимаете следующее выражение: «Можно умереть, но остаться жить для людей, и можно остаться жить, но быть погибшим».

5

ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ О СМЕРТИ

Одной из самых древних и распространенных форм языческих религий является обожествление мертвых.

На определенных ступенях развития человек считал всякого умершего существом сверхчеловеческим и божественным. Он поклонялся богам, покойникам из своей семьи, создавал особые обряды этого поклонения, и, таким образом, с течением времени вырабатывалось то, что в науке известно под названием культа предков.

Это почитание мертвых почти всегда носило исключительно домашний характер, распространялось только на предков каждой отдельной семьи и в ней замыкалось. Даже в самой семье сначала поклоняются не всем предкам, а только ближайшим, о которых у живых сохранились воспоминания. Поклонение более отдаленным предкам характерно для поздних эпох.

Умершие, по мнению первобытного человека, не совсем лишаются человеческих свойств, живут не новой, а только видоизмененной жизнью. Они обитают в своих прежних домах вместе со своими потомками, имеют те же заботы, что и до смерти. Такой обоготворенный предок интересуется своей семьей, покровительствует ей, принимает от нее молитвы и жертвоприношения, продолжает быть владыкой в семье, помогает ее друзьям, вредит врагам и т. п.

Особенности состояния духа предка огромны, но власть его не безгранична. Его семья нуждается в его помощи, боится его гнева и мести. С другой стороны, и предок нуждается в поклонении живых для своего спокойствия и удовлетворения потребностей. Культ предков, таким образом, служил связующим звеном между поколениями в данной семье, создавая из нее единое целое.

Обязанности по отношению к умершим начинались с самого обряда погребения и пронизывали всю жизнь потомков. С усопшим вплоть до повседневных мелочей погребают предметы, необходимые ему в загробной жизни, — одежду, посуду, оружие, а также рабов и даже жен.

Индусы на протяжении тысячелетий каждый день приносят предкам «шрадду» из риса, молока, кореньев и плодов, а в особые памятные дни — жертвы, сопровождаемые обрядами.

Для древних греков и римлян умершие были добрыми, святыми, блаженными божествами. Гробницы этих божеств становились храмами. Перед могилами обязательно ставился алтарь для жертвоприношений и приготовления пищи. Обычно сами могилы помещались по соседству с домом, недалеко от дверей. В определенные дни года на каждую могилу приносили трапезу. Первые плоды и некоторую часть всего съестного приносили в дар этим родовым богам.

Если потомки переставали совершать жертвоприношения духам предков, последние покидали свои жилища, начинали скитаться и беспокоить живых. Из добрых и благосклонных они становились несчастными, злыми гениями, несущими людям болезни, а почве — бесплодие. Только возобновление жертвоприношений, принесение пищи и определенных сортов вина вновь возвращали их в могилу.

Следует заметить, что какие-то языческие традиции сохранились вплоть до наших дней. Достаточно вспомнить, например, такую картину — продукты (печенье, конфеты, яйца и т. п.), оставляемые на могиле «для умерших».

ВОПРОСЫ

1. Каково было представление язычников о загробной жизни и бессмертии? Объясните, пожалуйста, каким образом возник культ предков?
2. Можно назвать весьма положительным то обстоятельство, что культ предков является связующим звеном между поколениями в данной семье, делает из нее единое целое. Можно ли в этом смысле вашу семью назвать «единым целым»? Знаете ли вы, кто были ваши прадед, прабабушка и их родители? Какова была их вера?
3. Каковы проявления остатков языческих религий в наши дни?

6

ПОИСКИ ПОДЛИННОЙ РЕАЛЬНОСТИ

И ПУТЕЙ ВОЗВЫСИТЬСЯ НАД ЖИЗНЬЮ*

Во сне и наяву мы воспринимаем две не только различные, но и две противоположные, несовместимые, спорящие между собой реальности. Которая из них истинная? Где подлинное бытие? Чему верить — повседневным, очевидным доказательствам силы духа или тем, тоже очевидным доказательствам его бессилия?

Вокруг этих вопросов идет вековечный спор двух противоположных жизнепониманий — жизнепонимания натуралистического, которое ищет подлинной жизни и ее смысла в плоскости здешнего, и жизнепонимания супранатуралистического, которое утверждает, что истинная

* Отрывки из книги Е. Трубецкого «Смысл жизни».

жизнь и ее смысл сосредоточиваются в ином, верхнем, потустороннем плане бытия. Рассмотрение этих двух решений жизненной проблемы приводит нас к заключению об одинаковой односторонности, а потому и одинаковой несостоятельности обоих.

Для натурализма — религиозного и философского — подлинная жизнь, средоточие всего ценного, что есть в мире, есть именно эта жизнь, которая протекает в посястороннем плане бытия. Подлинный мир — именно тот, который здесь перед нами кружится в одной плоскости, периодически нарождаясь и умирая.

Ярким образцом такого жизнепонимания служит древнегреческая религиозность с ее культом творящей силы природы и с ее прекрасными солнечными богами-олимпийцами. Все эти боги грома и молнии, волн морских, лунного сияния и ослепительно яркого полуденного неба суть человекообразные олицетворения радости здешнего. Пафос посястороннего, вот о чем в один голос говорят эти образы. Греческая религия знает и потустороннее; но это — не надземный, а подземный мир, где темно и безотраднo. О нем говорит Одиссею тень Ахилла, что лучше быть на земле рабом и поденщиком, чем в царстве теней царствовать над мертвецами.

С течением времени, после Гомера, представления греков о загробном мире обогащаются новыми чертами: появляются сказания о Елисейских полях, куда в виде исключения попадают отдельные «блаженные», «восхищаемые богами» и участвующие в их бессмертии. Но это — не потусторонний мир, а только иная, весьма отдаленная область здешнего, страна, где не заходит солнце, наше солнце. Эта привилегия земного блаженства для некоторых избранных богов не только не вносит каких-либо существенных изменений в основы греческого жизнепонимания, но, как раз наоборот, подчеркивает характерное для него предпочтение посястороннего.

Зародившиеся значительно позже Гомера елевсинские мистерии связываются с обетованиями загробного «блаженства» для посвященных; но и здесь мы не имеем какого-либо переворота в жизнепонимании. Говоря словами одного из величайших знатоков древнегреческой религии, елевсинские мистерии не выдвинули нового учения об из-

менении образа жизни. не дали какого-либо нового и своеобразного определения религиозного настроения, не высказали какой-либо новой, отличной от традиционной, оценки жизненных ценностей. Все то «блаженство», которое обещают мистерии, сводится к облегчению посмертного жребия их участникам и окрашивается красками по существу посюсторонними. В особенности характерно, что все обетования и надежды сосредоточиваются здесь вокруг образа Персефоны, периодически похищаемой подземным богом и периодически возвращающейся на землю; некоторый, неясно представляемый возврат утраченного земного счастья — вот, по-видимому, высшее, на что могут надеяться участники мистерий.

Распространенный в Древней Греции культ Диониса с его верою в Бога, периодически умирающего и периодически оживающего, также не поднимает своих поклонников в иной план существования, над здешним. Как раз наоборот, дионисический экстаз есть погружение человека в тот вечно возвращающийся круг жизни природы, в котором нет окончательного подъема и победы, а потому все приковано к той плоскости, куда периодически возвращается смерть. Обряды дионисического культа с их возбуждающей чувственность музыкой и бешеными плясками, напоминающими наши хлыстовские радения, выражают собою безумную радость здешнего.

Переходя к религиям Индии, мы чувствуем себя в духовной атмосфере вешего сна. Глубина религиозных исканий Индии выражается именно в том, что она превращает все суждения плоскостного здравого смысла в их противоположность. То, что мы называем действительностью, есть на самом деле сон; а то, что мы называем сном, есть подлинная действительность и подлинная ценность, — вот чему учит нас аскетическая мудрость браманизма и буддизма.

Слово «Будда» даже буквально значит «пробудившийся». И все учения обеих мировых религий есть не что иное, как попытка осуществить это пробуждение, подняться над наваждением суеты и тяжким бредом, именуемым действительностью. Для буддизма, как и для браманизма, подлинное выражение истинной жизни и ее смысла — не эта действительность, а те крылья, которые влекут нас прочь от нее.

Пафос браманизма именно и заключается в ощущении той могучей внутренней силы духа, которая подымлет человека над всей тварью земною и надземною, над солнцем, над бурей и над самими богами. Эта сила собранного в себе духа, которая является человеку в молитве и в полноте истинного ведения, и есть подлинное его нутро, его самость (атман). Но эта же «самость», которую человек находит в себе через самопогружение, есть единственно подлинное сущее: кто ее видит, слышит и исследует, тот тем самым познал весь мир и находит все прочие существа в своем собственном существе. В обманчивом чувственном представлении мир представляется нам множественным. Но через самопогружение мы находим его единство, мы прозреваем в нем «единое без другого».

Восприятие всеединства через самоуглубление — вот что составляет основную интуицию религий Вед. Противопоставляя эту интуицию мировой сущности и смысла царящей в окружающей нас действительности бессмыслице, учение Вед приводит к убеждению в призрачности этой действительности. Это — майя, то есть обман, мираж нашего чувственного зрения и нашего несовершенного ведения, над которым должно возвыситься подлинное ведение. Подлинно есть лишь абсолютное, единое божественное — Браман, тождественное с внутренней сущностью (атманом) человека и всякого существа. Жизненный идеал браманизма есть полное растворение всего индивидуального, конкретного — в безличном единстве мирового духа, в Бrame.

Это аскетическое отрешение от всего доводится до конца в буддизме. Его идеал заключается в том, чтобы возвыситься не только над жизнью конечной, индивидуальной, но надо всякой жизнью как таковой, над самым стремлением к жизни, над самым желанием бессмертия. Буддизм оставляет без ответа сам вопрос о вечной жизни индивида, чтобы не будить в человеке того суетного желания жить, которое составляет корень всего мирового зла и мирового страдания. В полном отрешении от жизни, в «нирване», и заключается то успокоение, которое проповедует буддизм. В этом буддийское религиозное сознание видит единственный выход из порочного круга бесконечно возобновляющихся смертей и рождений: жажда «нирваны» здесь обуславливается отождествлением самой жизни как таковой с суетой.

ВОПРОСЫ

1. Что такое, по Е. Трубецкому, натуралистическое и супранатуралистическое жизнепонимание?
2. Е. Трубецкой отмечает, что в древнегреческой религии «подлинный мир — именно тот, который здесь перед нами кружится в одной плоскости, периодически нарождаясь и умирая». А известен ли религии древних греков потусторонний образ?
3. В чем выражается глубина религиозных исканий в Индии?
4. Как вы думаете, почему в наши дни массовое распространение получили восточные религии?

7

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ

ВЗГЛЯД НА СМЕРТЬ

Согласно материалистическому взгляду, смерть — это прекращение жизнедеятельности организма, его гибель. Смерть теплокровных животных и человека связана с прекращением прежде всего дыхания и кровообращения. Различают два основных этапа смерти: клиническую смерть и следующую за ней биологическую, или истинную — необратимое прекращение физиологических процессов в клетках и тканях.

Из этого определения следует, что вот жил человек — учился, страдал, вдохновлялся, любил, а после смерти все кончено, как будто его и не было.

Согласно экзистенциализму — философии существования — основными модусами (проявлениями) человеческого существования являются забота, страх, решимость, совесть, причем все эти модусы определяются через смерть. Различают религиозный и атеистический экзистенциализм. Одним из ярчайших представителей последнего является французский писатель и философ Жан Поль Сартр (1905—

1980). Попытаемся взглянуть на смерть глазами материалиста и главы французского экзистенциализма.

Как уже отмечалось в предыдущих главах книги, человек наиболее ярко проявляется в экстремальных ситуациях. Героев произведения Жана Поля Сартра «Стена» — Тома, Хуана и Пабло — приговорили к смерти и отвели в камеру. То, что называли камерой, на самом деле было подвалом.

Свет проникал в подвал сквозь четыре отдушины и круглое отверстие в потолке слева, выходящее прямо в небо. Это был люк, через который раньше сбрасывали в подвал уголь. Как раз под ним на полу громоздилась куча мелкого угля. Видимо, он предназначался для отопления лазарета. Потом началась война, больных эвакуировали, а уголь так и остался. Люк, наверно, забыли захлопнуть, и сверху временами накрапывал дождь...

Дверь отворилась, в подвал вошли два охранника. За ними — белокурый человек в бельгийской военной форме. Поздоровавшись с нами, он произнес:

— Я врач. В этих прискорбных обстоятельствах я побуду с вами. Голос у него был приятный, интеллигентный. Я спросил у него:

— А собственно, зачем?

— Я весь к вашим услугам. Постараюсь сделать все от меня зависящее, чтобы облегчить вам последние часы.

— Но почему вы пришли к нам? В госпитале полно других.

— Меня послали именно сюда, — ответил он неопределенно. И тут же торопливо добавил: — Хотите покурить? У меня есть сигареты и даже сигары. — Он протянул нам английские сигареты и гаванские сигары, мы отказались.

...Я поежился и взглянул на своих товарищей. Том сидел, упрятав лицо в ладони, я видел только его белый тучный загривок. Маленькому Хуану становилось все хуже: рот его был полуоткрыт, ноздри вздрагивали. Бельгиец подошел и положил ему руку на плечо: казалось, он хотел мальчугана подбодрить, но глаза его оставались такими же ледяными. Его рука украдкой скользнула вниз и замерла у кисти. Хуан не шевельнулся. Бельгиец сжал ему запястье тремя пальцами, вид у него был отрешенный, но при этом он слегка отступил, чтобы повернуться

ко мне спиной. Я подался вперед и увидел, что он вынул часы и, не отпуская руки, с минуту глядел на них. Потом он отстранился, и рука Хуана безвольно упала. Бельгиец прислонился к стене, затем, как если бы он вспомнил о чем-то важном, вынул блокнот и что-то в нем записал. «Сволочь! — в бешенстве подумал я. — Пусть только попробует щупать у меня пульс, я ему тут же харю разворочу». Он так и не подошел ко мне, но когда я поднял голову, то поймал на себе его взгляд. Я не отвел глаз. Каким-то безынтонационным голосом он сказал мне:

— Вы не находите, что тут прохладно?

Ему и в самом деле было зябко: физиономия его стала фиолетовой.

— Нет, мне не холодно, — ответил я.

Но он не сводил с меня своего жесткого взгляда. И вдруг я понял, в чем дело. Я провел рукой по лицу: его покрывала испарина. В этом промозглом подвале, в самый разгар зимы, на ледяных сквозняках я буквально истекал потом. Я потрогал волосы: они были совершенно мокрые. Я почувствовал, что рубашку мою хоть выжимай, она плотно прилипла к телу. Вот уже не меньше часа меня заливало потом, а я этого не замечал.

Зато скотина-бельгиец все прекрасно видел. Он наблюдал, как капли стекают по моему лицу, и наверняка думал: вот свидетельство страха, и страха почти патологического. Он чувствовал себя нормальным человеком и гордился, что ему сейчас холодно, как всякому нормальному человеку. Мне захотелось подойти и дать ему в морду. Но при первом же движении мой стыд и ярость исчезли, и я в полном равнодушии опустил на скамью. Я ограничился тем, что снова вынул платок и стал вытирать им шею. Теперь я явственно ощущал, как пот стекает с волос, и это было неприятно. Впрочем, вскоре я перестал утираться: платок промок насквозь, а пот все не иссякал. Мокрым был даже зад, и штаны мои прилипали к скамейке. И вдруг заговорил маленький Хуан:

— Вы врач?

— Врач, — ответил бельгиец.

— Скажите... а это больно и... долго?

— Ах, это... когда... Нет, довольно быстро, — ответил бельгиец отческим тоном. У него был вид доктора, который успокаивает своего платного пациента.

— Но я слышал... мне говорили... что иногда... с первого залпа не выходит.

Бельгиец покачал головой:

— Так бывает, если первый залп не поражает жизненно важных органов.

— И тогда перезаряжают ружья и целятся снова? Он помедлил и добавил охрипшим голосом:

— И на это нужно время?

Его терзал страх перед физическим страданием: в его возрасте это естественно. Я же о подобных вещах не думал и обливался потом вовсе не из страха перед болью. Я встал и направился к угольной куче. Том вздрогнул и взглянул на меня с ненавистью: мои башмаки скрипели, это раздражало. Я подумал: неужели мое лицо стало таким же серым?

Через некоторое время Том вполголоса заговорил. Молчать он просто не мог: только произнося слова вслух, он осознавал себя. По-видимому, он обращался ко мне, хотя и смотрел куда-то в сторону. Он, несомненно, боялся увидеть меня таким, каким я стал — потным и пепельно-серым: теперь мы были похожи друг на друга, и каждый из нас стал для другого зеркалом. Он смотрел на бельгийца, на живого.

— Ты в состоянии это понять? — спросил он. — Я нет.

Я тоже заговорил вполголоса. И тоже поглядел на бельгийца.

— О чем ты?

— О том, что вскоре с нами произойдет такое, что не поддается пониманию. — Я почувствовал, что от Тома странно пахнет. Кажется, я стал ощущать запахи острее, чем обычно. Я съязвил:

— Ничего, скоро поймешь.

Но он продолжал в том же духе:

— Нет, это непостижимо. Я хочу сохранить мужество до конца, но я должен по крайней мере знать... Значит, так, скоро нас выведут во двор. Эти гады выстроятся против нас. Как по-твоему, сколько их будет?

— Не знаю, может, пять, а может, восемь. Не больше. — Ладно. Пусть восемь. Им крикнут: «На прицел!» — и я увижу восемь винтовок, направленных на меня. Мне захочется отступить к стене, я прислонюсь к ней спиной, изо всех сил попытаюсь в нее втиснуться, а она будет

отталкивать меня, как в каком-то ночном кошмаре. Все это я могу себе представить. И знал бы ты, до чего ярко!

— Знаю, — ответил я. — Я представляю это не хуже тебя.

— Это, наверно, чертовски больно. Ведь они метят в глаза и рот, чтобы изуродовать лицо, — голос его стал злобным. — Я ощущаю свои раны, вот уже час, как у меня болит голова, болит шея. И это не настоящая боль, а хуже: это боль, которую я почувствую завтра утром. А что будет потом?

Я прекрасно понимал, что он хочет сказать, но мне не хотелось, чтобы он об этом догадался. Я ощущал такую же боль во всем теле, я носил ее в себе, как маленькие рубцы и шрамы. Я не мог к ним привыкнуть, но так же, как он, не придавал им особого значения.

— Потом? — сказал я сурово. — Потом тебя будут жрать черви.

Дальше он говорил как бы с самим собой, но при этом не сводил глаз с бельгийца. Тот, казалось, ничего не слышал. Я понимал, почему он здесь: наши мысли его не интересовали. Он пришел наблюдать за нашими телами, еще полными жизни, но уже агонизирующими.

— Это как в ночном кошмаре, — продолжал Том. — Пытаешься о чем-то думать, и тебе кажется, что у тебя выходит, что еще минута — и ты что-то поймешь, а потому все это ускользает, испаряется, исчезает. Я говорю себе: «Потом? Потом ничего не будет». Но я не понимаю, что это значит. Порой мне кажется, что я почти понял... но тут все снова ускользает, и я начинаю думать о боли, о пулях, о залпе. Я материалист, могу тебе в этом поклясться, и, поверь, я в своем уме, и все же что-то у меня не сходится. Я вижу свой труп: это не так уж трудно, но вижу его все-таки Я. Я и глаза, взирающие на этот труп. МОИ глаза. Я пытаюсь убедить себя в том, что больше ничего не увижу и не услышу, а жизнь будет продолжаться — для других. Но мы не созданы для подобных мыслей. Знаешь, мне уже случалось бодрствовать ночи напролет, ожидая чего-то. Но то, что нас ожидает, Пабло, совсем другое. Оно наваливается сзади, и быть к этому готовым попросту невозможно.

— Заткнись, — сказал я ему. — Может, позвать к тебе исповедника?

Он промолчал. Я уже заметил, что он любит пророчествовать, называть меня по имени и говорить глухим голосом. Всего этого я не выносил, но что поделаешь: ирландцы все таковы. Мне показалось, что

от него разит мочой. По правде говоря, я не испытывал к Тому особой симпатии и не собирался менять своего отношения только потому, что нам предстояло умереть вместе, — мне этого было недостаточно. Я знал людей, с которыми все было бы иначе. К примеру, Рамона Гриса. Но рядом с Хуаном и Томом я чувствовал себя одиноким.

Впрочем, меня это устраивало: будь тут Рамон, я бы, вероятно, раскис. А так я был тверд и рассчитывал остаться таким до конца. Том продолжал рассеянно жевать слова. Было совершенно очевидно: он говорил только для того, чтобы помешать себе думать. Теперь от него несло мочой, как от старого простатика. Но вообще-то я был с ним вполне согласен, все, что он сказал, наверняка мог бы сказать и я: умирать противоестественно.

С той минуты, как я понял, что мне предстоит умереть, все вокруг стало мне казаться противоестественным: и гора угольной крошки, и скамья, и паскудная рожа Педро. Тем не менее я не хотел об этом думать, хотя прекрасно понимал, что всю эту ночь мы будем думать об одном и том же, вместе дрожать и вместе истекать потом. Я искоса взглянул на него, и впервые он показался мне странным: лицо его было отмечено смертью...

Том взял меня за руку и сказал, глядя куда-то мимо:

— Я спрашиваю себя, Пабло... я спрашиваю себя ежеминутно: неужели мы исчезнем бесследно?

Я высвободил руку и сказал ему:

— Погляди себе под ноги, свинья.

У ног его была лужа, капли стекали по штанине.

— Что это? — пробормотал он растерянно.

— Ты напустил в штаны, — ответил я.

— Вранье! — прокричал он в бешенстве. — Вранье! Я ничего не чувствую.

Подошел бельгиец, лицемерно изображая сочувствие.

— Вам плохо?

Том не ответил. Бельгиец молча смотрел на лужу.

— Не знаю, как это вышло, — голос Тома стал яростным. — Но я не боюсь. Клянусь чем угодно, не боюсь!

Бельгиец молчал, Том встал и отправился мочиться в угол. Потом он вернулся, застегивая ширинку, снова сел на скамью и больше не проронил ни звука. Бельгиец принялся за свои записи.

Я чувствовал себя усталым и перевозбужденным. Мне больше не хотелось думать о том, что произойдет на рассвете, не хотелось думать о смерти. Все равно ее нельзя было соотнести ни с чем, а слова были пусты и ничего не значили. Но как только я попытался думать о чем-то стороннем, я отчетливо увидел нацеленные на меня ружейные дула. Не менее двадцати раз я мысленно пережил свой расстрел, а один раз мне даже почудилось, что это происходит наяву: видимо, я слегка прикорнул. Меня ташили к стене, я отбивался и молил о пощаде. Тут я разом проснулся и взглянул на бельгийца: я испугался, что мог во сне закричать. Но бельгиец спокойно поглаживал свои усики, он явно ничего не заметил.

Теперь меня ничто не привлекало, ничто не нарушало моего спокойствия. Но это было ужасное спокойствие, и виной тому было мое тело: глаза мои видели, уши слышали, но это был не я — тело мое одиноко дрожало и обливалось потом, я больше не узнавал его. Оно было уже не мое, а чье-то, и мне приходилось его ощупывать, чтобы узнать, чем оно стало. Временами я его все же ощущал: меня охватывало такое чувство, будто я куда-то соскальзываю, падаю, как пикирующий самолет, я чувствовал, как бешено колотится мое сердце. Это меня отнюдь не утешало: все, что было связано с жизнью моего тела, казалось мне каким-то липким, мерзким, двусмысленным. Но в основном оно вело себя смирно, и я ощущал только странную тяжесть, как будто к груди моей прижалась какая-то странная гадина, мне казалось, что меня обвивает гигантский червяк. Я пощупал штаны и убедился, что они сырые: я так и не понял, пот это или моча, но на всякий случай помогился на угольную кучу.

Бельгиец вынул из кармана часы и взглянул на них. Он сказал:
— Половина четвертого.

Сволочь, он сделал это специально! Том так и подпрыгнул — мы как-то забыли, что время идет: ночь обволакивала нас своим зыбким сумраком, и я никак не мог вспомнить, когда она началась.

Маленький Хуан начал голосить. Он заламывал руки и кричал:

— Я не хочу умирать, не хочу умирать!

Простирая руки, он бегом пересек подвал, рухнул на циновку и зарыдал. Том взглянул на него помутневшими глазами: чувствовалось,

что у него нет ни малейшего желания утешать. Да это было и ни к чему: хотя мальчик шумел больше нас, его страдание было менее тяжким. Он вел себя как больной, который спасается от смертельной болезни лихорадкой. С нами было куда хуже. Он плакал, я видел, как ему было жалко себя, а о самой смерти он, в сущности, не думал. На мгновение, на короткое мгновение мне показалось, что я заплачу тоже, и тоже от жалости к себе.

ВОПРОСЫ

В отрывке из повести «Стена» Ж.П. Сартра высказана следующая мысль: если ты утратил надежду на бессмертие, какая разница, сколько тебе осталось ждать — несколько часов или несколько лет. Развивая эту мысль, некоторые критики материалистического взгляда на смерть приходят к следующему заключению, что если человек утратил надежду на бессмертие души, то он утратил и смысл своей жизни. Следовательно, бери и пользуйся, сколько можешь, ибо завтра, возможно, умрешь. Согласны ли вы с этим заключением?

ХРИСТИАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА СМЕРТЬ

Согласно христианскому учению, смерть — великое таинство. Она — рождение человека из земной временной жизни в вечность. При совершении смертного таинства человек как бы слагает с себя свою грубую оболочку — тело — и тонким, эфирным душевным существом переходит в другой мир.

Но тело продолжает существовать, понятно, что оно разрушается и обращается в землю, из которой было взято. Оно продолжает существовать в своем тлении как семя в земле, ожидая вторичного соединения с душой, после которого оно сделается уже неприкосновенным для этой видимой смерти.

Легко заметить странное на первый взгляд противоречие: христианское учение, исповедующее Воскресение и бессмертие души человеческой, много и с глубочайшей серьезностью говорит о смерти, учит помнить о ней и видит в памяти о смертном часе как бы некий залог будущего бессмертия. Напротив, материализм, по учению которого все в этом мире завершается неизбежной и окончательной гибелью, воинственно отрицающей даже саму мысль о возможном бессмертии, не только не имеет сколько-нибудь вразумительного учения о смерти, но как будто даже и не желает о ней ничего знать. Проблемы смерти как бы нет и быть не может. Однако поскольку смерть сама по себе такими убеждениями не отменяется, то в повседневной жизни проблему, связанную с ней, каждый решает сам по своему разумению, впрочем, не без воздействия и влияния той «нравственной» максимы, которая неизбежно проступает из тесных глубин материалистической философии: «Бери и пользуйся, сколько можешь, ибо завтра умрешь».

Противоречия здесь, однако, нет. Если смерть есть окончательный и бесповоротный конец всех и вся, тогда действительно лучше не глядеть ей в глаза, забыть о ней, чтобы не отравлять свою мимолетную эфемерную жизнь ее неизбежностью.

Многие человек считает для себя нужным и хочет иметь, а в конце концов все ограничивается для него футляром и ямой, гробом и могилой. Какая ужасающая пропасть между желанием и действительностью для человека без веры в загробное продолжение жизни!

Смерть доказывает нам реальность того, что многие считают призрачным, и призрачность того, что многие считают реальным.

Если же смерть — это врата новой жизни, тогда просто необходимо знать и помнить о ней, готовиться к встрече с ней, потому что новая жизнь, которая начинается за порогом смерти, не может не быть в той или иной форме и степени продолжением земной жизни. Поэтому с **чем придет человек к своему смертному часу, каким духом исполнится он в его преддверии, таким и войдет он в вечный свой храм.** «В чем застану, в том и сужу» — такой закон небесного правосудия.

Друзья! Умерших провожайте
И доходите до могил

И там усердно наблюдайте,
Чтоб путь во благо вам служил.
Смотрите — все там, все пропало:
Истлели юности года,
Могучей силы нет следа,
Цветущей красоты не стало!..
Но если следовал ты в жизни
Словам Спасителя, мой брат,
В небесной ты найдешь отчизне
Благую милость во сто крат!
И если лаской, состраданьем
Смягчил ты долю сироты, —
То перед строгим истязаньем
Избавлен будешь от нужды.

Эти строки принадлежат поэту С. Пономареву. А великий учитель человечества святой Иоанн Златоуст так говорит о назначении человека:

«Не для того Бог ввел нас в настоящую жизнь и вдунул в нас душу, чтоб мы пользовались только настоящим, но для того, чтобы все делали для жизни будущей. Ибо только бессловесные созданы для одной земной жизни. А мы получили бессмертную душу для того, чтобы вполне подготовиться для будущей жизни.

Если кто спросит о назначении коней, ослов, быков и других животных, то мы скажем, что они созданы именно для того, чтобы служили нам в земной жизни.

А о нас нельзя этого сказать, для нас есть лучшее состояние после земной жизни, и нам все надобно делать так, чтобы там просиять, ликовать с ангелами, предстоять Царю небесному всегда, в бесконечные веки. Для того и душа наша создана бессмертной, да и тело будет бессмертно, чтобы мы наслаждались бесконечными благами».

Следует подчеркнуть, что самая главная проблема христианства — проблема спасения — возникает именно в этой жизни. Христианство, отмечает в одной из своих книг протоиерей В. Зеньковский, представляет собою откровение, данное свыше не для того, чтобы «как-нибудь перебиться эту жизнь», но с любовью нести свой жизненный крест. Этим объясняется то, что христианство дало небывалый расцвет человеческих культурных сил во всех областях: искусство, наука,

социальная среда, семья — все подверглось оплодотворяющему действию христианства. Само христианство было благословением жизни, но не уходом от нее. Это было изменение жизни, хотя и стоило небывалого труда.

В потустороннем мире нет ни наград, ни наказаний, налагаемых извне, там появляется лишь результат того, что сам человек делал и думал во время своего пребывания на земле. Своею жизнью человек готовит для себя то, что он будет пожинать после смерти.

Это первый и наиболее важный факт — потустороннее состояние представляет для умершего совершенно новые условия жизни, но в то же время оно лишь естественное продолжение здешней земной жизни.

Американский исследователь Чарлз Ледбитер считает, что разлука с умершими находится в зависимости от ограниченности нашего сознания, и мы теряем не любимых людей, а только способность видеть их. Трудно для обыкновенного ума охватить реальность того, что не может видеть человеческий глаз, и до конца понять, что мы живем в обширном мире, из которого видим только небольшую часть. А между тем и наука свидетельствует, что это так, ибо открывает целые миры бесконечно малых величин, о существовании которых мы бы и не подозревали, если бы ограничились только собственным зрением.

Не от нас зависит продолжительность нашей жизни, но ширина, высота и глубина ее зависит именно от нас.

Воздавать злом за добро — по-дьявольски, воздавать добром за добро — по-человечески, воздавать добром за зло — по-Божьи.

Не полагайся на себя и на свою праведность. Как раз с этого пьедестала многие упали и нанесли себе великие раны.

Не будь пессимистом в черных очках. Не будь оптимистом в розовых очках. Будь реалистом и смотри на вещи здраво!

Смерть для того поставлена в конце жизни, чтобы человек имел время к ней подготовиться.

А теперь — две поучительные истории.

Философия жизни

Богатый человек однажды пожаловался своему другу:

— Почему меня все критикуют? Ведь все знают, что все, что имею, я завещал после моей смерти на благотворительные дела.

— Видите ли, — ответил приятель, — есть такая поучительная история о свинье и корове. Свинья жаловалась корове на свою непопулярность:

— Люди всегда говорят о твоей кротости и о добрых глазах, — сказала свинья. — Конечно, ты даешь людям молоко и сливки, но ведь подумай, я даю людям гораздо больше. Я даю им сало, ветчину, шетину, и они даже делают холодец из моих ножек. И все-таки никто не любит меня. Почему?

Корова подумала и ответила:

— Может быть, потому, что я даю людям молоко и сливки, пока я еще жива?

Эта притча должна заставить подумать каждого. Какую пользу я приношу обществу, в котором живу? А для христианина этот вопрос должен быть еще важнее.

Надежда в яме

Он был счастливым человеком. Ему было 80 лет, с женой он жил дружно в красивой спокойной местности. Он никогда не жаловался на свое здоровье, копался в саду, ездил на велосипеде в соседний городок. Он говорил: «Мне в жизни везет».

Однажды он уехал в родную деревню. Вернулся довольный и говорил соседям: «Мое место приготовлено». Он имел в виду кладбище в родной деревне. Он сделал все, чтобы быть уверенным, что будет похоронен по своему желанию. И в этом нет ничего предосудительного.

Беда, однако, была в том, что у этого человека не было большей надежды, чем на яму в земле родной деревни. А что дальше?

ВОПРОСЫ

1. В чем суть христианского учения о смерти?
2. Прокомментируйте, пожалуйста, следующий тезис христианского учения: «С чем придет человек к своему смертному часу, таким и войдет он в вечность».

9

А.П. ЧЕХОВ. НА КЛАДБИЩЕ

Ветер прогулялся по желтой листве старых берез, и с листьев посыпался на нас град крупных капель. Один из наших поскользнулся на глинистой почве и, чтобы не упасть, ухватился за большой серый крест.

— «Титулярный советник и кавалер Егор Грязнуруков...» — прочел он. — Я знал этого господина... Любил жену, носил Станислава, ничего не читал... Желудок его варил исправно... Чем не жизнь? Не нужно бы, кажется, и умирать, но — увы! — случай стерег его... Бедняга пал жертвою своей наблюдательности. Однажды, подслушивая, получил такой удар двери в голову, что схватил сотрясение мозга (у него был мозг) и умер. А вот под этим памятником лежит человек, с пеленок ненавидевший стихи, эпиграммы... Словно в насмешку, весь его памятник испещрен стихами... Кто-то идет!

С нами поравнялся человек в поношенном пальто и с бритой, синевато-багровой физиономией. Под мышкой у него был полуштоф, из кармана торчал сверток с колбасой.

— Где здесь могила актера Мушкина? — спросил он нас хриплым голосом.

Мы повели его к могиле актера Мушкина, умершего года два назад.

— Чиновник будете? — спросили мы у него.

— Нет-с, актер... Нынче актера трудно отличить от консисторского чиновника. Вы это верно заметили... Характерно, хотя для чиновника и не совсем лестно-с.

Насилу мы нашли могилу актера Мушкина. Она осунулась, поросла плевелом и утерjala образ могилы... Маленький дешевый крестик, похилившийся и поросший зеленым, почерневшим от холода мохом, смотрел старчески уныло и словно хворал.

— «...забвенному другу Мушкину»... — прочли мы.

Время стерло частицу не и исправило человеческую ложь.

— Актеры и газетчики собрали ему на памятник и... пропили, голубчики... — вздохнул актер, кладя земной поклон и касаясь коленами и шапкой мокрой земли.

— То есть как же пропили?

— Очень просто. Собрали деньги, напечатали об этом в газетах и пропили... Это я не для осуждения говорю, а так... На здоровье, ангелы! Вам на здоровье, а ему память вечная.

— От пропивки плохое здоровье, а память вечная — одна грусть. Дай Бог временную память, а насчет вечной — что уж!

— Это вы верно-с. Известный ведь был Мушкин, венков за гробом штук десять несли, а уж забыли! Кому люб он был, те его забыли, а кому зло сделал, те помнят. Я, например, его во веки веков не забуду, потому, кроме зла, ничего от него не видел. Не люблю покойника.

— Какое же он вам зло сделал?

— Зло великое, — вздохнул актер, и по лицу его разлилось выражение горькой обиды. — Злодей он был для меня и разбойник, царство ему небесное. На него гляючи и его слушаючи, я в актеры поступил. Выманил он меня своим искусством из дома родительского, прельстил суетой артистической, много обещал, а дал слезы и горе... Горька доля актерская! Потерял я и молодость, и трезвость, и образ Божий... За душой ни гроша, каблуки кривые, на штанах бахрама и шахматы, лик словно собаками изгрызен... В голове свободомыслие и неразумие... Отнял он у меня и веру, злодей мой! Добро бы талант был, а то так, ни за грош пропал... Холодно, господа почтенные... Не желаете ли? На всех хватит... Бррр... Выпьем за упокой! Хоть и не люблю его, хоть и мертвый он, а один он у меня на свете, один как перст. В последний раз с ним вижусь... Доктора сказали, что скоро от пьянства помру, так вот пришел проститься. Врагов прощать надо.

Мы оставили актера беседовать с мертвым Мушкиным и пошли далее. Заморосил мелкий холодный дождь.

При повороте на главную аллею, усыпанную щебнем, мы встретили похоронную процессию, четыре носильщика в белых коленкорových поясах и в грязных сапогах, облепленных листвой, несли коричневый гроб. Становилось темно, и они спешили, спотыкаясь и покачивая носилками...

— Гуляем мы здесь только два часа, а при нас уже третьего несут... По домам, господа?

ВОПРОСЫ

1. Егора Грязнорукова А.П. Чехов характеризует так: «Любил жену, носил Станислава, ничего не читал... Желудок его варил исправно...» Ответьте на вопрос героя: «Чем не жизнь?» Не кажется ли вам, что в описании причины смерти кроется и ответ? (Как жил, так и помер!)
2. Актер самокритично характеризует себя: «Потерял я и молодость, и трезвость, и образ Божий... В голове свободомысле и неразумие...» Как вы думаете, почему с ним это произошло и повторяется с людьми из поколения в поколение? Ведь в молодости каждому кажется, что уж ты-то будешь жить «правильно» и лучше своих «предков»?

10

ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Уверенность в том, что жизнь после смерти не прекращается, была чем-то общим для людей древности и людей последующих времен. Древний египтянин, например, был намного более цивилизован, чем человек каменного века: он знал и астрономию, и основы математики, и архитектуру; он принадлежал к великой цивилизации, которая создала храмы, пирамиды, секрет фантастических лабиринтов которых до конца не разгадан до сих дней.

И древний египтянин никогда, ни на мгновение не сомневался в том, что в жизни человека есть бессмертная часть.

Те же, кто сознательно покоряет природу, не могут не понимать и своей конечности и, следовательно, страдают от перспективы утраты собственного бытия.

Религия — это связь конечного с бесконечным, человека с Богом. Ее целью является придание конечному качеств бесконечного, человеческого — божественного. Вот почему вера решает проблему смертности. Она овладевает ею, а не приспособливается к ней, подобно тому как рубило и огонь овладевают природным окружением, выводя человека из-под его власти.

Священное Писание говорит о том, что человек в своей духовности создан по образу и подобию самого Творца. И поэтому человек, который дышит, ест, пьет и размножается, как любое другое существо, качественно отличается от всей природы.

Вещественное, материальное соединилось через человека с духовным для того, чтобы духовная сила пронизала все материальное бытие. Одухотворение Вселенной, созданной Богом, — вот высочайшая цель. Именно с этой целью человек был выведен в мироздание, но он еще очень плохо эту цель выполняет и очень мало в этом выполнении участвует.

Действительно, ученые часто говорят, что человек не использует своих возможностей и на тысячную долю. Это правильно, потому что в нас заложено бесконечно много. Но эта неудача человека на самом деле не является неудачей, потому что, когда отдельные люди умирают телесно, работа всего человечества все равно продолжается.

Мы говорим о людях, оставивших после себя великие произведения искусства, литературы, науки, как о бессмертных. Вспомним Пушкина: «Весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет».

Однако когда Христос после распятия явился перед учениками — это была не память о нем. Память была о пророке Исае, великих учителях человечества, о великих философах. Но лишь один Христос воскрес и предстал перед учениками живой.

Христос не просто ожил, а изменился. Поэтому апостол Павел говорит, что мы все изменимся. Это — трансформация, или новая ступень эволюции. И все души, которые когда-либо были созданы в мире, изменятся. И тогда нам вновь будет возвращено телесное бы-

тие, но то телесное бытие, которое открылось ученикам в явлении Воскресшего.

Апостол Павел говорит, что есть тело душевное, а есть и тело духовное. Тело духовное — некое иное тело, которое не подвержено действию неумолимых законов мертвой и живой природы, — это тело, которое подчиняется духу, поэтому не знает ни старости, ни усталости.

Опыт учеников, видевших Воскресшего, был особенным. Это не было смутное видение, а Он пришел к ним и сел за стол, и показал им знаки на Своих руках, и ел с ними. Но никто и не думал, что Он, может быть, очнулся, что Он ожил, что Он реанимировался, — потому что лицо Его изменилось, они узнавали Его не сразу. Он не входил к ним в дверь, а появлялся сразу в комнате; для Него не существовало тех преград, которые существовали для Него же до того, прежде. И Он сказал: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле». Он стал иным.

И апостол Павел, продолжая Его мысль, учит нас, что Христос в этом отношении явился Первенцем, Первенцем не как Богочеловек, а именно как человек — как человек, обретший новую жизнь. Среди всех нас Он первый приобрел духовное тело, первый вошел в вечность в духовно-телесном единстве личности. А вот это и есть то, чего желает, чаёт христианство.

«Чаю Воскресения мертвых и жизни будущего века». Тело побеждается, миры побеждаются, и наша душа, скомканная, маленькая и жалкая, вырывается на колоссальную свободу. И между нею в ее нынешнем состоянии и тем огромным раскрытием, которое ее ожидает, такая же гигантская дистанция, как между молчаливым эмбрионом в утробе матери и гением (скажем, Леонардо да Винчи или Эйнштейном), который из этого эмбриона развился.

Христианство говорит так: да, мы покидаем свою плоть, но для того, чтобы обрести новую, потому что Бог создал вселенную не напрасно, не только для того, чтобы мы в ней страдали, а для того, чтобы она заиграла всеми красками гармонии, красоты и мощи, и чтобы в ней играл человеческий дух, вечно творя, вечно преобразуясь, открывая все новые и новые для себя горизонты.

Отец Сергей Булгаков, один из великих православных учителей XX века, называл это очеловечиванием природы. Это процесс, кото-

рый начинается уже здесь и теперь. Когда человек учит свой дух подниматься над природой, вырабатывать в себе терпение, твердость, умение отрешиться от давления материальных факторов, умение сосредоточиться на духе так, чтобы эти факторы не были всепобеждающими, — это уже подготовка, прелюдия к жизни будущего века.

Знаменитый современный психиатр Виктор Франкель наблюдал за душами людей в тяжких условиях — в нацистском концлагере. И он убедился, что там в первую очередь погибали не физически слабые люди, а люди слабые духовно. Люди, у которых была цель, у которых был собран дух, — несмотря на физическую слабость, проходили через все круги ада и оказывались победителями. Выйдя после войны из лагеря живым, Франкель много об этом думал, писал и создал даже специальную методику для лечения неврозов, которую назвал логотерапией, то есть лечением с помощью разума, духа, слова.

Подчеркнем, в росте духовной жизни уже сегодня, здесь и теперь мы прокладываем себе дорогу к жизни будущего века, дорогу к Воскресению мертвых.

Иисус Христос проповедовал о Царстве Божием. Весть Его прежде всего была о Царстве Божием, а не о чем-то другом, «ибо не царствует Бог в этом мире, ибо князь мира сего сатана». Так сказал Господь, и мы сами прекрасно знаем, что в мире действуют слепые разрушительные силы природы и общества, злые страсти распада, ненависти. Бог не царствует, а мир этот — поле боя, в котором участвуют и добро, и зло, и стихии, и свободная воля человека.

А что же такое Царство Божие? Это такое состояние бытия, в котором воцарилась полнота жизни и гармония, воцарилась мысль Божия, бесконечно прекрасный замысел Творца. Недаром Господь Иисус говорит, что это Царство приходит незаметным образом. Оно присутствует в гармонии частей природы, в человеческом духе и в любви, в творчестве и милосердии.

Вот почему Господь Иисус говорит, что Царство Божие внутри вас, «среди вас» — буквальный перевод. Оно вырастает в этот мир. Там, где царствует совершенство, мощь красоты и любви, там Царство Божие все громче и громче заявляет о себе. Это не очевидность, которую можно пощупать руками, это надо уловить интуитивно, постичь сердцем. Это то, что открывает нам Христос.

Он говорил нам: «Покайтесь, приблизилось Царство Божие».

Давайте принесем Ему стремление изменить свою жизнь! Вель именно к нам, к нашей душе, к нашей жизни приблизилось это Царство, и оно даст нам силу духа, силу противостояния, силу причастности вечности в этой быстротечной жизни. Побеждающему дам вкушать небесную манну, говорит Христос, небесный хлеб, и каждый, хоть немножко достигший этого Царства усилиями устремленной любви к Нему, — тот победитель на своем месте в жизни, и он обязательно получит небесный хлеб жизни.

ВОПРОСЫ

1. Поясните, пожалуйста, как вы понимаете слова А.С. Пушкина «Весь я не умру, душа в заветной лире мой прах переживет».
2. Какой, согласно христианскому учению, является жизнь после смерти?
3. Как христиане понимают слова Иисуса Христа о том, что Царство Божие внутри нас?

СМЕРТЬ И НАДЕЖДА

Так нелегко бывает жить! Кажется, никто тебя не понимает, порой обижают даже самые близкие люди. Так трудно, что хочется бросить все, выпрыгнуть из вертящегося колеса и этим прыжком все изменить. Изменить, но как? Настоящее изменение происходит «без прыжков», требует невыносимо много сил. Сколько нужно терпения, смирения, кротости, чтобы какие-то жизненные ситуации разрешились положительно, легко и просто. Сколько нужно труда, чтобы вырастить хотя бы цветок! А чтобы выстроить свою жизнь, поддерживать хорошие отношения со своими близкими, сил нужно потратить несравненно больше!

Как бы ни была порой страшна и тяжела жизнь — желание прервать ее противоестественно, и серьезно оно возникает лишь тогда, когда в душе человека появляется надлом и изменения в психике. Но даже если серьезного желания смерти и не возникает, часто уже сама ее неизбежность делает жизнь еще безотраднее, еще тяжелее. Бесконечные обиды, неудачи, страдания — и все это кончается как бы ничем, только гниющими на кладбище костями!

Но так уж и ничем? За последние пятнадцать лет на Западе появился ряд книг, в которых разные авторы — ученые и врачи — поднимают вопрос о загробной жизни. До этого в медицинских и научных кругах к смерти относились как к табу, и всякую мысль о посмертном существовании отбрасывали, как принадлежащую к области фантазии или предрассудков. Причина такой внезапной перемены проста — новые методы реанимации вернули к жизни многих «клинически умерших» людей, которые были практически мертвы (без пульса и сердцебиения). И, как уже рассказывалось в разделе 1 главы 4, многие из этих

реанимированных свидетельствовали о существовании жизни после смерти. А это — надежда для каждого из нас!

В своей книге «Душа после смерти» Серафим Роуз приводит рассказ о том, что происходит с умершим. Он выходит из тела и существует совершенно отдельно от него. Он часто способен видеть все окружающее, включая свое собственное тело и попытки его оживления. Он ощущает, что находится в состоянии безболезненной теплоты и легкости, как если бы он «плавал». Он совершенно не в состоянии воздействовать на свое окружение речью или прикосновением, и поэтому часто ощущает большое «одиночество». Его мыслительные процессы происходят намного быстрее, чем когда он «был» в теле.

Религии нечего краснеть от упрека в том, что ее интересует смерть, и даже от обвинения, что она родилась из страха смерти. Смерть для человека есть слишком важное явление, чтобы можно было о нем не думать, чтобы можно было делать вид (как это и делает антирелигиозная пропаганда), что тут, дескать, думать не о чем, а гораздо важнее экономические и политические вопросы. Страх смерти присущ человеку, он — часть его человечности, потому что человек инстинктивно ощущает некое страшное, можно даже сказать, потрясающее несоответствие между опытом своего я и сознанием, что это я должно умереть, кончиться.

Ведь сколько бы ни твердили мне, что смерть есть естественное явление и самоочевидный закон природы, мое я чувствует, что смерть для него, для этого я, не только не естественна, но противоестественна, и это несоответствие рождает страх. Страшно все то, что странно и неестественно. И сколько бы нам ни говорили о натуральности смерти, страх перед нею лучше всего показывает, что все это не так просто и не так ясно.

Человеку естественно желать всего естественного. Но вот смерти, исчезновения, растворения в ничто — «черной бани с пауками», как говорил Достоевский, гула небытия — никто не хочет. Смерть всегда, всюду и везде остается некоей тайной, которую человек (поскольку он — человек, а не машина, не робот) не может не хотеть раскрыть. И попытки просто отклонить эту тему, заменить ее экономическими или политическими рассуждениями не только неудачны, но и свидетельствуют о плоскости и ограниченности авторов таких рассуждений.

И когда некоторые материалисты призывают преодолевать страх смерти заботой о будущих поколениях и об их счастье, то они как бы не понимают, что призыв этот удивительно глуп. Ибо если считать источником трагизма в человеке именно сознание своей смертности, то трагизм этот останется и в будущем, каково бы ни было материальное счастье тех будущих поколений. Если человек обречен на ничто, если кончина каждого человека (ведь понятие человечества абстрактно, есть только конкретные люди), если конец его — ничто, то позвольте спросить: почему этот ужасающий абсурд становится менее абсурдным от того, что в будущем, допустим, будет больше справедливости и лучше отопление в домах? А ведь ничего другого не обещают все философии, все идеологии, основанные на отрицании бессмертия и вечности.

В этом отношении гораздо последовательнее и честнее проповедники так называемого экзистенциализма, которые так просто и начинают с утверждения абсурдности и бессмысленности человеческой жизни. Тогда, конечно, в словах Льва Толстого — «и после глупой жизни настанет глупая смерть» — больше правды, чем в бесконечной суете дешевых идеологий будущего счастья.

Все это приводит нас к простому утверждению: смерть для человека — это предельно важный предмет размышления и осмысления. В каком-то глубоком смысле вся жизнь человека — это решение вопроса о том, как жизнь относится к смерти, о смысле этого таинственного конца.

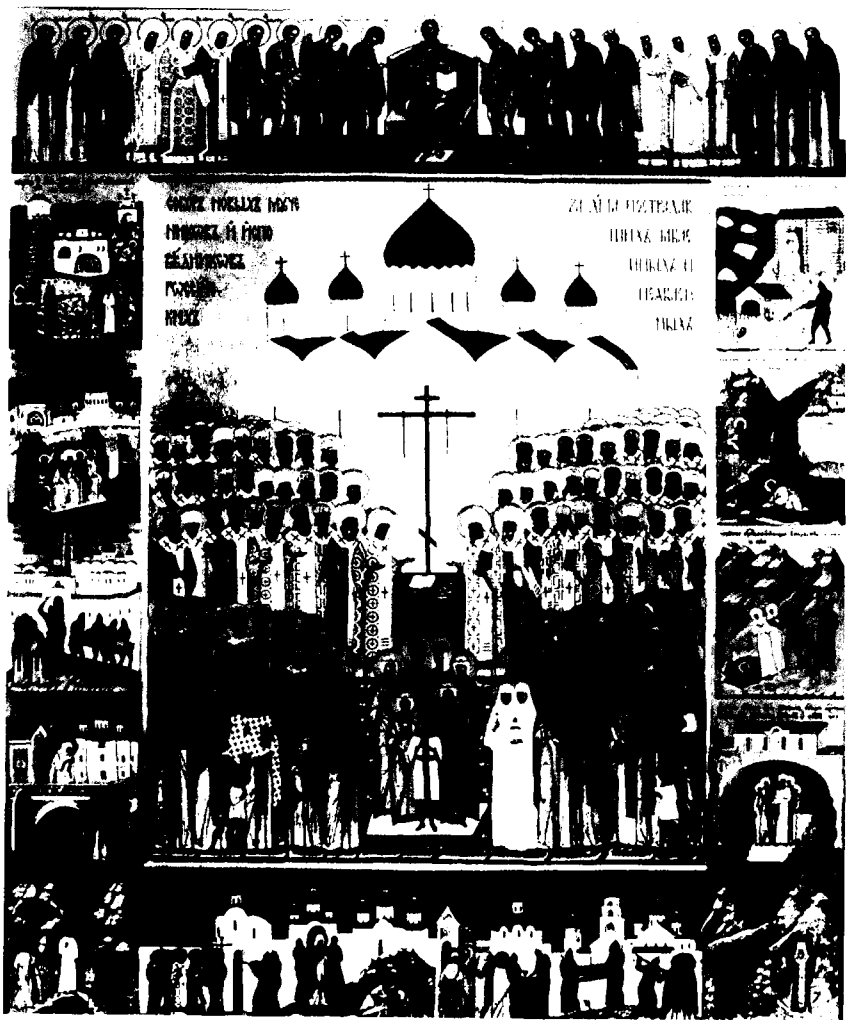
Смерть — это лишь порог в вечность. И настоящая надежда, истинное вдохновение состоит не в примирении со смертью, а в том, чтобы глубже осмыслить свое бытие и понять, что есть смерть в этом бытии.

ВОПРОСЫ

Прокомментируйте слова римского философа Сенеки: «Раньше ты умрешь или позже — неважно; хорошо или плохо — вот что важно. А хорошо умереть — значит избежать опасности жить дурно».

ЧЕЛОВЕК И РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

9

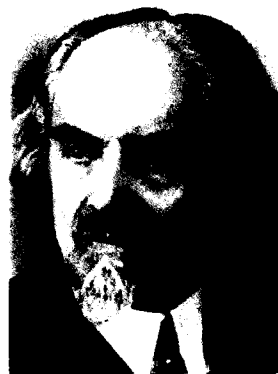
Н.А. БЕРДЯЕВ. НАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА

В 1946 году, за два года до смерти, Н.А. Бердяев с горечью писал: «Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переводы на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя родина».

Творчество Николая Александровича Бердяева отразило в себе духовную атмосферу двух предреволюционных десятилетий. Будучи в 1922 году вместе с большой группой выдающихся философов, писателей и ученых высланным из страны, Бердяев не порывал внутренней, духовной связи с родиной, пытаясь осмыслить все то, что на его глазах и даже при его активном участии происходило в России. Основным предметом интересов Бердяева всегда оставался человек. Как бы ни менялись политические симпатии и философские увлечения Бердяева на протяжении жизни, какие бы влияния ни претерпевал он в ходе своего развития, центральной темой его творчества был именно человек, его свобода, его судьба, смысл и цель его существования. В этом плане Бердяев — глубоко русский мыслитель, неразрывно связанный с русской литературой и искусством.

Проблема человека есть основная проблема философии. Еще греки поняли, что человек может начать философствовать только с познания самого себя. Разгадка бытия для человека скрыта в человеке. В познании бытия человек есть особая реальность, не стоящая в ряду других реальностей.

Человек — великая загадка для самого себя, потому что он свидетельствует о существовании высшего мира. Начало сверхчеловеческое есть конститутивный признак человеческого бытия...

Н.А. Бердяев (1874–1948)

Сам факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоиться на бытии сверхприродном. Как существо, принадлежащее к двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье.

Загадочность и противоречивость человека определяются не только тем, что он есть существо, упавшее с высоты, существо земное, сохранившее в себе воспоминание о небе и отблеск небесного света, но еще глубже тем, что он изначально есть дитя Божье и дитя ничто, меонической свободы*. Корни его на небе, в Боге и в нижней бездне, человек не есть только порождение природного мира и природных процессов, и вместе с тем он живет в природном мире и участвует в природных процессах. Он зависит от природной среды, и вместе с тем он гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало.

В человеке есть двойное «я» — истинное, реальное, глубокое — и «я», созданное воображением и страстями, фиктивное, тянущее вниз. Личность вырабатывается длительным процессом, выбором, вытеснением того, что во мне не есть мое «я», душа есть творческий процесс, человеческий дух всегда должен себя трансцендировать, подниматься к тому, что выше человека. И тогда лишь человек не теряется и не исчезает, а реализует себя, человек исчезает в самоутверждении и самодовольстве.

...Мучительность и драматизм человеческого существования в значительной степени зависят от закрытости людей друг для друга, от слабости той синтезирующей духовности, которая ведет к внутреннему единству и единению человека с человеком. Эротическое соединение, в сущности, оставляет страшную разобщенность и даже вражду. Подлинное соединение людей между собой свидетельствует о богочеловеческой связи. Жизнь должна иметь смысл, чтобы быть благом и ценностью. Но смысл не может быть почерпнут из самого процесса

* Меоническая — от греческого слова меон — небытие.

жизни, он должен возвышаться над жизнью. Оценка с точки зрения смысла всегда предполагает возвышение над тем, что оценивается. Мы принуждены признать, что есть какая-то истинная жизнь в отличие от ложной и падшей жизни. Жизнь может возвышаться не вследствие ее количественного прироста, а вследствие подъема ее к тому, что выше ее, что есть сверхжизнь. Это приводит нас к тому, что кроме биологического понимания жизни есть духовное понимание жизни.

Духовное же понимание жизни всегда предполагает не только человеческую, но и божественную жизнь, духовная жизнь всегда предполагает другое, высшее, к чему она движется и поднимается. Не просто жизнь, а духовная жизнь, жизнь, поднимающаяся к Богу, не количество жизни, а качество ее есть высшее благо и ценность, духовная же жизнь совсем не противоположна жизни душевной и телесной и совсем не отрицает ее, а означает вступление их в иной план бытия, приобретение ими высшей качественности, движение к высотам, к тому, что есть сверхжизнь, сверхприрода, сверхбытие.

ВОПРОСЫ

1. Как вы понимаете утверждение Н.А. Бердяева о том, что корни человека и на небе, «и в нижней бездне»?
2. Почему в самодовольстве человек как бы исчезает? Может быть, наоборот?

2

С.Л. ФРАНК. СМЫСЛ ЖИЗНИ

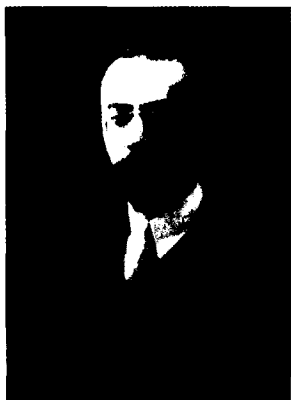
Семен Людвигович Франк — русский философ и психолог — так же, как и Н.А. Бердяев, с 1922 года находился в вынужденной эмиграции. Имеет ли жизнь смысл, и если да — то какой именно? В чем смысл жизни? Или жизнь есть просто бессмысленный никчемный процесс естественного рождения, расцветания, созревания, увядания и смерти, в частности человека, как и всякого другого органического существа?

Эти вопросы поставлены философом в работе «Смысл жизни», отрывок из которой приведен ниже.

Человеческая жажда любви и счастья, слезы умиления перед красотой, трепетная мысль о светлой радости, озаряющей и согревающей жизнь или, вернее, впервые осуществляющей подлинную жизнь, — есть ли для этого какая-либо твердая почва в бытии человека? Или это — только отражение в воспаленном человеческом сознании той слепой и смутной страсти, которая владеет и насекомым, которая обманывает нас, употребляя как орудия для сохранения все той же бессмысленной прозы жизни животной и обрекая нас за краткую мечту о высшей радости и духовной полноте расплачиваться пошлостью, скукой и томительной нуждой узкого будничного, обывательского существования?

А жажда подвига, самоотверженного служения добру, жажда гибели во имя великого и светлого дела — есть ли это нечто большее и более осмысленное, чем таинственная, но бессмысленная сила, которая гонит бабочку в огонь?

Эти, как обычно говорится, «проклятые» вопросы или, вернее, этот единственный вопрос «о смысле жизни» волнует и мучает в глубине души каждого человека, человек может на время, и даже на очень долгое время, совсем забыть о нем, погрузиться с головой или в будничные интересы сегодняшнего дня, в материальные заботы о сохранении жизни, о богатстве, довольстве и земных успехах, или в какие-либо сверхличные страсти и «дела» — в политику, борьбу партий и т. п. Но жизнь уже так устроена, что совсем и навсегда отмахнуться от него не может и самый тупой, заплывший жиром или духовно спящий человек. Неустрашимый факт приближения смерти и неизбежных ее предвестников — старения и болезни, факт отмирания, скоропреходящего исчезновения, погружения в невозвратное прошлое всей нашей жизни со всей иллюзорной значительностью ее интересов, — эти факты есть

С.Л. Франк (1877–1950)

для всякого человека грозное неотвязное напоминание нерешенного, отложенного в сторону вопроса о смысле жизни.

Этот вопрос — не «теоретический вопрос», не предмет праздной умственной игры; этот вопрос есть вопрос самой жизни, он так же страшен и, собственно говоря, еще гораздо более страшен, чем при тяжелой нужде вопрос о куске хлеба для утоления голода.

Поистине, это есть вопрос о хлебе, который бы напитал нас, и о воде, которая утолила бы нашу жажду, Чехов описывает где-то человека, который, всю жизнь, живя будничными интересами в провинциальном городе, как все другие люди, лгал и притворялся, «играл роль» в «обществе», был занят «делами», погружен в мелкие интриги и заботы — и вдруг, неожиданно, однажды ночью, просыпается с тяжелым сердцебиением и в холодном поту. Что случилось? Случилось что-то ужасное — **жизнь прошла** и жизни не было, потому что не было и нет в ней смысла!

И все-таки огромное большинство людей считает нужным отмахиваться от этого вопроса, прятаться от него и находит величайшую жизненную мудрость в такой «страусовой политике». Они называют это «принципиальным отказом» от попытки разрешить «неразрешимые метафизические вопросы», и они так умело обманывают и всех других, и самих себя, что не только для постороннего взора, но и для них самих их мука и неизбежное томление остаются незамеченными, быть может, до самого смертного часа.

Этот прием воспитания в себе и других забвения к самому важному, в конечном счете, единственно важному вопросу жизни определен, однако, не одной только «страусовой политикой», желанием закрыть глаза, чтобы не видеть страшной истины. По-видимому, умение «устраиваться в жизни», добывать жизненные блага, утверждать и расширять свою позицию в жизненной борьбе обратно пропорционально вниманию, уделяемому вопросу о «смысле жизни». А так как это умение, в силу животной природы человека и определяемого им «здорового рассудка», представляется самым важным и первым по настоятельности делом, то в его интересах и совершается это задавливание в глубокие низины бессознательности тревожного недоумения о смысле жизни.

И чем спокойнее, чем более размеренна и упорядоченна внешняя жизнь, чем более она занята текущими земными интересами и имеет удачу в их осуществлении, тем глубже та душевная могила, в которой похоронен вопрос о смысле жизни. Поэтому мы, например, видим, что средний европеец, типичный западноевропейский «буржуа» (не в экономическом, а в духовном смысле слова) как будто совсем не интересуется более этим вопросом и потому перестал и нуждаться в религии, которая одна только дает на него ответ.

Мы, русские, отчасти по своей натуре, отчасти, вероятно, по неустроенности и неналаженности нашей внешней, гражданской, бытовой и общественной жизни, и в прежние, «благополучные» времена отличались от западных европейцев тем, что больше мучились вопросом о смысле жизни, или более открыто мучились им, более признавались в своих мучениях.

Однако теперь, оглядываясь назад, на наше столь недавнее и столь далекое от нас прошлое, мы должны сознаться, что и мы тогда в значительной мере «заплыли жиром» и не видели — не хотели или не могли видеть — истинного лица жизни и потому мало заботились о его разгадке.

Происшедшее ужасающее потрясение и разрушение всей нашей общественной жизни принесло нам, именно с этой точки зрения, одно ценнейшее, несмотря на всю его горечь, благо: оно обнажило перед нами **жизнь как она есть на самом деле**.

Правда, в порядке обывательских размышлений, в плане обычной земной «жизненной мудрости» мы часто мучимся **ненормальностью** нашей нынешней жизни и либо с безграничной ненавистью обвиняем в ней «большевиков», бессмысленно ввергших всех русских людей в бездну бедствий и отчаяния, либо (что уже, конечно, лучше) с горьким и бесполезным раскаянием осуждаем наше собственное легкомыслие, небрежность и слепоту, с которой мы дали разрушить в России все основы нормальной, счастливой и разумной жизни.

Как бы много относительной правды ни было в этих горьких чувствах, в них перед лицом последней, подлинной, правды есть и очень опасный самообман. Обозревая потери наших близких, либо прямо убитых, либо замученных дикими условиями жизни, потерю нашего имущества, нашего любимого дела, наши собственные преждевре-

менные болезни, наше нынешнее вынужденное безделье и бессмысленность всего нашего нынешнего существования, мы часто думаем, что болезни, смерть, старость, нужду, бессмысленность жизни — все это выдумали и впервые внесли в жизнь большевики. На самом деле они этого не выдумали и не впервые внесли в жизнь, а только значительно усилили, разрушив то внешнее и, с более глубокой точки зрения, все-таки призрачное благополучие, которое прежде царило в жизни.

И раньше люди умирали — и умирали почти всегда преждевременно, не доделав своего дела, бессмысленно-случайно; и раньше все жизненные блага — богатство, здоровье, слава, общественное положение — были шатки и ненадежны; и раньше мудрость русского народа знала, что от сумы и тюрьмы никто не должен отрезаться.

Происшедшее только как бы сняло призрачный покров с жизни и показало нам неприкрытый ужас жизни, какая она есть сама по себе.

Так перед нами теперь, через увеличительное стекло наших нынешних бедствий, с явностью предстала сама сущность жизни во всей ее превратности, скоротечности, тягостности, во всей ее бессмысленности. И потому всех людей мучающий, перед всеми неотвязно стоящий вопрос о смысле жизни приобрел для нас, как бы впервые вкусивших самое существо жизни и лишенных возможности спрятаться от нее или прикрыть обманчивой и смягчающей ее ужас видимостью, совершенно исключительную остроту.

ВОПРОСЫ

1. Среди роскошного и порой беспечного быта русской придворной среды XVIII века русский поэт восклицал: «Где стол был яств — там гроб стоит; где пиршеств раздавались клики — надгробные там стонут лики и бледна смерть на всех глядит». Как вы понимаете эти слова поэта? Актуальны ли они теперь, в начале XXI века?

2. Спросите у своих родителей или знакомых, известно ли им чувство одного чеховского персонажа, который вдруг понял, что «случилось что-то ужасное — жизнь прошла и жизни не было!»
3. Что философ С.Л. Франк называет «страусовой политикой»?
4. Согласны ли вы с утверждением, что умение «устраиваться в жизни» обратно пропорционально вниманию, уделяемому вопросу о смысле жизни?

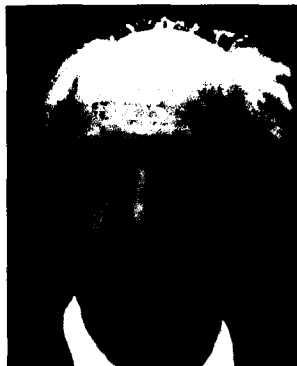
Д.С. ЛИХАЧЕВ. РОДИНА

Дмитрий Сергеевич Лихачев — известный литературовед, академик, автор фундаментальных работ по древнерусской литературе: «Человек в литературе Древней Руси», «Поэтика древнерусской литературы», «Русские летописи», «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати» и др.

Живое слово Д.С. Лихачева в застойный период, период государственного атеизма, звучало как колокол для ищущего путь истины человека, как глоток родниковой воды для жаждущего путника.

«Русская литература — часть русской истории, — писал Д.С. Лихачев. Она отражает русскую действительность, но и составляет одну из ее важнейших сторон. Без русской литературы невозможно представить себе русскую историю и, уж конечно, русскую культуру... Челове-

Д.С. Лихачев (1906–1999)

ческая история едина. Путь каждого народа «в своем идеале» сходен с путями других народов. Он подчинен общим законам развития человеческого общества».

Мы приводим несколько отрывков из «Заметок о русском», написанных Д.С. Лихачевым в 1984 году.

Для русских природа всегда была свободой, волей, привольем. Прислушайтесь к языку: погулять на воле, выйти на волю. Воля — это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечность, блаженная погруженность в настоящее.

Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная — это свобода, соединенная с простором, с ничем не прегражденным пространством. А понятие тоски, напротив, соединено с понятием тесноты, лишением человека пространства. Притеснять человека — это прежде всего лишать его пространства, теснить. Вздых русской женщины: «Ох, тошнехонько мне!» Это не только означает, что ей плохо, но, что ей тесно, — некуда деваться.

Воля вольная! Ощущали эту волю даже бурлаки, которые шли по бечеве, упряженные в лямку, как лошади, а иногда и вместе с лошадьми. Шли по бечеве, узкой прибрежной тропе, а кругом была для них воля. Труд подневольный, а природа кругом вольная. И природа нужна была человеку большая, открытая, с огромным кругозором. Поэтому так любимо в народной песне полюшко-поле. Воля — это большие пространства, по которым можно идти и идти, брести, плыть по течению больших рек и на большие расстояния, дышать вольным воздухом, воздухом открытых мест, широко вдыхать грудью ветер, чувствовать над головой небо, иметь возможность двигаться в разные стороны — как вздумается.

Что такое воля вольная, хорошо определено в русских лирических песнях, особенно разбойничьих, которые, впрочем, создавались и пелись вовсе не разбойниками, а тоскующими по вольной волюшке и лучшей доле крестьянами. В этих разбойничьих песнях крестьянин мечтал о беспечности и отплате своим обидчикам.

Русское понятие храбрости — это удаль, а удаль — это храбрость в широком движении. Это храбрость, умноженная на простор для вы-

явления этой храбрости. Нельзя быть удалым, храбро отсиживаясь в укрепленном месте.

В корне слова «подвиг» тоже «застряло движение»: «подвиг», то есть то, что сделано движением, побуждено желанием сдвинуть с места что-то неподвижное. <...>

Помню в детстве русскую пляску на волжском пароходе компании «Кавказ и Меркурий». Плясал грузчик (звали их крючниками). Он плясал, выкидывая в разные стороны руки, ноги и в азарте сорвал с головы шапку, далеко кинув ее в столпившихся зрителей, и кричал: «Порвусь! Порвусь! Ой, порвусь!» Он стремился занять своим телом как можно больше места.

Русская лирическая протяжная песнь — в ней также есть тоска по простору. И поется она лучше всего вне дома, на воле, в поле.

Колокольный звон должен был быть слышен как можно дальше. И когда вешали на колокольню новый колокол, нарочно посылали людей послушать, за сколько верст его слышно.

Быстрая езда — это тоже стремление к простору.

Таким образом, издавна русская культура считала волю и простор величайшим эстетическим и этическим благом для человека.

А теперь взгляните на карту мира: русская равнина самая большая на свете. Равнина ли определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине потому, что она пришлась им по душе?

Хороший в русском языке — это прежде всего добрый. «Пришли мне чтения доброго», — пишет своей жене в берестяной грамоте один новгородец. Доброе чтение — хорошее чтение. И товар добрый — это хороший товар, добротный. Доброта — это человеческое качество, ценнейшее из всех. Добрый человек уже самой своей добротой превозмогает все человеческие недостатки.

В старое время, в Древней Руси, доброго не назовут глупым. Дурак русских сказок добрый, а следовательно, поступает по-умному и свое в жизни получит. Дурачок русских сказок уродливого коня-горбунка приласкает и жар-птицу, прилетевшую пшеницу воровать, отпустит. Те за него потом и сделают в трудную минуту все, что нужно.

Доброта — она всегда умная. Дурак всем правду говорит, потому что для него не существует никаких условностей и нет у него никакого страха.

А в эпоху Грозного, в самый террор, нет-нет да доброта народная скажется. Сколько добрых образов в образах-иконах создали древнерусские иконописцы второй половины XVI в.: умудренных философией (то есть любовью к мудрости) отцов Церкви, толпы святых, замороженных песнью, сколько нежного материнства и заботы о людях в небольших семейных иконах того же времени! Следовательно, не ожесточалось сердце всех в XVI в. Были люди и добрые, и человеческие, и бесстрашные. Доброта народная торжествовала.

Во фресках Андрея Рублева во Владимирском Успенском соборе изображено шествие людей на Страшный суд. На адские муки люди идут с просветленными лицами: возможно, на белом свете еще хуже, чем в преисподней...

Любит русский народ дураков не за то, что они глупые, а за то, что умные: умные высшим умом, который не в хитрости и обмане других заключен, не в плутовстве и удачном преследовании своей узкой выгоды, а в мудрости, знающей истинную цену всякой фальши, показной красоты и скопидомству, видящей цену в совершении добра другим, а следовательно, и себе, как личности.

И не всякого дурака и чудака любит русский народ, а только такого, который некрасивого конька-горбунка приголубит, голубка не обидит, дерево говорящее не ломает, а потом и свое другим отдаст, природу сбережет и родимых родителей уважит. Такому «дураку» не просто красавица достанется, а царевна из окошечка перстень обручальный отдаст, а с ним вместе и полцарства-государства в приданое.

Человек — часть общества и часть его истории. Не сохраняя в себе самом память прошлого, он губит часть своей личности. Отрывая себя от национальных, семейных и личных корней, он обрекает себя на преждевременное увядание. А если заболевают беспамятностью целые слои общества? Тогда это неизбежно сказывается и в нравственной области, на их отношениях к семье, детям, родителям и к труду, именно к труду и трудовым традициям.

Можно носить бороду и поддевку* а-ля русс, стричься в кружок, превратить в зрелище самого себя. Но возможно и другое отношение к своей национальности: ценить в себе подлинную связь со своим селом, городом и страной, сохранять и развивать в себе благую сторону, добрые национальные черты своего народа, развивать глубокую ментальность, чутье языка, знание истории, родного искусства и пр. Вся историческая жизнь своей страны, а на более высоких ступенях — развитие и всего мира должны быть введены в круг духовности человека.

Мне кажется, следует различать национальный идеал и национальный характер. Идеал не всегда совпадает с действительностью, даже всегда не совпадает. Но национальный идеал тем не менее очень важен. Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее высочайшим достижениям, ибо только вершины гор возвышаются над веками, создают горный хребет культуры.

Русские национальные черты в русских людях стремились найти и воплотить в своих творениях и Аввакум, и Петр I, и Радишев, и Пушкин, и Достоевский, и Некрасов, и Стасов, и Герцен, и Горький, и многие, многие другие. Находили — и все, кстати, по-разному. Это не умаляет значения их поисков. Потому не умаляет, что все эти писатели, художники, публицисты вели за собой людей, направляли их поступки. Вели иногда в различных направлениях, но уволили всегда от одного общего: от душевной узости и отсутствия широты, от мешанства, от «бескомпромиссной» погруженности в повседневные заботы, от скупости душевной и жадности материальной, от мелкой злости и личной мстительности, от национальной и националистической узости во всех ее проявлениях.

Если национальный идеал был у нас всегда разнообразен и широк, то национальный антиидеал — то, от чего отталкивались писатели, художники, — всегда в той или иной мере устойчив.

И все-таки я буду говорить о национальном идеале, хоть он и менее определен, чем антиидеал. Это для меня важнее, важнее еще и

* Поддевка — длинная верхняя мужская одежда в талию, с мелкими сборками.

потому, что вдруг я найду единомышленников, а это так важно! Пусть со мной согласятся хоть двое-трое.

Во всякой культуре есть идеал и есть его реализация: действительность, порождая некие идеалы, сама является одновременно попыткой их осуществления, очень часто их искажающей и обедняющей. Характеризуя и оценивая любую культуру, мы должны оценивать то и другое порознь. Это необходимо потому, что осуществление идеалов в действительности может оказаться в резком диссонансе с самими идеалами. Это расхождение может быть в степени их осуществления или даже в самом характере осуществления. Идеал и действительность могут оказаться при этом типологически различны, этически различны, различны эстетически. Они могут принадлежать, наконец, в одном народе различным географическим странам света: Востоку и Западу, Азии и Европе.

«Двойная жизнь» культуры так же обычна, как двойственность человеческой личности, ибо национальная культура тоже личность.

Идеал — мощный регулятор жизни, но при всей мощности далеко не всесильный, а иногда направляющий культуру в сторону, отличную от той, в которую движет его исторический процесс со всеми его экономическими основами. Силы идеала, пробиваясь к своему осуществлению, встречаются с сопротивлением «культурной материи», которая может заставить большой парусный корабль культуры лечь в бейдевинд*.

Именно такой случай мы имеем в культуре Древней Руси. Между идеалом культуры и действительностью оказался огромный разрыв. И не только потому, что идеал с самого начала был очень высок и становился все выше, не будучи накрепко привязан к действительности, но и потому, что реальность была порой чересчур низкой и жестокой. В древнерусском идеале была какая-то удивительная свобода от всякого рода претворений в жизнь. Это не значит, что этих претворений не было. Воплощались и высокие идеалы святости и нравственная чистота.

Судить о народе мы должны по преимуществу, по тому лучшему, что он воплощал или даже только стремится воплотить в жизнь, а не

* Курс парусного судна против ветра.

по худшему. Именно такая позиция самая плодотворная, самая миролюбивая и самая гуманистическая. Добрый человек замечает в других прежде всего хорошее, злой — дурное. Геолог ищет ценную породу...

А как все-таки быть с братьями Карамазовыми? Пушкин один, а их все же трое, и стоят они перед нами сплоченным рядом. Идеал должен быть один, а Карамазовы — характеры. Типичные для русских людей? — да, типичные. Это «законные» братья, но есть у них еще и четвертый братец, «незаконный»: Смердяков.

В «законных» Карамазовых смешаны разные черты: и хорошие, и плохие. А вот в Смердякове нет хороших черт. Есть только одна черта — черта черта. Он сливается с чертом. Они друг друга подменяют в кошмарах Ивана. А черт у каждого народа не то, что для народа характерно или типично, а как раз то, от чего народ отталкивается, отрешивается, не признает. Смердяков не тип, а антипод русского.

Карамазовых в русской жизни много, но все-таки не они направляют курс корабля. Матросы важны, но еще важнее для капитана парусника румпель и звезда, на которую ориентируется идеал.

Было у русского народа не только хорошее, но и много дурного, и это дурное было большим, ибо и народ велик, но виноват в этом дурном был не всегда сам народ, а смердяковы, принимавшие обличье государственных деятелей: то Аракчеева, то Победоносцева, то других... Не случайно так много русских людей уходило на Север — в леса, на юг — в казаки, на восток — в далекую Сибирь. Искали счастливое Беловодское царство, искали страну без урядников и квартальных надзирателей, без генералов, посылавших их отнимать чужие земли у таких же крестьян, как и они сами. Но оставались все же в армии Тушины, Коновницыны и Платоны Каратаевы: это когда войны были оборонительные или освобождать приходилось «братушек» — болгар и сербов.

«Братушки» — слово это придумал народ и придумал хорошо.

Следовательно, меньше было в русском народе национального эгоизма, чем национальной широты и открытости.

Что делать! — каждый предмет отбрасывает в солнечный день тень, и каждой доброй черте народа противостоит своя недобрая.

Вся история русской культуры показывает ее преимущественно открытый характер, восприимчивость и в массе своей отсутствие национальной спеси. О том же писал и Достоевский в статье «Два лагеря теоретиков...»: «Но узкая национальность не в духе русском. Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и пред целым светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к самому себе, — во имя негодующей любви к правде, истине... С какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Шедрине и всей этой отрицательной литературе, которая гораздо живучее, жизненней, чем положительная литература времен очаковских и покорений Крыма.

И неужели это сознание человеком болезни не есть уже залог его выздоровления, его способности оправиться от болезни... Сила самоосуждения прежде всего — сила: она указывает на то, что в обществе есть еще силы. В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни — предполагает страстную тоску о здоровье».

Это свойство русской литературы находить какие-то дурные стороны во временном бытии нации, в злободневности, в том, что свойственно только сегодняшнему дню и может быть в будущем преодолено, характерно, конечно, не только для Гоголя и Шедрина. Прежде всего оно свойственно самому Достоевскому, а затем — длинному ряду писателей-революционеров: Радищеву, поэтам-декабристам, революционными демократами и т. д. И это свойство стоит рядом с умением замечать лучшее у других народов. Это тоже черта очень ценная, если только, конечно, она не переходит в самоощипывание, в злорадство и злопыхательство по поводу своих же собственных недостатков.

Осознанная любовь к своему народу не соединима с ненавистью к другим. Любя свой народ, свою семью, скорее будешь любить другие народы и другие семьи и людей. В каждом человеке существует общая настроенность на ненависть или на любовь, на отъединение себя от других или на признание чужого — не всякого чужого, конечно, а лучшего в чужом, — не отделимая от умения заметить это лучшее. Поэтому ненависть к другим народам (шовинизм) рано или поздно переходит и на часть своего народа — хотя бы на тех, кто не при-

знает национализма. Если доминирует в человеке общая настроенность к восприятию чужих культур, то она неизбежно приводит его к ясному осознанию ценности своей собственной. Поэтому в высших, осознанных своих проявлениях национальность всегда миролюбива, активно миролюбива, а не просто безразлична к другим национальностям.

Национализм — это проявление слабости нации, а не ее силы. Заражаются национализмом по большей части слабые народы, пытающиеся сохранить себя с помощью националистических чувств и идеологии. Но великий народ, народ со своей большой культурой, со своими национальными традициями, обязан быть добрым, особенно если с ним соединена судьба малого народа. Великий народ должен помогать малому сохранить себя, свой язык, свою культуру.

Необязательно сильный народ многочислен, а слабый — малочислен, дело не в числе людей, принадлежащих к данному народу, а в уверенности и стойкости его национальных традиций.

Несмотря на все уроки XX века, мы не научились по-настоящему различать патриотизм и национализм. Зло маскируется под добро.

Патриотизм — это благороднейшее из чувств. Это даже не чувство — это важнейшая сторона и личной, и общественной культуры духа, когда человек и весь народ как бы поднимаются над самими собой, ставят себе сверхличные цели.

Национализм же это самое тяжелое из несчастий человеческого рода. Как и всякое зло, оно скрывается, живет во тьме и только делает вид, что порождено любовью к своей стране. А порождено оно на самом деле злобой, ненавистью к другим народам и к той части своего собственного народа, которая не разделяет националистических взглядов.

Национализм порождает неуверенность в самом себе, слабость, и сам, в свою очередь, порожден этим же.

В тех слоях русского общества, которые всегда были связаны с русской национальной культурой — в крестьянстве, в интеллигенции и у потомственных рабочих (подчеркиваю: именно трудовые традиции делают людей подлинно интеллигентными, и нельзя путать интеллигенцию с ее прямой противоположностью — полуинтеллигенцией) меньше всего национализма.

Русская история в прошлом — это история бесконечных испытаний, несмотря на которые народ сохранял и достоинство, и доброту.

Будем любить свой народ, свой город, свою природу, свое село, свою семью.

Если в семье все благополучно, то и в быту к такой семье тянутся другие семьи — навешают, участвуют в семейных праздниках. Благополучные семьи живут социально, гостеприимно, радушно, живут вместе. Это сильные семьи, крепкие семьи.

Так и в жизни народов. Народы, в которых патриотизм не подменяется национальным «приобретательством», жадностью и человеконенавистничеством национализма, живут в дружбе и мире со всеми народами.

ВОПРОСЫ

1. Как бы вы ответили на вопрос Д.С. Лихачева: русская ли равнина определила русский характер или восточнославянские племена остановились на равнине потому, что она пришлась им по душе?

2. Согласны ли вы с утверждением, что доброта — это ценнейшее человеческое качество? Почему?
3. Почему сильно общество, способное на самоосуждение?
4. Почему национализм является проявлением слабости нации, а не ее силы?

4

М.М. ДУНАЕВ.

ПРАВОСЛАВИЕ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Русская литература* задачу свою и смысл существования видела в возжигании и поддержании духовного огня в сердцах человеческих. Вот откуда идет признание совести мерилom всех жизненных ценностей. Свое творчество русские писатели сознавали как служение пророческое, а отношение к деятелям литературы как к духовидцам сохранилось в русском сознании до сих пор, хотя уже и приглушенно.

Это чутко воспринял и точно выразил Н.А. Бердяев: «В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира. Вся наша литература XIX века ранена христианской темой, вся она ищет спасения, вся она ищет избавления от зла, страдания, ужаса жизни... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры».

В Нагорной проповеди говорится: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут». В этой великой заповеди определена сокровенная суть двух пониманий смысла человеческой

* Имеется в виду дореволюционный период.

жизни, как и двух мировоззрений, двух различных типов мышления, двух типов культуры. В этих словах Христа — указание на смысл того разделения, которое Он принес в мир. Две системы жизненных ценностей, связанных с той или иной ориентацией человека в земном мире, обуславливают и различие в понимании добра и зла вообще.

Ведь если не мудрствовать лукаво, то всякий из нас понимает под добром то, что так или иначе способствует достижению сознаваемой нами цели бытия. Под злом — то, что препятствует такому достижению. И если кто-то ставит перед собою исключительно материальные цели (собрание сокровищ на земле), то все духовное станет лишь мешать ему и восприниматься как зло. И наоборот.

Культурологи выделяют в связи с этим два типа культуры — сотериологический (от лат. *soter* — спаситель) и эвдемонический (от греч. *eudaimonia* — счастье). Переходом от первого ко второму в европейской истории стала, как известно, эпоха Возрождения, возродившая именно пристальное внимание к земным сокровищам и предпочтение их. На Руси это совершалось гораздо позднее. И совершенно логично, что приверженцы земных сокровищ объявили тяготение к духовному и возвышение небесного над земным косностью и отсталостью.

Предпочтение того или иного — дело совести и свободы каждого. Нужно лишь ясно сознавать, что столь прославляемая ныне западная цивилизация есть не что иное, как стремление к абсолютной полноте наслаждения сокровищами на земле. А так называемый прогресс — это всего лишь отыскание все более совершенных средств к овладению такими сокровищами.

Стремление к земному понятно и близко каждому, поэтому объяснять, что это такое, нет нужды. Следует лишь уточнить, что к земному относятся не только непосредственные материальные блага и связанные с ними чувственные наслаждения, но порою и отказ от исключительно материальных ценностей ради, например, земной власти (вспомним внешний аскетизм многих тиранов и деспотов), славы, стремления к самоутверждению в обществе и т. д.

Даже то, что иным представляется принадлежностью чисто духовной сферы, также может стать ценностью чисто земной. Например,

эстетические переживания, превращаемые в самоцель ради эгоистического душевного наслаждения. Или любовь, понимаемая как обладание (не в физическом только, а и в нравственном смысле).

Даже нравственные поиски, когда они совершаются ради отыскания средств для более благополучного земного обустройства, — и они могут оказаться бездуховными в своей основе. Так случилось, например, со Львом Толстым, отвергшим мысль о спасении, а из всего учения Христа воспринявшим лишь моральные постулаты, которые он хотел приспособить именно для устройства общественного бытия, но ценность которых в отрыве от Божественного Откровения оказалась весьма сомнительной. Сокровищем земным может оказаться в умах людей и церковь Христова, когда ее начинают рассматривать, подобно иным политикам-прагматикам, лишь как средство, пригодное для использования в борьбе за власть.

Так или иначе, но тяга к земным сокровищам наблюдается на всех уровнях нашего земного существования. И она не может не стать предметом философского и эстетического осмысления.

Но где критерий собирания сокровищ? Как точно определить, что именно собирает человек? Ведь в силу необходимости каждый вынужден же существовать в земном мире и не может обходиться вовсе без земных, материальных вещей, связей, мыслей. Христос обозначил такой критерий ясно и просто: «...Ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Матфей, 6: 21). А вот к чему мы прикипаем сердцем — это мы вполне определенно ощущаем, если начинаем вслушиваться в голос совести. (Оттого мы так часто и глушим ее, чтобы отогнать от себя неприглядную истину.

Вот главная тема русской литературы — противоборство двух раздирающих нашу душу и сердце стремлений к сокровищам небесным и сокровищам земным. Это проблема не просто исключительно литературы, но и жизни, творческих поисков (нередко — метаний) самих писателей. Путь их был отнюдь не прямым и направленным лишь к горным высотам; он отмечен многими ошибками, падениями, отступлениями от Истины.

Человек обречен на выбор между добром и злом, но он усугубляет заключенный в этом трагизм своего существования еще и метаниями между различными пониманиями добра и зла. Вот эту-то смятенность души высветила русская литература, сделав ее, по сути, главным предметом своего сострадательного исследования. Она сумела приобщить читателя к таким внутренним переживаниям, таким терзаниям совести, погрузить его в такие бездны души, о каких имела весьма малое представление литература околеевропейская. Западный человек может, разумеется, страдать, но от отсутствия миллиона, титула, коттеджа и т. д. И только в русской литературе возможно появление героя, который страдает, обладая всеми подобными благами в преизбытке:

Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? Тоска, тоска!..

Как к такому страданию относиться — зависит от осмысления жизни каждым из нас. Кто-то сочтет его проявлением безумия. Но русский человек оказался на подобное обреченным (хотя не каждый без исключения, разумеется), а литература это точно отразила. А произошло это потому, что сам вектор душевных стремлений был повернут православием в противоположном от земных благ направлении.

Только что мы рассмотрели влияние православия на русскую литературу. А каково его влияние на русскую живопись и архитектуру? Этой теме посвящены публикуемые ниже отрывки рассказа «Попик» из сборника «Отец Арсений». В самиздатской машинописи эта замечательная книга широко распространилась по стране несмотря на цензуру, занимавшую в то время очень сильные позиции в обществе.

Жизнь и работа в лагерях нечеловеческая, страшная. Каждый день приближает к смерти и часто года вольной жизни стоит, но, зная это, не хотели заключенные, не желали умирать духовно, пытались внутренне бороться за жизнь, сохранить дух, хотя это и не всегда удавалось.

Интеллигенция барака относилась к о. Арсению снисходительно. Одно слово — попик, да еще при том весьма sereneкий, добрый, услужливый, но культуры внутренней почти никакой нет, потому так и в Бога верит, другого-то ничего нет за душой.

Такое мнение было у большинства.

Как-то зашел разговор о древней русской живописи и архитектуре, и один заключенный высокого роста, сохранивший даже в лагере барственную осанку и манеры, с апломбом и жаром рассуждал об этих предметах. Собравшиеся с большим интересом слушали его. Говорил «высоко», веско, со знанием дела и удивительно утвердительно. Во время разговора этого проходил мимо собравшихся о. Арсений, а «высокий», как оказалось впоследствии, искусствовед и профессор, снисходительно обратился к о. Арсению:

— Вы, батюшка, очень верующий и духовного звания, так не скажете ли нам, как вы оцениваете связь православия с древней русской живописью и архитектурой, и есть ли такие связи? — сказал и улыбнулся. Все окружающие рассмеялись.

Вопрос был профессорский, и все это поняли.

Всем казалось, что этот простецкий попик, каким был о. Арсений, ничего не ответит. Не сможет ответить, так как ничего не знает. Понимали, что вопрос издевательский.

Отец Арсений как-то выпрямился, внешне даже изменился и, взглянув на профессора, произнес:

— Взгляд на влияние православия на русское изобразительное искусство и архитектуру существует самый различный. Много по этому поводу высказано разных мыслей, и вы, профессор, по этому поводу много писали и говорили, но ряд ваших положений глубоко ошибочен, противоречив и, откровенно говоря, конъюнктурен. То, что вы сейчас говорили, значительно ближе к истине, чем то, что вы пространно излагали в статьях ваших и книгах.

Вы считаете, что русское изобразительное искусство развивалось только на народной основе, почти отрицаете влияние на него право-

5

И.С. ТУРГЕНЕВ.

КОГДА НОЕТ В САМОМ НУТРЕ*

Весь день шел сильный дождь и охотиться было невозможно. Охотник, автор рассказа, переночевал в пустом домике, в маленькой деревушке, о которой он никогда не слышал, хотя она и принадлежала его матери, богатой помещице.

Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; все кругом блестело сильным двойным блеском: блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. На склоне неглубокого оврага, возле самого плетня, виднелась пасека; узенькая тропинка вела к ней.

Я отправился по этой тропинке; дошел до пасеки. Рядом с нею стоял плетеный сарайчик, куда ставят ульи на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмости, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура... Я пошел было прочь...

— Барин, а барин! Петр Петрович! — послышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки.

Я остановился.

— Петр Петрович! Подойдите, пожалуйста! — повторил голос. Он доносился до меня из угла, с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился — и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять — икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать, только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошеч-

* Сокращенное изложение рассказа «Живые моши» из сборника И.С. Тургенева «Записки охотника».

ные руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только не безобразное, даже красивое — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нему, по металлическим его щекам, я вижу — силится... силится и не может расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, барин? — прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. — Да и где узнать! Я — Лукерья... Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила... помните, я еще запевалой была?

— Лукерья! — воскликнул я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, барин, я. Я — Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломленный глядел на это темное, неподвижное лицо. Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, — высокая, полная, белая, румяная, — хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я, шестнадцатилетний мальчик!

— Помилуй, Лукерья, — проговорил я наконец, — что это с тобой случилось?

— Про беду-то мою рассказать? Извольте, барин. Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василия Полякова — помните, такой из себя статный был, кудрявый, еще буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учиться. Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот раз ночью... уже и до зари недалеко... а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается... и вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: «Луша!..» Я глядь в сторону, да знать спросонья — оступилась, так прямо с крыльца и полетела вниз — да о землю хлоп! И кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — порвалось... Дайте дух перевести... с минуточку... барин.

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на нее. Изумляло меня, собственно, то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

— С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — полно и ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу: все бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: все хуже да хуже. Матушка ваша, по доброту своей, лекарям меня показывала и в больницу посылала. Однако облегченья мне никакого не вышло.

Лукерья опять умолкла и опять силилась улыбнуться.

— Это, однако же, ужасно, твое положение! — воскликнул я... и, не зная, что прибавить, спросил: — А что же Поляков Василий?

Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела глаза немного в сторону.

— Что Поляков? Потужил, потужил — да и женился на другой, на девушке из Глинного. Знаете Глинное? От нас недалече. Аграфеной ее звали. Очень он меня любил, да ведь человек молодой — не оставаться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашел себе хорошую, добрую, и детки у них есть.

— И так ты все лежишь да лежишь? — спросил я опять.

— Вот так и лежу, барин, седьмой годок.

— Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не оставляют. Да и ходьбы за мной немного. Есть-то почитай что не ем ничего, а вода — вон она в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще действовать может. Ну, девочка тут есть, сиротка; нет, нет — да и наведается, спасибо ей. Сейчас тут была... Вы ее не встретили?

— И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает.

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава Богу, вижу прекрасно и все слышу, все. Крот под землю роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни есть слабый! Что Бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник,

стал меня причащать, да и говорит: «Тебе, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоём состоянии согрешить можешь?» Ну я ему ответила: «А мысленный грех, батюшка?» — «Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий».

— Да я, должно быть, и этим самым мысленным грехом не больно грешна, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучила: не думать, а пуше того — не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился.

— Ты все одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты все спишь?

— Ой нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже; не дает спать, как следует. Нет... а так лежу я себе, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек поклевать; а то воробей залетит или бабочка — мне очень приятно.

— А то раз, — начала опять Лукерья, — вот смеху-то было! Заяц забежал, право! Собаки, что ли, за ним гнались, только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близехонько и долго-таки сидел, все носом водил и усами дергал — настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся — да и был таков! Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня... аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала пересохшие губы.

— Ну, зимою, конечно, мне хуже: потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать всегда любила, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать ее, книгу-то? Отец Алексей принес мне календарь, да видит, что пользы нет, взял да унес опять. Однако хоть и темно, а все слушать есть что: сверчок затрещит или мышь где скрести станет. Вот тут-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и что я стану Господу Богу наскучать? О чем я Его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал Он мне крест — значит, меня Он любит.

— Послушай, Лукерья, — начал я наконец. — Послушай, какое я тебе предложение сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя еще вылечат? Во всяком случае ты одна не будешь... Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— Ой, нет, барин, — промолвила она озабоченным шепотом, — не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше муки приму. Да куда меня лечить!.. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смиренная — не мешаю, девушки крестьянские зайдут, погуторят; странница забредет, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые города. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей! Барин, не трогайте меня, не возите в больницу.. Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

— Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полагал...

Лукерья вздохнула с трудом.

— Как погляжу я, барин, на вас, — начала она снова, — очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалейте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь... Вы ведь помните, какая я была в свое время веселая? Бой-девка!.. Так знаете что? Я и теперь песни пою.

— Песни?.. Ты?

— Да, песни, старые песни... Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовых не пою. В теперешнем моем звании — оно не годится.

— Как же ты поешь их... про себя?

— И про себя и голосом. Громко-то не могу, а все — понять можно. Вот я вам сказывала — девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я ее выучила; четыре песни она у меня переняла. Аль не верите? Пойдите, я вам сейчас...

Лукерья собралась с духом... Прежде чем я мог промолвить слово, в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук... за ним последовал другой, третий. Лукерья пела, не изменив выражения своего окаменелого лица. Но так трогательно звенел этот бедный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить...

— Ой, не могу! — проговорила она вдруг, — силушки не хватает... Очень уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

— Экая я! — проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой и, раскрыв широко глаза, постаралась смигнуть с них слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случилось... с самого того дня, как Поляков Вася у меня был прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал — ну ничего; а как ушел он — заплакала я-таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слезы некупленные, барин, — прибавила Лукерья, — чай, у вас платочек есть... Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить ее желание — и платок ей оставил.

— Вотвы, барин, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я точно редко, но всякий раз сны вижу, хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая... Одно горе: проснусь я, потянуться хочу хорошенько — ан я вся, как скованная. Раз мне какой чудный сон приснился! Хотите, расскажу вам? Ну, слушайте. Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — все укусить меня хочет. И будто в руках у меня серп, и не простой серп, а месяц, вот когда он на серп похож бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать дочиста. Только очень меня от жары растомило, и месяц меня слепит, и лень на меня нашла; а кругом васильки растут, да такие крупные! И думаю я: Вася прийти обещался — так вот я себе веночек совью. А между тем я слышу — кто-то уж идет ко мне, близко таково, и зовет: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда — не успела! Все равно, надену я себе на голову этот месяц вместо васильков. Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, все поле кругом осветила. Глядь — по самым верхушкам колосьев идет ко мне скорехонько — только не Вася, а сам Христос! И почему я узнала, что это Христос — сказать не могу, таким Его не пишут, а только ОН! Безбородый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протягивает. «Не бойся, говорит, невеста Моя разубранная, ступай за Мною; ты у Меня в царстве небесном хоро-

воды водить будешь и песни играть райские». И я к Его ручке как прильну! Собачка моя сейчас меня за ноги... но тут мы взвились! Он впереди... крылья у него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в царстве небесном ей уже места не будет.

Лукерья умолкла на минуту.

— А то еще видела я сон, — начала она снова, — а быть может, это было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу, и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спрашиваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем, говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке на духу рассказала.

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась. Помолчав немного, я спросил Лукерью: сколько ей лет? — Двадцать восемь... али девять... Тридцати не будет. Да что их считать, года-то! Я вам еще вот что доложу...

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула...

— Ты много говоришь, — заметил я ей, — это может тебе повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно, — разговорке нашей конец: да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности, душу отвела...

Я стал прощаться с нею, повторил ей мое обещание прислать ей лекарство, попросил ее еще раз хорошенько подумать и сказать мне — не нужно ли ей чего?

— Ничего мне не нужно; всем довольна, слава Богу, — с величайшим усилием, но умиленно произнесла она. — Дай Бог всем здоровья!

А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные, хоть бы малость оброку* с них она сбавила! Земли у них недостаточно. Они бы за вас Богу молились... А мне ничего не нужно — всем довольна.

Я дал Лукерье слово исполнить ее просьбу и подходил уже к дверям... она подозвала меня опять.

— Помните, барин, — сказала она — и чудное что-то мелькнуло в ее глазах и на губах, — какая у меня была коса? Помните — до самых колен! Я долго не решалась... Этакие волосы!.. Но где же их было расчесывать? В моем-то положении! Так уж я их обрезала... Да... Ну, простите, барин! Больше не могу..

Несколько недель спустя я узнал, что Лукерья скончалась. Рассказывали, что в самый день кончины она все слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничным. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, почему Лукерья не жаловалась на свою судьбу? Почему рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов?
2. Как Лукерья оценила женитьбу Василия Полякова на другой девушке?
3. Как вы думаете, почему Лукерья отказалась лечь в больницу? А если бы ее все-таки удалось вылечить?
4. Объясните своими словами сон Лукерьи о своих родителях. Как вы понимаете следующие слова: «Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь»? Почему при этом родители низко кланялись дочери?

* Оброк — плата, которую во времена крепостного права крестьяне платили помещикам.

6

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С НАШЕЙ РОДИНОЙ

В 1917 ГОДУ?

Почему народ, обладавший такими сокровищами, как православное вероисповедание, русская литература, искусство, архитектура, сам, своими собственными руками это либо разрушил, либо полностью или частично отверг в 1917 году? Как можно было это перечеркнуть и начать новое строительство на голом месте? Почему была нарушена связь с прошлым?

Полный ответ на эти вопросы еще не найден. Его современное русское общество еще должно выстрадать.

Если оторваться от забот и взглядеться в окружающий мир, то покажется, что зло побеждает. Человечеству грозит экологическая катастрофа, умножаются войны и стихийные бедствия, почти нет здоровых семей, пьянство, разврат, наркотики, секты уничтожают нашу молодежь. В мире почти не остается места истинному, возвышенному — погоня за удовольствиями, за материальными благами затопляет все. И этот процесс не остановить, он набирает скорость. Так что же делать? Может быть, махнуть на все рукой, и вместе со всеми пытаться хоть удовольствия какие-то в жизни получить, устроиться получше и безбедно жизнь прожить? Можно. Да и не предписывает никто специально искать в жизни страдания. Но бывают ситуации, когда идти со всеми в ногу означает перестать быть человеком, образом Божиим. При этом человек может быть поставлен перед страшным выбором: либо попать все, что для тебя свято, либо пойти на мучительную смерть. И было множество людей, которые выбирали последнее. В начале 20 века в России не отказаться от своей веры в Бога означало пойти на мучения. И многие шли...

Гонения на Церковь начались сразу после большевистского переворота. В годы гражданской войны было убито около 20 млн православ-

ных людей, многие из которых пострадали непосредственно за веру Христову. Множество храмов и монастырей разорено и закрыто.

Новый этап гонений начался в 1921 г. в связи с компанией изъятия церковных ценностей. Началась череда официальных процессов с обвинительными смертными приговорами. Одновременно, в 1922 г., резко активизировала свою деятельность «Живая церковь», которую большевики прочли в качестве преемницы Русской Православной Церкви. И далее гонения на Церковь не ослабевали ни на день. Особенного размаха они достигли в 1937 г., когда были расстреляны десятки тысяч православных по ложному обвинению в антисоветской деятельности. Очень грубо можно оценить число новомучеников и исповедников Российских в миллион человек.

Здесь будет рассказано лишь о некоторых из них.

Митрополит Владимир

23 января 1918 г. большевики овладели Киево-Печерской Лаврой, начались дикое насилия и варварства. Митрополит Владимир был взят в келий настоятеля группой во главе с комиссаром-матросом. После допроса убийцы повели митрополита в его спальню. Что там происходило — неизвестно, только потом келейники нашли на полу в разных местах комнаты разорванный шелковый шнурочек, ладанку и серебряную нателную иконку. После этого митрополита Владимира вывели из Лавры. Он был в рясе, с панагией на груди и в белом клобуке. Его келейник Филипп передавал, что митрополит был спокоен — словно шел на служение литургии. На место расстрела его видимо привезли на автомобиле, хотя это место было совсем близко от Лавры. Митрополит попросил время на молитву, воздел руки вверх и сказал: «Господи! Прости мои согрешения, вольные и невольные, и прими дух мой с миром». Потом благословил крестобразно своих убийц и еще не успел опустить

руки, как послышались выстрелы. Помимо огнестрельных ран на теле покойного было найдено множество колотых ран. Тело мученически скончавшегося митрополита Владимира оставалось на месте убийства до утра следующего дня. Утром лаврский архимандрит отправился к месту убийства и отслужил там краткую литию. Тело митрополита Владимира было перенесено в Михайловскую церковь. В тот же и последующие дни служились заупокойные литургии и панихиды как в Лавре, так и в других храмах Киева. 29 января/11 февраля митрополит Владимир был погребен в Ближних пещерах Лавры в Крестовоздвиженской церкви, где погребены бывшие киевские митрополиты.

Августа (Зашук Лидия Васильевна)

Была энергичной, рассудительной и необычайно преданной старцу Нектарию женщина. Владела шестью иностранными языками, обладала литературным дарованием, была журналисткой в Санкт-Петербурге.

Арестована вместе с последним настоятелем Оптиной Пустыни схиархимандритом Исаакием (Бобриковым). Ее допрос длился 16 суток, во время которого ей не давали не только спать, но не разрешали даже садиться. Когда она падала, ее обливали холодной водой. Ей было 70 лет.

Расстреляна в день Собора Пресвятой Богородицы.

Архимандрит Августин (Пятницкий)

Был благочинным монастырей Нижегородской епархии. На допросах обвинялся в хищении монастырских средств и организации контрреволюционной деятельности. Приговор: высшая мера наказания — расстрел. В ночь на 18 августа предстал перед военно-революционным трибуналом. На вопрос: «Признаете ли советскую власть?» — он с твердостью ответил: «Не признаю и никогда не признаю. Местом казни был назначен Мочальный остров, лежащий по течению Волги, несколько ниже Печерского монастыря. Расстрелян вместе с прот. Николаем Васильевичем Орловским (всего 41 человек). На рассвете приговоренные были посажены на парохол.

По дороге они отслужили по себе панихиду. По прибытии на остров приговоренные были расставлены, как было удобно палачам. Архимандрит Августин стоял, бесстрашно глядя красноармейцам в глаза, готовившимся дать залп. И он раздался, но архимандрит продолжал стоять; залп прозвучал и во второй, и в третий раз, но, к удивлению, архимандрит продолжал стоять, и только после четвертого залпа пал мертвым. Монахи Оранского монастыря, подавленные происшедшим, боялись совершать публичные панихиды по убиенному. Но почивший архимандрит стал являться многим из них во сне готовящимся к богослужению. Епископ Лаврентий (Князев) в Печерском монастыре в день их смерти, 18 августа, соборно совершил панихиду по новопреставленным священномученикам.

Священник

Авдаков Николай Васильевич

Сын священника г. Кохмы. В 1922 г., после смерти отца, Николай, обучавшийся тогда на медицинском факультете, по просьбам прихожан согласился занять его место. Прослужил на отцовском месте совсем не долго и, не приняв обновленчества, был выслан в Великий Устюг.

Пробыл в Великом Устюге три года и, почти сразу же после этого, был отправлен на Соловки, опять на трехлетний срок. После Соловков вернулся домой, но вскоре в третий раз был сослан на три года, на этот раз в г. Пугачев. Прибыл в Пугачев, не имея практически ничего. Кормился первое время у местного Владыки и духовенства, а затем был устроен на место псаломщика. По городу всегда ходил, не снимая рясы и креста, при этом нарочито выбирал свой путь мимо здания ГПУ. Однажды, идя с одной монахиней мимо ГПУ, он забыл вынуть крест. Пройдя же с квартал, остановился и сказал: «Не хорошо

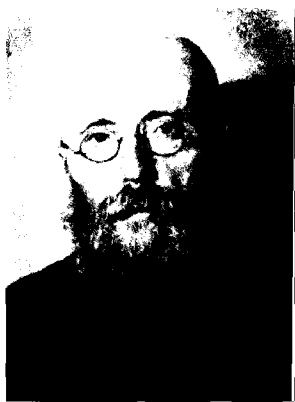

Священник
Николай Авдаков

получилось, как будто я боюсь, пойдем обратно!». Вынул крест и вместо одного прошел этим путем еще два раза. После ареста священников собора о. Николай стал служить вместо них. За три воскресенья своего служения сказал три горячих проповеди, а ровно через две недели после назначения, в воскресенье, взяли и его. Приговор — 3 года лишения свободы. Служил в г. Кохме после возвращения из 3-летнего заключения. Служил он вдохновенно и проповеди говорил такие, что людям долго не хотелось покидать храм. Арестован после 1933 г. вместе с городским священником Алексеем Преображенским. Арестованных священников увезли в г. Иваново, где изощренно мучили: сажали в камеры, полные голодных крыс, заставляли ходить за водой по ледяной крутой горке, водили в баню, где в это время были нагие женщины и др. Отец Николай пробыл в заключении 14 лет и в заключении скончался.

**Священник
Аверин Григорий Иванович**

Родился в благочестивой странноприимной крестьянской семье.

Священник
Григорий Аверин,
Кинешемская тюрьма,
1935 г.

Григорий жил, ничего лишнего не имея, ограничиваясь и в необходимом. Был бесребренником и молитвенником, молился по целым ночам, засыпая лишь под утро, иногда и вовсе не ложился. По традиции своей семьи был странноприимцем. В 1921 г. был рукоположен во священники. В 1929-м был арестован за «антисоветскую агитацию». Приговор — 5 лет ИТЛ (Исправительно-трудовых лагерей). Спустя год после возвращения из застенка — новый арест и новый срок — 3 года лагерей. В сибирском лагере на руднике Темир-тау о. Григория признали по медицинским показаниям неспособным к тяжелому физическому труду и поставили сначала счетоводом, а потом дневальным в бараке. Дер-

жался он с большим достоинством, не угождал лагерному начальству, отказался быть осведомителем и не участвовал в идеологических мероприятиях. Любовь к Богу и верность Ему удивляли в нем окружающих. Все видели в нем прежде всего священника и по-настоящему свободного, независимого человека. Он каждый день по памяти читал акафист Божией Матери; отвечал на вопросы заключенных об истории России, Православной Церкви, о вероучении. Его независимость и глубокая вера вызывали у тюремщиков ненависть. В сентябре 1937 г. в лагере против о. Григория было начато новое «дело». И в том же месяце он принял мученическую кончину.

Иеромонах Аверкий (Бобров Михаил Степанович)

Родился в большой крестьянской семье. Грамоте обучился сам, т. к. в деревне ни школы, ни церкви не было.

Обладая сильным, чистым и приятным голосом с ранних лет был чтецом в Каширинской церкви. Подростком несколько раз просил родителей отправить его в монастырь. Юношей ушел вместе с проходившими по деревне богомольцами в Белогорский монастырь и там остался. Сначала был чтецом, потом его рукоположили во иеродиакона. О. Аверкий прослужил в монастыре до его закрытия. После революции монастырь разогнали, монахов отправили на лесозаготовки. О. Аверкий сначала работал в бригаде, но потом попросил давать ему работу одному, чтобы он успевал церковную службу «сослужить хоть на пеньке». Работал он хорошо, задание перевыполнял. Ему предлагали перейти на работу в контору, но он отказался. Вскоре его отпустили с лесозаготовок.

Вернувшись из заключения о. Аверкий обратился к правящему архиерею в г. Кунгуре и стал служить с ним. Настали 30-е годы. Родственников о. Аверкия стали постоянно ругать на колхозных собраниях, называли их «поповскими прихвостнями», старались их во всем ущемить, дать работу потяжелее, лишить гражданских прав. Когда об этом сельчане рассказали о. Аверкию, он пришел к своей невестке, поклонился, попросил прощения за причиненные из-за него страдания и сказал: «Последний раз я вас всех вижу. Больше вы обо мне никогда не услышите». Так, с тех пор, родные его больше о нем ничего и не знают.

Схиархимандрит Афиноген (Агапов Василий Кузьмич)

Родился в крестьянской семье. Родители не учили мальчика молитве, но, как он позднее рассказывал, у него «созрело желание молиться уже с пятилетнего возраста». Маленький Вася «очень любил слушать взрослых, когда они читали или говорили о чем-то Божественном, особенно о монастыре». В восемь лет Василий Агапов окончил трехклассную школу и был отправлен родителями учиться швейному делу в Петербург, где у него окончательно созрело решение уйти в монастырь.

В апреле 1903 года он оставил Петербург и пешком добрался до монастыря преподобного Макария Римлянина в Новгородской губернии. Игумен монастыря сначала отказался принять, считая, что «петербургские мастеровые порченые, балованные». Со слезами, на коленях умолял Василий взять его в монастырь. После шестимесячного испытания Василию в обители было назначено послушание портного. Кроме того, новый настоятель монастыря поручил ему за трапезой читать жития святых. Потом он был чтецом в храме за богослужением. Он радовался ежедневному пребыванию в храме. Сам же он особенно любил книги святоотеческие. Из них он узнал о последствиях греха и о покаянии. Иногда братия заставляла его за книгой с заплаканными глазами. За семилетний период пребывания в монастыре, благодаря чтению духовных книг и молитве Иисусовой, у него «не было мыслей посторонних», к этому же он «приложил, по совету Аввы Дорофея, самоукорение, а оно возбуждало чувство покаяния».

В 1917 был рукоположен во иеромонаха. Иеромонах Афиноген стал хорошо известен среди местных прихожан. На исповедь к о. Афиногену выстраивалась целая толпа, поэтому ему порой приходилось простаивать в храме до самого утра. Бывало, уже начинается служба, а о. Афиноген все исповедовал народ. Наконец к нему подходил кто-либо из монахов и тихо говорил: «Батюшка, нужно уходить». Тогда только перед самым богослужением, старец прерывал исповедь. Случалось ноги от многочасового пребывания без движения так затекали, что старец Афиноген не мог сделать ни шага: тогда два диакона брали его под руки и вводили в алтарь. В 1922 г. началась кампания по изъятию церковных ценностей. Естественно, что во многих обителях и приходах прятали самые чтимые иконы, мощевики и литургиче-

ские сосуды. 15 июля 1924 г. в Вознесенско-Макарьевский монастырь из Новгорода нагрянули чекисты. Они провели обыск и нашли спрятанные в обители святыни. В результате были арестованы настоятель монастыря епископ Кирилл (Васильев) и 15 насельников, — среди них и иеромонах Афиноген. Началось следствие, суд состоялся только через полгода и проходил три дня. Приговор — 3 года высылки из Северо-Западного региона России. О. Афиногену был предоставлен выбор города для поселения и он избрал г. Осташков. Каждую неделю о. Афиноген обязан был являться «на отметку» в местные органы, где состоял на учете. И все же ему, пусть и не без труда, удалось вскоре поселиться в обители преп. Нила Столобенского на одном из островов озера Селигер, неподалеку от Осташкова. Настоятель монастыря архимандрит Иоанникий принял о. Афиногена в число братии и определил послушание по его специальности — шить облачения. Прошел год и о. Афиноген послал в Москву заявление с просьбой освободить его от высылки. В этот раз прошение было неожиданно удовлетворено и вскоре о. Афиноген получил освобождение и даже со снятием судимости. В том же 1927 г. старец вернулся в Макарьевскую пустынь. На территории монастыря уже располагался колхоз: монахам были оставлены лишь два дома. Настоятелем обители был уже о. Ферапонт, живший, однако, не в самом монастыре, а на монастырском подворье в Любани. О. Афиногена он оставил при себе помощником. В Любани старец прожил еще 4 года. 18 февраля 1932 г. за одну ночь были арестованы все насельники, жившие как в самой Макарьевской пустыни, так и на монастырском подворье в Любани. Приговор — 3 года ИТЛ. Арестованных монахов привезли в Ленинград и заключили в известную наиболее жестокими порядками тюрьму «Кресты». Монастырь и подворье были осквернены и закрыты. Затем о. Афиноген был отправлен на строительство Беломорканала. О. Афиноген, трудясь в совершенно нечеловеческих условиях, выжил тогда лишь по милости Божией, по сути — чудом. Особенно страдал о. Афиноген тогда от голода. Случалось, что по три дня подряд не получал своей пайки хлеба, поскольку не выработывал дневную норму. Однажды о. Афиногену пришла посылка и ее присвоил конвоир. Уголовники, узнав о посылке, стали требовать ее от о. Афиногена и

не поверив, что ее нет, жестоко избили о. Афиногена. Так, по попущению Божию, терпел он холод, голод и побои, полагаясь во всем на волю Господню и надеясь лишь на Его милосердие. Спустя некоторое время жизнь в лагере сделалась для старца немного легче: в лагере появился еще один иеромонах. Теперь иноки могли духовно укреплять друг друга, а главное, исповедоваться. Покрывая голову листом лопуха вместо епитрахили, иноки взаимно, по-братски, отпускали грехи. В лагере вместо положенных по приговору трех лет о. Афиноген пробыл два года — он был освобожден досрочно. Ему определили местом жительства г. Малая Вишера. Приехав в Малую Вишеру, получив паспорт и встав на учет, о. Афиноген с помощью знакомых нашел себе комнату и «стал жить, как и прочие граждане нашей страны». Старцу приходилось то работать сторожем, то заниматься пошивочным ремеслом. Наиболее тяжело переживал о. Афиноген в этот период жизни то, что не было никакой возможности предстоять Престолу Божию: он не служил в церкви со дня ареста в течение целых 9-ти лет. Прожил он в Малой Вишере до самой войны с Германией. Вскоре после начала войны о. Афиноген вновь оказался в Любани, и оттуда он уже не смог вернуться назад в Малую Вишеру. Немцы внезапно заняли Чудово и Любань, и старцу пришлось остаться на оккупированной территории. Из политических и пропагандистских соображений немецкие власти старались продемонстрировать свое терпимое отношение к православному духовенству и верующим. Поэтому оккупанты не стали чинить препятствий, когда любанские жители, хорошо помнившие о. Афиногена, попросили разрешить ему возобновить богослужение в местном храме. 11 сентября 1941 г., в день памяти Усекновения Главы Иоанна Предтечи, о. Афиноген совершил в любанской церкви свое первое после 9-летнего перерыва богослужение. Так прослужил о. Афиноген в Любани до 1 апреля 1942 г. Старец был вывезен немцами в качестве «рабочей силы» в г. Тукумс, где он оказался как бы в некоем подобии «рабства». Его выставили «на продажу» на базаре в священническом облачении. Один латыш его купил, отвез к себе, дал домик, а рядом оказался храм, где он стал служить. Латыш был человеком добрым и батюшку никогда не обижал. Вскоре, однако, о. Афиноген, в соответствии с распоряжением еписко-

па Рижского Иоанна (Гарклава) оказался в Спасо-Преображенской Волгунской пустыни. В сентябре о. Афиноген был вывезен немцами в Ригу в женский Свято-Троицкий монастырь. Прожив около 4-х месяцев в Риге, о. Афиноген выехал в Псково-Печерский монастырь.

В 1949 г. епископ Владимир (Кобец) благословил старца временно совершать богослужения на о. Залит.

Последние 13 лет жизни престарелого инока были неразрывно связаны с Псково-Печерским монастырем. Старец был назначен братским духовником, а по благословению иеросхимонаха Симеона (Желнина) он принял на себя послушание по отчитыванию одержимых злыми духами. С этого времени к о. Афиногену стало приезжать множество страждущих нередко из самых отдаленных уголков России. Одни из них страдали более физически, другие сугубо духовно, от бесов. Батюшка старался принимать и тех и других, стремясь по возможности облегчить их скорби. И немало больных действительно исцелялось. В 1970-х годах старец много и тяжело болел, но, несмотря на слабое здоровье и весьма преклонный возраст (ему исполнилось уже 90 лет), он по-прежнему неустанно продолжал свои труды по духовному окормлению как иноков Псково-Печерского монастыря, так и паломников-мирян. Примерно за два месяца до смерти, в день Святой Пасхи, старцу еще довелось участвовать в монастырском богослужении. Более в этой жизни он уже не служил в Божием храме. Перед самой кончиной старец ежедневно приобщался Святых Христовых Тайн.

ВОПРОСЫ

1. Как вы думаете, что заставляло большевиков убивать неповинных людей?
2. Что давало силы описанным людям вести себя с таким достоинством в таких тяжелых ситуациях?

7

КАТАКОМБНЫЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

В СОЛОВЕЦКОМ ЛАГЕРЕ

В 1929 г. на о. Соловки, в страшном Соловецком концлагере, с приближением Пасхи началось усиление репрессий за религиозные убеждения и антирелигиозная пропаганда. В антирелигиозный музей, помещавшийся в бывшем игуменском флигеле, ежедневно стали устраиваться «экскурсии». Заключенных приводили в организованном порядке, группами, в этот «музей» и показывали им «вскрытые» моши прпп. Зосимы и Савватия. Под стеклом лежали честные останки святых, их нетленные кости, а на специальных огромных плакатах было написано, что при «вскрытии мошей» были обнаружены труха и чурбаны дров. Чекисты давали «объяснения», в шапках, с сигарками во рту, всячески подчеркивали свое богохульство.

А по ночам, в великой тишине и тайне, рискуя быть пойманными и запытаннми до смерти, пробирались в этот «музей» заключенные священники, монахи и верующие миряне и, обливая кровавыми слезами оклеветанные раки преподобных, благоговейно катакомбно молились и за себя, и за всю Россию. И дивно помогали молящимся свв. Соловецкие угодники, сораспятые с народом русским своими растерзанными безмолвными мошами.

На Страстной неделе, вечером в понедельник было объявлено по всем ротам, что молитвенные собрания категорически запрещаются; всякий, кто будет замечен в «религиозной пропаганде» (т. е. молитве), — подлежит суровому наказанию. Также запрещалось печение всяких куличей и вообще какое-нибудь особенное приготовление пищи в наступающие праздничные дни. День светлого Христова Воскресения был объявлен обыкновенным рабочим днем.

Настроение у большинства заключенных было подавленное.

Врачи, имеющие право давать освобождения от работ, были поставлены в очень тяжелые условия. С одной стороны, усилились жестокие

требования со стороны начальства, а с другой — увеличилось количество просьб об освобождении от работ со стороны заключенных. Категорически запрещалось превышать нормы освобождения в амбулаториях (не выше 10% всех обращающихся за помощью).

Врачей было очень мало, и на амбулаторных пунктах работали обычно фельдшера. Они были чрезвычайно жестоки и никогда не превышали норм освобождения. Но начальство лагеря часто находило необходимым проверять работу фельдшерских пунктов с целью снижения и без того низких цифр освобожденных. Для этого посылались врачи с требованием снизить процент освобождения.

В Великую среду я как врач был назначен на такую «проверку» фельдшерского амбулаторного пункта.

Придя за полчаса до начала приема, я имел возможность познакомиться и побеседовать с контролируемым мною фельдшером. Это оказался старший ротный фельдшер с Полтавщины. Огромные седые усы его меня сразу поразили и покорили. Добрые глаза, пристально и грустно смотревшие из-под нависших седых бровей, дополнили впечатление: я проникся к нему доверием. «Такой не выдаст, — мелькнула у меня мысль, — с ним можно рискнуть договориться». Оглядывая его крошечную комнатку (он жил при амбулатории), я заметил на стене висящую старую бандуру, на задней стороне которой было выжжено изображение Архистратига Михаила и слова: «Умрем за родную Украину». Все сомнения мои исчезли и я прямо приступил к делу.

— Мы оба православные, — сказал я ему. — Я прислан «снизить» количество освобождаемых Вами от работ, но мы оба хорошо понимаем, что наш христианский, нравственный и врачебный долг — дать как можно больше освобождений по болезни, чтобы православные люди смогли отметить светлый праздник и помолиться. Прием ведете Вы, освобождайте от работ всех, кого только сможете. В сомнительных случаях обращайтесь ко мне. Я буду не снижать, а повышать количество освобожденных.

— Да... я понимаю, — задумчиво ответил фельдшер, — но, ведь, если мы и вдвое увеличим полагающийся процент освобождения, то и тогда всех православных не удовлетворить... Вы простите, но я хочу предложить Вам кое-что... на основании своего семилетнего концлагерного опыта (мой срок 10 лет и я отсидел уже 7).

— Что же Вы хотите предложить? — спросил я.

— Вот что... Для того, чтобы освободить побольше православных, надо быть более жестоким и, если хотите, более жестоким к тем, кто забыл Бога и богохульствует... я имею в виду «урок» (т. е. уголовных преступников), которые «кроют в Бога-мать» (т. е. кощунственно цинично ругаются) и для которых никаких церковных праздников не существует!..

Я молча и грустно посмотрел на фельдшера.

— Я понимаю... — несколько смутился он, — может быть, это будет не по-христиански?.. Но... поверьте мне... я очень много мучился этим вопросом... другого выхода нет!.. Ведь если Вы слишком много освободите, то нашу комиссию просто аннулируют и всех освобожденных «дрыном» (т. е. палкой) погонят на работу... А за судьбу хулиганов-богохульников вы не беспокойтесь! Они не мытьем, так катаньем добьются освобождения или устроят крупный скандал, будут жаловаться и кричать, что мы с Вами слишком жестоко смотрели... Их жалобы помогут нам! — многозначительно закончил фельдшер, — нас трудно будет уличить в излишней мягкости... Хотя число освобожденных будет гораздо выше нормы, но воплей о нашей жестокости будет еще больше и начальство будет довольно нашей работой.

Я согласился, хотя в глубине души было смутно и горько.

Начался прием.

Фельдшер, по-видимому, оказался прав... Два совершенно различных психологических типа людей проходили перед нами. Тихие, смиренные, больше священники и монахи, пожилые и старые люди, степенные крестьяне и интеллигенты, с медными и серебряными крестиками на шее, ничего не просили и освобождения не ждали. Громкие, шумные, крикливые, дерзкие и грубые уголовники (конечно, не все, ибо и среди уголовных были верующие), — требовали освобождения и цинично бранились. Брань их непередаваема! Матерщина, соединенная с циничнейшими и кощунственнейшими эпитетами по отношению к именам Спасителя и Богоматери, были невыносимы! Шутки и оскорбления «попов» и издевательства над религиозными чувствами верующих превосходили всякую границу: они плевали на нательные крестики, срывали их с шеи соседей, с хохотом топтали их ногами...

Угрозы и наказания не помогали.

Мольбы и уговоры вызывали смех.

С ужасом и негодованием я смотрел на этих людей и не видел в них искры Божией.

Да, по-видимому, фельдшер был прав.

Я не чувствовал угрызений совести, когда был слишком жестоким и посылал легко больных на работы.

Придя в свою камеру, я поделился своими чувствами и переживаниями с товарищами-врачами.

Они ничего мне не сказали.

Поздно ночью я исповедовался у о. Николая П., замечательного священника-исповедника, бывшего духовником всех верующих врачей.

Отец Николай сказал мне, что я поступил неправильно. Надо было помолясь, чтобы Господь покрыл, освобождать всех без исключения больных, несмотря на то, богохульник он или праведник, а, кроме того, освобождать и всех православных, внутренне молясь, чтобы Господь помог почувствовать таковых по их взглядам...

Совесть моя сказала мне, что о. Николай был прав!

Наступил Великий Четверток. Вечером, часов в восемь, в нашу камеру врачей, где, кроме меня, находились: епископ Максим (профессор, доктор медицины Жижиленко) и врачи К. и П., пришли, якобы по делу о дезинфекции, епископ Виктор (викарий Вятский) и о. Николай П.

Шепотом, катакомбно, отслужили церковную службу, с чтением 12 Евангелий...

В пятницу утром был прочитан по ротам приказ: в течение трех дней выход из рот после 8 часов вечера разрешался только в исключительных случаях по особым письменным пропускам коменданта лагеря.

В 7 часов вечера, когда мы, врачи, только что вернулись в свои камеры после 12-часового рабочего дня, — к нам пришел о. Николай и сообщил следующее:

— Плашаница в ладонь величиной написана заключенным художником Р. Богослужение — чин погребения — состоится и начнется через час.

— Где?! — нетерпеливо спросили мы.

— В большом ящике (около 4 сажень длиной) для сушки рыбы; этот ящик находится в лесу, в полукилометре от роты N... Условный стук: 3 и 2 раза. Приходить лучше по-одному.

Через полчаса владыка Максим и я вышли из нашей роты и направились по указанному «адресу». Дважды у нас патрули спросили пропуск. Мы, врачи, их имели.

Вот и лес. Вот ящик. Без окон. Дверь едва заметна. Сумерки.

Стучим 3 и 2 раза. Входим. Внутренность ящика превратилась в церковь. На полу, на стенах — еловые ветви. Теплятся свечи. Маленькие бумажные иконки. Маленькая, в ладонь величиной, плашаница утопает в зелени веток. Человек десять молящихся.

Среди них владыка Виктор (Вятский), владыка Иларион (Смоленский) и владыка Нектарий (Трезвинский), о. Николай П., о. Митрофан И., профессор А.А.М. (известный русский философ), два студента, два незнакомых монаха... Позднее пришло еще человек пять.

Началось Богослужение. Шепотом. Казалось, что тел у нас не было. Были только одни души. Ничто не развлекало и не мешало сосредоточенности молитвы...

Я не помню — как мы шли «домой», т. е. в свою роту санитарной части. Господь покрыл!..

Светлая Христова Заутреня была назначена в нашей камере.

В 11 часов вечера в субботу был обход лагеря комендантом со свитой. Зашли и к нам, в камеру врачей.

Камера была убрана. На столе — чистая белая скатерть...

— Что, ужинать собираетесь? — доброжелательно спросил комендант.

— Да! — отвечали мы.

— Ну до свидания!.. — ушли...

А через полчаса, под разными предлогами, без всяких письменных разрешений, собрались все, кто собирался прийти. Собрались человек пятнадцать.

Заутреня и обедня пролетели быстро и необычайно духовно-радостно.

Сели разговляться. На столе были куличи, пасха, крашеные яйца, закуски, «вино» (жидкие дрожжи, с клюквенным экстрактом, сахаром и содой).

Около 3 часов разошлись.

А около 4 часов утра внезапный новый, второй обход коменданта. Вошли к нам в камеру.

Мы, врачи, сидели на своих койках, не раздеваясь, и тихо беседовали.

— Что, врачи, не спите? — спросил комендант и тотчас добавил — Ночь-то какая!.. и спать не хочется!.. — и ушел.

Господь покрыл!..

Мы, врачи, сидели на своих койках, не раздеваясь, с благодарными слезами, обнимая друг друга:

— Христос Воскресе! — Воистину Воскресе!

Нежил соловецкий пасхальный рассвет — превращал монастырь-концлагерь в невидимый град Китеж и напоял наши свободные души тихой нездешней радостью!

ВОПРОСЫ

1. Стоило ли так рисковать из-за Богослужения, ведь если бы его обнаружили, участники поплатились бы жизнью?
2. Когда в своей жизни вы испытали наибольшую радость?

В. НИКИФОРОВ-ВОЛГИН. ДОБРО И ЗЛО

Однако неужели и впрямь в начале XX века зло победило добро? Эта тема частично рассматривалась нами в некоторых разделах 4-й главы. В этом разделе мы затронем лишь нравственную сторону вопроса.

Прочувствовать атмосферу того времени, понять поведение рядового крестьянина, рабочего и солдата помогают рассказы В. Никифорова-Волгина. В недавние времена книги этого автора существовали только подпольно, перепечатанные на списанном нелегальном ротапринте. Эти книги были живыми страницами нашей истории, которая официально излагалась совсем иначе, и заставляли задуматься:

— над тем, что способствовало катастрофическому изменению в отношении человека к Богу, к миру и другим людям;

— над тем, что могло склонить молодых крестьянских парней топить в проруби приходского священника, поджигать храм, который строили их отцы и деды;

— над тем, почему «внук Пашка из иконы покрышку сделал в своем нужнике».

Ниже приводятся три небольших рассказа из сборника В. Никифорова-Волгина «Дорожный посох».

Я иду по большой дороге. На мне полупальтишко, солдатские сапоги с подковками, барашковая шапка. За плечами две сумы. В одной — запасные Дары, Евангелие, деревянная чаша, служебник да требник, а в другой — сапожный инструмент. На груди у меня, в особой ладанке, — антиминос*. В руке березовый посох. Я стал священником-странником. Перед отступлением белых меня убеждали за границу бежать, но я отказался...

В селе Горелово за устройство духовной беседы в лесу меня арестовали и посадили под замок. Поздно ночью приходит ко мне в темницу комиссар. Бравый этакий мужчина, саженого роста! Был он пьянее вина. На ногах чуть держится. Еле володающим языком приказал мне:

— Шагом марш, за мною!

Привели меня в большую избу. Вся она полным-полна, и все пьяные. На табуретке сидел гармонист. При виде меня от заиграл плясовую.

Комиссар сгреб меня пятерней за волосы, вытащил на середину избы и приказал:

— Пляши!

Пьяные, что дети али звери...

Я не стал противиться им и пустился в пляс... А когда кончил плясать, то сел на лавку и засмеялся. Вначале ничего смеялся, по-людски, но потом не выдержал и засмеялся с душевным содроганием, с плачем и выкриками... И никак этого смеха не мог удержать...

* Антиминс (греч. — вместо престолоние) — священный плат с изображением погребения Господа Иисуса Христа.

Когда успокоился немножко, то огляделся я вокруг и вижу: все стоит с опущенными головами и молчат... Есть что-то святое в задумчивости русского человека... первым не выдержал молчания комиссар. Он это как охнет да восклицет! Гляжу... бух! падает мне в ноги:

— Прости меня, Божий человек!

Мы подняли его. Усадили за стол. Я рядом с ним сел. Поуспокоились немножко. Поставили самовар. Стали меня потчевать. И вот кто-то из них и говорит мне:

— Расскажи что-нибудь душевное... только не про нашу жизнь и не про нашу землю... Если Божьего слова недостойны, то Расскажи хоть сказку!..

Долго, до петушиных вскриков, беседовал с ними. Слушали меня с опущенными головами и вздохами. На прощанье сказали мне:

— Иди своею дорогой, батюшка! Не поминай нас лихом... Мы это... ну... одним словом... Ладно! — чего уж там говорить!..

В морозно-солнечный день я направлялся навестить один тайный монастырь. На лесной дороге встречаю трех стариков. В тулупах, бородатые, с котомками через плечо, с лесинами в руках, в валенках... Подошли ко мне под благословение и стали рассказывать:

— Мы, батюшка, в Москву идем!.. О Боге хлопотать!

— Как так?

— Да так, чтобы это Бога нам разрешили и всякие гонения на Него воспретили... А то беда!

Говорят спокойно, по-крестьянски кругло, и только в глазах их как бы блуждание и муть.

— Шибко стали Бога поносить! — сказал сгорбленный старик.

— Ведь до чего дошло!?! — перебил его другой, с косыми глазами и впалыми забуревшими щеками. — Миколаха Жердь из нашего посада, анкубатор для выводки цыплят сделал... из дедовских икон! Говорит Миколаха, что оне, иконы-то, подходящая для этого, так как толстые, вершковья, а главное — дерево сухое!..

— А внук мой Пашка из иконы покрышку сделал в своем нужнике... — задыхаясь, прошамкал беззубый тихий старик, весь содрогнувшись.

Спрашиваю их:

— Кому же вы жаловаться будете в Москве?

— Как кому? Ленину! Ильичу то исть!.. — Да он помер...

— Это мы слышали, но только не верим! Нам сказывали, что он грамоту такую объявил, чтобы не трогать больше Бога...

Я чуть не заплакал.

Застывшая в глазах моих боль заставила стариков на время задуматься. Что-то поняли они. Растерянно взглянули друг на друга и на меня посмотрели.

— Ну, а ежели не найдем Ленина, так к самому патриарху пойдем, — заявил косоглазый старик. — Пусть он рассудит и анафемой безбожникам пригрозит... Патриаршая-то анафема дело не шуточное... Забоятся!..

— И святейшего патриарха нет в живых!..

Они не удивились, сняли шапки и перекрестились, сказав шепотом: Царство ему небесное!..

Глаза стариков гуще налились мутью.

— Калинин, староста, жив? Ну, так мы к нему пойдем... Он нас приветит!..

Вначале тихо, а потом все горячее и горячее я стал убеждать их не делать этого, вернуться к себе, терпением препоясаться и ждаль Божьего суда.

— Не можем! — с земляным упорством заявили они и даже рассердились на меня.

— Сто верст пешком прошли! — взвизгнул один из них. — Сам Господь идет с нами рядышком... а ты... вернись!

— На смерть идете! — сказал я в отчаянности.

Только улыбнулись тихо так: «Что нам смерть!», поклонились мне и пошли вперед степенным деревенским шагом. Долго слушал я хрустень морозного снега под их валенками.

Предгрозовой ночью иеромонах Македоний обходил шестисотлетние стены Печерского Успенского монастыря. Вратарь отбивал в старинное било ночные часы. Дрожащим, суровым звуком била откликнулся колокол Печерской звонницы, и за ним густо и важно пробил часы Свято-Никольской церкви.

Над золотыми куполами собора висели тучи с медными отсветами.

По земле извивался сухой ветер, шумели старые монастырские дубы. Иеромонах Македоний дошел до монастырских врат, где, по преданию, был обезглавлен Иоаном Грозным преподобный игумен Корнилий. Македонию вспомнились слова из одной ветхой монашеской летописи: «По умершвлении Корнилия преподобного, падоша Иоане царь на хладные мощи его, и зело плакася горько». Повторял эти слова и вздыхал.

Около врат стоял человек на коленях. Шаги монаха испугали его. Он встал с колен и хотел броситься бежать.

Монах остановил его и успокоил.

— Вы издалека? — спросил он.

Пристально взглядевшись в тихие сострадательные глаза монаха, незнакомый шепотом ответил:

— Я тайком пришел из России!..

— Горе, наверное, большое заставило вас прийти сюда?

— На душе у меня страшный несмываемый грех! — с отчаянием выкрикнул он, закрыв лицо руками. — Бог оставил меня! Перекрести меня! Страшно мне!

Иеромонах перекрестил его и усадил на камень, рядом с собою.

Пробили монастырские часы. Когда угас в воздухе их ночной перезвон, человек робко и растерянно, в бессвязных словах, рассказал страшную повесть о себе.

— Это было в тысяча девятьсот восемнадцатом году. Я служил в Красной Армии. Пьяными мы ворвались в этот монастырь. Перед этим у монастырских стен мы расстреляли двух печерских жителей. Со свистом, руганью и песнями мы взломали церковные двери и в шапках, с папиросами в зубах ворвались в храм искать сокровища. Что мы в храме ни делали, — подумать теперь страшно! Плевались, пели песни, хохотали. Я, как сейчас помню, все хотел в уста Спасителя папироску вставить.

...Никаких сокровищ мы не нашли. Пошли в пещеры, где ваши инокки упокоиваются. Могильные плиты штыками да прикладами вскрывали. — все думали, что монахи свои драгоценности в гробы по-

прятали! Много монашеских гробов раскрыли, осквернили и разрушили. Ничего не нашли.

Стоял в пещере, на месте первоначального алтаря подвижников, образ Богоматери... Мы этот образ на пол опрокинули и сапогами, грязными солдатскими сапожищами... по этому образу!

Взяла меня злоба, что мы ничего здесь не нашли, и в злобе своей я штыком ударил в череп монаха, лежащего во гробе.

Стали мы выходить из пещер. Перед тем как выйти, я почему-то оглянулся назад и увидел, как над чьим-то гробом светилась синенькая лампадка...

Своды, мрак, переходы и этот синий огонь над гробом!

...Взглянул я на эту лампадку и обуял меня такой страх, что я закричал и как безумный выбежал из пещеры. С этих пор, вот уже десять лет, я не нахожу успокоения. Каждую ночь вижу монаха с проколотым черепом, и всюду, куда ни посмотрю, синие лампы перед глазами...

...Чтобы загладить окаянство мое, я стал изнурять свое тело. Вот, посмотрите...

Человек расстегнул рубашку и показал монаху железные вериги.

— Совесть погнала меня из России... сюда... монастырским стенам поклониться и попросить прощения у святых угодников. Услышит ли меня Бог? Простит ли меня, окаянного зверя?

Человек умолк и расплакался.

На прощание он попросил перекрестить его. Иеромонах перекрестил, и рука его коснулась железных вериг.

Долго смотрел ему вслед и думал о таинственных жутких путях русской души, о величайших падениях ее и величайших восстаниях, — России разбойной и России веригоносной.

Грозовые тучи прошли стороной. Далеко-далеко перекатывался гром, и в том направлении, где лежала Россия, вспыхивали молнии.

КРУГ ИЗ СТУЛЬЕВ В КОНЦЕ КЛАССА

Слово этика — греческого происхождения и означает обычай, нрав, характер. Этика не создается путем теоретического интереса к той или иной области действительности, как большинство наук, а обуславливается самим фактом общественной жизни. В этом смысле христианство в истории этики начинает новую эру.

Христианские принципы легли в основу конституций многих государств в мире. Библия стала фундаментом для европейского искусства, многое почерпнули из нее и история, и география, и социология...

— Библия? — удивится, возможно, кто-то из родителей. — Библию изучайте на уроках религии, а не этики!

Действительно, на уроках религии Библии уделяется основное внимание. Участие в практической религиозной жизни позволяет учащимся усвоить понятия нравственности на конфессиональном, то есть связанном с конкретной Церковью, уровне.

На уроках этики нравственность изучается как бы **вширь**, используется база нравоучительных произведений литературы, философии и, конечно, произведений христианских мыслителей. Конфессиональный уровень в программе этики и, следовательно, в нашей книге не предусмотрен.

Здесь, правда, следует обратить внимание на одну существенную деталь. Мы говорим **знать** и не употребляем глагол **верить**. В вопросе веры школьнику предоставляется свобода, но, если он хочет быть культурным человеком, ему просто необходимо знать, что написано в Библии.

Основы нравственности — нетрадиционный предмет. Нам даже показалось, что существительное параграф в наших беседах неуместно, и мы заменили его словом раздел.

Слово раздел в одном из своих значений — часть какого-нибудь текста. В нашем случае — часть главы.

Особое место в книге отводится вопросам. В них сосредоточено как бы резюме основного текста, его главные акценты. Вот почему вопросы выделены.

Очень важно, чтобы после бесед на темы этики оставались не только конспекты и знания — хотя, безусловно, это нужно! — а чтобы в

душу школьника запало зернышко нравственности, которое со временем может прорасти и дать плоды добра, любви и сострадания. Знать можно много, а поступать совсем иначе!

В печати постоянно дискутируют проблемы введения более суровых законов и увеличения репрессивного аппарата — полицейских, тюрем и т. д. Но не пустая ли это трата сил и средств, если не будет остановлен упадок **нравственности** общества?

Нетрадиционный школьный предмет допускает и нетрадиционные формы общения. Быть может, проблемы смысла жизни лучше обсуждать, сидя не за партами, а в кругу из стульев (вместе с учителем!) в конце класса?

Обратите внимание на форму вопросов при обсуждении текстов, которая позволяет высказать свое мнение и двигаться вместе по пути к Абсолютной Истине.

В мире много религий: язычество, иудаизм, ислам, буддизм, индуизм и т. д. О чем же это говорит? О множестве человеческих слабостей и немощей, не позволяющих во всей полноте познать Истину.

Православие — это одновременно проявление духовной жажды человека и наиболее полный ответ на наши лучшие стремления, и огонь, и очищение, и преображение огнем этим нашей слабой и постыдной жизни.

В заключение Нового Завета мы видим суровые, но и радостные слова:

«Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. Се, грядущее скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний. Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни...

Жаждущий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром».

[Откровение 22, 11–14(17)]

1. Альберони Ф. Дружба и любовь. — Вильнюс: Вага, 1983.
2. Андреев И.М. Православно-христианское богословие. — N.Y. Jordaville: 1966.
3. Антоний (Блум), митрополит. Беседы о вере и Церкви. — М.: Интербук, 1991.
4. Антоний (Блум), митрополит. Таинство любви. — СПб.: САТИС, 1994.
5. Батюшка Серафим. — М., 2002.
6. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993.
7. Вениамин (Федченков), митрополит. О вере, неверии и сомнении. — СПб., 1992.
8. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. — М.: Республика, 1994.
9. Гитт В., Ванхайнд К.-Х. Если бы животные могли говорить... — Bielefeld CVL, 1991.
10. Гончаров И.А. Собрание сочинений в 8 т. — Т. 6. — М.: Художественная литература, 1980.
11. Давыдов Ю. Этика любви и метафизика своеволия. — М.: Молодая гвардия, 1989.
12. Давыдова Н.В. Евангелие и древнерусская литература. — М.: МИРОС, 1992.
13. Даниель-Ропс. Общее введение в Священное писание// В кн.: Библия. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1983.
14. Дворкин А. Сектоведение. — Н. Новгород, 2002.
15. Дмитриевич В. В плену герметического круга. — Пермь, 2001.
16. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. — М.: Художественная литература, 1985.
17. Достоевский Ф.М. Мальчик у Христа на елке. — Собрание сочинений в 12 т. — Т. 12. — М.: Правда, 1982.
18. Дудко Дмитрий, священник. О нашем уповании. — Париж, 1974.
19. Дунаев М.М. Православие и русская литература. — М.: Христианская литература, 1996.
20. Дьяченко Г. (составитель). Искра Божия. — М.: 1903.
21. Зеньковский Василий, протоиерей. На пороге зрелости. — М., 1991.
22. Зеньковский Василий, протоиерей. Педагогика. — Париж—Москва, 1996.
23. Иларион (Алфеев), иеромонах. Святоотеческое учение о человеке. — М., 1993.
24. Карсавин Л. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. — М., 1992.
25. Лавров С. Яко с нами Бог. — Свято-Троицкий Ново-Голутвин женский монастырь, 1994.
26. Лагерлеф С. Легенды о Христе. — М.: Феникс, 1991.
27. Ласмане С., Милтс А., Рубенис А. Этика. — Рига: Звайгзне, 1994.
28. Ледбитер Ч. Жизнь после смерти. — Вильнюс, 1991.
29. Лихачев Д.С. Заметки о русском// В кн.: Избранные работы в 3 т. — Т. 2. — Л.: Художественная литература, 1987.
30. Лосский Н.О. Избранное. — М.: Правда, 1991.
31. Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ. Дух, душа, тело. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1988.

32. Лукашевич К. Сеятель. — СПб.: Синодальная типография, 1914.
33. Льюис К.С. Любовь. Страдание. Надежда. — М.: Республика, 1992.
34. Маклин Д.С., Окленд Р., Маклин Л. Очевидность сотворения мира. Происхождение планеты Земля. — М.: Протестант, 1991.
35. Малышевский А. Ф. Мир человека. В двух частях. — М.: Интерпракс, 1995.
36. Миллер Л. Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна. — М.: Столица, 1994.
37. Моррис Г. Сотворение мира: научный подход. — Калифорния, 1990.
38. Начало пути христианина. — Брюссель, 1989.
39. Никифоров-Волгин В. Дорожный посох. — Jordanville, New York: Yolly Trinity monastery, 1957.
40. Ничипоров Борис, протоиерей. Времена и сроки. — М., 2002.
41. Отец Арсений. — М.: Братство Всемилового Спаса, 1993.
42. Петров Р. Беседы о новой иммунологии. — М.: Молодая гвардия, 1976.
43. Повести и рассказы современных зарубежных писателей. — М.: Детская литература, 1983.
44. Разум сердца. — М.: Изд-во политической литературы, 1990.
45. Розовский А. Хочу или надо? — С.-Пб., 2001.
46. Русская духовная поэзия. — М.: Православное братство в честь иконы Божией Матери «Споручница грешных», 1996.
47. Сартр Ж. П. Избранные произведения. — М., 1992.
48. Серафим (Роуз), иеромонах. Душа после смерти. — М., 1991.
49. Свет и жизнь. — Брюссель: Foyer Oriental Chretien, 1990.
50. Сирот И.М. Русские пословицы библейского происхождения. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1985.
51. Склярова Т.В., Янушкявичене О. Л. Возрастная педагогика и психология. — М., 2004.
52. Словарь иностранных слов. — М.: Русский язык, 1982.
53. Смысл жизни. — М.: Прогресс, 1994.
54. Соловьев В. Смысл любви. — М.: Путь, 1995.
55. Софроний (Сахаров), иеромонах. Преподобный Силуан Афонский. — Эссекс, Англия: 1990.
56. Тальберг Н. История христианской Церкви. — New York: 1964.
57. Тарасов Б. Н. «Закон Я» и «Закон любви» (нравственная философия Достоевского). — М.: Знание, 1991.
58. Толковая Библия. Т. 1, 3. — Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987.
59. Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 т. — Т. 10, 12. — М.: Художественная литература, 1982.
60. Толстых А. Возрасты жизни. — М.: Молодая гвардия, 1988.
61. Трубенкой Е. Умозрение в красках. — М., 1916.
62. Трубенкой Е. Смысл жизни. — Берлин: Слово, 1922.

63. Тургенев И.С. Собрание сочинений в 12 т. — Т. 1, 6. — М.: Художественная литература, 1978.
64. Тысяча лет. — Нью-Йорк: издание RBR, 1985.
65. Феофан Затворник, святитель. Созерцание и размышление. — М., 1998.
66. Фромм Э. Душа человека. — М., 1992.
67. Фромм Э. Психоанализ и этика. — М.: Республика, 1993.
68. Храни сердце твое. — М., 1991.
69. Христианство: Энциклопедический словарь в трех томах. — М.: Большая российская энциклопедия, 1993, 1995.
70. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 1, 2, 4. — М.: Наука, 1974, 1975, 1976.
71. Шабиров В.Ш. Два лика зла. — М.: Знание, 1992. — (Этика).
72. Шлинк Б. Рок-музыка: откуда, куда? — Darmstadt-Eberstadt: 1992.
73. Шмеман Александр, протопресвитер. Воскресные беседы. — М., 1990.
74. Этика и психология семейной жизни. Ч. 1, II. — М.: Школа-пресс, 1999.

Автобиографическая справка

Роман Янушкявичюс родился в 1953 г. в Вильнюсе. Окончил Вильнюсский университет, стажировался в Москве, в Математическом институте им. В.А. Стеклова, где написал кандидатскую диссертацию по математике. В 1993 году защитил докторскую диссертацию, опубликованную в качестве монографии. Профессор, долгое время работал заведующим кафедрой Вильнюсского педагогического университета. Автор и составитель первых в постсоветской период православных просветительских книг-календарей, изданных Вильнюсским Свято-Духовым монастырем в формате учебника, причем первый из таких книг-календарей в 1991 году был переиздан в Свято-Троицкой Сергиевой Лавре. Активный участник процесса возврата национализированных зданий Православной Церкви в Литве. Патриарх Алексей II во время визита в Вильнюс 25–27 июля 1997 года лично вручил Р. Янушкявичюсу орден святого Даниила Московского III степени за усердные труды во благо Православия в Литве в деле возрождения духовности. В апреле 2018 года после молебна в память преставления святителя Тихона был награжден юбилейной медалью Патриарха Кирилла.

Ольга Янушкявичене родилась в 1955 г. в Красноярске. Окончила в 1977 г. Московский физико-технический институт, в 2000 г. — Православный Свято-Тихоновский Богословский институт. Доктор педагогических наук, доктор математических наук, работала профессором Вильнюсского педагогического университета, преподавателем христианской этики и Закона Божьего в светской школе с 1 по 11 класс, девятнадцать лет руководила воскресной школой. Автор программы по Закону Божьему для дошкольников и учебника «Дерево доброе», соавтор программы «Основы православной культуры» для 1–9 классов, учебно-методических комплектов для 1–6 классов по курсу «Основы православной культуры», книг «Духовное воспитание: история и современность», «Возрастная педагогика и психология» и др. Автор монографии «История становления и развития теории духовного воспитания», изданной в Германии в 2011 году. Профессор кафедры общей и социальной педагогики Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, организатор летних православных лагерей, преподаватель воскресной школы. Во внимание к усердным трудам во благо Православия награждена Патриархом Алексием II орденом святителя Вениамина Московского III степени, а митрополитом Латвийским Александром — медалью священномученика Иоанна Рижского I степени.

Роман Янушкявичюс, Ольга Янушкявичене

ОСНОВЫ ПРАВСТВЕННОСТИ

Учебное пособие для школьников и студентов

ISBN 978-5-89510-039-4

Редактор *В.А. Мухачев*

Компьютерное обеспечение *Н.М. Молчанов, О.В. Лебедева*

Подписано в печать 01.03.2019. Формат 60х90/16.

Объем 32 печ. л.

Тираж 1000 экз.

Издательство «ПРО-ПРЕСС»

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А, стр. 1, оф. 302

Тел.: (495) 978–4033

e-mail: pro-press@mail.ru; <http://www.pro-press.ru>

Отпечатано в ООО «Типография «Перфектум».

428000, г. Чебоксары, ул. К.Маркса, 52 Тел.: (8352) 32-05-01, 32-05-02

E-mail: mail@perfectumbooks.ru; www.perfectumbooks.ru

Заказ № К-0110.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ПРО-ПРЕСС

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

1-4 классы

прот. Виктор Дорофеев, О.Л. Янушкивичене

*В учебно-методический комплект для каждого класса начальной школы входят:
учебное пособие, рабочая тетрадь для учащихся и методичка для учителя.*

*Комплекту присвоен гриф Издательского Совета Русской Православной Церкви
«Рекомендовано к публикации»*

ОСНОВЫ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

(Курс 1 – 5 классы)

Тел./факс: +7(495) 978-4033, e-mail: pro-press@mail.ru

Сайт издательства «ПРО-ПРЕСС»: www.pro-press.ru

УЧЕБНАЯ, МЕТОДИЧЕСКАЯ, СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА